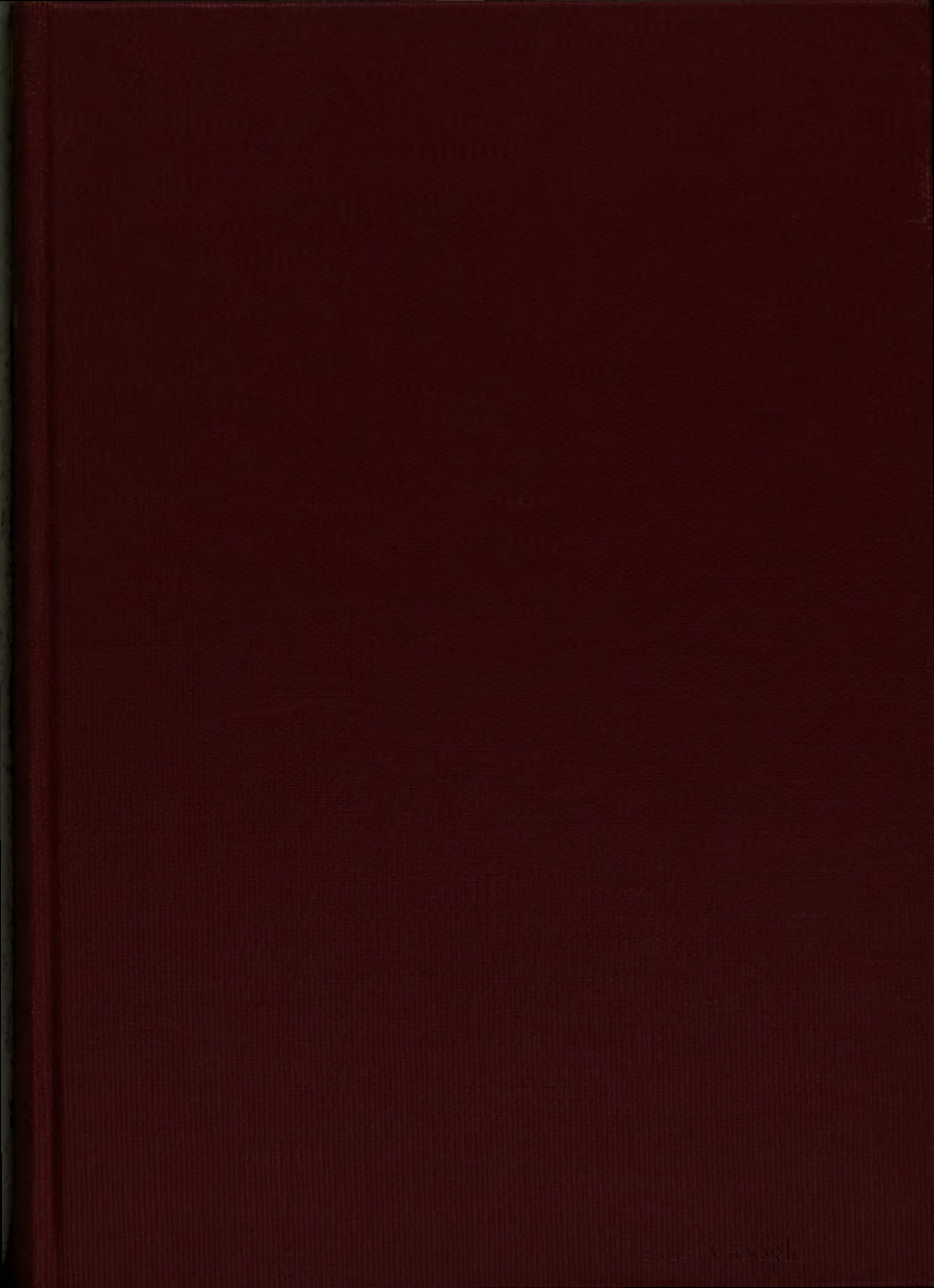

VE
RI
TAS

Вѣстникъ всемірной исторіи

Ежемѣсячный журналъ

№ 7.
1901 г.

Для слѣдующаго нумера намѣчены статьи:

1) **Сорбонна о Россіи.**— *О. П. Пирлинга.*
2) **Воспоминанія нѣмецкаго музыканта о Бакунинѣ.**
3) **Учитель права и правды**—*И. В. Нова.*
4) **Изъ записокъ русскаго богемы**—*Н. Попова.*
5) **Декабристы въ современной имъ литературѣ**—*П. Столпянскаго.*

ПРИМѢЧАНІЕ. Вышеуказанный перечень не имѣетъ исчерпывающаго значенія и статьи могутъ быть замѣнены редакціей. Отложенныя статьи печатаются въ слѣдующихъ нумерахъ.

При этомъ № городскимъ подписчикамъ разсылается объявленіе книгоиздательскаго товарищества „Просвѣщеніе".

ВѢСТНИКЪ
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ІЮНЬ

№ 7.

Второй годъ изданія.

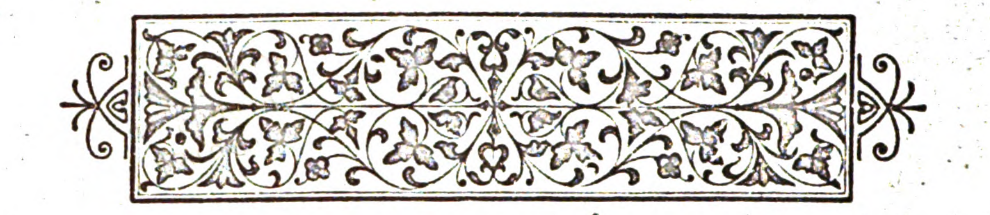
Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1901

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозв. цен. Спб. 19 іюня 1901 г.

НАПОЛЕОНЪ I.

Историко-біографическій очеркъ.

(*Продолженіе*).

XIV. Начальница-рабыня. 1796—1797.

Угрозы отставкой.—„Политика" генерала.—„Конституціонный" періодъ директоріи.—„Либерализмъ".—Соціальный вопросъ: Гракхъ Бабёфъ. —„Роялизація".—18-е фрюктидора: Ожеро.—„Сухая гильотина".—„Человѣкъ Народа" и новый Цинциннатъ.—„Лучшіе законы".

Итальянская кампанія вознесла Бонапарта до того, что въ сужденіяхъ о немъ, какъ о монархахъ, приходится имѣть въ виду и внѣшнія, и внутреннія дѣла. Послѣднія сосредоточивались на его отношеніяхъ къ директоріи. Конечно и здѣсь Наполеонъ шелъ такимъ же путемъ, какъ всѣ Цезари. Но крайне любопытенъ способъ, которымъ онъ распутывалъ этотъ самый мудреный узелъ, согласно съ своей природой и обстоятельствами.

Отношенія полководца итальянской арміи къ своему парижскому начальству были диковинны. Директорія играла роль Мольеровой начальницы-рабыни. Сначала она радовалась удаленію своего опаснаго генерала, потомъ пыталась подчинить его себѣ, опираясь на Совѣтъ Пятисотъ, который твердилъ: „слава нашего войска несомнѣнна, но честь нашего правительства запятнана". Директорія послала въ итальянскую армію генерала Келлермана, какъ помощника Наполеону, и своихъ комиссаровъ, даже приставила къ Бонапарту особаго шпіона; но тотъ показывалъ ему свои донесенія.

Наконецъ, директорія хотѣла погубить его, задерживая подкрѣпленія, но принуждена была сама благодарить его за наполненіе ея казны. Бонапартъ не только клалъ подъ сукно ея военные планы, но велъ свою собственную дипломатію. И тутъ-то онъ во всемъ расходился съ своей начальницей.

Директорія интересовалась только Бельгіей и Рейномъ: оттого она стремилась къ общему замиренію, стояла за естественныя границы базельскаго мира и хотѣла возвратить Ломбардію Габсбургу, а папу совсѣмъ уничтожить. Бонапартъ же, какъ мы видѣли, устроилъ республики, эти зерна будущихъ войнъ, гдѣ и шли дѣятельныя военныя приготовленія; онъ сошелся только съ Австріей, чтобы сохранить за собой войну съ Англіей, а папу пощадилъ.

Разладъ между арміей и правительствомъ обнаружился съ самаго начала итальянскаго похода. Когда директорія подписала миръ съ Пьемонтомъ, Наполеонъ отвѣчалъ ей: „Симъ увѣдомляемъ о полученіи *нами* достославнаго договора; армія одобрила его“. Правительство хотѣло разстрѣлять генерала за такой новый тонъ; только Баррасъ отстоялъ его. Вслѣдъ затѣмъ Бонапартъ объявилъ директоріи, по поводу назначенія Келлермана: „Если вы будете всячески мѣшать мнѣ, если поставите мои шаги въ зависимость отъ вашихъ комиссаровъ, если эти комиссары будутъ имѣть право измѣнять мои движенія, присылать мнѣ войска или отнимать ихъ, тогда ужъ не ожидайте отъ меня ничего добраго“.

А къ Карно онъ написалъ: „Я тогда только могу быть вамъ полезенъ, когда вы удостоите меня того же уваженія, какое оказывали въ Парижѣ... Я не хочу, чтобы мнѣ мѣшали. Кампанія начата мною недурно... Клянусь, что имѣю въ виду лишь благо отечества. Вы всегда найдете меня на прямомъ пути. Считаю долгомъ жертвовать республикѣ всѣми моими личными воззрѣніями“. Въ то же время Бонапартъ послалъ Келлерману, который командовалъ, въ тылу, „альпійской“ арміей 1.200.000 фр.,—и отъ своего имени.

Директорія, конечно, смирилась. „Съ тѣхъ поръ—говорится въ „Запискахъ на св. Еленѣ“—Наполеонъ самъ увѣровалъ въ свое величіе и въ свое призваніе сыграть рѣшительную роль въ политикѣ Франціи“. Онъ уже пересталъ увѣрять начальство въ своей преданности. Его скромныя депеши замѣнились напыщенными и дерзкими посланіями. Потомъ пошли угрозы отставкой и ея послѣдствіями. Генералъ писалъ: „Какъ только

главнокомандующій въ Италіи не служитъ опорной точкой для вашихъ тамъ предпріятій, вы подвергаетесь большому риску. Надѣюсь, эти заявленія не будутъ приписаны моему честолюбію. На меня и безъ того обрушивается слишкомъ много почестей; а между тѣмъ мое здоровье до того разстроено, что слѣдовало бы, кажется, обратиться къ вамъ съ просьбой о назначеніи мнѣ преемника. Я не въ силахъ уже сидѣть на конѣ... Пришлите нѣсколько человѣкъ, чтобы замѣнить меня во многихъ должностяхъ, которыя я исполняю одинъ".

Въ Момбелло „начался мой разладъ съ директоріей", свидѣтельствуетъ самъ Бонапартъ. Тамъ онъ уже открыто вышелъ за предѣлы власти военачальника. Онъ разогналъ комиссаровъ директоріи, заявивъ ей: „Имъ нѣтъ дѣла до моей *политики*". А эту политику онъ уже называлъ „обдумываніемъ условій успѣха" (le calcul des combinaisons et chances), въ противоположность пустой „идеологіи". Поясненіемъ этого термина служило письмо къ директоріи, когда парижскія палаты прямо упрекнули его за насилія въ Италіи. Оно гласило: „Именемъ 80-ти тысячъ солдатъ предсказываю вамъ, что прошло время, когда адвокатишки и негодные пустомели гильотинировали воиновъ. Горе вамъ, если солдаты вынуждены будутъ придти изъ Италіи съ своимъ генераломъ".

Этотъ генералъ уже предписывалъ Габсбургу леобенскія прелиминаріи. Онъ посылалъ директорамъ такія небрежныя записочки: „Посылается вамъ около двухъ милліоновъ золотомъ. Завтра отправляется сотня выѣздныхъ лошадей: онѣ замѣнятъ клячъ вашихъ каретъ. Я собралъ милліоновъ на шесть драгоцѣнныхъ камней и серебряной посуды; прибавлю еще столько же монетой; и все, что ни соберу, препровожу къ вамъ. Кромѣ посланной для флота пеньки, посылаю еще милліоновъ на шесть. Изъ пяти съ половиною милл. фр., полученныхъ съ папы, четыре придержу для морского министра. Ваши комиссары по художественной части работаютъ усердно; они уже отобрали 110 картинъ".

А начальница-рабыня погибала именно въ ту минуту. Ея положеніе, печальное съ самаго начала (гл. XI), все ухудшалось. Время переходное, директорія представляетъ жалкій конецъ революціи, полный противорѣчій и томленія. Наука лишь на-дняхъ уяснила это запутанное явленіе. Исправляя старый взглядъ, она находитъ, что даже тогда небезплодно проявлялись угасающія силы могучаго переворота среди даровитой націи: она съ изумленіемъ нашла цѣлый „конституціон-

ный“, положительный періодъ въ жизни директоріи, длившійся 20 мѣсяцевъ. Тогда-то Бонапартъ ослѣплялъ міръ своими дивными походами въ Италіи и Австріи; а внутри страны совершались важныя реформы. Произошло отдѣленіе церкви отъ государства, при полной религіозной свободѣ. Ассигнаты были замѣнены „земельными мандатами“, обезпеченными національнымъ имуществомъ. Была учреждена академія, подлѣ которой расцвѣтали науки и серьезная литература.

Все это какъ бы безсознательно проростало, по требованію обстоятельствъ, среди ожесточенной борьбы партій, съ которой мудрено было бы справиться и могучему правительству. А директорія почти сплошь представляла собой воплощеніе оппортунизма самаго низкаго разбора: то была жалкая политика интригъ и сдѣлокъ, прозябанья изо дня въ день съ помощью игры въ партіи. Ее терзали раздоры; и худшій изъ директоровъ, бездарный, безсовѣстный эгоистъ, измотавшійся кутила, Баррасъ, бралъ верхъ надъ Карно, этимъ идеаломъ республиканца, который одинъ только могъ служить оправданіемъ новаго правительства. Такая-то исполнительная власть была еще на ножахъ съ законодательной, которая и сама была шатка, такъ какъ, въ силу закона о двухъ третяхъ (гл. IX), не была представительницей націи, а казалась сборищемъ „цареубійцъ“.

Да правительства въ сущности и не было: всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Напрасно директорія старалась внушить довѣріе, опираясь на большинство общества, на буржуазію. Напрасно пыталась она завести либеральный, конституціонный строй, вродѣ учредительнаго или законодательнаго собранія. Нація частью не довѣряла ей, даже гнушалась ею, частью не понимала ея положенія: она оставалась равнодушной къ ея безтолковой суетнѣ, всегда готовая свалить на нее всѣ неудачи и новое горе.

Само общество было шатко въ своихъ взглядахъ и даже склонностяхъ. Чувствовалась всеобщая усталость. Политика и погоня за широкими идеями надоѣдали. Искали кого-то, ждали чего-то: чувствовалось только, что воскресеніе террора ли, стараго ли порядка было бы окончательной гибелью. Тогда зародился „либерализмъ“— слово, которымъ стали обозначать конституціоналистовъ или умѣренныхъ монархистовъ. Его очагомъ былъ салонъ г-жи Сталь. Здѣсь на первомъ планѣ стоялъ задушевный другъ хозяйки, 30-лѣтній Бенжаменъ Констанъ, блестящій ораторъ и публицистъ. Честный швей-

царскій кальвинистъ, такой же поклонникъ идеалистической Германіи, какъ его подруга, онъ былъ восторженно преданъ основамъ Просвѣщенія и до смерти сохранился упорнымъ бойцомъ за политическую свободу, а такжеглубокимъ деистомъ. Констанъ—апостолъ и теоретикъ либерализма на материкѣ. Его правой рукой былъ искусный практикъ, Талейранъ. Онъ недаромъ примкнулъ въ ту пору къ либераламъ: у нихъ заискивалъ тогда Баррасъ, который и сдѣлалъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Баррасъ, по своей природѣ, былъ враждебенъ такимъ чистымъ и серьезнымъ людямъ, какъ г-жа Сталь и Констанъ: онъ вскорѣ ударился въ орлеанизмъ. Но онъ чуялъ, что либерализмъ—та нарождающаяся сила, которая именно выражала чаянія большинства. Однако, эти чаянія были еще смутны: либералы представляли собой самую слабую партію,—одинъ кружокъ г-жи Сталь. Обстоятельства толкали общество въ крайности. Термидорцы естественно пуще всего боялись кроваваго призрака вчерашняго прошлаго: крики противъ „террористовъ, якобинцевъ, анархистовъ, атеистовъ“ выдѣлялись изъ однообразія всеобщаго нытья.

Эта паника поддерживалась всеобщей нищетой, которая дѣлала соціальный вопросъ злобой дня. Если террористы составляли самую слабую и наименѣе популярную партію, зато здѣсь хранились послѣднія искры якобинскаго пыла. Поджигаемые голодомъ пролетаріи сплотились въ отчетливую группу, въ которой выработалось ученіе „коммунизма“ (гл. IX). Благодаря энергіи Бабёфа, они составили заговоръ. Директоріи не трудно было подавить движеніе, не имѣвшее корней въ большинствѣ націи. Но не успѣла она справиться съ намекомъ на красный терроръ, какъ поднялся призракъ бѣлаго.

Тутъ дѣло было посерьезнѣе. Нація, ненавидѣвшая больше всего якобинцевъ, уже представляла собой благопріятную почву для роялистовъ, среди которыхъ было немало ловчаковъ, носившихъ маску умѣренной республики. Этихъ господъ понимали только либералы, которые задумывались тогда надъ мѣрами противъ полной реставраціи стараго порядка. Больная нація и не боялась этой реставраціи: она или не знала этихъ подспудныхъ политикановъ, или презирала ихъ, полагаясь на свое республиканское войско, которое не позволило бы командовать собой генераламъ-измѣнникамъ, приспѣшникамъ опозоренныхъ Бурбоновъ. Роялисты пользова-

лись этимъ. Число ихъ росло съ каждымъ новымъ выборомъ въ парламентъ, несмотря на то, что директорія подала первый примѣръ „оффиціальныхъ кандидатуръ".

Большинство законодателей уже было „роялизовано". Совѣтъ Пятисотъ прямо требовалъ возстановленія „привилегированныхъ" и замиренія съ Европой. Онъ выбралъ въ свои президенты генерала Пишегрю, который продался Бурбонамъ. Повидимому, самъ Моро одобрялъ роль Монка: по крайней мѣрѣ, онъ 4 мѣсяца скрывалъ у себя уличавшія Пишегрю бумаги, отнятыя имъ у плѣннаго австрійца. Да роялисты и открыто сговаривались на своихъ сходкахъ, въ „клубѣ предмѣстья Клиши", рѣшенія которыхъ проходили въ народъ черезъ священниковъ. А цѣлый рядъ ихъ газетъ требовалъ растерзанія „пяти тирановъ въ Люксембургѣ". Въ самой директоріи оказался кандидатъ эмигрантовъ, Бартелеми. А Карно не придавалъ значенія роялизму, не довѣрялъ товарищамъ и ненавидѣлъ Барраса. Къ тому же это былъ честный правитель: „Скорѣе умру, чѣмъ допущу нарушеніе конституціи!" твердилъ онъ.

Въ то же время директорія дошла до банкротства. Казна была пуста. Чиновники разбѣгались, не желая служить за ассигнаты, которые пали до 1/1000 своей цѣны. Даже почта пріостановилась. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Парижъ почти прекратился. Возрождалась мѣновая торговля. По столицѣ тянулись въ ломбардъ вереницы возовъ съ мебелью, картинами, платьями; а у богачей гости приходили на пиры съ собственными хлѣбцами.

Спасеніе директоріи заключалось въ арміи, а въ какой— это было уже очевидно. Благородный Гошъ, готовый на все для спасенія республики, боролся тогда съ австрійцами, за Рейномъ, и голодалъ съ своими солдатами. А Бонапартъ, наполнявшій казну золотомъ, отдыхалъ на лаврахъ послѣ Леобена. И роялисты прямо вызывали его, крича всюду, даже въ Совѣтѣ Пятисотъ, объ его „грабительствѣ" и самоволіи. Наполеонъ прислалъ тогда Баррасу предательскую переписку роялистовъ о Пишегрю, найденную имъ у изловленнаго эмигранта, графа д'Антрэга. Затѣмъ онъ пышно отпраздновалъ въ лагерѣ денекъ 14-го іюля, взятіе Бастиліи. Его манифестъ арміи гласилъ: „Солдаты! Знаю, васъ глубоко тронуло бѣдствіе, грозящее отечеству. Но отечество вовсе не находится въ серьезной опасности. Вѣдь, на-лицо люди, помогшіе ему восторжествовать надъ соединенною Европой! Правда, горы отдѣляютъ насъ отъ Франціи; но вы перемахнете черезъ

нихъ орлами, если бы потребовалось соблюсти конституцію, защитить свободу, охранить правительство и республиканцевъ. Солдаты! Правительство бодрствуетъ надъ ввѣренными ему законами. Какъ только покажутся роялисты, ихъ часъ пробилъ! Будьте спокойны! Поклянемся тѣнями героевъ, павшихъ подлѣ насъ за свободу, поклянемся на нашихъ новыхъ знаменахъ: *непримиримая война врагамъ* республики и конституціи III-го года!" Армія послала директоріи адресъ въ томъ же духѣ.

Но новый цезарь не рѣшался самъ переходить Рубиконъ. Да онъ и нуженъ былъ въ арміи для завершенія побѣдъ знаменитымъ миромъ въ Кампо-Форміо. Онъ былъ увѣренъ, что въ Парижѣ справится его соперникъ, плохой генералъ, но улыбавшійся ядрамъ рубака, *Ожеро* (Agerau). Ловкій гимнастъ, дуэлистъ, кутила, этотъ великанъ ростомъ прошелъ огнь и воду и нигдѣ не задумывался: дезертиръ монархіи, онъ служилъ приказчикомъ у женевскихъ купцовъ, дрался въ рядахъ русскихъ, нѣмцевъ, испанцевъ и итальянцевъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ португальскихъ инквизиторовъ изъ-за любовнаго похожденія, давалъ уроки танцевъ и фехтованья въ Неаполѣ, откуда попалъ добровольцемъ въ армію Бонапарта; при имперіи онъ сталъ маршаломъ Франціи и герцогомъ Кастильоне; при реставраціи— пэромъ. Строгій съ солдатами, отважный въ бою, онъ изображалъ собой яраго якобинца, когда Бонапартъ прислалъ его съ адресами арміи и съ заявленіемъ, что выйдетъ въ отставку, если не покончатъ съ заговорщиками. Баррасъ, самъ вояка, обрадовался быстрой расправѣ,—и *18-го фрюктидора* V года (4 сентября 1797 г.) Ожеро, безъ выстрѣла, занялъ войсками Тюльери, а затѣмъ и улицы. Парижъ украсился воззваніемъ: „Смерть всякому, кто вздумаетъ призывать старую монархію, или Орлеановъ, или конституцію 1793 года". Вслѣдъ затѣмъ Ожеро былъ удаленъ въ рейнскую армію главнокомандующимъ.

Тотчасъ же за Альпами явился приказъ по войскамъ: „Солдаты! Для васъ готовились цѣпи. Вы узнали это, вы заговорили. Народъ спохватился; онъ забралъ измѣнниковъ; они уже закованы въ цѣпи". Тогда же Бонапартъ писалъ Талейрану: „Возьмемся за истинную политику—и мы надолго станемъ великою націей и рѣшителями судебъ Европы. Скажу больше: въ нашихъ рукахъ чашки вѣсовъ нашей части свѣта; мы будемъ подымать или опускать ихъ по желанію. Если угодно судьбѣ, я не вижу даже ничего невозможнаго въ томъ, что въ не-

лись этимъ. Число ихъ росло съ каждымъ новымъ выборомъ въ парламентъ, несмотря на то, что директорія подала первый примѣръ „оффиціальныхъ кандидатуръ“.

Большинство законодателей уже было „роялизовано“. Совѣтъ Пятисотъ прямо требовалъ возстановленія „привилегированныхъ“ и замиренія съ Европой. Онъ выбралъ въ свои президенты генерала Пишегрю, который продался Бурбонамъ. Повидимому, самъ Моро одобрялъ роль Монка: по крайней мѣрѣ, онъ 4 мѣсяца скрывалъ у себя уличавшія Пишегрю бумаги, отнятыя имъ у плѣннаго австрійца. Да роялисты и открыто сговаривались на своихъ сходкахъ, въ „клубѣ предмѣстья Клиши“, рѣшенія которыхъ проходили въ народъ черезъ священниковъ. А цѣлый рядъ ихъ газетъ требовалъ растерзанія „пяти тирановъ въ Люксембургѣ“. Въ самой директоріи оказался кандидатъ эмигрантовъ, Бартелеми. А Карно не придавалъ значенія роялизму, не довѣрялъ товарищамъ и ненавидѣлъ Барраса. Къ тому же это былъ честный правитель: „Скорѣе умру, чѣмъ допущу нарушеніе конституціи!“ твердилъ онъ.

Въ то же время директорія дошла до банкротства. Казна была пуста. Чиновники разбѣгались, не желая служить за ассигнаты, которые пали до $^1/_{1000}$ своей цѣны. Даже почта пріостановилась. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Парижъ почти прекратился. Возрождалась мѣновая торговля. По столицѣ тянулись въ ломбардъ вереницы возовъ съ мебелью, картинами, платьями; а у богачей гости приходили на пиры съ собственными хлѣбцами.

Спасеніе директоріи заключалось въ арміи, а въ какой— это было уже очевидно. Благородный Гошъ, готовый на все для спасенія республики, боролся тогда съ австрійцами, за Рейномъ, и голодалъ съ своими солдатами. А Бонапартъ, наполнявшій казну золотомъ, отдыхалъ на лаврахъ послѣ Леобена. И роялисты прямо вызывали его, крича всюду, даже въ Совѣтѣ Пятисотъ, объ его „грабительствѣ“ и самоволіи. Наполеонъ прислалъ тогда Баррасу предательскую переписку роялистовъ о Пишегрю, найденную имъ у изловленнаго эмигранта, графа д'Антрэга. Затѣмъ онъ пышно отпраздновалъ въ лагерѣ денекъ 14-го іюля, взятіе Бастиліи. Его манифестъ арміи гласилъ: „Солдаты! Знаю, васъ глубоко тронуло бѣдствіе, грозящее отечеству. Но отечество вовсе не находится въ серьезной опасности. Вѣдь, на-лицо люди, помогшіе ему восторжествовать надъ соединенною Европой! Правда, горы отдѣляютъ насъ отъ Франціи; но вы перемахнете черезъ

нихъ орлами, если бы потребовалось соблюсти конституцію, защитить свободу, охранить правительство и республиканцевъ. Солдаты! Правительство бодрствуетъ надъ ввѣренными ему законами. Какъ только покажутся роялисты, ихъ часъ пробилъ! Будьте спокойны! Поклянемся тѣнями героевъ, павшихъ подлѣ насъ за свободу, поклянемся на нашихъ новыхъ знаменахъ: *непримиримая война врагамъ* республики и конституціи III-го года!" Армія послала директоріи адресъ въ томъ же духѣ.

Но новый цезарь не рѣшался самъ переходить Рубиконъ. Да онъ и нуженъ былъ въ арміи для завершенія побѣдъ знаменитымъ миромъ въ Кампо-Форміо. Онъ былъ увѣренъ, что въ Парижѣ справится его соперникъ, плохой генералъ, но улыбавшійся ядрамъ рубака, *Ожеро* (Agerau). Ловкій гимнастъ, дуэлистъ, кутила, этотъ великанъ ростомъ прошелъ огнь и воду и нигдѣ не задумывался: дезертиръ монархіи, онъ служилъ приказчикомъ у женевскихъ купцовъ, дрался въ рядахъ русскихъ, нѣмцевъ, испанцевъ и итальянцевъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ португальскихъ инквизиторовъ изъ-за любовнаго похожденія, давалъ уроки танцевъ и фехтованья въ Неаполѣ, откуда попалъ добровольцемъ въ армію Бонапарта; при имперіи онъ сталъ маршаломъ Франціи и герцогомъ Кастильоне; при реставраціи— перомъ. Строгій съ солдатами, отважный въ бою, онъ изображалъ собой яраго якобинца, когда Бонапартъ прислалъ его съ адресами арміи и съ заявленіемъ, что выйдетъ въ отставку, если не покончатъ съ заговорщиками. Баррасъ, самъ вояка, обрадовался быстрой расправѣ,—и *18-го фрюктидора* V года (4 сентября 1797 г.) Ожеро, безъ выстрѣла, занялъ войсками Тюльери, а затѣмъ и улицы. Парижъ украсился воззваніемъ: „Смерть всякому, кто вздумаетъ призывать старую монархію, или Орлеановъ, или конституцію 1793 года". Вслѣдъ затѣмъ Ожеро былъ удаленъ въ рейнскую армію главнокомандующимъ.

Тотчасъ же за Альпами явился приказъ по войскамъ: „Солдаты! Для васъ готовились цѣпи. Вы узнали это, вы заговорили. Народъ спохватился; онъ забралъ измѣнниковъ; они уже закованы въ цѣпи". Тогда же Бонапартъ писалъ Талейрану: „Возьмемся за истинную политику—и мы надолго станемъ великою націей и рѣшителями судебъ Европы. Скажу больше: въ нашихъ рукахъ чашки вѣсовъ нашей части свѣта; мы будемъ подымать или опускать ихъ по желанію. Если угодно судьбѣ, я не вижу даже ничего невозможнаго въ томъ, что въ не-

много лѣтъ достигнемъ событій, которыя теперь лишь пылкая фантазія видитъ неясно; но крайне холодный, упорный и разсчетливый человѣкъ можетъ достигнуть ихъ". Потомъ Наполеонъ говоритъ: „Меня упрекали въ потворствѣ государственному удару 18-го фрюктидора. Это все равно, что сказать, будто я потворствовалъ революціи. Слѣдовало лишь воспользоваться революціей, извлечь выгоду изъ пролитой ею крови".

Бонапартъ сознавалъ, что историческій смыслъ 18-го фрюктидора былъ прямымъ развитіемъ дѣла 13-го вандемьера. Онъ спокойно выжидалъ, подготовляя миръ въ Кампо-Форміо и наблюдая за саморазрушеніемъ начальницы-рабыни. Съ 18-го фрюктидора директорія вступила на путь мести и насилій. Въ Парижъ возвратилось господство конвента, только въ менѣе кровавой формѣ: стала свирѣпствовать „сухая гильотина" или ссылка. „Измѣнниковъ республики" сослали въ убійственныя болота Кайенны: тутъ было до 200 лицъ, по преимуществу журналистовъ и членовъ обоихъ совѣтовъ, въ томъ числѣ Пишегрю, Бартелеми и Карно, которымъ, однако, удалось бѣжать. Исчезла свобода печати, сходокъ и сообществъ; была нарушена независимость судовъ; многіе департаменты лишились выборныхъ правъ. „Цареубійцы" и республиканцы заняли правительственныя мѣста. Власть сосредоточилась въ рукахъ Барраса, которому помогали двое самыхъ коварныхъ и продажныхъ интригановъ— Талейранъ и Сіейсъ.

Среди этихъ-то пигмеевъ появилась личность, которую уже называли „человѣкомъ народа" (L'homme du peuple). И 1798 годъ начался всеобщею тревогой, какъ во Франціи, такъ и за ея предѣлами. Чувствовалось, что готовятся міровыя потрясенія, но не было ясно именно что и гдѣ. Не выяснилось еще самое поведеніе Наполеона. По внѣшнему положенію, это уже былъ властитель. Старая Франція не встрѣчала такъ своихъ любимыхъ королей. Общество, забывшее „генерала Вандемьера", осыпало героя оваціями, букетами, медалями, пѣснями, газетною лестью. У витринъ, на улицахъ, происходила давка у снимковъ съ его момбельскихъ портретовъ. Національный Институтъ избралъ его своимъ пожизненнымъ членомъ вмѣсто Карно. Всѣ партіи бросились къ нему. Роялисты работали черезъ Жозефину, которая кокетливо не отказывала, но и не давала прямого отвѣта. Либералы надѣялись залучить его къ себѣ черезъ вкрадчиваго Талейрана, съ которымъ онъ велъ довольно откровенную переписку изъ Италіи. Республи-

канцы считали его своимъ, „сыномъ революціи", восхищаясь его итальянскими воззваніями, его республиками-сестрами и 18-мъ фрюктидора. Правительство даже по виду обратилось въ начальницу-рабыню. Оно подобострастно устроило ему пышный пріемъ, напоминавшій сценическую апоѳеозу. Въ честь его устраивались народные спектакли и роскошныя празднества въ Луврѣ и Люксембургѣ, убранномъ перлами его итальянской добычи.

Особенно знаменательна была сцена врученія Бонапартомъ директоріи кампо-формійскаго договора. Тутъ, среди самой блестящей и властной публики, Талейранъ прославлялъ античную простоту новаго Цинцинната и его пристрастіе къ наукамъ, а Баррасъ запечатлѣлъ братскій поцѣлуй на челѣ юнаго героя, что̀ повторили и остальные директора. Бонапартъ же впервые провѣщалъ вѣское политическое слово: „Чтобы стать свободнымъ, французскій народъ долженъ былъ бороться съ королями. Чтобы добыть разумную конституцію, ему пришлось сломить 18 вѣковъ предразсудковъ. Конституція III года и вы сами преодолѣли всѣ эти препятствія. Двадцать вѣковъ подрядъ Европой владѣли религія, феодализмъ и корона; но съ мира, который вы только что заключили, начинается эра представительныхъ правленій". Затѣмъ, поздравивъ слушателей съ „естественными границами" и съ возстаніемъ генія свободы изъ гробницъ предковъ во Франціи и Италіи, Наполеонъ придалъ своему лицу весьма внушительное выраженіе и заключилъ такъ: „когда счастье французскаго народа *будетъ* покоиться на *лучшихъ* органическихъ законахъ, тогда и вся Европа станетъ свободною".

Но побѣдитель смущалъ всѣхъ своимъ загадочнымъ поведеніемъ. Передъ парижанами явился блѣдный, испитой, угрюмый „гражданинъ". Шпіонъ писалъ изъ Италіи: „Здоровье его очень плохо отъ испорченности крови; кожа у него покрыта лишаями. Отсюда вѣчное раздраженіе, которое усиливаетъ его природную стремительность: онъ спитъ насильно и принимаетъ лекарство только тогда, когда страданія становятся уже положительно невыносимыми". А прусскій посланникъ доносилъ изъ Парижа: „У генерала грудь очень разстроена. Вкусъ къ наукамъ и философіи, потребность въ покоѣ, желаніе заставить замолчать завистниковъ — все влечетъ его къ миру и дружелюбію". Великанъ Ожеро, хвастаясь своей фрюктидорской работой, твердилъ, что генералъ слишкомъ „благовоспитанъ" для такихъ расправъ.

Бонапартъ носилъ мундирчикъ академика, первый

дѣлалъ визиты, задумчиво гулялъ въ садикѣ своей скромной квартиры, чуждался почестей, толпы, особенно военныхъ, все бесѣдовалъ съ учеными, у которыхъ забывалъ на каминѣ по 25 луидоровъ. Въ театрѣ его ложа была забрана рѣшеткой. Наполеонъ рѣдко появлялся въ обществѣ и тогда не отставалъ отъ своей Жозефины. „Онъ, кажется, черезчуръ занятъ ею, замѣчали очевидцы. Говорятъ, онъ влюбленъ въ нее по-уши и страшно ревнивъ". Дѣйствительно, возвратившись въ Парижъ, мужъ опять болѣзненно-страстно призывалъ свою голубку. Она все писала, что спѣшитъ изъ „скучной Италіи", томимая жаждой увидаться съ супругомъ и дочкой. Но цѣлыхъ 2½ мѣсяца ей мѣшали „скверныя дороги" да „гадкая погода". А когда она двинулась въ путь, ее задерживали балы мѣстнаго населенія да толпы поклонниковъ. Она возвратилась объ Рождествѣ, въ разгаръ зимняго сезона. Съ тѣхъ поръ полководецъ, прославлявшій передъ г-жей Сталь домашній очагъ и уединеніе, все сидѣлъ съ женой, которая успѣла устроить гнѣздышко въ 200.000 фр.; или же онъ ерзалъ въ кабинетѣ по полу, покрытому картами, съ циркулемъ и карандашемъ въ рукахъ. Видя, какъ парижане сбѣгаются взглянуть на него, онъ восклицалъ: „Все это пустяки! Толпа глазѣла бы на меня такъ же охотно, если бы меня вели на эшафотъ". Пуще всего боялся онъ, чтобы его не записали въ вожаки какой-нибудь партіи. Ему нужно было кое-что побольше.

Явный намекъ на это былъ данъ загадочными словами о „лучшихъ" учрежденіяхъ. Они поясняются для насъ письмомъ Бонапарта къ Талейрану передъ выѣздомъ изъ Италіи, которое онъ самъ назвалъ своимъ „полнымъ политическимъ кодексомъ", а мы можемъ наименовать зародышемъ учрежденія имперіи. Оно гласило: „Устройство французскаго народа лишь въ зародышѣ. Несмотря на наше высокое мнѣніе о себѣ самихъ, на наши 1001 памфлетъ, на наши безконечныя, болтливыя рѣчи, мы еще большіе невѣжды въ политической наукѣ. Мы еще не установили, что должно понимать подъ властями исполнительной, законодательной и судебной. Монтескье далъ ихъ невѣрное опредѣленіе". Тутъ авторъ критикуетъ англійскій парламентъ за его излишнюю власть. Во всякомъ случаѣ, онъ увѣренъ, что „въ государствѣ, гдѣ всякая власть выходитъ отъ народа, *правительственная власть* должна во всемъ своемъ объемѣ считаться истинной представительницей націи". Здѣсь же отдѣлывается законодательная власть, какъ какая-то болтушка, которая „наводняетъ насъ тысячью случайныхъ распо-

ряженій, подрывающихъ другъ друга собственною безсмыслицей, и дѣлаетъ изъ насъ націю безъ законовъ, при трехстахъ фоліантахъ законовъ". Какъ должна быть устроена эта могучая правительственная власть, письмо не говоритъ. Ясно только, что не нравилась его 29-лѣтнему автору тогдашняя конституція, которая допускала въ директора лишь людей не ниже 40-лѣтняго возраста.

По его собственному признанію, Бонапартъ думалъ тогда: „Груша еще не созрѣла: нужно, чтобы директорія испытала неудачи безъ меня и чтобы мое возвращеніе возвратило побѣду нашимъ знаменамъ. Парижъ безпамятенъ: въ этомъ Вавилонѣ знаменитости быстро смѣняются одна другою. Если мнѣ надолго остаться здѣсь безъ дѣла, я погибъ. Три раза увидятъ меня въ театрѣ— и перестанутъ обращать вниманіе. Оттого-то я рѣдко хожу туда... Нужно держать славу горяченькою". Вновь исчезнуть, но подальше, да для дивныхъ чудесъ—значило также пріучить армію видѣть въ себѣ и своего бога, и свое отечество: такъ было съ Цезаремъ въ далекой отъ Рима дикой Галліи.

„А если — писалъ Наполеонъ Жозефу — республика будетъ воевать счастливо, и подымется другой полководецъ, вродѣ меня, я окажу еще больше услугъ, чѣмъ онъ".

За Парижъ Бонапартъ не опасался. Въ его рукахъ былъ Баррасъ, который воображалъ теперь, съ его помощью, возстановить монархію. Ожеро былъ спроваженъ въ пограничную армію. Сіейса Наполеонъ легко склонилъ къ себѣ, играя его алчностью и тщеславіемъ. А ловкій Талейранъ, понимавшій шаткость директоріи, самъ перегибался на его сторону. Онъ говорилъ про Бонапарта: „Съ перваго же взгляда онъ произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Лавры 20-ти побѣдъ какъ нельзя болѣе шли къ его молодости, къ его красивымъ глазамъ, блѣдному лицу и своеобразному выраженію усталости".

XV. „Заклятой врагъ" и „Свобода морей".

Націонализмъ Англіи.—Боркъ и Фоксъ.—„Высадка" и Ирландія.—Питтъ Младшій и банкротство британца.—„Миссія" французовъ на Востокѣ.—Египетъ и Мальта.

Европа, съ своей стороны, представляла всѣ тѣ условія, которыя требовались Бонапарту. Тамъ тоже царствовала тревога, угрожавшая гибелью директоріи. Всѣ ненавидѣли ее за наглыя насилія. Она грабила уже не

одну Италію, но и южную Германію, Швейцарію и Батавскую республику. Въ 1798 г. была создана Гельветская республика и было уничтожено папство; къ Лигурійской республикѣ присоединили Пьемонтъ; Германія погибала въ Раштатѣ; Ожеро стоялъ съ цѣлой арміей у Пиринеевъ, чтобы сбросить испанскихъ Бурбоновъ. Король Пьемонта, Викторъ-Эммануилъ IV, сталъ на о. Сардиніи душой новой каолиціи. Францъ II негодовалъ на революціонную пропаганду въ Венгріи и Польшѣ; и вѣнская чернь чуть не разнесла домъ французскаго посланника, якобинца Бернадота. Россія и Порта склонялись къ Австріи, такъ какъ Бернадотъ предлагалъ раздѣлъ Турціи и возстановленіе Польши.

Какъ всегда, электричествомъ тучи, надвигавшейся отовсюду на Францію, была Англія. Какъ только вспыхнула революція, она поставила себѣ цѣлью воспользоваться ею, чтобы погубить свою вѣковѣчную соперницу. То было глубоко національное движеніе. По словамъ Шеридана, „всѣ англичане, даже либералы, желали реформъ на свой ладъ— путемъ конституціоннымъ: ихъ возмущали призывы къ мятежу со стороны; если нѣкогда Англія подала примѣръ революціи, то она послѣдуетъ теперь ему по-своему и собственными средствами“. Оттого съ самаго начала въ Англіи было мало такихъ горячихъ приверженцевъ революціи, какъ Фоксъ, который прежде враждовалъ съ Франціей, ненавидя Бурбоновъ, а теперь объявилъ взятіе Бастиліи „самымъ великимъ и счастливымъ событіемъ въ исторіи человѣчества“. Лишь тамъ и сямъ возникали небольшія „Общества Корреспонденцій“, которыя сносились съ якобинцами, водружали древо свободы, производили мелкія волненія.

А въ то же время возставалъ такой могучій врагъ „архитекторовъ развалинъ“, какъ Боркъ: его „Разсужденія о французской революціи“ распространились, въ оригиналѣ и въ переводахъ, въ 30.000 экземпляровъ. И напрасно Фоксъ горячо опровергалъ его, задѣвъ за живое словами: „Эти столь опасные для конституціи принципы были, однако, принципами моего благороднаго друга, отъ которыхъ я воспринялъ ихъ въ американскую войну. Онъ говорилъ, что никогда не станетъ обвинять цѣлый народъ. Мой благородный другъ училъ меня, что всякій народный мятежъ вызывается: и я съ радостью вижу, что Франція утвердила свою конституцію на тѣхъ самыхъ правахъ человѣка, которыя служатъ основой британской конституціи“.

Впрочемъ, Питтъ сначала держался нейтралитета, не

опасаясь за Англію и увлекаясь поправкой финансовъ: въ началѣ 1792 г. онъ возвѣстилъ, что миръ обезпеченъ на 15 лѣтъ! Но вслѣдъ затѣмъ всѣхъ возмутила сентябрьская бойня, и Питтъ началъ преслѣдовать революціонныя общества и брошюры, испугавшись завоеваній и пропаганды французовъ, которые могли „низвергнуть законы и конституцію Англіи“. Казнь Людовика XVI довела англичанъ до того, что французы не смѣли показываться на улицахъ. Они особенно возмущались, что ихъ собственный публицистъ Пэнъ, ставшій членомъ конвента, поставилъ „Гвельфа“ (Георга III) рядомъ съ „Капетомъ“, какъ главу „заговора коронованныхъ разбойниковъ Европы“. Въ парламентѣ заговорили, что „республиканская Франція—еще болѣе *естественный врагъ* Англіи, чѣмъ королевская“: и Питтъ, который, передъ революціей, заключилъ торговый договоръ съ Франціей, сталъ „ея заклятымъ врагомъ“. Съ 1792 г. началась знаменитая 23-лѣтняя борьба двухъ великановъ. Упорная, надменная, ревнивая, старая Англія, съ ея лордами, епископами и банкирами, съ ея искусными и суровыми политиками, съ ея оригинальными и независимыми мыслителями, стала злымъ геніемъ новой Франціи, душой всѣхъ коалицій противъ нея. Она проявила въ своей ненависти такую энергію, что больше всего материка стала кошмаромъ Парижа, палачомъ республики и Наполеона, хотя сама чуть не погибла въ этой чудовищной борьбѣ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ упорнѣе и яростнѣе становился британецъ, готовый даже пожертвовать временно благами своихъ древнихъ вольностей для истребленія своей соперницы, одушевленной фанатизмомъ свободы. Его благородный ораторъ, стражъ человѣчности, его сдержанный, разсудительный министръ-миролюбецъ поддались ослѣпленію жестокой страсти. Напрасно Фоксъ, со слезами на глазахъ, высказалъ Борку надежду на сохраненіе хоть личной дружбы. „Умерла и она“, грубо отвѣтилъ его учитель передъ лицомъ парламента. И передъ смертью этотъ столпъ конституціонной справедливости зло предостерегалъ свое отечество отъ „цареубійственнаго мира“, какъ отъ „погибели“. Питтъ дошелъ до дуэли съ однимъ вигомъ. Его юный ученикъ, депутатъ Каннингъ, сталъ, съ своимъ „Анти-якобинцемъ“, во главѣ самыхъ ѣдкихъ памфлетистовъ, преслѣдовавшихъ друзей Фокса; каррикатуры изображали этого послѣдняго на французскомъ суднѣ, указывающимъ на св. Павла въ Лондонѣ. Фоксъ покинулъ палату

общинъ: онъ уже ходилъ только въ свой „вигскій клубъ“, который получалъ славу якобинскаго.

И британецъ гордился своими блестящими успѣхами. Его маленькій островъ поднималъ и содержалъ колоссальную, тяжелую на подъемъ коалицію материка. Онъ молодецки истребилъ флоты Франціи и ея союзниковъ, Испаніи и Голландіи, и отнималъ у нихъ колоніи. Онъ снабжалъ вандейцевъ и шуановъ оружіемъ и деньгами, наводнялъ Францію эмигрантами, даже, лѣтомъ 1795 г., сдѣлалъ попытку вторженія въ нее въ Кибéронѣ. Особенно усердно работали англичане на погибель Франціи съ 1795 г., когда они были разъярены базельскимъ миромъ и чудесами итальянской кампаніи (гл. VIII и XI).

Но вскорѣ Англія почувствовала всѣ ужасы такого бича, какъ война съ великою республикой. Нелегки были даже побѣды на морѣ, особенно въ борьбѣ съ голландцами, которые оказались достойными потомками Тромпа и Рюйтера: тутъ случались пораженія; однажды герой Нельсонъ потерялъ руку. А на сухомъ пути всѣ милліоны Англіи разсыпались прахомъ; они словно служили лишь къ прославленію и усиленію соперницы. Британцу приходилось дрожать за свой собственный домъ. Казалось, недаромъ французы втеченіе XVIII вѣка сочиняли планы „высадки“. Они появились, наконецъ, въ Ирландіи, растравляя до жестокой боли эту вѣковую рану Англіи. Попытки Питта умиротворить несчастный островъ не достигли цѣли; онѣ только разожгли въ немъ чувство независимости. Подъ вліяніемъ французской революціи, туземцы всѣхъ оттѣнковъ и вѣръ составили сильное тайное общество „Соединенныхъ Ирландцевъ“, съ зеленымъ знаменемъ, съ собственною „директоріей“, съ десятками тысячъ солдатъ, съ пушками, съ такими героями-вождями, какъ О'Конноръ и Фиджеральдъ. Католики входили еще въ особыя общества „Защитниковъ“ новыхъ правъ. Заговорщики вступали въ тѣсныя сношенія съ Парижемъ—и Карно замышлялъ устроить „шуанерію“ подъ бокомъ у англичанъ.

Уже въ 1796 году директорія задумывалась не только о высадкѣ въ Англію, но и объ Индіи, куда она посылала своихъ агентовъ такъ же, какъ и въ Тегеранъ и Константинополь. Въ 1797 году была подготовлена высадка въ Ирландію, подъ начальствомъ Гоша: только забурлившее море остановило ее. Въ 1798 г. были сдѣланы еще двѣ попытки—и въ Ирландіи цѣлый годъ свирѣпствовала единодушная революція. „Священники ведутъ массы въ битву, говоритъ юный секретарь Ир-

ландіи, Кесльри: это—якобинскій бунтъ, орудующій клерикалами; пылкое ханжество папистовъ служитъ республиканскимъ вождямъ лучше, чѣмъ холодное недовольство разсчетливыхъ пресвитеріанъ". Мятежники давали цѣлыя битвы, пока ихъ не сломило численное превосходство врага да неудачи „высадки".

Жестоко было мщеніе англичанъ. Самъ лордъ-намѣстникъ писалъ въ Лондонъ, что они „хуже Робеспьера", что отъ нихъ только и слышишь: „вѣшать, жечь, разстрѣливать!" Съ ирландцевъ сдирали шкуру сѣченіемъ; у нихъ вырывали волосы и кожу съ головы; ихъ медленно вѣшали по нѣскольку разъ. Ихъ вожди были частью казнены, частью заточены навѣки. Питтъ понялъ, что пора сдѣлать еще шагъ въ ирландской реформѣ: въ 1800 году была провозглашена „унія", т. е. замѣна дублинскаго парламента ирландскими депутатами въ Вестминстерѣ. Но эта мѣра лишь облегчала Ирландію матеріально, уничтожая таможни. Политически же то не было дѣйствительно объединеніе, какъ англошотландская унія. Кельто-католическій островъ оставался рабомъ протестантско-англійской Британіи: тогда юный О'Коннель далъ ганнибаловскую клятву, изъ которой выросла новая, полувѣковая борьба.

Особенно тяжело было Питту видѣть, какъ война губила все зданіе благосостоянія Англіи, которое онъ вывелъ съ такимъ трудомъ. Торговля пала; купцы банкротились; банки лопались; бумажныя цѣнности понизились на 50%; государственные долги возросли до 510 милліоновъ фунтовъ—почти наполовину при Питтѣ. Имѣя лишь ничтожное войско съ негодными офицерами изъ аристократовъ-кутилъ, Англія выплачивала громадныя субсидіи жаднымъ членамъ коалиціи на материкѣ. На это уходило золото—и Англія вдругъ стала жалкой страной бумажекъ, объявивъ принудительный курсъ для билетовъ своего банка. Бумажки господствовали до конца войны, увлекая даже Питта въ гибельную расточительность и развивая ажіотажъ въ обществѣ. Рядомъ слѣдовали, одинъ за другимъ, сначала иностранные займы, потомъ тяжкіе налоги. Подъ конецъ Питтъ взялся даже за подоходный и прогрессивный налогъ, столь ненавистный богачамъ, хотя онъ старался выгородить крупныхъ землевладѣльцевъ.

Богачи и знать вообще сваливали бремя войны на пролетарія, какъ и вездѣ, причемъ обогащались поставщики и банкиры. Народъ доходилъ до голодовки. Уже въ 1795 году толпа выбила стекла въ каретѣ Георга III,

крича: „Долой Питта, войну и голодъ!“ И Питтъ говорилъ: „Выйди я сегодня въ отставку—и черезъ шесть недѣль прощай моя голова!“ Вспыхивали уже бунты среди моряковъ, которыхъ держали впроголодь, почти безъ жалованья, сажали въ какія-то клѣтки на цѣлые годы, драли „кошками съ девятью хвостами“. Разъ они появились въ устьяхъ Темзы, на кораблѣ съ краснымъ знаменемъ „пловучей республики“. Глухое недовольство овладѣвало массами. Фоксъ говорилъ правду: „Мнѣнія становятся опасными государству лишь тогда, когда преслѣдованія принуждаютъ жителей обмѣниваться мыслями подъ покровомъ тайны“. По мѣрѣ того, какъ замолкала законная оппозиція, росла затаенная ненависть. Общества Корреспонденцій подготовляли всеобщій союзъ „Соединенныхъ ирландцевъ, англичанъ и шотландцевъ“, чтобы подать руку нашествію французовъ. Питтъ съ каждымъ годомъ вдавался въ материковый деспотизмъ. Былъ отмѣненъ Habeas Corpus; были запрещены сообщества, сходки, читальни; преслѣдовали писателей и издателей, типографіи и журналы.

Для британца новый вѣкъ начинался полнымъ арсеналомъ торійской реакціи, финансовымъ крахомъ и голодовкой въ Англіи, звѣрствами въ Ирландіи, милліардами фальшивыхъ ассигнатовъ и массой шпіоновъ-подстрекателей во Франціи,—словомъ, матеріальнымъ, политическимъ и нравственнымъ банкротствомъ. И все-таки его томилъ страхъ „высадки“,—на этотъ разъ съ самимъ Бонапартомъ во главѣ.

Она казалась неизбѣжной. Когда Бонапартъ былъ еще въ Момбелло, директорія назначила его главнокомандующимъ „англійскою арміей“. И онъ тотчасъ же направилъ 30.000 человѣкъ къ Атлантическому океану и велѣлъ лить орудія англійскаго образца, „чтобы во вражеской странѣ употреблять англійскіе снаряды“. Когда Наполеонъ возвратился изъ Италіи, парижане толпились въ театрахъ, любуясь живыми картинами „съ высадкой“. Они уже спрашивали, что это генералъ сидитъ въ столицѣ, а не плыветъ въ Англію? Бонапартъ и самъ давно мечталъ сразиться съ ненавистной соперницей, но повелъ игру съ другого конца. Въ своихъ письмахъ и воззваніяхъ онъ шумѣлъ на весь свѣтъ о „высадкѣ“, а на дѣлѣ всячески мѣшалъ ей. Теперь, осмотрѣвъ гавани и флотъ, онъ объявилъ, что это—„слишкомъ рискованная игра“. На его взглядъ, гораздо вѣрнѣе можно было нанести „тирану морей“ смертельный ударъ сбоку.

Бонапартъ съ ранней юности зачитывался „Индіями“ Рейналя и дѣяніями Александра Великаго, онъ мечталъ о Востокѣ,—объ этомъ безпредѣльномъ, таинственномъ, раболѣпномъ поприщѣ завоевателей и пророковъ: „Европа—кучка крота, а тамъ живутъ 660 милліоновъ, тамъ источникъ всякой великой славы!“ говорилъ рожденный на Средиземномъ морѣ честолюбецъ. Почти отрокомъ стремился онъ на службу Турціи, Россіи, даже Англіи—въ Индіи. Теперь же онъ владѣлъ Венеціей и Генуей, которыя въ былое время возвеличились торговлей съ Левантомъ. У юнаго героя возникъ широкій планъ морского владычества. Въ его воззваніи къ флоту послѣ Кампо-Форміо читаемъ: „Товарищи! установимъ миръ на материкѣ, соединимся для завоеванія свободы морей. Безъ васъ мы можемъ разнести славу французскаго имени лишь по небольшому уголку материка: съ вами мы переплывемъ моря—и національною славой наполнятся отдаленнѣйшія страны“. И морское министерство директоріи снабжало всѣ свои бумаги девизомъ „Свобода морей!“

Достигнувъ Адріатики, отчего бы отсюда не пробраться въ Египетъ?

Но и тутъ Бонапартъ былъ исполнителемъ чужихъ мыслей, орудіемъ исторіи. Французы съ крестовыхъ походовъ считали своей „миссіей“ возрожденіе Востока, и прежде всего—Египта. Планъ покоренія страны фараоновъ былъ составленъ еще въ XIV вѣкѣ для Филиппа Красиваго, затѣмъ Лейбницемъ—для Людовика XIV. Въ 1738 г. министръ д'Аренсонъ подхватилъ эту мысль и задумывался надъ прорытіемъ Суэзскаго канала. Даже императоръ Іосифъ II собирался, при раздѣлѣ Турціи, отдать Египетъ французамъ. Талейранъ восхвалялъ въ Институтѣ Шуазеля за то, что онъ „старался переговорами подготовить уступку Египта французамъ“, и твердилъ королю: „Англія—открытый врагъ вашего могущества“. Онъ даже хвасталъ, что вновь поднялъ египетскій вопросъ, и ссылался на ободрительныя депеши французскаго консула въ Каирѣ.

Бонапартъ былъ только ближе всѣхъ придвинутъ къ національной задачѣ обстоятельствами. Мы видѣли, какъ въ 1797 году онъ естественно обратилъ вниманіе на Анкону и Венецію (гл. XIII). Занявъ Іоническіе острова, онъ писалъ директорамъ и Талейрану: „Корфу и Занте дѣлаютъ насъ господами и Адріатики и Востока. Напрасно думать о сохраненіи Турецкой имперіи: мы доживемъ до ея погибели. Занятіе четырехъ Іоническихъ

острововъ дастъ намъ возможность или поддержать ее, или получить свою часть". Тогда же, увидѣвъ, что греки молятся на его портретъ, Наполеонъ началъ подстрекать балканскихъ христіанъ и пашей Янины, Скутари и Босніи къ возстанію противъ султана, а египтянъ—противъ негоднаго правленія мамелюковъ. Съ тою же цѣлью онъ вновь отвоевалъ Корсику у англичанъ и подчинилъ себѣ Геную, подъ видомъ Лигурійской республики, а Испаніи предложилъ союзъ для соединенія ея флота съ французскою эскадрой въ Адріатическомъ морѣ, которая, благодаря Венеціи, была уже не хуже англійской. И вотъ, политическій прожектеръ уже болѣе опредѣлительно развертываетъ передъ директоріей заманчивыя перспективы: „Іоническіе острова для насъ драгоцѣннѣе Италіи. Приближается время, когда поймутъ, что *необходимо овладѣть Египтомъ, чтобы дѣйствительно погубить Англію*. Обширность Турецкой имперіи, разлагающейся съ каждымъ днемъ, возлагаетъ на насъ долгъ заблаговременно подумать о сохраненіи нашей восточной торговли. Отчего бы намъ не овладѣть *Мальтой*? 400 рыцарей да одинъ полкъ, не болѣе 500 человѣкъ,—вотъ весь гарнизонъ Лавалетты. Народъ склоненъ къ намъ и ненавидитъ рыцарей, которымъ нечего жрать. Я нарочно отобралъ въ казну ихъ имущества въ Италіи. Съ Мальтой и Корфу да съ о. св. Петра, уступленнымъ намъ Сардиніей, сосредоточивъ всѣ силы на развитіе нашего флота, мы станемъ господами Средиземнаго моря. Мы разрушимъ Англію—и Европа у нашихъ ногъ". Именно тогда и англичане зарились на Мальту, откуда они мечтали прочистить себѣ путь въ свою Индію черезъ Египетъ.

Немудрено, что 1798 годъ начался дерзкимъ планомъ, который казался современникамъ фантасмагоріей. Охаивъ „высадку", Бонапартъ предложилъ „египетскую экспедицію".

Впрочемъ, чтобъ не обезкуражить французовъ, онъ представлялъ дѣло такъ, что Египетъ—лишь отводъ для морскихъ силъ врага, который дозволитъ напасть на Лондонъ зимою. Директорія тотчасъ прислала предписаніе. Она радовалась, что теперь, когда войны въ Европѣ нѣтъ, ея владыка уходитъ въ такую даль, гдѣ ему легко сломить себѣ шею.

А. Трачевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЕНЕЦЕЙСКАЯ ЛАГУНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(Окончаніе).

XVI.

ВСЕ это время Поринъ не переставалъ думать свою тяжелую думу; онъ не привыкъ разбираться въ своихъ чувствахъ, будучи человѣкомъ выросшимъ въ самыхъ обыденныхъ, почти патріархальныхъ условіяхъ жизни. Но въ теченіи пребыванія его въ чужихъ странахъ съ нимъ совершилось много перемѣнъ, которыя, въ рѣдкія минуты раздумья, не мало его самого удивляли.

Онъ давно уже утратилъ прежнюю ясность духа, спокойствіе ничѣмъ не нарушаемой совѣсти, образъ жизни—простой и естественной. Мало-по-малу все это исчезло изъ него, какъ будто новый воздухъ, которымъ онъ дышалъ въ новыхъ, чужеземныхъ странахъ, вливалъ въ нее ядъ и этотъ ядъ отравлялъ лучшее, что было въ его цѣломудренной душѣ. Онъ ясно не сознавалъ еще, что заражался нравами всѣхъ этихъ венеціанцевъ, привыкшихъ къ распутной, широкой жизни, что онъ обасурманивался, по выраженію Посникова. Онъ утерялъ уже русскій образъ, спокойнаго, богобоязненнаго человѣка, съ скромными, почти аскетическими взглядами на жизнь и на мірскія отношенія. Съ виду, перемѣнивъ костюмъ, онъ сталъ походить на венеціанца, а душа его будто тоже сбросила свои ветхія одежды и познала муки больной любви и ревности, озлобленной страсти и кровавой мести, чего не знали, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, люди эпохи тишайшаго царя.

Несчастія и невзгоды, обрушившіяся на Шорина, сдѣлали его ожесточеннымъ и предпріимчивымъ.

Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало повидаться съ Лючіеттой. Зачѣмъ, съ какою цѣлью? Онъ не зналъ этого. Что скажетъ онъ ей, чего потребуетъ отъ нея? Можетъ быть, онъ упадетъ къ ея ногамъ и, какъ нравственно разслабленный венеціанецъ, станетъ, какъ милости, умолять ее о любви. Можетъ быть, онъ просто выскажетъ ей все свое презрѣніе и, гордо завернувшись въ плащъ, уйдетъ отъ нея, навсегда исцѣленный, чтобы никогда больше не увидѣть ее... Онъ не зналъ, что именно онъ сдѣлаетъ, но потребность видѣть ее росла въ немъ съ каждымъ часомъ.

Выждавъ день, когда Николо вновь былъ на дежурствѣ въ папскомъ дворцѣ, и зная, что онъ ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ въ состояніи покинуть свой постъ, Шоринъ отправился въ театръ, на которомъ подвизалась Лючіетта.

Онъ не вошелъ въ театръ, а сталъ ждать окончанія представленія на площади, у задняго фасада зданія, тамъ, гдѣ была небольшая дверка, изъ которой должна была выйти танцовщица.

Ждать приходилось долго, очень долго.

Нетерпѣніе, страсть, гнѣвъ росли въ душѣ Шорина въ эти долгія минуты ожиданія, но, наконецъ, дверь тихо скрипнула и въ ея темномъ отверстіи показалась женщина.

Шоринъ узналъ ее: это была Карлоне.

Онъ быстро спрятался за выступъ зданія, туда, гдѣ была густая тѣнь.

Ночь была темная, безлунная. Тяжелыя тучи, точно огромные куски разорваннаго плаща, ползали по небу. Собиралась гроза послѣ удручающей жары римскаго лѣтняго дня. Зной давно прошелъ, но и теперь было душно и въ воздухѣ чувствовалось что-то безпокойное, что-то накапливавшееся и готовое разразиться ежеминутно.

Карлоне прошла, не замѣтивъ Шорина.

Немного времени спустя, дверь опять открылась и пропустила другую женщину.

Это была она!

Шоринъ, стоя въ своей засадѣ, видѣлъ ее; онъ пристально разглядывалъ ее. И чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ болѣе она ему нравилась, тѣмъ сильнѣе подымалось въ немъ прежнее жгучее чувство. Онъ вновь по-

чувствовалъ къ ней нѣжность и страсть, ту страсть, которая давно сжигала его.

Онъ не зналъ, что сказать ей, съ чего начать; окликнуть ли ее тутъ же, или дать ей удалиться отъ театра.

Наконецъ, преодолѣвъ свое волненіе, хриплымъ голосомъ крикнулъ онъ ей:

— Лючіетта!

И выступилъ изъ-за угла зданія, скрывавшаго его.

Она вздрогнула, остановилась, оглядѣлась. Глаза ея, еще не привыкшіе къ темнотѣ, тщетно искали того, кто произнесъ ея имя.

Наконецъ, она увидѣла его темную фигуру.

— Кто это? спросила она. — Это ты, Кар... Карлучіо? Я все еще не могу привыкнуть называть тебя такъ, пониженнымъ голосомъ прибавила она и направилась къ нему.—Развѣ ты не на стражѣ у святого отца?

— Я не Карлучіо, отвѣтилъ Шоринъ. — И не Николо, который есть тотъ же Карлучіо.

Лючіетта задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ты его другъ?

— Нѣтъ.

— Такъ значитъ врагъ.

— Почему?

— Потому что только другъ или врагъ могъ узнать его тайну, тайну, которой никто не знаетъ, кромѣ его и меня. Кто ты?

Она уже оправилась и перестала дрожать. Ея голосъ пріобрѣлъ прежнюю увѣренность.

— Я тотъ, кого ты знала раньше и кого ты когда-то любила.

— Время карнавала прошло, а потому говори прямо— кто ты? Мало ли кого я любила! Это признакъ, по которому ни одна женщина не могла бы узнать мужчину. Я—менѣе, чѣмъ всякая другая. Я любила многихъ, и многіе любили меня. Я забыла ихъ, какъ они забыли меня.

— Я не забылъ тебя, Лючіетта.

— Такъ кто же ты, наконецъ?

— Я—Джіованни.

— Джіованни? вскрикнула она гнѣвно.—Какой Джіованни?

— Какъ ты хорошо забыла меня!..

— Говори скорѣе, если хочешь говорить. Мнѣ некогда, я спѣшу домой. Я сегодня свободна, Карлучіо на стражѣ у папы и меня ждетъ Карлоне, съ которой я проведу все время до утра.

— Вспомни Венецію и ту лунную ночь, въ которую ты любила меня. Единственную ночь, въ которую ты любила меня.

— Ужъ не хочешь ли ты сказать, что ты тотъ чужеземецъ изъ Москвы, который...

— Я тотъ самый.

— Какой вздоръ! Ты просто брави или разбойникъ изъ Абруццскихъ горъ. Говори, сколько тебѣ надо? Со мной какъ разъ есть дукаты. Это ничего, что они венеціанскіе, они и здѣсь тебѣ пригодятся. Возьми сколько есть и отпусти меня.

— Ни золота, ни камней твоихъ мнѣ не нужно. И я не брави и не бандитъ Абруццскихъ горъ. Я тотъ, кѣмъ себя назвалъ.

— Но того убилъ въ ночь, наканунѣ нашего отъѣзда изъ Венеціи, Карлучіо, то есть Николо. Онъ сказалъ мнѣ такъ. Не могъ же ты воскреснуть?

— Онъ солгалъ тебѣ, чтобы легче было увезти тебя. Я не воскресъ, потому что не былъ убитъ, а только раненъ.

Она близко подошла къ нему и пристально поглядѣла на него.

— Я ничего не вижу. Но голосъ твой какъ будто, правда, похожъ на тотъ голосъ.

Глухой раскатъ грома раздался въ отдаленіи и синій свѣтъ молніи, яркой вспышкой, освѣтилъ городъ. Изъ густой тьмы ночи онъ точно выхватилъ блѣдное лицо Шорина съ его воспаленными, горящими глазами и съ искаженными гнѣвной улыбкой губами.

— Sancta Lucia! вскрикнула Лючіетта, призывая имя своей покровительницы святой и отъ суевѣрнаго страха молніи и отъ этого неожиданнаго видѣнія.—Это ты, это ты...

— Наконецъ, ты повѣрила!

— Что же тебѣ нужно отъ меня? сухо и жестко спросила она, отступивъ на шагъ.—Рука этого Николо слаба, какъ у женщины. Что ни ударъ, то промахъ. Не брался бы ужъ, право, лучше за это.

— Ты жалѣешь, что онъ не убилъ меня?

— Да, жалѣю, просто отвѣтила она.

— Почему?

— Потому что ты человѣкъ опасный, въ родѣ нашихъ безумныхъ венеціанцевъ. И потому еще, что ты отымаешь у меня время.

— Времени достаточно. Успѣешь еще намиловаться съ Карлоне.

— Что же тебѣ нужно отъ меня?

— Лючіетта, мягко сказалъ онъ,—вспомни, какъ ты любила меня... Вспомни ту свѣтлую, сладкую ночь... Вспомни, ты обѣщала любить меня, велѣла остаться въ Венеціи, скрыться отъ своихъ. Я все это сдѣлалъ, въ надеждѣ, что ты будешь любить меня. Ты даже сказала тогда, что любишь меня...

— Все это было, ты говоришь правду. Но теперь, вотъ теперь, сейчасъ, что тебѣ нужно?

— Мнѣ нужно, чтобы ты такъ же любила меня, какъ тогда.

— Это невозможно.

— Невозможно? медленно проговорилъ онъ, чувствуя, какъ что-то подступаетъ къ его сердцу.

— Нѣтъ, невозможно.

— Почему же, почему?

— Что было—то прошло! А что прошло—то не возвращается. Я никого не любила дважды. И вспомни, что я говорила тебѣ о любви...

— О, я помню это!

— Я не могу любить долго одного и того же. Продолжительная любовь старитъ и накладываетъ цѣпи. Вѣчной весны не бываетъ. Чѣмъ сильнѣе страсть, тѣмъ скорѣе она проходитъ. Тебя я любила одну ночь, но сильнѣе, чѣмъ кого-либо другого. И я сама тогда удивлялась себѣ. Знаешь что? Я, можетъ быть, и бѣжала тогда отъ этой любви, какъ отъ продолжительной и тяжелой болѣзни.

— Ты полюбила Николо?

— О, нѣтъ! Я не любила его, не люблю и теперь. Но онъ избавилъ меня отъ тебя, и я ему благодарна. Теперь я выздоровѣла и вновь свободна. Цѣпи любви— тяжелыя цѣпи, тяжелѣе ихъ нѣтъ. Такъ и Карлоне говоритъ. Страсть легче. Страсть—въ крови, любовь—въ сердцѣ. Ты видишь, я говорю теперь совсѣмъ не такъ, какъ говорила съ тобой тогда. Я говорю спокойно. Я не люблю тебя больше. Ты можешь уѣхать.

— Лючіетта! вскрикнулъ онъ и сдѣлалъ къ ней шагъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня, сказала она спокойно и даже не двинулась съ мѣста.

Снова раздался ударъ грома и снова молнія, еще гораздо болѣе яркая, облила широкимъ, мгновеннымъ свѣтомъ Лючіетту.

Шоринъ взглянулъ на нее и въ его темныхъ глазахъ, снова погрузившихся въ тьму ненастной ночи, которая

стала еще чернѣе и безнадежнѣе, какъ только потухъ ослѣпительный блескъ молніи, зажегся ея соблазнительный образъ и загорѣлся въ нихъ яркимъ, неугасимымъ пламенемъ.

Она предстала передъ нимъ во всемъ блескѣ своей красоты, какъ будто небесное видѣніе, спустившееся съ облаковъ.

— Лючіетта, Лючіетта, хриплымъ крикомъ вырвалось у него. — Полюби меня несчастнаго, одинокаго! Пожалѣй меня. Я все для тебя бросилъ и одна ты у меня осталась на свѣтѣ, одна... За что, за что ты губишь меня?..

Но Лючіетта молча удалялась.

Она спѣшила, нѣсколько испуганная, наконецъ, этимъ взрывомъ безумной страсти. Она спотыкалась о камни и шла все быстрѣй и быстрѣй.

Задыхаясь, онъ догонялъ ее.

Гнѣвъ исказилъ его лицо. Съ налитыми отъ ярости глазами, не помня себя отъ душившаго его порыва страсти, какъ будто раненый въ самое сердце, онъ шагалъ за ней нетвердыми шагами, какъ пьяный, обезумѣвшій человѣкъ.

— А, говорилъ онъ, — ты не любишь меня! Ты бѣжишь отъ меня! Ты любишь Николо...

Лючіетта слышала позади себя его хриплое дыханіе, его злыя слова. Протянутыя имъ руки уже касались ея плечъ.

Она вдругъ остановилась.

— Опомнись! смѣло ставъ передъ нимъ, сказала она. — Опомнись, безумецъ! Я не боюсь тебя. Я презираю и ненавижу тебя!

Вся кровь бросилась ему въ голову отъ этихъ словъ и сердце его вдругъ остановилось. Онъ не чувствовалъ больше его біенія. Рука его прямо перенеслась на рукоятку кинжала. Одинъ разъ только онъ испыталъ это чувство въ молодости, когда ему пришлось убивать медвѣдя, горячее дыханіе котораго онъ уже чувствовалъ на своемъ лицѣ. Такъ же, какъ тогда, не помня себя, съ помутившимся взоромъ, выхватилъ онъ кинжалъ и всадилъ его въ темную тѣнь стоявшую передъ нимъ.

Тѣнь рухнула, какъ разсѣянный призракъ.

Что-то барахталось еще въ его ногахъ и онъ слышалъ стонъ этого призрака, который еще такъ недавно, минуту тому назадъ былъ не призракомъ, а женщиной, которую онъ такъ безумно любилъ.

Теперь это не женщина уже и не призракъ, а трупъ, безмолвный, холодѣющій и безвредный.

Шоринъ не услышитъ больше изъ ея устъ ужасныхъ словъ, что она его не любитъ. Она не будетъ его любить, потому что ея самой не будетъ. Но она никого и другого любить не будетъ...

Онъ нагнулся къ Лючіеттѣ.

Она лежала на площади, безъ движенія. Громъ грохоталъ вдали, удаляясь отъ города и гроза не подарила Риму въэту душную ночь ни одной капли воды.

Еще только разъ слабо блеснула молнія, и Шоринъ увидѣлъ на землѣ тонкую, алую струйку крови.

Теперь рѣшительно все вышло у него изъ головы. Онъ уже не помнилъ, гдѣ онъ, зачѣмъ онъ здѣсь и почему такъ спѣшно уходитъ съ этой пустынной площади города.

Но онъ шелъ все скорѣе и скорѣе, какъ будто убѣгая отъ преслѣдованій, какъ будто спѣша укрыться отъ самого себя, отъ своихъ мыслей. И онъ понялъ, наконецъ, что спѣшилъ бѣжать отъ своей совѣсти, которая гналась за нимъ по пятамъ, не отставая отъ него ни на шагъ.

Лючіетта умирала, одиноко лежа на площади.

Въ глазахъ ея потухалъ свѣтъ жизни и что-то подымалось изъ глубины души къ головѣ и заволакивало ея сознаніе. Красная струйка крови точно ключемъ била изъ лѣвой стороны ея груди, гдѣ зіяла глубокая рана, пришедшаяся около сердца. Возлѣ нея лежало лезвее окровавленнаго кинжала, и передъ ея, все еще полусознательнымъ взоромъ еще разъ промелькнули каналы Венеціи, какъ бы затканные голубой дымкой весенней лунной ночи; въ ушахъ ея раздавались звуки баркароллы, и она увидѣла себя танцующей фурлану, въ тѣсной залѣ, въ которой было много-много народу.

Ея уста, поблѣднѣвшія и запекшіяся, хотѣли еще разъ, въ послѣдній разъ, позвать единственное существо, которое она любила, Карлоне, но вмѣсто этого имени изъ нихъ вырвался какой-то безобразный хрипъ.

То былъ предсмертный хрипъ,и... Лючіетты не стало.

Карлоне тщетно прождала ее нѣсколько времени, а потомъ, предчувствуя бѣду, она взяла съ собой людей и направилась съ ними къ театру.

Здѣсь нашла она тѣло Лючіетты.

Дали немедленно знать въ папскій дворецъ. Николо смѣнился со стражи и прибѣжалъ на мѣсто приключенія какъ безумный.

Онъ поднялъ кинжалъ, валявшійся около трупа.

И та же мысль, которая прорѣзала сознаніе Карлоне, осѣнила его.

— А...—проговорилъ онъ,—я знаю, кто ея убійца и онъ не уйдетъ отъ меня!

Кинулись въ помѣщеніе, гдѣ остановились русскіе послы, но Шорина тамъ не было.

На утро вся полиція города стала на ноги.

Посольскій дворянинъ самъ очень безпокоился объ исчезновеніи Шорина, котораго не видѣлъ уже давно и о которомъ, среди непріятныхъ препирательствъ съ папскимъ церемоніймейстеромъ и кардиналами, почти забылъ.

Отсутствіе Шорина въ посольствѣ и исчезновеніе его изъ города убѣдило всѣхъ заинтересованныхъ лицъ въ томъ, что это онъ виновникъ ночного преступленія.

Жители города были взволнованы. Обыскали всѣ улицы и дома, но нигдѣ ничего не нашли.

Въ ту же ночь убійства Шоринъ бѣжалъ изъ Рима.

Когда онъ, придя нѣсколько въ себя, вопрошалъ себя, куда ему направить свой путь, онъ не могъ ничего отвѣтить себѣ.

Весь міръ казался ему громадной пустыней, а себя называлъ онъ въ изступленіи Каиномъ, которому нѣтъ мѣста на землѣ.

Но чувство самосохраненія требовало, чтобы онъ покинулъ городъ возможно скорѣе. Деньги были при немъ и онъ вышелъ изъ какихъ-то воротъ города и пошелъ прямо передъ собою.

— Что я сдѣлалъ? Что я сдѣлалъ! безпрестанно шепталъ онъ.—Куда идти? Гдѣ спастись?

И чѣмъ болѣе вопрошалъ онъ себя, тѣмъ труднѣе находилъ онъ отвѣтъ.

Ему некуда дѣваться, некуда идти. Куда уйдешь отъ самого себя, отъ своей совѣсти?

И вдругъ ему вспомнились слова Гвидо:

— Кто разъ побывалъ въ Венеціи, тотъ навѣрно еще вернется туда.

Ему вспомнился Гвидо и его милая дѣвочка Энрика. Вотъ люди, которые пріютятъ его, укроютъ его отъ преслѣдованій. Римское правительство, конечно, сообщитъ по всѣмъ городамъ объ этомъ убійствѣ и о томъ, кто его совершилъ.

Конечно, дадутъ знать и въ Венецію, въ которой вообще укрываются всѣ разбойники и убійцы. Но въ

задней комнаткѣ затеряннаго на окраинѣ домика Гвидо, ему будетъ спокойно и безопасно.

Онъ зналъ о суровыхъ законахъ Венеціи, въ особенности по отношенію къ иноземцамъ, совершившимъ такое преступленіе; такъ что-жъ? Его казнятъ и онъ не боится этого. Смерть теперь гораздо желаннѣе для него, чѣмъ жизнь, отягченная совѣстью.

Но умереть на чужбинѣ! Вотъ что страшно. Никогда болѣе не видѣть родины, не слышать родной рѣчи! Ахъ, что будетъ, то будетъ! Теперь ему хочется только успокоенія, побыть самому съ собою, остаться наединѣ съ своими думами.

А потомъ... можетъ быть, онъ самъ придетъ къ сбирамъ и скажетъ:—„Вяжите меня. Я убійца".

И передъ его печальнымъ взоромъ вставала очаровательница Венеція, съ ея каналами, дворцами и мостами, съ ея мечтательными лунными ночами, съ ея пѣснями и звуками поцѣлуевъ подъ навѣсами гондолъ. И низенькій домикъ Гвидо, и милое, наивное личико Энрики казались ему теперь вдвое милѣе.

Вотъ, онъ такой же убійца, какъ Гвидо, котораго онъ такъ недавно еще презиралъ за его ремесло. Чѣмъ онъ лучше этого разбойника, который убиваетъ за деньги? И не все ли равно, изъ-за чего убить человѣка?

Странствовалъ Шоринъ мучительно долго.

Онъ шелъ ночами, скрываясь отъ преслѣдованій, отыскивая днемъ убѣжища у темныхъ людей.

И вотъ, наконецъ, въ одно утро, блеснули передъ нимъ воды лагуны. Ему показалось, что онъ вернулся на родину.

Все та же Венеція рисовалась передъ его угасшимъ и утомленнымъ взоромъ, все тѣ же каналы и тѣ же гондолы и тѣ же люди, на которыхъ и онъ, когда-то тихій и спокойный россіянинъ, сталъ теперь походить.

Онъ переждалъ зарождавшійся день въ окрестностяхъ города и ночью только вышелъ изъ своей засады.

Ночь разстилалась надъ нимъ чудная, очаровательная, страстная, какая можетъ только быть венеціанская лѣтняя ночь съ ея глубокимъ прозрачнымъ небомъ, съ ея крупными, блестящими звѣздами...

Подъ этимъ звѣзднымъ куполомъ жила когда-то она, его Лючіетта! А теперь, она покоится въ холодной землѣ, на окраинѣ далекаго, чужого ей города, на тихомъ кладбищѣ.

И его не радовалъ больше видъ Венеціи, которая стала для него теперь такъ же пустынна, какъ и все

остальные города обширнаго Божьяго міра. Прежде все это веселило, занимало его, наполняло душу его чѣмъ-то новымъ, невиданнымъ. Теперь отъ всего этого вѣяло безысходной, гнетущей тоской!

Давно знакомыми закоулками и кривыми переулками пробирался онъ на окраину города, гдѣ стоялъ за высокой стѣной домъ разбойника Гвидо.

Какъ-то явится онъ туда и что скажетъ? Когда-то его принимали тамъ какъ знатнаго чужеземца, а теперь?..

Но вотъ и домъ Гвидо...

XVII.

Шоринъ вошелъ въ калитку и увидѣлъ на дворѣ Энрику. Было уже темно и дѣвочка, замѣтивъ чужого человѣка, вскрикнула:

— Что тебѣ тутъ надо?

Онъ поспѣшилъ успокоить ее.

— Это я, милая Энрика, я, синьоръ Джіованни.

Она подбѣжала къ нему, всмотрѣлась въ его лицо.

— Какъ, это́ вы! вскрикнула она.

— Да, я.

— Вотъ вы опять у насъ! Но что съ вами, синьоръ?

— А что?

— Лицо ваше исхудало и станъ вашъ согнулся. Вы нездоровы?

— Я боленъ. Но скажи, гдѣ же отецъ твой?

— Онъ на работѣ, отвѣтила дѣвочка.

— На какой работѣ?

Шоринъ внимательно поглядѣлъ на нее. Дѣвочка говорила серьезно, какъ будто искренно была убѣждена въ томъ, что отецъ ея ходитъ дѣйствительно на какую-то работу.

— На какой работѣ? повторила она.—На своей обычной работѣ: онъ спасаетъ честныхъ людей отъ злыхъ сбировъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы покинули насъ, дѣла пошли плохо. Сбиры, кажется, стали хитрѣе, или, можетъ быть, отецъ постарѣлъ и усталъ, только у насъ никто уже не жилъ и не скрывался больше.

— Онъ скоро придетъ?

— Отецъ? Да, скоро.

Дѣйствительно, не успѣла Энрика водворить своего

стараго гостя въ его прежнемъ помѣщенiи, какъ вернулся Гвидо.

— А у насъ гость, сказала ему дѣвочка.

— Гость? переспросилъ Гвидо.—Я никого не ждалъ и не знаю, про кого ты говоришь? Смотри, будь осторожна. Много всякихъ злыхъ людей бродитъ по Венецiи. Можетъ быть, это переодѣтый сбиръ?

Дѣвочка засмѣялась.

— О, нѣтъ! Это только синьоръ Джiованни, тотъ чужеземецъ, что жилъ у насъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Шоринъ, услыхавъ разговоръ, вышелъ изъ своей комнатки.

— Да, это я, Гвидо, ты не узнаешь меня?

Гвидо разсмѣялся.

— Здравствуйте, сказалъ онъ и похлопалъ его по плечу —Развѣ я не говорилъ вамъ, что вы вернетесь?

— Да, я вернулся, уныло повторилъ Шоринъ.— Удали свою дѣвочку, я долженъ говорить съ тобою, шепнулъ онъ.

Гвидо выслалъ Энрику, давъ ей какое-то порученiе.

— Говорите, сказалъ брави, обращаясь къ своему гостю.—Откуда вы вернулись и на долго ли?

— Постой, я тебѣ разскажу все по порядку.

И онъ подробно передалъ разсказъ о своихъ злоключенiяхъ въ Римѣ.

Гвидо слушалъ молча, насупивъ брови, и лицо его приняло прежнее выраженiе суровости и угрюмости.

Выслушавъ внимательно своего гостя и ни разу не прервавъ его, онъ, наконецъ, задумчиво проговорилъ, вдругъ перейдя на ты:

— Твое дѣло плохо, синьоръ Джiованни, очень плохо. Ты убилъ красавицу Лючiетту, которую зналъ и любилъ весь городъ. Удивляюсь, что ты не попалъ еще по дорогѣ въ руки римскихъ сбировъ. Изъ этого я вижу, что они хуже нашихъ. Но это все равно. Повѣрь мнѣ, что преступленiе твое вскорѣ будетъ извѣстно въ Венецiи, какъ и то, что ты бѣжалъ сюда. Можетъ быть, оно даже уже и извѣстно. Тебя станутъ искать. Наши инквизиторы имѣютъ страшную, неограниченную власть. Ихъ тайныя слѣдствiя всегда приводятъ къ успѣху. Ты знаешь, изъ трехъ главныхъ инквизиторовъ — два сенатора, члены совѣта Десяти; одинъ—совѣтникъ дожа. У нихъ неограниченная власть надъ жизнью и имуществомъ всѣхъ гражданъ Венецiи, патрицiевъ, иноземцевъ, даже самого дожа. Слышишь: иноземцевъ? Они не обязаны

никому отчетомъ въ своихъ распоряженіяхъ, даже совѣту Десяти. Я не могу спасти тебя. Тебѣ нужно бѣжать отсюда. И какъ можно скорѣе!

— Я никуда не уйду отсюда, если ты меня не прогонишь.

— Я не буду тебя гнать. Но это безполезно: тебя рано или поздно отыщутъ. Отчего ты не хочешь бѣжать?

— Мнѣ некуда дѣться. Позже, много позже, когда я совсѣмъ приду въ себя, я уѣду въ Москву. Теперь — не могу.

— Зачѣмъ ты убилъ Лючіетту? Какіе вы горячіе люди, иноземцы! Гораздо горячѣе насъ, венеціанцевъ! Надо быть совсѣмъ глупымъ, чтобы убить венеціанку за то, что она полюбила другого. Развѣ венеціанка можетъ долго любить одного? Наконецъ, отчего ты не нанялъ убійцу? Въ Римѣ, я слышалъ, брави — не хуже нашихъ. Тогда ты отклонилъ бы отъ себя всякое преслѣдованіе.

— Не говори объ этомъ, Гвидо! съ болью въ душѣ отвѣтилъ Шоринъ.—Я не хотѣлъ убивать ее. Это случилось вдругъ, внезапно... я самъ не знаю какъ.

— Я говорю: горячи вы очень.

— Примешь ли ты меня? Я долженъ тебѣ сказать, что денегъ у меня теперь нѣтъ. Но я жду одно судно, которое должно привезти сюда товары. Тогда я расплачусь съ тобой.

Гвидо съ минуту подумалъ, потомъ отвѣтилъ ему:

— Я никогда не отказывалъ въ гостепріимствѣ тому, кто его отъ меня требовалъ. И, въ особенности, людямъ, которыхъ преслѣдуютъ сбиры. Но какъ же ты можешь получить товары? Вѣдь, какъ только ты явишься въ гавань, тебя откроютъ и арестуютъ. Развѣ вотъ что? прибавилъ онъ, подумавъ.—Да, это, мнѣ кажется, можно.

— Что такое? Говори.

— У насъ есть жидъ въ старомъ Гетто, Исаакъ Понтевеккіо. Ты ему напишешь все, что нужно, все, что онъ потребуетъ отъ тебя. Напишешь, что запродалъ ему товаръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, еще до твоего преступленія. Тогда никакой судъ—въ случаѣ если бы ты попался ему въ лапы и онъ конфисковалъ бы твое имущество—не можетъ оттягать то, что жидъ купилъ у свободнаго иноземца. Конечно, Исаакъ тебѣ дастъ немного... дай Богъ, чтобы десятую долю того, что стоютъ твои товары. Но думаю, что дастъ, потому что не упуститъ такой выгодной сдѣлки.

— Дѣлай, какъ знаешь, равнодушно отвѣтилъ Шоринъ. — Я думалъ, ты настоящій злодѣй, неожиданно прибавилъ онъ,—но вижу, у тебя доброе сердце.

Гвидо разсмѣялся.

— У всякаго злодѣя есть обыкновенное человѣческое сердце, а человѣкъ, у котораго есть ребенокъ, не можетъ быть злымъ. Но не будемъ тратить время. Ложись, отдыхай, а завтра отправимся къ Исааку, чтобы не было поздно. Каждая минута дорога.

На другой день, какъ только стало смеркаться, Гвидо принесъ Шорину старый толстый плащъ, широкополую войлочную шляпу и длинную сѣдоватую бороду, которая совершенно измѣнила его лицо.

Изъ предосторожности Гвидо и Шоринъ не взяли гондолы, а отправились въ Гетто кружнымъ путемъ, черезъ какіе-то пустыри, кривыя, узенькія улички и горбатые мосты.

Они шли долго и, конечно, не будь съ нимъ Гвидо, Шоринъ немедленно бы запутался въ этомъ темномъ лабиринтѣ.

Гетто былъ грязный, старый кварталъ Венеціи, перерѣзанный безчисленными узенькими, вонючими каналами. Здѣсь не было мраморныхъ дворцовъ и даже просто порядочныхъ домовъ. Какія-то темныя и ветхія лачуги, изъ оконъ которыхъ вывѣшено было для провѣтриванія разноцвѣтное тряпье и одежды, производили своимъ видомъ жалкое впечатлѣніе.

Въ этомъ кварталѣ, отведенномъ для евреевъ, были свои правила, и рѣдко кто изъ венеціанскихъ жителей показывался на его каналахъ или уличкахъ. Въ извѣстный часъ ночи всѣ огни должны были быть потушены и ни одна гондола не имѣла права показываться на каналахъ.

Домъ Исаака ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ. Чѣмъ богаче былъ еврей, тѣмъ онъ старался жить скромнѣе, чтобы не оскорблять внѣшнимъ блескомъ жадность венеціанской полиціи и самолюбіе венеціанскихъ нобилей. Но всѣмъ и каждому въ Венеціи было извѣстно, что Исаакъ Понтевеккіо—богатѣйшій еврей, и только одинъ Исаакъ не сознавался въ этомъ никому и сердито отрицалъ это, когда кто-нибудь заговаривалъ о его средствахъ.

Гвидо постучался въ ворота его дома.

— Кто тамъ? спросилъ его чей-то голосъ черезъ нѣсколько времени.—Развѣ вамъ неизвѣстно, что калитка заперта въ этотъ поздній часъ?

— Это самъ Исаакъ, шепнулъ Гвидо своему спут-

нику.—Не говори ему ни слова о Лючіеттѣ, онъ ее очень любитъ, и домъ, въ которомъ она жила, выстроенъ имъ.—Это я, Гвидо! нѣсколько громче отвѣтилъ онъ,—отвори, Исаакъ, есть дѣло.

— Гвидо? недовѣрчиво переспросилъ Исаакъ.—Какое можетъ быть дѣло ночью, старый разбойникъ?

Гвидо засмѣялся.

— Это онъ *меня* называетъ разбойникомъ! весело прошепталъ Гвидо.—Отвори же, я тебѣ принесъ цѣлое богатство.

— Да полно, Гвидо ли ты? уже мягче спросилъ Исаакъ.

— Sancta Maria! Конечно, я Гвидо, какъ ты Исаакъ. Отворяй же скорѣе.

— Оглядись кругомъ, послышался голосъ.—Нѣтъ ли гдѣ этихъ подлыхъ ищеекъ, сбировъ?

— Нѣтъ никого. Но если ты будешь меня еще долго держать на улицѣ, то я не ручаюсь, что они могутъ вырасти изъ-подъ земли, какъ негодная трава, или изъ воды, какъ вонючая плѣсень канала.

Засовъ заскрипѣлъ, наконецъ, и послышался лязгъ замка.

Исаакъ, увидѣвъ спутника Гвидо, загородилъ своей огромной фигурой отверстіе калитки и не хотѣлъ ихъ впускать.

— Кто это? испуганно зашепталъ онъ.—Ты меня обманулъ, ты не одинъ.

— Я говорилъ тебѣ, что не одинъ, а съ богатствомъ. Это и есть богатство. Впусти же, старикъ.

Исаакъ подозрительно оглядѣлъ Шорина, пожалъ раздраженно плечами, но пропустилъ обоихъ и тщательно заперъ за ними калитку на засовъ и замокъ.

И тотчасъ же, въ концѣ улицы показалось двѣ тѣни. Онѣ быстро подошли къ дому Исаака и скрылись за его угломъ, выжидая.

— Ты видѣлъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Не столько видѣлъ, сколько слышалъ. Калитка открылась и закрылась, значитъ—впустила кого-то.

— Двухъ.

— Ночь темна, какъ тюрьма Вздоховъ.

— Это тѣ двое, за которыми мы слѣдили. Кто знаетъ, можетъ быть, это и есть тотъ убійца, бѣжавшій изъ Рима, о которомъ намъ дали вчера знать.

— А если не онъ?

— Такъ что жъ! Все равно, Исаакъ намъ отвѣтитъ. Онъ не имѣетъ права принимать гостей ночью. А если

это тотъ, то старый жидъ непремѣнно выдастъ его, потому что за его голову даютъ золото... Сколько эти иноземцы стоютъ Венеціи! Но замолчимъ и выждемъ. Когда они выйдутъ, ты не кидайся на нихъ, а дай имъ спокойно удалиться. Мы ихъ всегда настигнемъ.

Между тѣмъ, Исаакъ ввелъ своихъ гостей въ низенькую, душную комнатку, пропитанную какимъ-то особеннымъ, тяжелымъ запахомъ. Самъ онъ усѣлся въ высокое кресло. Онъ былъ въ длиннополомъ широкомъ кафтанѣ, съ длинными рукавами, которые онъ поминутно забиралъ вверхъ. Сѣдая, длинная борода его доходила чуть не до пояса и весь видъ его напомнилъ Шорину московскихъ думныхъ дьяковъ.

Исаакъ усадилъ гостей на низкіе табуреты, разгладилъ бороду и сказалъ, обращаясь къ Гвидо:

— Говори, душегубъ, что тебѣ надо? Ты погубишь мою душу, разбойникъ, шатаясь ко мнѣ по ночамъ. Кто знаетъ, не слѣдили ли за вами сбиры?

— Я знаю, потому что ихъ не видѣлъ.

— Они, видишь ли, такъ глупы, что сунутся тебѣ на глаза! Говори, однако, въ чемъ дѣло.

Гвидо началъ издалека, чтобы подготовить стараго еврея. Но, когда онъ заговорилъ о томъ, что его „другу" нужны деньги, Исаакъ отрицательно замоталъ головой и затрясъ своей бородой.

— Я не знаю твоего друга, сказалъ онъ, — какъ не вижу и лица его. Шляпа скрываетъ глаза его, а борода—лицо. Борода, конечно, надѣта? И потомъ взгляни... онъ обвелъ своей худой и костлявой рукой, — видишь, какъ я живу? Потолокъ закоптѣлъ, стѣны скоро обвалятся. Откуда у меня деньги? Только злые недоброжелатели, чтобы погубить меня, громко кричатъ о моихъ несуществующихъ богатствахъ. Домъ рушится, и мнѣ не на что поправлять даже его.

Гвидо, спокойно улыбаясь, слушалъ его рѣчь и ничего не возражалъ. Онъ зналъ, что Исааку надо было дать время наговориться о его мнимой бѣднотѣ, что, повидимому, доставляло еврею большое наслажденіе.

— Зачѣмъ же ты обманулъ меня? продолжалъ Исаакъ.—Ты сказалъ мнѣ, что принесъ богатство, а вмѣсто того привелъ какого-то бродягу, такого же, какъ ты самъ, да еще которому нужны деньги. Какъ будто онѣ мнѣ самому не нужны? Я вѣдь не убиваю людей и не получаю за это дукатовъ.

Гвидо вдругъ разсердился не на шутку.

— *Ты* не убиваешь? сказалъ онъ, злобно глядя на

Исаака.—Ты называешь меня брави, наемнымъ убійцей? Пусть такъ! У меня есть дочь, которой надо жить .. А ты для кого копишь? Ты старъ, одинокъ, никому не нуженъ. Что ты въ могилу возьмешь съ собой свои богатства? Есть, другъ Исаакъ, два сорта брави: одни убиваютъ на каналахъ и улицахъ кинжалами, другіе деньгами. Мало ты разорилъ добрыхъ людей на свѣтѣ? Нѣтъ, оставимъ объ этомъ. Ты такой же разбойникъ, какъ я. Убивая одного, я доставляю удовольствіе другому, или спасаю его; ты же только самому себѣ доставляешь удовольствіе.

— Если ты пришелъ, чтобы говорить мнѣ о такихъ гнусныхъ вещахъ и чтобы оскорблять меня въ моемъ бѣдномъ беззащитномъ домѣ, то лучше всего, если ты сейчасъ же уйдешь.

Но Гвидо уже раскаявался въ своихъ словахъ.

— Ну, не сердись, старый, сказалъ онъ въ примирительномъ тонѣ.—Я вѣдь тебя не трогалъ. Зачѣмъ ты все время укоряешь меня моей жизнью? Развѣ она мнѣ легко дается? У меня нѣтъ богатыхъ одеждъ и мраморныхъ палаццо, нѣтъ и дукатовъ отъ дѣдовъ и отцовъ. Но у меня есть дочь-сиротка, и мнѣ надо жить, такъ же какъ и ей. Но будемъ говорить о дѣлѣ. Повторяю тебѣ, этотъ человѣкъ—богатый иноземецъ; скоро придутъ сюда его товары. Продать онъ ихъ не можетъ, потому что его преслѣдуютъ сбиры и ему нельзя открыто показываться въ городѣ.

— Такъ что жъ мнѣ въ его товарахъ? Значитъ,ихъ конфискуетъ правительство?

— Онъ сдѣлаетъ тебѣ бумагу, что продалъ тебѣ все полностью много мѣсяцевъ тому назадъ, когда его еще не преслѣдовали. Ты вѣдь знаешь, что, въ такомъ случаѣ, имущество преступника принадлежитъ тому, кто его купилъ.

Исаакъ поникъ головой и задумался. Шорину показалось, что онъ заснулъ.

Но вдругъ еврей поднялъ голову.

— То, что ты говоришь, похоже на дѣло, наконецъ, сказалъ онъ,—и объ этомъ надо подумать.

— Я зналъ, что ты умный человѣкъ и своего не упустишь, отвѣтилъ Гвидо. — Синьоръ, скажите ему, какіе у васъ товары и на сколько, съ почтительностью обратился Гвидо къ своему спутнику.

Исаакъ выслушалъ показаніе и записалъ что-то въ толстой книгѣ.

— Такъ... протянулъ онъ.—Я обдумаю. Денегъ у

меня нѣтъ, но я могу ихъ занять. А такъ какъ мнѣ много придется платить за взятыя деньги, и, можетъ быть, долго ждать товара, да еще, кто знаетъ, такой ли товаръ и весь ли онъ, то я тебѣ дамъ немного. Потомъ, когда все выяснится въ наличности, можно будетъ и прибавить. А теперь, ступайте къ себѣ, уже поздно... Я заготовлю все, что нужно... И бумаги и, деньги... Тогда пришлю кого-нибудь за вами.

Гвидо зналъ, что послѣ этихъ словъ надо уйти. Большаго въ первое свиданіе ни за что отъ еврея не получить. Но и то уже было хорошо, что онъ согласился.

Какъ только Шоринъ и Гвидо вышли отъ Исаака, двое людей, скрывавшихся за угломъ, выступили изъ тьмы и, давъ удалиться посѣтителямъ Исаака, подошли къ его калиткѣ и постучались.

Исаакъ вернулся къ калиткѣ.

— Проклятіе на тебя, Гвидо! злобно заворчалъ онъ.—Такъ ты не можешь меня оставить въ покоѣ эту ночь?

— Это не Гвидо, отвѣтилъ голосъ за калиткой.

— Кто же это? испуганно спросилъ Исаакъ.

— Насъ тоже двое, но мы—сбиры.

— Всемогущій Боже! Сбиры... Злосчастная ночь!.. Что же вамъ нужно отъ меня, добрые люди?

— Прежде всего, чтобы ты открылъ двери.

— Вотъ я открылъ ихъ, потому что, если бы я не открылъ ихъ, вы, все равно, взломали бы ихъ.

— Это вѣрно, проговорилъ сбиръ, входя въ калитку и засмѣявшись.—А теперь скажи намъ, старикъ, хочешь ли ты получить деньги?

— Тотъ человѣкъ недостоинъ жить, который небрежетъ деньгами.

— Значитъ, хочешь. Такъ скажи же прямо и просто, кто у тебя былъ?

— Не знаю, добрые люди.

— Ой, старикъ, лучше говори правду.

— Авраама, Исаака и Іакова призываю во свидѣтели, что говорю правду.

— Одного мы сами знаемъ, да и ты его назвалъ—Гвидо.

— Такъ онъ назвалъ себя. Но я его не знаю.

— Ну, его-то ты знаешь, какъ и мы. Зачѣмъ онъ приходилъ?

— Какъ разъ не за тѣмъ, за чѣмъ вы.

— Однако?

— Вы предлагаете мнѣ денегъ, а онъ просилъ ихъ у меня. Это разница.

— И огромная.

— Ему я отказалъ, потому что гдѣ же у меня деньги, бѣднаго еврея, обитателя бѣднаго Гетто? выпутывался Исаакъ, — но на ваше предложеніе я согласенъ, милостивые синьоры; дайте мнѣ денегъ, потому что я бѣденъ...

— О бѣдности твоей мы кое-что знаемъ, Исаакъ, но бѣденъ ты или богатъ, ты можешь получить двѣ тысячи дукатовъ.

— Ой? Двѣ тысячи—большія деньги.

— Да, въ особенности для такого бѣдняка, какъ ты, засмѣялся второй сбиръ.

— Да, въ особенности для меня, сердитымъ и обидчивымъ тономъ твердилъ Исаакъ. — Но что для этого нужно дѣлать?

— Сказать—кто былъ у тебя съ Гвидо и гдѣ его найти.

— Ой-ой! Не видать мнѣ двухъ тысячъ дукатовъ и даже ни одного! Я не знаю, кто онъ.

— Старикъ! грозно закричалъ сбиръ.—Не шути съ нами, а то мы представимъ тебя инквизиціи какъ сообщника и укрывателя. И ты можешь поплатиться всѣми своими деньгами и, пожалуй, еще кое-чѣмъ.

— Не кричите такъ, добрые люди, не пугайте бѣднаго, больного старика. Я не знаю, кто онъ. Знаю, что этотъ мошенникъ Гвидо привелъ его ко мнѣ въ первый разъ, и знаю, что онъ совершилъ какое-то убійство въ Римѣ и что его ищутъ въ Венеціи, а больше ничего не знаю. Еще знаю, что ему нужны деньги. А больше, Богомъ Вседержителемъ клянусь, ничего не знаю. Живетъ онъ тоже не знаю гдѣ. Не у Гвидо ли? Они вмѣстѣ пришли, такъ вѣрно у него. Ей Богу, больше ничего не знаю...

Сбиры улыбнулись.

— Большаго и не нужно. Ты знаешь достаточно. Это онъ... тотъ, кого намъ нужно. Намъ нужно было только знать, дѣйствительно ли онъ въ Венеціи и гдѣ его искать. Прощай, старый еврей.

Они хотѣли уйти, но Исаакъ задержалъ ихъ.

— А деньги? суровымъ, сразу измѣнившимся голосомъ спросилъ онъ.

— Какія деньги?

— А двѣ тысячи дукатовъ?

— За что? Вѣдь ты же говоришь, что ничего не знаешь? Такъ за что же давать тебѣ деньги?

Исаакъ укоризненно помоталъ головой.

— Ай, какой грѣхъ, какой грѣхъ, такъ обманывать людей, сказалъ онъ.—Я—бѣдный человѣкъ, а вы хотите отнять отъ меня такъ неожиданно подвернувшіяся деньги...

Сбиры опять засмѣялись.

— Дашь ты намъ изъ нихъ что-нибудь? Если дашь, то мы заявимъ гдѣ слѣдуетъ, что ты первый открылъ преступника.

— Конечно, дамъ.

— Сколько?

— По десяти дукатовъ дамъ каждому, вотъ сколько я дамъ! Я васъ не хочу обижать, добрые люди.

Сбиры захохотали.

— По десяти дукатовъ на каждаго! Ай, какой ты щедрый Исаакъ! А не хочешь ли дать намъ по пятьсотъ?

— Это убытокъ, какъ можно! Ой, какъ это можно!

— Ну, такъ ничего не получишь. А ты сообрази, что можешь получить тысячу и что тысяча больше, чѣмъ ничего. —

И они повернулись, чтобы уйти. Исаакъ немедленно сообразилъ столь простую истину и быстро поспѣшилъ согласиться.

Они договорились, условились о необходимой процедурѣ для полученія денегъ и ушли.

— Какая тревожная ночь! проворчалъ Исаакъ, пропуская ихъ въ калитку.

XVIII.

На берегу Невольничьей набережной возвышается зданіе красивой архитектуры, отдѣленное отъ дворца дожей узкимъ каналомъ — rivo di palazzo. Это зданіе, прочно выведенное, съ необыкновенно толстыми стѣнами, производитъ суровое впечатлѣніе строгостью и сухостью архитектурныхъ линій. По наружному фасаду выведено семь арокъ, надъ которыми возведенъ второй этажъ съ семью окнами, украшенными баллюстрадами и дорическими колоннами. Богатый фризъ украшаетъ вершину зданія, похожаго болѣе на дворецъ въ строгомъ архитектурномъ стилѣ, чѣмъ на что-либо иное.

Но это—тюрьма. Смѣло переброшенная черезъ каналъ крытая арка, на высотѣ десяти метровъ надъ водою

соединяетъ эту тюрьму съ дворцомъ. Арка представляетъ собою крытую галлерею. Чрезъ нее проходили преступники, временно покидая тюрьму, чтобы предстать предъ судьями, засѣдавшими во дворцѣ дожа. Послѣ суда ихъ отводили обратно, и они вновь проходили черезъ этотъ роковой мостъ Вздоховъ, проходили его въ послѣдній разъ, потому что рѣдко кто получалъ оправданіе въ этомъ страшномъ судѣ, имѣвшемъ безпредѣльную власть не только надъ гражданами города, но и надъ иноземцами, совершившими преступленіе.

Шоринъ сидѣлъ уже нѣсколько дней въ одной изъ камеръ тюрьмы Вздоховъ. Это было узенькое, низенькое помѣщеніе съ очень маленькимъ окошечкомъ вверху, выходившимъ на каналъ и почти не дававшимъ свѣта. Каменныя стѣны, каменный полъ, каменная скамья для лежанья... все каменное, неподвижное и твердое, какъ сердца суровыхъ судей инквизиціоннаго суда, не знавшихъ ни снисхожденія, ни участія къ судьбѣ преступниковъ.

Шоринъ лежалъ на своей каменной скамьѣ и думалъ горькую думу.

Странное чувство овладѣло имъ: Лючіетта, Карлоне, Посниковъ, Чемодановъ, Краонъ и Николо казались ему теперь такими далекими, такими чужими! И даже Гвидо какъ будто подернулся дымкой тумана и далеко отодвинулся въ воспоминаніяхъ Шорина.

Въ сердцѣ Шорина и въ его головѣ была пустыня. Ему ничего больше не хотѣлось, ни о чемъ не мечталось, ничего не было жаль. Страшное спокойствіе охватило его душу своими мягкими руками. Онъ не хотѣлъ жить, онъ не боялся смерти. Это было равнодушіе небытія. Находили, правда, въ первое время минуты тяжелаго раздумья, порывы глубокаго раскаянія и мгновенія тоски по родинѣ, по ея обширнымъ снѣжнымъ полямъ, по ея мирному патріархальному складу жизни, въ которой почти не было ни соблазновъ, ни искушеній, по ея суровымъ, но простымъ и добросердечнымъ людямъ. Но эти минуты быстро прошли, исчезли, не возвращались вновь.

Потомъ наступило полное отупѣніе. Лишь ночью, среди тревожнаго, тяжелаго, свинцоваго сна, налетали на него иногда смутныя грезы. Ему рисовалась Москва съ ея кривыми, немощеными улицами и площадями, съ ея церквами и храмами, съ ея Нѣмецкой слободой, которая сыграла столь печальную роль въ его жизни, пріохотивъ его къ чужеземному укладу, вселивъ

въ него страсть къ далекимъ приключеніямъ и путешествіямъ. Иногда слышался ему звонъ московскихъ колоколовъ, благовѣстъ, призывавшій къ молитвѣ, и горькая дума овладѣвала имъ. Онъ просыпался и шепталъ испуганнымъ шепотомъ:

— Никогда, никогда не увижу я больше Божьяго храма...

И тогда онъ горько укорялъ себя:

— Несчастный сынъ родины! Мнѣ должно теперь погибнуть...

Передъ нимъ вставалъ образъ суроваго и ворчливаго дьяка. Какъ правъ былъ Посниковъ, когда говорилъ ему, что его окаянное басурманство доведетъ его до погибели!

Но сонъ проходилъ, сонъ, не дававшій ни отдыха, ни душевнаго успокоенія, и наступалъ день, походившій на осеннія сумерки, и несъ онъ съ собою для Шорина длинные часы равнодушнаго отупѣнія. Это были самые мучительные часы его жизни.

Его приходили допрашивать. и онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы холодно, отрывисто, равнодушно.

— Ты убилъ ее?

— Убилъ

— Зачѣмъ ты сдѣлалъ это?

— Я любилъ ее.

Его спрашивали о его происхожденіи, о средствахъ къ жизни, о подробностяхъ преступленія и о многомъ другомъ. Онъ отвѣчалъ на все и ни разу не попробовалъ оправдываться, защищаться, тронуть сердце суроваго допросчика.

Наконецъ, насталъ день, когда въ его каменный мѣшокъ вошло нѣсколько вооруженныхъ сбировъ, и его повели черезъ мостъ Вздоховъ въ судъ.

Однимъ изъ достоинствъ этого суда была его скорость и краткость процедуры. Одинъ изъ судей, торжественно засѣдавшихъ въ высокой и свѣтлой залѣ, свѣтъ которой ослѣпилъ сначала привыкшіе къ темнотѣ глаза Шорина, задалъ ему все тѣ же вопросы, на которые онъ уже отвѣчалъ неоднократно, сидя въ тюрьмѣ.

Недалеко отъ судейскаго стола, въ одномъ изъ высокихъ креселъ сидѣлъ человѣкъ въ длинной монашеской одеждѣ.

Шоринъ вглядѣлся въ него и узналъ: это былъ отецъ Мартинъ, который проповѣдывалъ когда-то въ соборѣ св. Марка противъ роскоши и распущенности нравовъ. И о. Мартинъ внимательно поглядѣлъ на

Шорина и будто узналъ его. Что-то въ родѣ блѣдной улыбки скользнуло по его лицу.

О. Мартинъ всталъ, позвалъ обвиняемаго къ распятію и сказалъ ему краткую рѣчь:

— Сынъ мой, ты долженъ показывать правду, по совѣсти и убѣжденію, какъ будто ты стоишь передъ лицомъ самого Распятаго.

Мало-по-малу, прежнія чувства возвращались къ Шорину и тяжелое отупѣніе каменной тюрьмы спадало съ него. Глаза его привыкли къ свѣту, и онъ взглянулъ прямо въ лицо о. Мартину. Сердце его вдругъ сильно застучало и кровь, казалось, совершенно застывшая въ его жилахъ, бросилась ему въ лицо и окрасила щеки его пурпуромъ.

— Я узналъ тебя, сказалъ ему вполголоса о. Мартинъ.—Ты слушалъ мою проповѣдь въ соборѣ.

— И я узналъ тебя, отвѣтилъ Шоринъ.

— Прекрасно. Заклинаю тебя, сынъ мой, говорить правду и не лгать передъ лицомъ Всевышняго.

Шоринъ громко отвѣтилъ:

— Я никогда не лгалъ, ни передъ лицомъ Всевышняго, ни передъ своей совѣстью. Я всегда говорилъ правду. Что вамъ нужно еще отъ меня? Я уже сознался въ своемъ преступленіи.

Судъ совѣщался недолго.

Шоринъ былъ осужденъ и приговоренъ къ смертной казни. На другой день его казнятъ внутри тюремнаго зданія, и онъ проведетъ еще одну, послѣднюю ночь въ своемъ каменномъ мѣшкѣ.

— Сбиры, уведите осужденнаго!

Его окружили и повели.

Въ послѣдній разъ онъ переходилъ мостъ Вздоховъ и остановился передъ окнами его галлереи. Изъ этихъ оконъ виденъ былъ каналъ, раздѣлявшій дворецъ отъ тюрьмы, и часть лагуны, залитой яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

Осужденнымъ позволяли, по установившимся традиціямъ, дѣлать эту послѣднюю остановку на мосту Вздоховъ, чтобыналюбоваться передъ смертью великолѣпной картиной жизни.

И Шоринъ воспользовался своимъ правомъ. На минуту представилъ онъ себѣ, что стоитъ на палубѣ голландскаго корабля, который несъ его къ этой невѣдомой странѣ, къ этому городу чудесъ.

Передъ нимъ, на невольничьей набережной, сновалъ народъ, этотъ венеціанскій народъ, забывшій Бога и

предавшійся развлеченіямъ, лѣности, бездѣлью и роскоши. Далеко впереди блистала яркими красками лагуна, точно горя вся въ огнѣ, точно залитая расплавленнымъ, желтымъ металломъ. Черныя, печальныя гондолы изрѣдка врѣзывались въ эту желтую полосу солнечнаго свѣта и рыбачья лодка съ кроваво-краснымъ парусомъ спѣшила по лагунѣ на взморье. А тамъ, еще дальше, безчисленные островки, Лидо, Мурано, Серволо...

Тяжкій вздохъ вырвался у Шорина на этомъ мосту Вздоховъ и тяжелая, точно свинцовая слеза скатилась изъ его глазъ, давно уже отвыкшихъ отъ слезъ.

— Онъ вздохнулъ, тихо сказалъ сбиръ своему товарищу.—Больше ему нечего здѣсь дѣлать.

— Всѣ они такъ вздыхаютъ, такое ужъ здѣсь мѣсто, отвѣтилъ ему другой и тронулъ Шорина за плечо.

— Пойдемъ! сказалъ ему первый.

Онъ повиновался и, бросивъ послѣдній взглядъ на лагуну, медленно отвернулся и отправился въ свою каменную гробницу.

И снова каменное равнодушіе охватило его. Ему казалось, что онъ спалъ и эту желто-красную лагуну и эти гондолы и рыбачьи лодки и острова видѣлъ только во снѣ.

Онъ остался одинъ. Медленно, но вѣрно задвинулся засовъ его темницы и глухо и гулко раздались по каменному полу тюремнаго корридора тяжелые шаги судебной стражи.

И по мѣрѣ того, какъ они удалялись, тоже медленно, но вѣрно, подкрадывалось къ Шорину прежнее, леденящее душу спокойствіе.

Онъ даже не сознавалъ своего осужденія, оставившаго ему одинъ день жизни. Завтра утромъ онъ будетъ казненъ—промелькнуло еще разъ въ его сознаніи—и то, что называлось жизнью, превратится въ смерть. Не все ли равно ему? И какая разница? Онъ уже умеръ давно, въ тотъ самый моментъ, когда умерла Лючіетта.

Онъ опустился на скамью, прислонилъ голову къ сырой стѣнѣ и замеръ.

Сколько часовъ просидѣлъ онъ такъ—онъ не сознавалъ. Сознаніе времени исчезло для него. Можетъ быть, прошло нѣсколько минутъ, можетъ быть—нѣсколько часовъ, а можетъ быть—уже и цѣлый день.

Разъ только отворилась окошечко въ желѣзной двери и чья-то рука просунула въ келью пищу для узника. Но онъ не шевельнулся и не прикоснулся къ этой пищѣ.

Недалеко отъ Мурано находился въ ту эпоху такъ называемый островъ Смерти, среди зелени котораго расположилось венеціанское кладбище.

Небольшой островокъ, весь заросшій зеленью и цвѣтами, былъ обнесенъ невысокой стѣной, за которой, на фонѣ зелени, бѣлѣли кресты и памятники людей, нашедшихъ на этомъ островѣ забвенія вѣчный миръ и успокоеніе.

Дулъ сирроко, удручающій, пылающій, огненный вѣтеръ. Черная гондола подплывала къ острову Смерти. И, какъ только она подошла къ его берегамъ, раздался съ кампанилы маленькой кладбищенской церкви протяжный и унылый звукъ колокола.

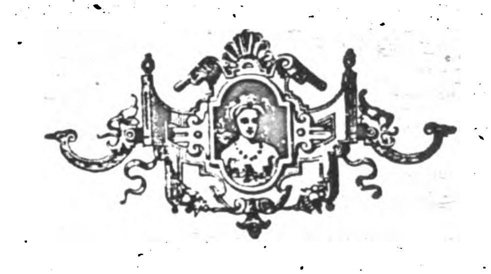
Наступалъ вечеръ, обычный венеціанскій вечеръ, тихая прелесть котораго была нарушена вѣтромъ сирроко.

Желѣзныя кладбищенскія ворота скрипнули и отворились. Колеблющееся пламя факеловъ зигзагами отразилось въ водѣ лагуны, какъ будто въ нихъ упало нѣсколько огненныхъ змѣй. Кладбищенскій сторожъ подошелъ къ гондолѣ съ своими помощниками по скользкимъ ступенямъ и принялъ деревянный ящикъ, окрашенный черной краской, съ останками казненнаго утромъ Шорина.

Безмолвно исполнили лодочники и сторожа свое дѣло и безшумно удалилась гондола.

Ворота острова Смерти закрылись, жалобно застонавъ на своихъ ржавыхъ петляхъ; быстро стало темнѣть; сирроко стихало; съ далекаго темнаго неба засвѣтили звѣзды. Все точно замерло въ тишинѣ этой душной лѣтней ночи, но, когда гондола подошла къ Невольничьей набережной, сбиры и лодочники услышали съ площади св. Марка звуки веселой пѣсни. Въ „мальвазіяхъ" и игорныхъ домахъ собирался народъ, и жизнь, та жизнь, съ которой такъ рѣшительно и печально покончилъ Шоринъ, вступала въ свои обычныя права...

В. Свѣтловъ.

ДИДРО и ЕКАТЕРИНА.

(Вновь открытыя сочиненія Дидро).

Въ октябрѣ 1773 года Дидро, послѣ двухмѣсячнаго путешествія, прибылъ въ Петербургъ, и тотчасъ же начались оживленныя личныя сношенія между великой императрицей и величайшимъ французомъ прошлаго столѣтія. Зачѣмъ, для какой цѣли понадобился пріѣздъ въ Петербургъ творца французской энциклопедіи, человѣка, явившагося предтечей и однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ французской революціи? Радикализмъ его хорошо извѣстенъ былъ сѣверной Семирамидѣ, и едва ли можно допустить, что Дидро выписали изъ Парижа для того, чтобы получить отъ него готовый рецептъ для леченія тогдашнихъ русскихъ и польскихъ немощей. Но не лучше ли, прежде чѣмъ говорить о личныхъ бесѣдахъ великой Екатерины съ Дидро, попытаться набросать образъ этого чародѣя слова, перваго наставника французскаго народа, друга человѣчества и проповѣдника знанія?

I.

Въ письмѣ къ Вольтеру отъ 9 марта 1831 года Гете говоритъ: „Дидро есть Дидро, человѣкъ въ своемъ родѣ единственный. Только неисправимые педанты, — а имя имъ легіонъ, — могутъ относиться придирчиво къ нему или къ его твореніямъ. Ни отъ Бога, ни отъ природы, ни отъ себѣ подобныхъ, люди не умѣютъ еще принимать съ благодарностью сокровища неоцѣнимыя“. Вотъ наиболѣе полная характеристика Дидро, получающая

особенное значеніе въ устахъ творца Фауста, съ олимпійскимъ величіемъ относившагося къ знаменитымъ людямъ и чрезвычайно осторожнаго въ своихъ словахъ. Поражала и оставляла по себѣ неизгладимую память уже одна внѣшность Дидро. Въ Эрмитажѣ хранится его бюстъ работы ученицы Фальконетти, мадемуазель Callot, славившейся умѣніемъ схватывать сходство, но совершенно полное представленіе о внѣшности человѣка, котораго Гете называлъ „неоцѣнимымъ сокровищемъ", даетъ статуя Бартольда, красующаяся на одной изъ площадей въ его родномъ городѣ Лангрѣ. Въ простой и непринужденной позѣ стоитъ философъ на пьедесталѣ. Лихорадочно блестящіе, вдаль устремленные глаза, улыбка, на открытомъ, честномъ лицѣ, вмѣсто классической тоги, халатъ, голова, немного наклоненная, точно вглядывается во что-то, а въ рукахъ книга,То была голова, по выраженію Гримма: „экстраординарная, могучая, естественно-энциклопедическая", и такою она должна была быть, для того, чтобы Дидро могъ выполнить свои безсмертные труды, по составленію, редактированію и изданію энциклопедіи, которой онъ отдалъ тридцать лѣтъ своей жизни. Дидро зналъ все, что знало его время, но кромѣ того онъ надѣленъ былъ особенной силой проникновенія, интуиціей, позволявшею ему быстро усваивать все для него новое и съ удивительною легкостью воплощать въ устномъ словѣ и въ письмѣ. Механика, геометрія, математика, философія, богословіе, этика, живопись, музыка, театръ, поэзія, искусство и древность—во всѣхъ этихъ областяхъ онъ чувствовалъ себя хозяиномъ и властелиномъ. „Въ сферу дѣятельности его генія, писалъ Вольтеръ, входитъ все, рѣшительно все; съ высоты метафизики онъ спускается въ мастерскую ткача, гдѣ онъ все умѣетъ и знаетъ, а оттуда онъ легко переносится въ театръ, гдѣ ему одному все видно". Но всѣхъ этихъ знаній, дарованій, талантовъ и способностей недостаточно было для того, чтобы дать міру энциклопедію; для этого нужны были еще мужество борца, несокрушимая энергія, умѣніе спокойно переносить всевозможныя лишенія, клеветы, оскорбленія, доносы, угрозы, умѣніе десятки разъ рисковать свободой, иногда и жизнью.

Подчиняя себѣ людей своими несравненными талантами, своей энергіей, Дидро очаровывалъ ихъ благородствомъ и красотою характера. Безконечно добрый, чувствительный, страстно любящій свою семью и друзей, Дидро принималъ всѣхъ, утѣшалъ всѣхъ,

помогалъ перомъ и кошелькомъ всякому, кто къ нему обращался, всѣмъ нуждающимся и несчастнымъ, знакомымъ и незнакомымъ. Необычайно воспріимчивый, съ душою открытой для всего благороднаго, простой въ своихъ нравахъ, бѣдный и довольный своей бѣдностью, чуждый всякихъ претензій, онъ былъ олицетвореніемъ человѣка—философа, всечеловѣка. Въ исторіи литературы нѣтъ другого примѣра, когда бы ученый и писатель съ такой готовностью отдавалъ свой геній, свое перо и свое время на службу людямъ. Имъ написана значительная часть „Философской исторіи Индіи", авторомъ которой слыветъ его другъ Райналь. Гриммъ, любившій эксплоатировать своихъ друзей, обратился къ нему съ просьбой дать для одного нѣмецкаго журнала отчетъ объ одной художественной выставкѣ; онъ ждалъ простого письма. Вмѣсто этого Дидро въ нѣсколько дней написалъ цѣлый томъ, полный новыхъ идей и проникнутый тѣмъ духомъ жизни, который только ему одному былъ присущъ. Трудно перечислить всѣ услуги этого рода, оказанныя имъ множеству лицъ. Литераторы, музыканты, художники, архитекторы, проповѣдники, — всѣ къ нему обращались за помощью и всѣмъ онъ помогалъ. Сокровища своего ума и сердца онъ расточалъ съ истинно-царскою щедростью, служа неизсякаемымъ источникомъ для всѣхъ. Его въ этомъ отношеніи знали всѣ, начиная отъ ученаго и кончая какимъ-нибудь мелкимъ дѣльцомъ. Однажды къ нему явился какой-то „землякъ" съ просьбой написать „захватывающее объявленіе" объ изобрѣтенной имъ... помадѣ для рощенія волосъ. „Отецъ мой, разсказываетъ дочь Дидро, мадамъ Вандейль, хохоталъ до упаду и тутъ же написалъ требуемое объявленіе".

Безконечно дробилась литературная дѣятельность этого генія слова. Онъ хотѣлъ все знать, все изучить. Въ отдаленнѣйшихъ областяхъ человѣческаго мышленія онъ трудился и тамъ, гдѣ умъ его наталкивался на непроходимыя дебри, онъ умѣлъ расчищать пути и строить цѣлыя зданія. Имъ проложены новые пути для французскаго театра; онъ, по справедливости, считается отцомъ французской художественной критики, имъ найдены новыя формы для повѣсти и романа; онъ, поэтъ и богатой фантазіей надѣленный философъ, первый раскрылъ поэзію ремесла, сдѣлалъ ее всѣмъ доступной въ художественныхъ описаніяхъ какого-нибудь произведенія ткача, и создалъ цѣлую литературу по технологіи.

II.

Дидро былъ надѣленъ необыкновенной силою слова, и безподобенъ былъ его ораторскій талантъ. По свидѣтельству друзей и недруговъ, послушать его было величайшимъ наслажденіемъ. Оглашались ли его рѣчью царскіе хоромы, или онъ говорилъ въ четырехъ стѣнахъ какой-нибудь скромной комнаты—свѣтъ всегда наполнялъ пространство, въ которомъ звучалъ его голосъ. Говорилъ онъ съ энтузіазмомъ; волосы его становились дыбомъ, дрожь пробѣгала по всѣмъ его членамъ, точно часть его собственнаго я отдѣлялась отъ него и сообщалась слушателямъ. Все въ аудиторіи превращалось въ слухъ, всѣ слѣдили за чарующей симфоніей мысли. Онъ рѣдко порицалъ, чаще всего расточалъ похвалы, восторгался и, восторгаясь, заставлялъ другихъ раздѣлять свой восторгъ. Его умную, восторженную, огнемъ дышащую рѣчь часто сравнивали съ рѣчью Сократа, и сравнивали совершенно справедливо, по признанію, сдѣланному Жанъ-Жакомъ Руссо въ то время, когда женевскій философъ находился во враждѣ съ творцомъ энциклопедіи. Въ немъ святой демонъ жилъ и творилъ. Однажды вечеромъ, въ многочисленномъ кругу друзей и незнакомыхъ людей, Дидро говорилъ о какой-то книгѣ, которую онъ днемъ прочиталъ. Книга ему очень понравилась; она открыла ему новые горизонты; неизвѣданныя глубины раскрылись предъ нимъ—поистинѣ великолѣпная книга! Съ восторгомъ, который онъ такъ умѣлъ сообщать людямъ, всѣ слушали, и лишь одинъ изъ присутствовавшихъ позволилъ себѣ замѣтить, что онъ тоже читалъ эту книгу, но ничего такого прекраснаго или выдающагося не нашелъ въ ней. „Ничего, такъ-таки ничего?!"—воскликнулъ Дидро съ чисто-дѣтскимъ удивленіемъ,—„значитъ, вы плохо читали". Замѣчаніе для него очень характерное. Онъ читалъ книгу, которая оказывается плохой стряпней, но мысль, положенная въ ея основу, вѣрна, и вотъ художникъ полубезсознательно показываетъ, какъ, какими средствами и какимъ путемъ эта мысль могла бы получить достойное выраженіе. Въ его рѣчи книга перерабатывается, и плохая стряпня преображается въ художественное произведеніе. Можно утверждать, что свои собственныя лучшія книги Дидро создалъ въ устной рѣчи, а не съ перомъ въ рукѣ. Сотни томовъ, не дошедшихъ до насъ, имъ созданы такимъ путемъ, и кто

знаетъ, не то же ли самое происходитъ со многими выдающимися людьми, не отдаютъ ли они намъ лучшей части того, что они дать могутъ, въ устной рѣчи, въ разговорѣ, не дѣйствуютъ ли они на насъ сильнѣе непосредственнымъ словомъ, чѣмъ при помощи пера и чернилъ. Такія книги, создаваемыя живымъ словомъ, конечно, раздѣляютъ судьбу своихъ авторовъ. Ихъ нельзя ни переплетать, ни ставить на полку, и, едва родившись, онѣ исчезаютъ въ пространствѣ, но велика ихъ творческая сила, хотя трудно прослѣдить ее.

Удивляться можно только тому, что этотъ человѣкъ, такъ расточавшій свои силы, не перестававшій расходовать ихъ, находилъ еще время браться за перо и писать цѣлыя книги. Послѣднее собраніе его сочиненій, изданное во Франціи сравнительно недавно, заключаетъ въ себѣ двадцать внушительныхъ томовъ. Правда, Дидро дробился на мелкія части, и на десятичныхъ вѣсахъ отдѣльные томы его не очень тяжело вѣсятъ. Но зато въ немъ жила божественная сила, та сила, которая давала ему возможность въ немногихъ словахъ, на немногихъ страницахъ проявлять больше мудрости и правды, чѣмъ десятки другихъ писателей въ тяжеловѣсныхъ фоліантахъ. Онъ писалъ только тогда, когда у него являлась потребность писать, онъ не думалъ ни о славѣ, ни о деньгахъ. Значительная часть двадцати томовъ при жизни его совсѣмъ не появлялась въ печати, въ томъ числѣ такія вещи, какъ „Племянникъ Рамо", „Жакъ-фаталистъ" и „Парадоксы объ артистѣ". Готовыя книги исчезали въ ящикахъ его письменнаго стола, и такимъ образомъ, колыбель ихъ надолго превращалась въ ихъ могилу.

„Племянникъ Рамо" родился на свѣтъ Божій за 24 года до смерти Дидро, но за все это время онъ ни разу не читалъ свою книгу даже самымъ близкимъ друзьямъ. Художнику важно было создать свое произведеніе, и съ того момента, какъ оно появилось, онъ пересталъ интересоваться имъ. Удивительна и совершенно безподобна судьба „Племянника Рамо". Написанная въ 1760 году, эта книга оставалась неизвѣстной французамъ. Чрезъ посредство Гримма копія съ нея попадаетъ въ Германію, въ руки Шиллера, который переслалъ ее Гете съ предложеніемъ перевести ее на нѣмецкій языкъ. Переводъ Гете появился въ 1805 году и прошло не мало времени, пока онъ попалъ въ Парижъ, гдѣ въ 1821 году на книжномъ рынкѣ появился переводъ съ этого перевода. Только тогда дочь Дидро вспомнила о

рукописи своего отца и предала ее тисненію. Лучшія книги Дидро раздѣлили ту же участь. Вся Европа знала и читала ихъ раньше, чѣмъ сами французы.

III.

Таковъ Дидро—человѣкъ и писатель, но намъ пора перейти къ Дидро—творцу энциклопедіи, такъ какъ слава энциклопедиста и борьба, которую онъ побѣдоносно велъ противъ духа тьмы, сдѣлала его другомъ Екатерины Великой, ея гостемъ, который пользовался неограниченнымъ правомъ высказывать ей все, что онъ думалъ и что находилъ нужнымъ или полезнымъ.

Въ 1751 году появился первый томъ энциклопедіи, и отовсюду,со всѣхъ концовъ образованнаго міра, доносились выраженія сочувствія и одобренія его творцу. Но одновременно съ этимъ началась и ожесточенная борьба противъ Дидро и задуманнаго имъ дѣла. „На глазахъ Европы, чутко слѣдившей за начатой работой, говоритъ одинъ изъ современниковъ Дидро, началась упорная война между свѣтомъ и тьмою; на одной сторонѣ была сила ума и таланта, на другой—сила власти". Іезуиты, которые всегда стараются проникнуть туда, гдѣ они прозрѣваютъ силу, которые со свойственнымъ имъ чутьемъ предугадывали судьбу новаго творенія, попытались самимъ взять въ свои руки хотя бы часть энциклопедіи и навязывали себя въ сотрудники ея. Они пожелали взять на себя часть богословскую, но встрѣтили, разумѣется, отпоръ. Столь же тщетной оказалась и попытка янсенистовъ. Такой человѣкъ, какъ Дидро, не могъ допустить какого бы то ни было вмѣшательства въ дѣло, которое должно было явиться полнымъ отраженіемъ его самого, всего существа его. Начались преслѣдованія. Въ первый разъ іезуиты и янсенисты сражаются подъ однимъ знаменемъ, выступаютъ на борьбу противъ „невѣрія" соединенными силами. „Союзники" не пожелали дождаться появленія въ продажѣ перваго тома и бросились въ атаку еще нѣсколько раньше. Нѣкто Шомэ выступаетъ съ книгой: „*Законные предразсудки противъ энциклопедіи*", а вслѣдъ за нимъ появляется въ двадцати выпускахъ: „*Отомщенная религія или опроверженіе нечестивыхъ авторовъ*". Іезуитъ Шапләнъ, исповѣдникъ Людовика XV, въ своихъ проповѣдяхъ призывалъ громы земные и небесные на энциклопедистовъ. Къ нему присоединились другіе, и полились обильнымъ дождемъ клеветы, доносы, памфлеты, въ которыхъ благоче-

ствные авторы рисовали Дидро антихристомъ, а его энциклопедію — звѣремъ Апокалипсиса... Временно тьма восторжествовала надъ свѣтомъ, и 7 февраля 1752 г. декретомъ королевскаго совѣта воспрещены были первые два тома, какъ книги *„содержащія въ себѣ основоположенія, способныя подорвать королевскую власть, распространить духъ независимости и возмущенія, а также въ темныхъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ проповѣдующія безнравственность, развратъ, отрицаніе религіи и невѣріе"*. Дальнѣйшее печатаніе было прервано на 18 мѣсяцевъ, и враги энциклопедіи торжествовали по всей линіи. Но не дремалъ и Дидро. Онъ не переставалъ работать надъ слѣдующими томами, и въ нѣсколько лѣтъ были отпечатаны еще 5 книгъ, какъ вдругъ декретомъ отъ 7 марта 1759 года у него была отнята привилегія на изданіе. Здѣсь лучше всего предоставить слово Вольтеру:

„Нѣсколько томовъ, писалъ онъ, уже появились въ свѣтъ, къ великой радости публики. Статьи, написанныя главными участниками предпріятія, удостоились всеобщаго одобренія. Изданіе было обставлено хорошо, причемъ соблюдены были всѣ формальности, нужныя для успѣха. Многочисленные подписчики, разсѣянные по всей Европѣ, смѣло посылали свои деньги, довѣряя привилегіи, выданной самимъ королемъ и снабженной его печатью. Теперь, съ уничтоженіемъ привилегіи, они надѣялись получить обратно свои авансы, ибо, этого не слѣдуетъ забывать,—если авторы энциклопедіи хотѣли безкорыстно служить человѣчеству, то подписчики и книготорговцы хотѣли оградить свои матеріальные интересы. И началась борьба, въ которой фанатизмъ показалъ себя во всей своей мощи. Враги разума и таланта обратились къ парижскому парламенту и потребовали отъ него суда надъ книгой, которая не могла быть предметомъ процесса, такъ какъ она была снабжена королевской печатью. Не осмѣливаясь нападать на отдѣльныя статьи энциклопедіи, іезуиты и янсенисты обвиняли авторовъ не за то, что ими написано, а за то, что они написать намѣрены въ будущемъ. Авторъ, положимъ, отсылаетъ читателя къ слову или главѣ, которая появится въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ, но въ этомъ іезуиты видѣли доказательство того, что въ слѣдующихъ томахъ будетъ разлитъ тотъ ядъ, котораго они никакъ не могли открыть въ томахъ уже появившихся. Какимъ образомъ парижскій парламентъ могъ произнести свой приговоръ надъ семью огромными томами, уже напечатанными, и

надъ многими другими, еще не увидѣвшими свѣта? Черезъ посредство адвоката Флери обвинители представили парламенту обширную записку, въ которой они особенно нападали на автора главы о душѣ (Ame), обличая его въ матеріализмѣ. Оказалось, что глава эта принадлежитъ перу одного изъ профессоровъ Сорбонны, человѣка извѣстнаго своей религіозностью и не только не сторонника матеріализма, но, наоборотъ, противника Локка и его послѣдователей. Парламентъ, хотя и пріостановилъ печатаніе, но назначилъ отъ себя комиссаровъ для изслѣдованія книги, и публика повѣрила, что въ концѣ концовъ энциклопедія будетъ спасена".

Публика повѣрила, но не повѣрилъ Вольтеръ. Опасаясь за жизнь Дидро, онъ горячо совѣтовалъ ему отказаться отъ задуманной цѣли, принять приглашеніе Екатерины и отправиться въ Россію, „въ эту полуварварскую страну, гдѣ ему легче будетъ довести до конца начатое великое дѣло". Онъ даже послалъ Дидро анонимную записку, въ которой напомнилъ ему о судьбѣ одного восемнадцатилѣтняго юноши, котораго сожгли на кострѣ за то, что онъ отказался обнажить голову предъ процессіей капуциновъ. Дидро узналъ блестящее перо Вольтера и отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ:

„Я знаю, что лютый звѣрь охотно пьетъ человѣческую кровь; я знаю, что этотъ звѣрь голоденъ и что онъ набросится на философовъ; я знаю, что онъ давно уже намѣтилъ меня своей жертвой и, вѣроятно, скушаетъ меня; я знаю, что слишкомъ поздно придется вспомнить вашъ совѣтъ и, быть можетъ, очень скоро оправдаются ваши опасенія, но не нужна мнѣ и жизнь, если я не могу воспользоваться ею для того, что мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Сверхъ того, я каждое утро просыпаюсь съ надеждой, что люди лучше станутъ, и фанатизмъ исчезнетъ. Зная всю кровожадность звѣря, мы стараемся обойти его, руководствуясь соображеніями, которыя тѣмъ дороже человѣку, чѣмъ онъ честнѣе и воспріимчивѣе. Я слишкомъ люблю нашу Францію и уѣхалъ бы, еслибъ могъ взять ее съ собою".

Здѣсь умѣстно будетъ привести слѣдующій анекдотъ, разсказанный Вольтеромъ въ 1774 г. и свидѣтельствующій о впечатлѣніи, которое произвело запрещеніе энциклопедіи въ высшихъ слояхъ французскаго общества:

„Одинъ изъ лакеевъ Людовика XV, говоритъ Вольтеръ, разсказывалъ мнѣ, что король, его августѣйшій повелитель, ужиналъ однажды въ Тріанонѣ въ небольшомъ интимномъ кругу. Говорили сначала объ охотѣ,

а затѣмъ рѣчь зашла о порохѣ. Кто-то замѣтилъ, что лучшій порохъ фабрикуется изъ селитры, сѣры и желѣзистаго угля, взятыхъ въ равныхъ частяхъ. Герцогъ Лавальеръ, лучше другихъ освѣдомленный, объяснилъ, что порохъ самаго высокаго достоинства содержитъ въ себѣ равныя дозы сѣры и селитры, причемъ на каждую изъ нихъ приходится пять частей желѣзистаго угля хорошо процѣженнаго и тщательно кристаллизованнаго.

„— Не странно ли, замѣтилъ герцогъ Ниверна,—что мы ежедневно убиваемъ столько дичи въ Версали, ежедневно убиваемъ немало своихъ и чужихъ людей, не имѣя никакого понятія о томъ, чѣмъ собственно мы убиваемъ.

„— Увы! мы на такое же полное незнаніе осуждены рѣшительно во всемъ, воскликнула мадамъ Помпадуръ.— Я, напримѣръ, не знаю, изъ чего состоитъ краска, которая ежедневно придаетъ свѣжесть и румянецъ моимъ щекамъ, и была бы поставлена въ большое затрудненіе, если бъ меня спросили, какъ изготовляются шелковые чулки для моихъ ногъ.

„— Остается только пожалѣть, отвѣтилъ на это герцогъ Лавальеръ,—что его величество запретилъ намъ энциклопедическій лексиконъ, который обошелся каждому изъ насъ въ нѣсколько сотъ франковъ. Мы въ немъ нашли бы отвѣты на всѣ вопросы.

„Король пробовалъ оправдать запрещеніе тѣмъ, что оно имѣетъ лишь временный характеръ. Его убѣждали въ томъ, что эти толстые фоліанты, которые валяются въ будуарахъ всѣхъ свѣтскихъ красавицъ—вещь наиболѣе опасная для французскаго королевства, и поэтому, прежде чѣмъ позволить другимъ читать эти книги, онъ пожелалъ лично провѣрить, насколько заслуживаютъ вниманія всѣ обвиненія и доносы, а для этого нужно было время. Послѣ ужина послали за экземпляромъ энциклопедіи, который три взрослыхъ и здоровенныхъ лакея съ трудомъ притащили. Открыли статью о порохѣ и убѣдились, что правъ былъ герцогъ Лавальеръ. Тутъ же кстати мадамъ Помпадуръ узнала разницу между краской, которой пользуются парижскія дамы, и тою, которую употребляли въ прежнія времена испанскія красавицы. Оказалось также, что древне-римскія и греческія женщины красились багрянкой, добывавшейся изъ раковинъ и что, стало быть, нашъ шарлахъ или ярко-красная матерія — это пурпуръ древнихъ. Тутъ же узнали еще другія интересныя вещи, напримѣръ, что

испанская краска для дамскихъ щекъ содержитъ въ себѣ много шафрана, тогда какъ краска, употребительная во Франціи, поглощаетъ много кошениля. Наконецъ, мадамъ Помпадуръ познакомилась съ машиной для вязанія чулокъ и очень заинтересовалась ею.

„—Какая прекрасная книга! воскликнула она.—Сэръ, вы запретили этотъ складъ полезнѣйшихъ вещей для того, чтобы сдѣлаться его единственнымъ обладателемъ и первымъ ученымъ въ вашемъ королевствѣ.

„Всѣ набросились съ жадностью на фоліанты, точно лакомедійскія дѣвы на сокровища Улисса; каждый находилъ въ нихъ то, чего искалъ. Тѣ, которые вели тяжбы въ судѣ, нашли здѣсь указанія на вѣроятныя рѣшенія, а самъ король нашелъ перечень всѣхъ правъ, предоставленныхъ ему короной.

„— Но, право же, воскликнулъ король,—я не понимаю, почему мнѣ наговорили такъ много дурного объ этихъ книгахъ!

„— Сэръ, отвѣтилъ ему герцогъ Ниверна,—развѣ вы не видите, что вамъ наговорили много дурного именно потому, что онѣ очень хороши. Противъ ничтожества и посредственности люди не станутъ такъ вооружаться. Если женщины всѣ въ одинъ голосъ вышучиваютъ и зло осмѣиваютъ вновь пришедшую, то можно быть увѣреннымъ, что она самая красивая и интересная.

„Наконецъ поднялся графъ Куани, все время молчавшій.

„— Сэръ, началъ онъ громко,—вы очень счастливы тѣмъ, что въ ваше царствованіе нашлось такъ много людей, способныхъ обнять все знаніе, всѣ искусства и завѣщать ихъ потомству. Все здѣсь, въ этихъ книгахъ, начиная отъ способа изготовленія какой-нибудь булавки и кончая вашими пушками, все, отъ безконечно малаго до безконечно великаго. Благодарите Бога за то, что онъ далъ Франціи людей, способныхъ служить всему человѣчеству. Пусть же другіе народы покупаютъ у насъ энциклопедію или пусть они заимствуютъ ее у насъ. Возьмите все мое состояніе, отнимите у меня все, что имѣю, но отдайте мнѣ энциклопедію.

„— Однако, утверждаютъ, возразилъ король,—что въ этой прекрасной и полезной книгѣ много ошибокъ.

„— Сэръ, отвѣтилъ графъ Куани,—ужинъ, которымъ вы насъ угостили, состоялъ изъ многихъ отличныхъ блюдъ, но два изъ нихъ оказались дурно приготовленными; развѣ вы позволили бы изъ-за нихъ выбросить въ окно весь ужинъ?

„Король почувствовалъ всю силу этого аргумента. Каждый взялся за свою книгу. То былъ прекрасный день.

„Злоба и невѣжество, однако, не признали себя побѣжденными. Эти двѣ безсмертныя сестры продолжали свое дѣло, оглашали воздухъ криками объ опасности для религіи и для государственныхъ основъ, интриговали, писали доносы и неистовствовали. Особенно невѣжество оказалось по этой части неутомимымъ и изобрѣтательнымъ. И что же? Случилось, наконецъ, то, что должно было случиться: иностранцы выпустили четыре изданія этого творенія, противъ котораго было поднято гоненіе во Франціи, и заработали на этихъ изданіяхъ полтора милліона экю“.

IV.

Дидро, какъ мы видѣли, отклонилъ совѣтъ Вольтера и не пожелалъ отправиться въ добровольное изгнаніе. Не въ его характерѣ было бѣжать съ поля сраженія; ему трудно было также разстаться съ семьею и друзьями; наконецъ, отказаться отъ энциклопедіи значило для него отказаться отъ жизни, но ко всѣмъ этимъ высшимъ мотивамъ присоединилось еще соображеніе простой житейской честности, также не позволявшее ему бросить начатое дѣло. Его отъѣздъ изъ Франціи разорилъ бы типографа Лебретона, затратившаго большія деньги на печатаніе *временно* запрещенныхъ томовъ энциклопедіи. И Лебретонъ отплатилъ философу за вниманіе къ интересамъ его кармана, отплатилъ такъ, что, невольно вспоминается замѣчаніе одного изъ героевъ Достоевскаго: „Подлецъ-человѣкъ на все способенъ“. Однажды, перелистывая страницы отпечатанныхъ томовъ, Дидро, къ ужасу своему, убѣдился, что цѣлый рядъ статей изуродованъ до неузнаваемости. Передѣлки, вставки, сокращенія и измѣненія придали имъ совершенно другой смыслъ и, внося собою невѣжество и односторонность, измѣнили также духъ и направленіе труда. Типографъ, для котораго Дидро подвергалъ опасности свою свободу, быть можетъ, жизнь свою, обманулъ и предалъ его постыднѣйшимъ образомъ. Смущенный смѣлостью авторовъ, возраставшей въ той мѣрѣ, въ какой усиливалось гоненіе противъ нихъ, напуганный угрозами и всякаго рода слухами, типографъ исправлялъ корректурные листы, подписанные авторами, ни словомъ не предупредивъ объ этомъ самого Дидро. Письмо, въ которомъ неутомимый борецъ далъ просторъ своему негодованію, навсегда

останется однимъ изъ лучшихъ памятниковъ благородства души человѣка, и его не худо бы заучить наизусть всѣмъ, кто, стоя у типографскаго станка, склоненъ забывать, что съ печатнымъ словомъ надо обращаться честно. Вотъ нѣсколько дословныхъ выдержекъ изъ этого письма къ типографу Лебретону:

„Вы подло обманывали меня втеченіе двухъ лѣтъ. Вы систематически губили труды двадцати честныхъ людей, безкорыстно отдававшихъ вамъ свои дарованія, труды и время исключительно изъ любви къ истинѣ и въ единственной надеждѣ увидѣть свои идеи обнародованными и удостоенными того признанія, на которое они имѣютъ право, отнятое у нихъ теперь вашей неблагодарностью и низостью. Но подумайте о томъ, что я здѣсь предсказываю вамъ. Какъ только книги появятся въ свѣтъ, авторы изуродованныхъ вами статей своими глазами увидятъ все, что вы надъ ними продѣлали, и они, конечно, не останутся равнодушными; взрывъ всеобщаго негодованія противъ васъ не заставитъ себя долго ждать. Крики Дидро, Д'Аламбера, Гольбаха, Тюрго, Жокура и другихъ уважаемыхъ людей, вами обезчещенныхъ, будутъ подхвачены толпою. Ваши подписчики скажутъ, что они подписались на наши сочиненія, на мой трудъ, взамѣнъ которыхъ вы имъ дали ваши собственныя произведенія. Наши друзья и недруги всѣ сольются въ одномъ крикѣ негодованія противъ васъ. Ваши книги будутъ объявлены грубой поддѣлкой. Вольтеръ, который будетъ насъ тщетно искать въ этихъ книгахъ, журналисты и публицисты, которымъ такъ желательно обезславить насъ,— всѣ они въ одинъ голосъ оповѣстятъ города и села, Францію и всю Европу о вашемъ обманѣ, и весь міръ узнаетъ, что эта многотомная компиляція, стоившая публикѣ столько денегъ, есть не что иное, какъ отвратительный сборникъ всякихъ пошлостей. Ничтожное количество экземпляровъ вашего изданія медленно разойдется, а затѣмъ все поступитъ въ макулатуру. Не обманывайте себя на этотъ счетъ: вредъ, который вы причинили себѣ, будетъ несравненно больше, чѣмъ тотъ, который вы причинили намъ вашими передѣлками. Мы сумѣемъ очиститься отъ всякаго подозрѣнія въ соучастіи съ вами, и всѣ узнаютъ о жестокости неслыханной, о безчестіи, не имѣющемъ ничего себѣ подобнаго въ лѣтописяхъ печатнаго дѣла. Десять огромныхъ томовъ, изуродованныхъ, изувѣченныхъ, предательски оскверненныхъ рукою типографа—это поистинѣ дѣло неслыханное! Всѣ узнаютъ, что вы насъ обманули, отъ васъ всѣ отвер-

нутся, какъ отъ зачумленнаго, и васъ ждетъ не только разореніе, но и позоръ, позоръ вѣчный, ничѣмъ не смываемый. Вмѣстѣ съ вашими книгами вы будете втоптаны въ грязь и имя ваше навсегда останется синонимомъ предательства".

V.

Мы воспроизвели въ подробностяхъ немногіе моменты изъ борьбы за энциклопедію, которые рисуютъ дивный нравственный образъ друга Екатерины, перу котораго принадлежатъ разнообразные проекты преобразованій, составленные имъ для Россіи. Этимъ проектамъ не суждено было осуществиться и никакого вліянія на внутреннюю жизнь Россіи они не имѣли и, однако, пребываніе Дидро въ Петербургѣ, пріемъ, здѣсь ему оказанный, его личныя ежедневныя бесѣды съ Екатериной, „придавшія блескъ царствованію, но не дѣлавшія его болѣе счастливымъ", все это до сихъ поръ служитъ предметомъ тщательнаго изученія. Нестѣсняемый требованіями этикета, пользуясь правами друга и гостя, Дидро 125 лѣтъ тому назадъ свободно говорилъ самодержавной русской императрицѣ о нуждахъ народа, о необходимости всеобщаго обязательнаго и безплатнаго обученія въ элементарныхъ школахъ; онъ горячо настаивалъ на введеніи полезныхъ знаній въ программу гимназій и начерталъ широкій, во всѣхъ деталяхъ разработанный проектъ русскаго университета. Все это давно извѣстно, и мы освѣжили факты въ памяти читателя не потому, что вопросы русской школы, надъ которыми трудился Дидро 125 лѣтъ тому назадъ, остаются открытыми, а по совершенно другому поводу. Литература по исторіи сношеній Дидро съ Екатериной и его пребыванія въ Петербургѣ обогатилась недавно новой книгой, составленной Морисомъ Турнэ, по матеріаламъ, долгое время хранившимся въ дворцовой библіотекѣ и опубликованнымъ съ соизволенія покойнаго государя Александра III. Шестьсотъ страницъ объемистаго тома, выдержавшаго нѣсколько изданій въ одинъ годъ, заключаютъ въ себѣ не мало листовъ, принадлежащихъ перу Дидро. Рукописи этихъ листовъ, составлявшихъ частную собственность Екатерины, впослѣдствіи очутились въ рукахъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, передавшаго ихъ въ императорское книгохранилище. Каждый листъ писанъ рукою Дидро. Одинъ изъ нихъ, озаглавленный „Средство сдѣлать религію полезной", снабженъ примѣчаніемъ, гласящимъ:

„Оригиналъ я подарилъ Гете“, но въ гетевскомъ архивѣ въ Веймарѣ этотъ оригиналъ до сихъ поръ не найденъ. Замѣчательныя отношенія между философомъ и самодержавной императрицей здѣсь обрисовываются довольно ярко. Оба бесѣдуютъ, спорятъ и совѣщаются на одинаковыхъ, равныхъ правахъ. Въ пылу увлеченія, Дидро громко поднималъ свой голосъ, бѣгалъ по комнатѣ туда и обратно, грозилъ отъѣздомъ, хваталъ руки императрицы и цѣловалъ ихъ. Однажды столкновеніе вышло настолько рѣзкое, что императрица поднялась съ мѣста и воскликнула: „Мы, кажется, обезумѣли, и оба несемъ невѣроятный вздоръ!“

Личное сближеніе между Екатериной и Дидро явилось, какъ извѣстно, плодомъ многолѣтняго духовнаго общенія. Сношенія ихъ начались съ перваго года царствованія Екатерины и поддерживались ею черезъ посредство такихъ горячихъ поклонниковъ Дидро, какъ русскій посолъ въ Парижѣ, князь Д. А. Голицынъ и княгиня Дашкова. Голицынъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ въ то время русскихъ дворянъ, которые выпрашивали себѣ какія-нибудь порученія отъ императрицы, чтобы съѣздить въ Парижъ или Ферней. Онъ выросъ въ поклоненіи энциклопедистамъ, былъ другомъ и душеприказчикомъ Гельвеція, что, однако, не помѣшало ему въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ принять сторону крѣпостниковъ. Вступивъ на россійскій престолъ послѣ смерти Петра III, Екатерина почувствовала себя, какъ человѣкъ, который изъ мрачной пещеры вышелъ на свѣтъ солнечный, и она рѣшила воспользоваться своей свободой.

Западная культура, наука, искусство, литература съ ея высшими наслажденіями—все это манило ее къ себѣ, и изъ „окна въ Европу“, прорубленнаго Петромъ, она устремляла свои взоры къ Берлину, гдѣ властвовалъ Фридрихъ Великій, и къ Парижу, тогда уже прославленному, какѣ Мекка на берегахъ Сены; откуда новые люди распространяютъ на весь міръ свѣтъ новыхъ мыслей. Она направляла всѣ усилія къ тому, чтобы удостоиться признанія со стороны парижскихъ философовъ и энциклопедистовъ, такъ какъ отъ нихъ, отъ ихъ отзывовъ, зависѣла міровая слава Екатерины: общественное мнѣніе дѣлалось тогда въ Парижѣ, и считалось тогда аксіомой, что Парижъ мыслитъ за всѣхъ и что его устами говоритъ весь культурный міръ. Надо было торопиться заключеніемъ союза съ великодержавной французской столицей, однимъ изъ главнѣйшихъ органовъ которой

служилъ салонъ мадамъ Жофренъ, гдѣ собирались философы, писатели, поэты, художники, вообще все, что было выдающагося на берегахъ Сены. Интимный другъ и довѣренное лицо крупнѣйшихъ представителей своего времени, мадамъ Жофренъ была не высокаго происхожденія, и могущественная сѣверная властительница пожелала переписываться съ нею за-просто, „какъ свободная гражданка со свободной гражданкой". Поддерживать добрыя отношенія съ парижскимъ салономъ входило въ разсчеты Екатерины. Вдохновляясь часто тѣмъ высшимъ честолюбіемъ, безъ котораго вообще не дѣлаются великія дѣла, Екатерина была не чужда и честолюбія невысокой пробы: она жаждала поклоненія. Старикъ Вольтеръ какъ-то писалъ изъ Фернея: „Быть можетъ, на совѣсти Екатерины лежатъ кое-какіе грѣхи, но это дѣла чисто семейныя, въ которыя я не вмѣшиваюсь".

Что касается Дидро, то по поводу нѣкоторыхъ современныхъ ему событій въ Россіи онъ въ душѣ осудилъ Екатерину гораздо строже, чѣмъ Вольтеръ, но тщательно избѣгалъ разговора объ этой деликатной матеріи. Однажды онъ былъ прижатъ къ стѣнѣ и не могъ уклониться отъ щекотливой темы. Сама императрица начала съ нимъ бесѣду о безхарактерности людей. Дидро, между прочимъ, замѣтилъ: „безхарактернымъ я считаю прежде всего того, кто замалчиваетъ правду въ разговорахъ съ властелинами". Императрица, поймавъ его на этомъ словѣ, сказала: „Такъ вотъ докажите, что вы не такой, скажите мнѣ всю правду, я желаю знать, что думаютъ обо мнѣ въ Парижѣ". На одну минуту философъ смутился. Вдругъ онъ почувствовалъ, что насталъ, наконецъ, моментъ, когда уклоняться больше нельзя и надо высказаться. „Есть люди, сказалъ онъ, — которые не считаютъ васъ виновной и даже увѣрены, что вы сослужили службу человѣчеству; но есть также люди, которые не считаютъ васъ невиновной, а эти"...—„А эти?" — настаивала императрица. — „А эти, отвѣтилъ Дидро,—думаютъ, какъ и многіе другіе". Чувствуется въ этомъ отвѣтѣ, что Дидро принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Онъ прощалъ женщинѣ, предъ которой преклонялся и въ которой, по его убѣжденію, блестящій умъ, энергія и твердая воля Юлія Цезаря счастливо сочетались съ красотою и прелестями Клеопатры. Это преклоненіе предъ Екатериной, этотъ культъ сѣверной Семирамиды были совершенно искренни, не внушались никакой корыстью, хотя Дидро

и обязанъ былъ многимъ императрицѣ, въ тяжелые дни протягивавшей ему руку помощи. Многимъ свидѣтелямъ его сношеній съ Екатериной, разумѣется, казалось, что его осыпаютъ богатствами, но въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей доли правды. Вопросъ этотъ самъ по себѣ настолько интересенъ, что не лишне остановиться нѣсколько подробнѣе на этой сторонѣ интимной дружбы между философомъ и императрицей. Да и случай подобной дружбы очень рѣдкій, почти одиноко стоящій въ исторіи, такъ что читаешь о немъ, точно страницу изъ „тысячи и одной ночи".

VI.

Прежде всего Дидро не принадлежалъ къ классу людей, способныхъ собирать богатства. Даже гигантскій трудъ его, энциклопедія, имъ однимъ, его духомъ и энергіей созданная, отнюдь не обогатила его. Гоненія и тюрьма—вотъ чѣмъ ему отплатили. Духовенство во Франціи было настолько могущественно, что оно могло грозить костромъ не только книгѣ, но и ея создателю, и если правительство въ концѣ концовъ какъ бы приняло Дидро подъ свою защиту, такъ это случилось не потому, что философъ, измученный неравной борьбой, приноровился къ требованіямъ жестокой цензуры, и не потому, что, въ отчаяніи, онъ посвятилъ свое твореніе министру полиціи, а по причинамъ и соображеніямъ народно-хозяйственнымъ. Величайшій духовный памятникъ вѣка просвѣщенія, энциклопедія, въ то же время имѣла весьма крупное значеніе, какъ промышленное предпріятіе, какъ огромное издательское дѣло. Во вновь открытыхъ сочиненіяхъ Дидро найдена, между прочимъ, памятная записка по этому вопросу, составленная имъ для Екатерины. Изъ этой записки видно, что расходы по изданію энциклопедіи составили сумму въ 1½ милліона франковъ; продано же было 4500 экземпляровъ по 900 франковъ. Доходы такимъ образомъ превзошли бы 4 милліона, изъ которыхъ чистый доходъ предпринимателей равнялся 2 милліонамъ. „Денежныя соображенія"—замѣчаетъ Дидро—„сдерживали нашихъ враговъ; рѣшили, что гораздо лучше сохранить эти 4 милліона странѣ, чѣмъ отдавать ихъ чужимъ".

Колоссальный трудъ приближался уже къ окончанію, а Дидро въ это время испытывалъ нужду и принужденъ былъ продать свою библіотеку, чтобы заказать приданое своей любимой дочери. Дидро уже готовъ былъ

подписать соглашеніе съ однимъ книгопродавцемъ на 15.000 франковъ, какъ въ дѣло вмѣшалась Екатерина, предложившая ту же цѣну. Въ сущности это была очень выгодная покупка. Во всякомъ случаѣ покупная цѣна возрастала въ письмахъ Голицына къ Дидро и поднялась, наконецъ, до 25.000 франковъ, которые Екатерина тотчасъ же перевела изъ Петербурга. Кромѣ того, библіотека была оставлена въ пожизненномъ пользованіи Дидро, которому императрица, какъ своему библіотекарю, назначила ежегодное жалованье въ 1.000 франковъ. Дидро былъ на верху счастія, но тутъ ему пришлось испытать на себѣ прелести тогдашнихъ русскихъ порядковъ. Покупка состоялась, сумма была переведена, а деньги не получались. Долго, цѣлыхъ два года, Дидро пришлось ждать денегъ, а онъ все молчалъ и, вѣроятно, такъ и умеръ бы, не дождавшись, если бы князь Голицынъ однажды не спросилъ его случайно, все ли имъ получено согласно счетамъ. Тотчасъ же деньги были ему вручены и, кромѣ того, по распоряженію императрицы, библіотекарю Дидро было выплачено жалованье за 50 лѣтъ впередъ. То была истинно-царская щедрость, и Дидро не имѣлъ никакого основанія отклонить ее. Необходимо имѣть въ виду, что Екатерина въ свою очередь была у него въ долгу. Втеченіе многихъ лѣтъ Дидро отдавалъ ей свое время, исполнялъ ея многочисленныя порученія, велъ отъ ея имени переговоры со многими учеными и художниками, являлся посредникомъ въ пріобрѣтеніи художественныхъ произведеній, помѣщающихся въ залѣ, въ нижнемъ этажѣ Эрмитажа, словомъ, состоялъ безвозмезднымъ агентомъ императрицы по дѣламъ литературно-научно-художественнымъ.

И тѣмъ не менѣе, Дидро искренне считалъ себя облагодѣтельствованнымъ Екатериной, и шестидесятилѣтній старикъ съ надломленнымъ здоровьемъ не счелъ себя въ правѣ отклонить приглашеніе ѣхать въ Петербургъ, а напротивъ того, чувствовалъ потребность лично благодарить императрицу. Пять мѣсяцевъ прожилъ онъ въ нашей сѣверной Пальмирѣ, въ домѣ своего друга Нарышкина и втеченіе этого времени имъ написаны листы, которые недавно только появились въ печати. Какъ управлялся бы міръ, если бы императоры и короли были философами—вотъ главная тема этихъ набросковъ. Екатерина часто съ улыбкой снисхожденія на устахъ говорила о „грезахъ своего любимца“. „Ему не трудно“, шутила она,—„бумага вѣдь все терпитъ; мнѣ же, бѣдной императрицѣ, приходится работать не на бумагѣ, а на

кожѣ человѣческой, а эта матерія имѣетъ иныя свойства: шершава и легко возбуждается“.

VII.

Знакомясь съ набросками Дидро, вошедшими въ книгу упомянутаго уже выше Мориса Турнэ [1]), мы какъ бы присутствуемъ лично на бесѣдахъ, ежедневно происходившихъ во дворцѣ между философомъ и императрицей втеченіи пяти мѣсяцевъ, съ октября 1773 до конца февраля 1774 года. Нѣтъ такой области человѣческаго знанія и мышленія, которая не затрогивалась бы въ этихъ бесѣдахъ, а Дидро, всегда восторженный, всегда увлекающійся, не легко разставался съ тѣмъ или другимъ вопросомъ, разъ его заинтересовавшимъ. Онъ, по возвращеніи къ себѣ на квартиру, тотчасъ же брался за перо и записывалъ все имъ сказанное и слышанное, дополнялъ свои мысли, развивалъ ихъ и полемизировалъ. Вопросы законодательства, государственнаго хозяйства, внутренней и внѣшней политики, педагогики, морали и религіи освѣщались имъ съ тою легкостью стиля, въ которой онъ не имѣетъ себѣ равныхъ. Само собою понятно, что собесѣдники часто говорили о театрѣ, литературѣ и искусствѣ. Такимъ образомъ, въ петербургскихъ набросках предъ нами тотъ же энциклопедистъ XVIII столѣтія, та же свѣтлая, все обнимающая голова. Что онъ часто легко справлялся съ такими сложными вопросами, надъ которыми нынѣ еще многіе ученые и государственные дѣятели всю жизнь ломаютъ себѣ головы, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Кто многое обнимаетъ, тотъ не можетъ быть основательнымъ во всемъ. Такіе люди всезнающіе съ ихъ колоссальной воспріимчивостью нужны человѣчеству особенно въ наше время спеціализаціи, когда обширное, необозримое поле человѣческаго знанія раздѣлено на многочисленныя, малыя борозды. Каждый трудится на своемъ маленькомъ клочкѣ, и, быть можетъ, такъ оно и должно быть, но хорошо и полезно, если хоть отъ времени до времени явится одинъ умъ, достаточно мощный, чтобы уничтожить всѣ перегородки и превратить всю эту сѣть клѣтокъ, разрядовъ и классовъ въ одинъ обширный, свѣтлый храмъ человѣческаго духа.

Одни и тѣ же основные мотивы проникаютъ всѣ пе-

[1]) Diderot et Cathérine, par Maurice Tourneux. 1900.

тербургскіе наброски Дидро. Философъ даетъ императрицѣ уроки государственнаго правленія; онъ стремится, считаетъ своимъ долгомъ освѣщать вопросы, касающіеся ея ремесла, ея спеціальности, съ высшей академической точки зрѣнія. Конечно, направленіе его прогрессивное, не въ нынѣшнемъ затасканномъ смыслѣ слова; онъ преподаетъ ей въ духѣ той философіи, которая должна осчастливить все человѣчество. Россія, по его убѣжденію, управлялась тогда деспотически; какими же средствами можно смягчить, сдѣлать болѣе человѣчнымъ тогдашній суровый режимъ? Дидро неутомимо ищетъ такихъ средствъ, осыпаетъ императрицу всякаго рода предложеніями, думая приэтомъ о Франціи не меньше, чѣмъ о Россіи. Онъ часто впадаетъ въ это заблужденіе, простительное ему какъ философу; онъ намѣчаетъ идеалы, указываетъ на нихъ, какъ на путеводныя звѣзды, а дѣло императрицы слушать его рѣчи... „Уничтожьте деспотизмъ!“—говоритъ онъ ей однажды. „Деспотъ, будь онъ лучшій изъ людей, совершаетъ преступленіе, рѣшая дѣла по личному усмотрѣнію; это — хорошій пастухъ, низводящій своихъ подданныхъ на степень животныхъ“. Дидро заклятый врагъ произвола. Всякая власть, по его ученію, исходитъ отъ народа, и, разъ ею злоупотребляютъ, она къ народу возвращается. И такія вещи онъ высказываетъ сто двадцать пять лѣтъ тому назадъ могущественнѣйшей въ Европѣ властительницѣ. Право оппозиціи онъ называетъ „естественнымъ, неотъемлемымъ, священнымъ“. „Народъ и монархъ присягаютъ на вѣрность закону, и если монархъ нарушаетъ свою клятву, народъ освобождается отъ своихъ обязательствъ“. Эти слова онъ совѣтуетъ императрицѣ жирнымъ шрифтомъ помѣстить на первой страницѣ новаго собранія законовъ. У подножія престола онъ въ простотѣ душевной проповѣдуетъ революціонное право.

Такъ называемый просвѣщенный деспотизмъ Дидро считаетъ наиболѣе опаснымъ. Онъ часто замѣчаетъ, что Англія впала бы въ рабство, если бъ на ея престолѣ последовательно чередовались три такія королевы, какъ Елизавета, и подобныя вещи Екатерина охотно выслушиваетъ. Геніальный французъ умѣлъ высказываться свободно, соблюдая приэтомъ придворный этикетъ, а, главное, онъ умѣлъ позлащать пилюли. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей называетъ флиртомъ любовь Екатерины къ французской философіи, но если это такъ, то надо тутъ же прибавить, что этотъ флиртъ съ философіей, провозгласившей права человѣка, гораздо лучше,

чѣмъ кокетничаніе съ аристократическими врагами всякой философіи, идеалъ которыхъ — полное одичаніе людей. Правда, крѣпостное право отмѣнено не Екатериной, но возможна ли была освободительная реформа въ Россіи екатерининскаго времени? Великая императрица подвергла эту реформу академическому обсужденію, и это было все, что она могла сдѣлать. Вообще нѣтъ надобности искать ключа къ разгадкѣ любви, которую питала Екатерина къ философіи. Она любила всѣхъ выдающихся людей, всѣ крупные умы, потому что сама она была личностью выдающейся, надѣленной высшими дарованіями. Въ каждомъ ея словѣ, во всемъ, что ею написано, литературный талантъ бьетъ ключомъ. Если бъ она не была императрицей, то навѣрное сдѣлалась бы великой писательницей, писательницей Божьей милостью. Ея жажда высшихъ духовныхъ наслажденій не мѣшала ей любить наслажденія менѣе высокія и принимать у себя людей, отъ которыхъ она не требовала никакой философіи, но этой двойственности ея природы Дидро не касается ни единымъ словомъ. Философа интересовала только сѣверная Семирамида, царствующая Екатерина. Предъ нею онъ выдвигаетъ свѣтлые, высокіе идеалы. Однажды, въ остроумной бесѣдѣ о роскоши, Дидро исходитъ изъ предположенія, что онъ самъ очутился на престолѣ, разумѣется, на французскомъ престолѣ: „что бы я сдѣлалъ для уничтоженія роскоши, для замѣны дурной роскоши лучшею?“—„Допустите, продолжаетъ онъ,—что философъ сдѣлался королемъ, и вы прежде всего, конечно, спросите себя, какъ же онъ сталъ бы править государствомъ? Какими средствами онъ вернулъ бы странѣ блескъ и жизнь, привилъ бы ей добрые нравы?“ Вотъ его отвѣтъ: „Если хотятъ покончить съ безумной роскошью, то прежде всего дворъ долженъ подать добрый примѣръ въ этомъ отношеніи. Принцы крови не должны содержать куртизанокъ, разъѣзжающихъ въ дорогихъ колясках, запряженныхъ четверкой лошадей. Если бы философъ сдѣлался королемъ, онъ распродалъ бы свои обширныя имѣнія, сократилъ бы свой придворный штатъ, упразднилъ бы цѣлое множество пенсій. Если бъ философъ сдѣлался королемъ, онъ не отказалъ бы ни одному монаху въ просьбѣ о возвращеніи ему мірскихъ правъ (одинъ бенедиктинскій монастырь въ Парижѣ обратился къ Людовику XV съ такой удивительной просьбой); наконецъ, если бы философъ сдѣлался королемъ, онъ, вмѣсто 5.000 лошадей, содержалъ бы только сто,—хотя бы къ великому неудовольствію супруги господина оберъ-

шталмейстера. Je coucherai avec elle, si elle veut, mais je n'aurai ni grande, ni petite écurie". Послѣднее замѣчаніе намекаетъ на одну любовную интригу Людовика XV. Вообще въ петербургскихъ набросках свѣтлыя грезы о будущемъ тонко переплетаются съ парижскими городскими темами и версальскими придворными сплетнями. Въ концѣ концовъ образъ идеальнаго короля, начертанный рукою Дидро, во многомъ противорѣчитъ требованіямъ, которыя онъ самъ предъявляетъ властелину, такъ что впечатлѣніе получается вотъ какое: если бъ философъ сдѣлался королемъ, онъ пересталъ бы быть философомъ...

VIII.

„—По-вашему, — замѣчаетъ однажды императрица въ бесѣдѣ съ французскимъ философомъ,—по-вашему выходитъ, что мнѣ остается одно только: созвать парламентъ по образцу англійскаго, если только я вѣрно поняла".—„Это было бы самое лучшее"—послѣдовалъ отвѣтъ Дидро. Это, впрочемъ, единственный разъ, когда въ петербургскихъ набросках слово „парламентъ" вообще сходитъ съ устъ императрицы. Какою собственно должна бы или могла бы быть конституціонная Россія — объ этомъ самъ Дидро едва ли имѣлъ сколько-нибудь опредѣленное и законченное представленіе. Нѣсколько разъ въ наброскахъ онъ совѣтуетъ императрицѣ созвать полусовѣщательное, полу-законодательное учрежденіе, „которое должно быть снабжено правомъ устанавливать подати и назначать судей". Высшія государственныя должности, замѣчаетъ онъ тутъ же, не исключая должности перваго совѣтника монарха, должны распредѣляться по свободной конкурренціи между наиболѣе способными и призванными. Конкурсъ на занятіе должности имперскаго канцлера или министра-президента — вотъ идея, которая въ наше время способна вызвать громкій и здоровый смѣхъ, и не трудно себѣ представить, какъ отнеслась къ ней Екатерина. Императрица, извѣстный наказъ которой, изданный лѣтъ за девять до пріѣзда Дидро въ Петербургъ, составленъ былъ на основаніи идей Монтескье и Беккарія, умѣла спокойно выслушивать разсужденія въ родѣ вышеприведеннаго. Развѣ она сама, въ періодъ, когда внутреннія дѣла государства поглощали все ея вниманіе, не умѣла выражаться очень энергично? Пораженная отсутствіемъ правосудія въ Россіи, она начертала вѣдь собственноручно для опублико-

ванія слѣдующія строки:—„Лихоимство возросло до такой степени, что едва ли есть самое малое мѣсто правительства, въ которомъ бы судъ безъ зараженія сей язвы отправлялся; ищетъ ли кто мѣсто—платитъ; защищается ли кто отъ клеветы—обороняется деньгами; клевещетъ ли кто на кого—всѣ хитрые происки свои подкрѣпляетъ деньгами" и т. п.

Болѣе практическими и близкими къ жизни представлялись Екатеринѣ взгляды Дидро на вопросы педагогическіе, и, судя по петербургскимъ наброскамъ, они-то, эти вопросы чаще другихъ затрогивались въ бесѣдахъ. Да и неудивительно: императрица считала себя воспитательницей великаго народа, а на Дидро она смотрѣла, какъ на воспитателя человѣчества. Она раздѣляла его взглядъ, по которому искусство, особенно драматическое искусство должно служить воспитательнымъ цѣлямъ. Какъ извѣстно, императрица сама писала для театра, и одну изъ своихъ пьесъ она передала Дидро съ просьбой написать критическій разборъ. Опять щекотливая задача, съ которой мастерски справился французъ. Онъ то хвалитъ, то порицаетъ пьесу и приэтомъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „нельзя сказать, чтобы Екатерина—писательница была выше Екатерины—императрицы, но несомнѣнно, что,посвяти она себя драматургіи, она стала бы русскимъ Мольеромъ". Вообще въ вопросахъ педагогики и искусства императрица и французскій философъ часто сходятся. Уставъ Екатерининскаго института для дѣвицъ Дидро находитъ превосходнымъ и желаетъ только, чтобы въ число предметовъ преподаванія была введена анатомія. Приэтомъ онъ разсказываетъ Екатеринѣ объ одной французской дѣвицѣ, у которой онъ самъ слушалъ лекціи по анатоміи. Ея учениками, продолжаетъ онъ,—были Гриммъ и Д'Аламберъ; дѣвушки изъ лучшихъ домовъ, женщины, принадлежащія къ лучшему парижскому обществу, учились у нея; мою дочь, когда ей минуло 17 лѣтъ, я самъ познакомилъ съ нею, и она два года слушала ея лекціи. „Такимъ-то образомъ",—заканчиваетъ Дидро—„я избавилъ ее отъ всякаго любопытства: узнавъ рѣшительно все, моя дочь ничего больше знать уже не пожелала,—и нравственная чистота ея отъ этого только выиграла". Это очень характерное для Дидро замѣчаніе. Онъ любилъ свою дочь больше всего на свѣтѣ, и отцовская любовь помогла ему открыть дочери, семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, все, что до и послѣ Дидро отцы всегда скрывали отъ дочерей. Можно, конечно, сомнѣваться, что лучше въ данномъ

случаѣ, безпощадная откровенность или система тщательнаго замалчиванія. Дидро стоялъ за безпощадную откровенность, и не безъ гордости онъ разсказываетъ императрицѣ, какъ онъ самъ подалъ первый примѣръ. „Я убѣжденъ, говоритъ онъ, — что надо дать молодой дѣвушкѣ путеводителя, дабы она могла счастливо обойти всѣ ловушки, которыя жизнь на каждомъ шагу ставитъ невинности. Окружать природу тайной значитъ отрицать ее: необходимо только, чтобы голая правда была высказана во-время, и чтобы нѣжная, любящая рука преподнесла эту правду. Высказавъ дочери все, я взялъ ее за руку и далъ ей краткое резюме своей рѣчи. Теперь тебѣ, закончилъ я,—ясенъ дѣйствительный смыслъ такъ называемыхъ объясненій въ любви. Вотъ этотъ смыслъ: милая барышня, не хотите ли въ угоду мнѣ забыть основы чести, принести въ жертву ваше призваніе и вашу душевную чистоту, унизить себя въ собственныхъ глазахъ, превратиться изъ честной дѣвушки въ существо презрѣнное и позорное, отпасть отъ общества, въ которомъ вы живете, оскорбить отца и мать и, ввергнувъ ихъ въ отчаяніе, доставить мнѣ пріятные четверть часа; если вы на все это согласны, то очень обяжете меня“. Эту мысль Дидро высказалъ въ одномъ изъ своихъ прежнихъ произведеній, но въ бесѣдѣ съ Екатериной онъ придалъ ей болѣе рѣзкую форму, и слушательница его воспользовалась ею: курсъ анатоміи, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, былъ включенъ въ программу Екатерининскаго института...

Отъ намѣренія до исполненія, какъ извѣстно, путь всегда очень длинный, да и трудный, зачастую скользкій также, и самъ Дидро не разъ въ бесѣдахъ съ Екатериной замѣчаетъ, что гораздо легче, „лежа на мягкой кушеткѣ, мечтать объ идеальномъ управленіи, чѣмъ бороться съ препятствіями, которыя въ жизни неожиданно выростаютъ“. Опять новое доказательство тому, что, „если бы философъ сдѣлался королемъ“, онъ очутился бы въ безъ исходномъ противорѣчіи съ самимъ собою. Екатерина это постигаетъ всѣмъ существомъ своимъ, и, сохраняя свободу дѣйствій, она предоставляетъ французу безграничную свободу слова. И, пользуясь этой свободой, Дидро говоритъ ей рѣшительно обо всемъ: о полиціи, о третьемъ сословіи, о революціяхъ, объ обязанностяхъ наслѣдника престола, о бракоразводныхъ дѣлахъ, о ростовщичествѣ, о промышленности, о вывозѣ и ввозѣ, объ учрежденіи банковъ, о монетной системѣ, о воспитательныхъ домахъ,—не перечесть всѣхъ темъ, затроги-

ваемыхъ въ петербургскихъ набросках. Пять мѣсяцевъ продолжались эти ежедневныя бесѣды въ Петербургѣ и, вѣроятно, онѣ продолжались бы еще больше, если бы не тоска по родинѣ, овладѣвшая философомъ. Отпуская его, императрица осыпала его милостями, которыя Дидро отклонилъ, увѣряя, что онъ пріѣхалъ для того, чтобы отблагодарить за прежнія благодѣянія, а не съ цѣлью добиться новыхъ.

Екатерина всегда хранила благодарную память о Дидро и оказывала ему милости до самой смерти его (1784 г.), хотя съ французской философіей она покончила гораздо раньше. Что изъ этой философіи возникнетъ во Франціи цѣлая революція, — объ этомъ Екатерина не имѣла ни малѣйшаго представленія; философія просто перестала быть модной на берегахъ Невы. Когда во Франціи буря разразилась, разрывъ съ энциклопедистами не заставилъ себя долго ждать. Статуя Вольтера была удалена изъ библіотеки императрицы, и, будь Дидро живъ, онъ не узналъ бы своей Семирамиды. Одинъ только Гриммъ не впалъ въ немилость и продолжалъ оставаться „нулемъ ея величества", какъ онъ самъ себя называлъ. Этотъ „нуль", получавшій 3.000 рублей ежегоднаго жалованья, съ радостью узналъ, что Екатерина снизошла къ его просьбѣ „оставить его въ числѣ ея вѣрныхъ собакъ". Дидро, много предчувствовавшій и предвидѣвшій, зналъ, что философія недолго будетъ въ милости въ Петербургѣ, но онъ вѣрилъ въ чудодѣйственную силу слова. Онъ зналъ, что его совѣты останутся въ набросках и дальше четырехъ стѣнъ кабинета императрицы не пойдутъ, но давалъ ихъ, ни на одну минуту не сомнѣваясь, что ими подготовляется будущее.

Надѣленный всепроникающимъ разумомъ, вооруженный безграничнымъ знаніемъ, величайшій французъ былъ богатъ вѣрою также...

Б. Бурдесъ.

Беатриче Ченчи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ,

(Переводъ съ итальянскаго Г. Львовича и Э. Русаковой).

(Продолженіе).

XV.

Просьба.

Беатриче шла за Марціо. Подойдя къ двери помѣщенія, въ которомъ былъ Олимпіо, Марціо громко позвалъ его по имени; отвѣта не было. Марціо снова крикнулъ:

— Олимпіо! Олимпіо!

— Ахъ, предатель... убирайся прочь... дай мнѣ хоть умереть спокойно... послышалось изъ-за двери.

Марціо отперъ дверь. Заключенный уже такъ обезсилѣлъ, что глаза его не могли выносить слабаго свѣта фонаря. Марціо поднялъ его, далъ ему вина, и черезъ нѣсколько минутъ Олимпіо съ жадностью набросился на пищу, принесенную Марціо. Беатриче съ изумленіемъ смотрѣла на страшнаго бандита: длинные, грязные, слипшіеся волосы его висѣли, какъ пьявки, лицо было сѣрое, губы черныя, а глаза блестѣли зеленоватымъ блескомъ, точно стеклянные. Подкрѣпившись виномъ и пищею, Олимпіо сталъ бранить графа и разсказалъ все, случившееся съ нимъ. Марціо лишь съ трудомъ уговорилъ его остаться до поры до времени въ подземельѣ и позволить запереть себя,—обѣщавъ впослѣдствіи вернуться и освободить его.

Затѣмъ, Марціо проводилъ Беатриче въ ея помѣщеніе и сталъ прощаться съ нею.

— Марціо, сказала Беатриче на прощанье:—я попрошу у васъ послѣдней услуги, какую вы можете оказать мнѣ. Оставьте мнѣ на нѣсколько минутъ фонарь, принесите бумагу, перо и чернила: я употреблю послѣднее средство, напишу просьбу папѣ, хотя и тутъ

надежды мало... Вы отнесете эту просьбу Гвидо и скажете, чтобы онъ доставилъ ее папѣ и возможно скорѣе добился отвѣта.

— Хорошо, отвѣтилъ Марціо. — Но смотрите, чтобы графъ Ченчи не замѣтилъ ничего. Я сдѣлаю видъ, что ищу пистолеты въ саду, и если увижу, что графъ идетъ сюда, сейчасъ же выстрѣлю, будто по неосторожности. Когда вы услышите выстрѣлъ, сейчасъ же потушите фонарь и спрячьте все, что нужно, раньше, чѣмъ графъ придетъ...

— Хорошо, отвѣтила Беатриче:—я буду прислушиваться.

Вернувшись въ комнату графа Ченчи, Марціо засталъ его все еще въ постели. Не безъ удивленія увидѣлъ онъ у постели графа двухъ доминиканскихъ монаховъ: они, очевидно, сами знали, что не производятъ впечатлѣнія особенной святости, и надвинули свои капюшоны на глаза. Графъ велѣлъ Марціо положить ключи на мѣсто и удалиться. Когда Марціо вышелъ, графъ съ улыбкою сказалъ монахамъ:

— Хорошо ли вы замѣтили его, святые отцы? Завтра онъ отправится въ Рокка-Петрелла. Вы подкараулите его, гдѣ найдете болѣе удобнымъ, и двумя пулями отправите его въ рай или въ адъ,—это мнѣ все равно. А пока вотъ вамъ милостыня, прибавилъ графъ, давая монахамъ деньги.

— Можете, эччелленца, быть увѣрены, что мы съ точностью исполнимъ ваше желаніе, отвѣтилъ одинъ изъ монаховъ.

— Чтобы не вышло какого-нибудь недоразумѣнія, посмотрите на тотъ красный плащъ. Человѣкъ, котораго я поручаю вамъ, будетъ одѣтъ въ этотъ плащъ или привяжетъ его къ сѣдлу.

— О, это совершенно излишне: я достаточно опытенъ въ такихъ дѣлахъ, отвѣтилъ монахъ.

Графъ позвалъ Марціо и велѣлъ ему проводить монаховъ. Провожая ихъ, Марціо старался заглянуть имъ подъ капюшоны, разглядѣть ихъ лица, но это не удалось ему. При прощаніи одинъ изъ нихъ обернулся и въ эту минуту изъ-подъ его платья упалъ на землю длинный кинжалъ; Марціо моментально поднялъ его и подалъ монаху со словами:

— Святой отецъ, вы обронили ваши четки.

— Сынъ мой, отвѣтилъ монахъ:—Господь не запрещаетъ защищать жизнь отъ нападеній нечестивыхъ,—это и святые дѣлали.

— О, разумѣется! Святой не обязательно долженъ быть мученикомъ. Вы нисколько не ввели меня въ соблазнъ,—напротивъ, вы вызвали во мнѣ такое чувство, что я прошу васъ, святые отцы, принять отъ меня исповѣдь въ одномъ тяжкомъ грѣхѣ.

— Какъ теперь же? И здѣсь, въ этомъ мѣстѣ?

— Развѣ не всякій моментъ хорошъ для того, чтобы спасти душу христіанскую? Развѣ Христосъ говорилъ когда-нибудь искавшимъ его: приходите завтра? Отцы святые, не оставляйте меня безъ утѣшенія, зайдите на минутку въ эту комнату.

Съ этими словами Марціо взялъ за руку одного монаха, увлекая его за собою. Монахъ не сопротивлялся, а лишь далъ знакъ своему товарищу, чтобъ тотъ подождалъ, и пошелъ за Марціо въ сосѣднюю комнату нижняго этажа.

— Гримо, я узналъ тебя! воскликнулъ Марціо и безъ всякихъ околичностей снялъ капюшонъ съ головы монаха.

— И я тебя узналъ, Марціо... Но какъ ты низко палъ! Кто могъ бы ожидать. что ты станешь камердинеромъ!..

— Или кто могъ ожидать, что ты станешь монахомъ!.. По какому дѣлу ты явился въ этотъ домъ?

— Я скажу тебѣ... но какъ это ты поступилъ на службу въ домъ Ченчи?

— Я сдѣлалъ это съ цѣлью убить графа, убійцу Аннеты Рипареллы.

— А я явился за тѣмъ, чтобы завтра убить нѣкоего Марціо,— онъ, кажется, нѣсколько сродни тебѣ.

— Значитъ, меня?

— Какъ ты вѣрно отгадалъ! Я всегда говорилъ, что въ тебѣ больше ума, чѣмъ сѣмянъ въ огурцѣ.

— И ты это дѣйствительно сдѣлаешь?

— Плату я уже получилъ, а тебѣ извѣстны обязанности честнаго бандита.

— Въ такомъ случаѣ, ты найдешь въ порядкѣ вещей, если я тебя раньше убью, чѣмъ ты меня.

— О, нисколько! Но можно все уладить. Мы были товарищами въ бандѣ синьора Марко, гдѣ всегда видѣли примѣры высокихъ добродѣтелей. Собака не станетъ ѣсть собачье мясо. А если бываетъ, что мы въ раздраженіи бросаемся другъ на друга, то это не уничтожаетъ дружбы. Но это никогда не должно дѣлаться за стѣною! Тайныя убійства мы совершаемъ только за счетъ господъ противъ господъ же: вѣдь всѣ они—наши старые враги! Однако, кто получилъ плату за убійство, тотъ долженъ выполнить свое обязательство, иначе, какъ ты знаешь, ремесло наше потеряетъ и кредитъ, и кліентовъ. Я обязался завтра на дорогѣ въ Рокка-Петрелла убить человѣка, одѣтаго въ красный плащъ или везущаго такой плащъ на сѣдлѣ. Завтра я буду поджидать его,—онъ не ѣдетъ,— тогда я съ спокойной совѣстью возвращаюсь въ лѣсъ: обязанность моя исполнена. Нравится тебѣ это?

— Да, недурно. А твой товарищъ,—кто онъ такой?

— А это сынъ Трофино, мельника. Видишь, какъ онъ выросъ. Какъ-то онъ увидѣлъ, что любимая имъ дѣвушка разговариваетъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ изъ Рости. — и убилъ ихъ обоихъ: истинно мальчишеская продѣлка! Онъ уже шесть мѣсяцевъ въ нашихъ лѣсахъ—многообѣщающій юноша! Теперь я уйду, — надо держать ухо востро: старикъ шутить не любитъ.

— Да, нужна осмотрительность, иначе мы испортимъ репутацію банды. Слушай, мнѣ вдругъ пришла въ голову такая мысль: что если ты мнѣ будешь нуженъ,—разумѣется, при надлежащемъ вознагражденіи,—ты и этотъ многообѣщающій юноша: гдѣ я могъ бы найти васъ?

— Въ трактирѣ «dell'Aqua Ferrata», гдѣ нанимаютъ муловъ въ Ріо-Фреддо, ты найдешь глухонѣмого служащаго; если ты вѣжливо и возможно тише скажешь ему: «дорога на Бычачью гору пустынна»,— то онъ, надѣюсь, пойметъ тебя и дастъ отвѣтъ. Во всякомъ слу-

чаѣ онъ сообщитъ мнѣ, чего ты желаешь отъ меня. Теперь,—я отпускаю тебѣ грѣхи твои!

Старые товарищи разстались добрыми друзьями.

Марціо вернулся въ комнату графа, который далъ ему нѣсколько мелкихъ порученій; Марціо исполнилъ ихъ съ своей обычной аккуратностью. Затѣмъ, графъ мягко сказалъ ему:

— Марціо, если я ненавижу людей, то это оттого, что меня люди ненавидятъ, и не легка моя жизнь, такъ какъ всѣ, кромѣ тебя, готовы посягнуть на все и жаждутъ захватить въ свои руки мое состояніе. Всѣ противъ меня одного... Дѣти мои ненавидятъ меня еще больше всѣхъ остальныхъ... Но особенно меня огорчаетъ то, что силы мои падаютъ и крѣпость моего тѣла исчезла. Напрасно было бы скрывать: годы начинаютъ давить меня. Но я не хотѣлъ бы попасть въ положеніе того льва, котораго даже оселъ могъ лягать безнаказанно. Умные люди уходятъ изъ театра раньше, чѣмъ потушатъ свѣчи. Поэтому я рѣшилъ переселиться въ Рокка-Петрелла, мое владѣніе на границѣ. Ты знаешь дорогу?

— Кажется, знаю. Нужно ѣхать черезъ Тиволи, а дальше, какъ говорится,—языкъ до Рима доведетъ.

— Завтра ты поѣдешь верхомъ и отвезешь мое письмо тамошнему кастеляну. Какъ свѣдущій и опытный человѣкъ, ты будешь надзирать за работами, которыя я укажу кастеляну. Вели придѣлать новые замки къ дверямъ, приготовь для меня комнату и вели загладить всѣ оставшіеся еще слѣды пожара.

— Пожара? Развѣ Рокка-Петрелла горѣла?

— Бандиты ограбили и подожгли замокъ, когда охрана была еще недостаточна. Но оставимъ это. Денегъ тебѣ не надо брать съ собою: кастелянъ долженъ былъ въ послѣднее время собрать арендную плату съ моихъ арендаторовъ... А вотъ, возьми себѣ этотъ плащъ,—въ подарокъ отъ меня: онъ защититъ тебя отъ росы, которая здѣсь такъ опасна.

— Эччеленца, красный плащъ съ золотой бахромой... Какъ же мнѣ, человѣку бѣдному, носить такой плащъ?

— Когда даютъ подарокъ кому-либо, то смотрятъ лишь на достоинство подарка, а не на положеніе лица, которому дарятъ. А затѣмъ,—бароны пекутся изъ того же тѣста, что и ты. Думаешь, много надо для того, чтобы превратить крестьянина въ графа? Только красный плащъ да нѣсколько тысячъ скуди!.. Такъ возьми же этотъ плащъ, а что касается денегъ, то помни, что у графа Ченчи ихъ достаточно для того, чтобы двѣнадцать нищихъ превратить въ римскихъ князей. Замѣть также, что мое состояніе не перейдетъ къ дѣтямъ, которыхъ я ненавижу: я буду радъ раздѣлить его между моими слугами... Такъ сегодня ночью возьми лучшаго моего коня и поѣзжай въ Рокка-Петрелла; черезъ пять-шесть дней я тоже пріѣду туда. Но прежде отдай мнѣ ключи отъ подвальныхъ помѣщеній: я уже самъ позабочусь о моей дочери.

Марціо отдалъ ему ключи, посмѣявшись въ душѣ надъ графомъ: онъ уже успѣлъ обзавестись своими собственными ключами отъ подземелій. Выйдя отъ графа, онъ сдѣлалъ видъ, что приготовляется къ отъѣзду, и пошелъ въ помѣщеніе, въ которомъ начинался

корридоръ, ведшій въ подземелья; здѣсь онъ принялся чистить сбрую, постоянно осматриваясь, точно поджидая кого-то. Черезъ нѣсколько времени графъ направился въ помѣщеніе Беатриче; онъ осторожно, какъ кошка, пробирался по корридору, желая застигнуть дочь неожиданно. Но Марціо еще издали увидѣлъ его и выстрѣлилъ изъ пистолета; выстрѣлъ гулко раздался въ закрытомъ помѣщеніи. Графъ вздрогнулъ и понялъ, что его планъ разрушенъ. Онъ вспыхнулъ, но вскорѣ овладѣлъ собою и спокойно, съ притворнымъ участіемъ сказалъ Марціо:

— Смотри, будь въ другой разъ осторожнѣе, сынъ мой: ты могъ бы ранить себя въ руку.

— Не дай Богъ! Недоставало мнѣ еще стать инвалидомъ на всю жизнь... Какъ я радъ, эччеленца, что боли въ вашей ногѣ такъ скоро прекратились и вы уже можете ходить!

— Да, благочестивые монахи, которыхъ ты видѣлъ, принесли мнѣ священную реликвію: она помогла мнѣ... Теперь мнѣ лучше и я хотѣлъ пройтись. Дай мнѣ руку,—погуляемъ немного на свѣжемъ воздухѣ.

Марціо подалъ ему руку. Когда они ходили такъ, рука объ руку, можно было бы подумать, что это самые лучшіе друзья.

— Марціо, живы ли еще твои родители? спросилъ графъ.

— Я сирота, эччеленца. А родные мои, можетъ быть, и живы, но я давно уже не имѣю никакихъ извѣстій о нихъ.

— А что, остался въ тѣхъ мѣстахъ кто-нибудь, по комъ пылаетъ твое сердце?

— Пылаетъ!... Было пламя, да вѣтеръ задулъ его.

— Вотъ какъ! Въ чемъ дѣло, разскажи.

— Разсказывать недолго. Любилъ я дѣвушку. Она приглянулась одному знатному синьору, но имѣла безстыдство отвергнуть честь, которой синьоръ хотѣлъ удостоить ее, и онъ ее убилъ, что она вполнѣ заслужила.

— Ты, вѣроятно, грустилъ нѣсколько дней; время очень быстро излѣчиваетъ эти раны.

— Не всѣ однако. Иногда мечъ проходитъ слишкомъ глубоко: рана затянется снаружи, а внутри все болитъ.

— Марціо, комедія жизни состоитъ не изъ одного акта. Ты молодъ и можешь еще не разъ полюбить. Надзоръ за работами въ замкѣ не помѣшаетъ тебѣ иногда съѣздить на родину—ты, кажется, изъ Тальякоццо: тамъ ты утѣшишься и забудешь о своемъ горѣ.

— Попробую съ вашего позволенія, эччеленца; можетъ быть, это и удастся.

Разговаривая такъ дружелюбно, каждый изъ нихъ только и думалъ о смерти другого. Но вскорѣ нога графа снова заболѣла и онъ вернулся въ свою комнату. Когда настала ночь и всѣ въ палаццо уснули, Марціо осторожно пошелъ въ садъ, прикрѣпилъ къ стѣнѣ его веревочную лѣстницу, затѣмъ отперъ своими ключами подземелье и освободилъ Олимпіо. Олимпіо хотѣлъ сейчасъ же поджечь палаццо, и Марціо съ трудомъ удержалъ его отъ этого. Олимпіо пробрался черезъ стѣну по веревочной лѣстницѣ и ушелъ. Марціо же направился къ Беатриче, надѣясь склонить ее къ бѣгству. Од-

нако, всѣ его убѣжденія не привели ни къ чему, и Беатриче такъ же безуспѣшно просила Марціо оставить планы относительно мести графу. Онъ простился съ дѣвушкой, взялъ просьбу, написанную ею, и оставилъ палаццо. Когда онъ уѣзжалъ, на сѣдлѣ его лошади лежалъ красный плащъ съ золотой бахромой.

XVI.

Путешествіе.

Черезъ нѣсколько дней, когда графъ Франческо чувствовалъ себя довольно здоровымъ и боли въ его ногѣ прекратились, онъ раннимъ утромъ разбудилъ свою семью и велѣлъ готовиться въ путь. Беатриче увидѣла во дворѣ осѣдланныхъ лошадей, дорожные экипажи и провожатыхъ: все это показывало, что предстоитъ отъѣздъ на продолжительное время, но куда и на долго ли, этого никто изъ семьи не зналъ и не рѣшался спрашивать у графа. Графъ все тщательно взвѣсилъ со свойственной ему предусмотрительностью. Не довѣряя своимъ слугамъ, онъ нанялъ значительное количество поселянъ для охраны на небезопасномъ пути изъ Рима въ Рокка-Петрелла. Раньше онъ проѣзжалъ это разстояніе въ одинъ день, но теперь это было невозможно, такъ какъ взяты были тяжелые дорожные экипажи, а дорога была испорчена осенними дождями. Ящики экипажей были наполнены бѣльемъ, серебряной посудой, разнообразными припасами и разными винами. Среди винъ была одна бутылка хереса съ помѣткой «1550 г.»: ей графъ удѣлялъ особенное вниманіе.

Когда вывели Беатриче, она раньше, чѣмъ сѣсть въ экипажъ, обратилась къ графу съ такими словами:

— Отецъ, мнѣ нужно кое-что сказать вамъ...

— Молчать! крикнулъ графъ:—садись въ экипажъ.

Беатриче умоляюще протянула къ нему руки и еще разъ сказала:

— Отецъ, ради Бога выслушайте меня... Дѣло идетъ о вашей жизни...

Но графъ Ченчи думалъ, что она хочетъ лишь попытаться, не удастся ли ей увернуться отъ этого, непріятнаго для нея путешествія: онъ насильно втолкнулъ ее въ карету и заперъ дверцы снаружи. Затѣмъ графъ и провожатые сѣли на лошадей и данъ былъ знакъ къ отъѣзду. Караванъ тронулся въ путь, какъ печальное, похоронное шествіе.

Отъ Тиволи караванъ направился по Valeria и прибылъ въ Виковаро, гдѣ вслѣдствіе зноя и дурной дороги нужно было остановиться къ большой досадѣ графа Ченчи, тщетно старавшагося ѣхать возможно скорѣе. Лошади едва переводили духъ и ни бичи, ни шпоры не могли сдвинуть ихъ съ мѣста. Къ вечеру караванъ снова тронулся въ путь и прибылъ въ гостинницу Ферраты, гдѣ нужно было оставить экипажи и ѣхать дальше по горной тропѣ верхомъ на лошадяхъ или мулахъ. Ченчи позвалъ хозяина гостинницы и спросилъ, прибыли ли мулы изъ Петреллы.

— Муловъ я не видалъ, нѣсколько грубо отвѣтилъ хозяинъ.

— Но вѣдь былъ здѣсь мой слуга Марціо?

— Никакого Марціо я не видѣлъ.

Графъ предложилъ этотъ вопросъ только затѣмъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли Марціо убитъ, и показать, будто онъ ничего не знаетъ объ этомъ убійствѣ. Онъ притворился раздраженнымъ, сталъ бранить Марціо и, наконецъ, потребовалъ, чтобы хозяинъ послалъ нанять муловъ у угольщиковъ, жившихъ въ сосѣднихъ горахъ. Во дворѣ стоялъ загорѣлый молодой человѣкъ, бывшій, очевидно, слугой у хозяина гостинницы.

— Ты развѣ не слыхалъ! сердито крикнулъ на него графъ.— Ты долженъ уже быть за милю отсюда!

— Не сердитесь, эччеленца, отвѣтилъ хозяинъ: — несчастный не пойметъ васъ,—это глухонѣмой отъ рожденія. Я ему знаками объясню.

Хозяинъ сталъ дѣлать разные знаки, и глухонѣмой ушелъ. Лошади были распряжены, грузъ снятъ и все приспособлялось къ дальнѣйшей поѣздкѣ на мулахъ. Для дамъ и Бернардино отведено было помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ и дверь за ними заперта. Графъ безпокойно ходилъ и подозрительно посматривалъ по сторонамъ. Глухонѣмой прошелъ нѣкоторое разстояніе, затѣмъ остановился, оглянулся на гостинницу и быстро свернулъ въ сторону, на тропинку, ведущую въ Ріо-Фреддо. Эта тропинка, поднимаясь все выше и выше, по склонамъ горы св. Иліи, становилась, наконецъ, почти совершенно непроходимой. Глухонѣмой, неутомимо пробираясь съ камня на камень, шелъ все дальше.

На вершинѣ горы св. Иліи подъ вѣтвями вѣковыхъ дубовъ пылалъ костеръ. Въ сентябрскія ночи, когда въ долинахъ царитъ удушливый зной, здѣсь дуетъ прохладный, рѣзкій вѣтерокъ. Вокругъ костра сидѣла группа людей, поджидавшихъ кого-то: они, очевидно, соскучились и зѣвали. Это были бандиты. Они поджидали Марціо, который что-то долго не приходилъ. Послѣ долгаго ожиданія издали донеслось громкое пѣніе. Бандиты схватились за оружіе.

— Не безпокойтесь, сказалъ одинъ изъ нихъ:—это глухонѣмой изъ Ферраты.

Дѣйствительно вскорѣ приблизился тотъ молодой человѣкъ, который притворялся въ гостинницѣ глухонѣмымъ.

— Гдѣ Марціо? спросилъ онъ.

— Объ этомъ мы тебя хотѣли спросить, отвѣтилъ одинъ изъ бандитовъ.

Во время этого разговора прибылъ Марціо. Глухонѣмой разсказалъ, что графъ Ченчи ѣдетъ въ Рокка-Петрелла, остановился въ гостинницѣ и ждетъ муловъ. Разузнавъ все подробно, бандиты составили планъ. Одинъ изъ нихъ, переодѣвшись въ платье угольщика и вымазавшись сажей, отправился съ мулами въ гостинницу, остальные же, вмѣстѣ съ Марціо, пошли на мѣсто, избранное ими для засады.

Когда прибыли мулы, графъ велѣлъ навьючить на нихъ грузъ и отправляться въ путь. Впереди каравана ѣхалъ самъ графъ

Ченчи, бандитъ, приведшій муловъ, глухонѣмой изъ гостинницы, который теперь снова потерялъ способность говорить, и шесть вооруженныхъ поселянъ; затѣмъ слѣдовали дамы. Бернардино, вооруженные слуги и грузъ; шествіе замыкалось шестью вооруженными поселянами. Беатриче не разъ пыталась приблизиться къ отцу и неоднократно просила выслушать ее; когда они оставляли гостинницу, она упала къ ногамъ графа и сказала:

— Отецъ, не ѣздите дальше: вы погибнете... Марціо...

Услыхавъ изъ устъ дочери это. непріятное ему имя и думая, что она хочетъ лишь избавиться отъ предстоящаго ей заключенія въ Рокка-Петрелла. графъ сурово оттолкнулъ Беатриче и велѣлъ слугамъ смотрѣть, чтобы она ни подъ какимъ предлогомъ не оставляла указаннаго ей мѣста.

Была темная ночь; небо было покрыто облаками; дулъ сильный вѣтеръ. Около двухъ часовъ ночи караванъ достигъ горнаго ущелья близъ Тальякоццо. Если бы луна освѣтила ночной мракъ, отсюда уже видна была бы Рокка-Рибальда, дальше черезъ долину идетъ дорога въ Рокка-Петрелла, гдѣ на скалѣ возвышался нѣкогда замокъ Ченчи. Дорога въ Рокка-Рибальда идетъ по обрывистому хребту, покрытому густымъ кустарникомъ.

Среди ночной тьмы тяжело нагруженный караванъ графа Ченчи могъ лишь медленно взбираться вверхъ по этому горному проходу. Вдругъ, луна выглянула изъ-за тучъ и освѣтила окрестности. Графъ, наклонивъ голову и всматриваясь вдаль, замѣтилъ, что изъ-за деревьевъ выходитъ цѣлый рядъ какихъ-то подозрительныхъ людей съ ружьями въ рукахъ, изъ которыхъ они ежеминутно готовы выстрѣлить. О сопротивленіи или о бѣгствѣ въ этомъ проходѣ нечего было и думать: караванъ попалъ въ западню.

— Стой! прогремѣлъ чей-то голосъ:—ни шага впередъ или смерть вамъ!

Караванъ остановился.

— Эччеленца, спросили провожатые у графа:—что намъ дѣлать? Если мы пойдемъ впередъ, они перебьютъ насъ, какъ собакъ.

— Это я вижу, отвѣтилъ графъ.—Сила здѣсь ничего не поможетъ. Попробуйте, не удастся ли вамъ вступить съ бандитами въ переговоры.

— Сложите оружіе, прокричалъ съ горы прежній голосъ:—абруцскіе волки никогда не говорятъ дважды! Завтра вы найдете ваше оружіе въ гостинницѣ Ферраты.

Провожатые не ждали вторичнаго приказанія; они сложили оружіе и сошлись въ одно мѣсто. Графъ направился къ нимъ.

— Графъ останется у насъ! Остальные пусть ѣдутъ своей дорогой! прокричалъ тотъ же голосъ съ возвышенности.

Беатриче сразу поняла, что здѣсь дѣло идеть не о выкупѣ, какъ обыкновенно при нападеніяхъ бандитовъ; она догадывалась, что нападавшіе преслѣдовали болѣе страшную цѣль, и не ошиблась. Незамѣтно приблизилась она къ столпившимся людямъ и стала уговаривать бандитовъ взять весь багажъ, назначить сумму выкупа, но только отпустить графа. Однако, ея усилія не привели ни къ чему: графа схватили, завязали ему глаза, и какая-то сильная рука потащила его: куда?—онъ не могъ догадаться.

Прошло не мало времени и, наконецъ, онъ почувствовалъ, что бандиты оставили его. Онъ моментально сорвалъ съ глазъ повязку и увидѣлъ, что находится въ закрытомъ помѣщеніи. Это была пещера, обитая досками со всѣхъ сторонъ; дверь, ведущая въ нее, была заперта снаружи. Въ помѣщеніи стоялъ столъ и нѣсколько стульевъ, постель замѣняла куча сухихъ листьевъ, покрытая шкурами. Графъ сѣлъ и погрузился въ размышленія; онъ понялъ, что если выкупъ не спасетъ его, то онъ уже никогда не выйдетъ отсюда. Прошло нѣсколько часовъ; графомъ овладѣло какое-то безсиліе, состояніе, близкое къ обмороку. Сверхъ того, онъ чувствовалъ сильный голодъ и жажду. Наконецъ, онъ постучалъ въ дверь. Дверь открылась, и вошелъ молодой человѣкъ: это былъ глухонѣмой изъ гостинницы. Графъ потребовалъ ѣсть; пища скоро была принесена. Но, лишь только графъ сѣлъ къ столу, онъ увидѣлъ, или ему показалось, что какая-то фигура, похожая на Олимпіо, но страшная, блѣдная, съ потухшими глазами, отдѣлилась отъ стѣны и съ крикомъ: «я голоденъ!» набросилась на пищу. Страшилище съѣло все, что было на столѣ, съѣло скатерть, посуду и, все повторяя: «я голоденъ!» опрокинуло столъ, свѣчи, стоявшія на немъ, и набросилось на графа. Графъ чувствовалъ, какъ оно грызетъ и кусаетъ его; онъ защищался всѣми силами, но вскорѣ силы оставили его; онъ упалъ. Вдругъ, откуда-то, будто изъ стѣнъ, вышли какіе-то черные люди съ зажженными факелами, связали страшное чудовище и увели изъ пещеры. Изможденный графъ лежалъ на землѣ: ужасъ охватилъ его и онъ не могъ сдвинуться съ мѣста. Но вотъ онъ слышитъ голосъ: «милый мой, наконецъ-то я дождалась тебя!» Графъ взглянулъ: передъ нимъ снова какое-то привидѣніе, все окровавленное, съ длинными спустившимися волосами и кинжаломъ въ груди. «Я дѣвушка изъ Виттаны, говорило чудовище: я люблю тебя; раньше я отвергла тебя, потому что была невѣстой другого,—теперь я свободна!» Протянувъ руки, чудовище приблизилось къ графу и стало сжимать его въ своихъ объятіяхъ. Вдругъ послышались крики; графъ взглянулъ въ ту сторону и увидѣлъ горящее зданіе; среди огня виднѣлись какія-то человѣческія фигуры. Одна изъ нихъ, совершенно обгорѣлая, отдѣлилась и направилась къ графу.—«Я столяръ изъ Ринетты, проговорила фигура: да будетъ проклятъ тотъ, кто осудилъ меня на эту страшную смерть!» Столяръ схватилъ графа за руку, но рука столяра превратилась въ горящій факелъ, съ котораго текла пылающая смола и мучительно жгла графа...

Графъ лежалъ безъ чувствъ. Не скоро придя въ себя, онъ почувствовалъ, что какая-то заботливая рука стираетъ потъ съ его лица. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ нѣчто еще болѣе поразительное: дочь свою, Беатриче. Она сидѣла около него на кучѣ листьевъ и старалась привести его въ чувство. Замѣтивъ, что онъ пришелъ въ себя, она наклонилась и тихо прошептала ему на ухо:

— Отецъ, чувствуете ли вы себя достаточно сильнымъ, чтобы встать и держаться на ногахъ.

Графъ хотѣлъ отвѣтить ей, но она прошептала:

— Не говорите ни слова,—дайте только знакъ головой.

Онъ утвердительно кивнулъ головою.

— Такъ напрягите всѣ усилія, снова заговорила Беатриче:—необходимо возможно скорѣе уйти отсюда.

Графъ, поддерживаемый Беатриче, направился къ отпертой теперь двери. Они прошли въ другое помѣщеніе, тускло освѣщенное лампами; здѣсь виднѣлись кучи награбленныхъ вещей, а у стѣнъ на скамьяхъ лежало до двадцати бандитовъ, спавшихъ глубокимъ сномъ. Графъ замѣтилъ на столѣ бутылку изъ-подъ хереса: она была пуста.

— А, они пили это вино, съ злорадствомъ прошепталъ онъ:—поздно же они проснутся, а иные, пожалуй, и никогда.

Беатриче осторожно провела графа черезъ это помѣщеніе, черезъ узкій корридоръ, высѣченный въ скалѣ. Солнце еще не всходило, но при слабомъ свѣтѣ зари можно было видѣть на довольно значительное разстояніе. Беатриче замѣтила лошадь, привязанную къ дереву у входа въ пещеру. Она быстро отвязала лошадь, помогла графу сѣсть на нее и, пробираясь по тропинкѣ, повела ее за собою. Когда они выбрались, наконецъ, на большую дорогу, графъ началъ разспрашивать Беатриче, какимъ образомъ ей удалось найти его. Беатриче разсказала ему, какъ ей стало извѣстнымъ, что Марціо задумалъ убить его.

— Какъ, ты это знала и скрыла отъ меня! воскликнулъ графъ.

— Отецъ, отвѣтила Беатриче:—когда же я могла сказать вамъ? Въ подземельѣ двери за мною были заперты, а въ дорогѣ я два раза просила васъ выслушать меня, но вы не хотѣли слушать. Марціо уѣхалъ въ ту же ночь, какъ освободилъ Олимпіо.

— Неужели онъ живъ? Какъ судьба преслѣдуетъ меня... Но продолжай...

— Когда бандиты напали на насъ, я за всѣмъ слѣдила, хотя Олимпіо и Марціо...

— Что? И Марціо живъ?

— Я обоихъ ихъ узнала среди бандитовъ: они собственно и были предводителями банды. Я поняла, что нападавшіе имѣли въ виду не ваше имущество, а вашу жизнь, и старалась соблазнить бандитовъ выкупомъ, но это мнѣ не удалось. Когда бандиты увели васъ, я незамѣтно пошла за ними, нашла тропинку и дошла до пещеры. Я не рѣшалась войти, но иначе нельзя было спасти васъ. Я спряталась и прождала, пока въ пещерѣ не стихло все. Тогда я осторожно вошла и увидѣла, что всѣ бандиты спятъ: это позволило мнѣ войти въ другое помѣщеніе, гдѣ я нашла васъ.

Во время этого разговора они достигли замка Ченчи. Графъ, раньше чѣмъ лечь въ постель, призвалъ нѣкоторыхъ слугъ и объявилъ, что дастъ имъ 4000 цехиновъ, если они доставятъ живыми или мертвыми бандитовъ, которыхъ можно захватить въ пещерѣ близъ Тальякоццо.

XVII.

Страшная ночь.

Устроившись въ замкѣ, графъ заключилъ Беатриче въ помѣщеніе, которое служило тюрьмой. Окно этого помѣщенія было на поло-

вину закрыто и задѣлано желѣзной рѣшеткой. Въ него могли проникать лишь косые лучи солнца: небо было закрыто. Беатриче сидитъ здѣсь одинокая со своими грустными думами. Лишь сонъ приноситъ ей нѣкоторое облегченіе. Вотъ, спится ей широкое море: среди моря возвышается скала: на этой скалѣ одиноко сидитъ Беатриче; кругомъ плаваютъ, играя, нереиды, посматриваютъ на нее и манятъ ее къ себѣ. Она подняла голову вверхъ и видитъ: амуръ въ видѣ ея Гвидо наклонился къ ней, хочетъ обнять ее. Она протянула къ нему руки и... проснулась.

Ахъ, къ чему такіе сны, когда дѣйствительность даетъ лишь страданія! Будто Гвидо можетъ идти противъ судьбы! Нѣтъ, пусть онъ ищетъ болѣе счастливую... Подушка Беатриче оросилась слезами. Измученная дѣвушка старается снова уснуть, но безуспѣшно. Ей представляется какая-то черная точка далеко за стѣнами Рима; она постепенно приближается: это какой-то человѣкъ съ лицомъ, закрытымъ капюшономъ; онъ останавливается и манитъ ее къ себѣ, но она не узнаетъ его... У подножья горы, гдѣ бьетъ никогда не изсякающій ключъ, подъ развѣсистыми вѣтвями стоитъ капелла. Тамъ живетъ еремитъ-отшельникъ, который не оставляетъ безъ помощи и утѣшенія никого, кто только обратится къ нему. Онъ готовъ повѣнчать Беатриче съ Гвидо. Она протягиваетъ руку и удивляется, что Гвидо не подаетъ ей своей руки и прячетъ ее подъ плащъ. Наконецъ, она сама хочетъ взять его руку, уже прикоснулась къ ней и вдругъ со страхомъ отдергиваетъ свою руку: рука Гвидо вся мокрая, липкая. Беатриче смотритъ: его рука вся въ крови. «Гвидо, что это за кровь?» спрашиваетъ она. Но Гвидо уже исчезъ, исчезъ и отшельникъ, а Беатриче осталась одна среди мрака...

Дверь тихо скрипнула, пріотворилась. Изъ-за нея осторожно выдвинулась голова, затѣмъ грудь и, наконецъ, вся фигура старика въ широкомъ халатѣ и красной шапочкѣ. Это графъ Ченчи. Онъ осторожно подходитъ, прислушивается къ дыханію Беатриче и останавливается у ея постели. Глаза Беатриче закрыты, волосы въ безпорядкѣ ниспадаютъ на ея грудь: она спитъ тяжелымъ сномъ. Графъ смотритъ на нее. Ея прекрасныя формы возбуждаютъ его: женщины, какъ и розы, тѣмъ очаровательнѣе, чѣмъ меньше онѣ раскрыты. Но отчего такъ дрожитъ старикъ? Онъ протягиваетъ свои худыя руки и тихонько снимаетъ простыню: красота дѣвственнаго тѣла обнажилась... красота, которую самъ амуръ закрылъ бы своимъ крыломъ передъ глазами влюбленнаго... Вотъ дверь снова тихо отворилась; входитъ второй человѣкъ; онъ смотритъ, смотритъ съ изумленіемъ... Ему и въ голову не приходитъ, что человѣкъ, котораго онъ видитъ при слабомъ освѣщеніи,—что этотъ человѣкъ—самъ графъ Ченчи.

Графъ трясется, дрожитъ; глаза его сверкаютъ, какъ у змѣи, щеки раскраснѣлись; халатъ спадаетъ съ его плечъ... Старикъ поднимаетъ ногу, опирается колѣномъ о край постели, наклоняется, протягиваетъ руки...

Ужасъ и ярость охватили Гвидо: второй человѣкъ, вошедшій въ комнату, былъ монсиньоръ Гвидо Гверра. Онъ безсознательно вы-

хватилъ кинжалъ. Графъ слышитъ какой-то шумъ за своей спиной, оборачивается, но Гвидо уже схватилъ его за волосы и съ быстротою молніи вонзилъ кинжалъ въ его горло. Графъ не можетъ уже произнести ни слова; онъ покачнулся и упалъ на землю... Изъ перерѣзаннаго горла его струей льется кровь и вырываются хриплые звуки...

Беатриче вздохнула и открыла глаза... Боже мой, такъ это не сонъ! Она видитъ Гвидо, радостно улыбается,—но онъ такъ странно смотритъ на нее и держитъ въ рукѣ окровавленный кинжалъ. Улыбка застыла на устахъ Беатриче; ей еще неизвѣстно страшное происшествіе этой ночи. Но кто это лежитъ на полу? При тускломъ свѣтѣ его нельзя разглядѣть. Беатриче хочетъ спросить, Гвидо замѣчаетъ это, боится этого вопроса. Онъ взглянулъ на нее, затѣмъ на трупъ; Беатриче слѣдитъ за его взорами, но вдругъ, онъ исчезъ... Точно молнія поразила Беатриче. Забывъ всякую стыдливость, она встаетъ съ постели, не замѣчая, что полъ, на который она стала босыми ногами, залитъ кровью. Она заглядываетъ въ лицо лежащаго человѣка и съ ужасомъ отворачивается: это ея отецъ!.. Вокругъ рта его еще замѣтны послѣднія подергиванія, но глаза его уже закрыты. Вотъ они еще разъ открываются, смотрятъ вокругъ, но вскорѣ становятся тусклыми, потухаютъ... Онъ умеръ. Дѣвушка стояла въ забытьи, ни о чемъ не думая, ничего не чувствуя.

Гвидо прибѣжалъ въ другую комнату, гдѣ засталъ Лукрецію, Бернардино, Олимпіо и Марціо. Молодой человѣкъ размахивалъ окровавленнымъ кинжаломъ и кричалъ:

— Онъ убитъ, онъ убитъ!..

— Зачѣмъ вы не предоставили намъ свести наши старые счеты съ графомъ? спросилъ Олимпіо, а Марціо холодно прибавилъ:

— Ну, въ этомъ еще нужно удостовѣриться,—и пошелъ въ ту комнату, гдѣ лежалъ графъ.

Какъ странны движенія души человѣческой! Марціо, который совершенно спокойно убилъ бы графа, при видѣ полуобнаженной дѣвушки смутился, вернулся и сообщилъ Лукреціи о видѣнной имъ сценѣ. Лукреція, не обращая вниманія на весь ужасъ происшествія, направилась въ помѣщеніе Беатриче, заговорила съ нею и, не получивъ отвѣта, набросила ей на плечи халатъ графа и увела ее. Беатриче машинально пошла за нею; она не замѣчала, что ноги ея ступаютъ по лужѣ крови, не замѣчала, какъ ей растирали уксусомъ виски и, наконецъ, уложили ее въ постель. Марціо взялъ Олимпіо и снова пошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ графъ; онъ перевернулъ трупъ и вонзилъ кинжалъ въ его глазъ по рукоятку.

— Такъ, теперь я удостовѣрился, сказалъ онъ.

— Это было совсѣмъ лишнее, проговорилъ Олимпіо, просунувъ палецъ въ перерѣзанное горло графа:—видишь, какая дыра! Черезъ нее душа могла бы выѣхать даже въ экипажѣ! Теперь надо подумать, что дѣлать съ трупомъ.

— Закопаемъ его въ саду.

— Ты съ умъ сошелъ! Надо устроить такъ, чтобы думали, будто онъ умеръ безъ посторонней помощи. Бери его за ноги, я возьму за голову, — вынесемъ трупъ на террасу. Тамъ я видѣлъ

отхожія мѣста, а терраса съ одной стороны не имѣетъ перилъ: сбросимъ его туда. Что можетъ быть правдоподобнѣе: старикъ, вѣроятно, слишкомъ много выпившій съ вечера, вышелъ ночью, оступился и упалъ.

— Прекрасно. Однако, при паденіи можно сломить шею, но нельзя получить прорѣзную рану.

— Я и объ этомъ думалъ. Мы сбросимъ его съ террасы на деревья, затѣмъ, напихаемъ въ рану острыхъ вѣтокъ, — этого достаточно. Неужели вы думаете, что станутъ доискиваться мелочей? Кто мертвъ, тотъ ужъ мертвъ, и счастливъ тотъ, кто остался въ живыхъ.

— Иногда и мертвые встаютъ изъ гробовъ. Впрочемъ, твое предложеніе мнѣ нравится.

Вскорѣ Гвидо, Марціо и Олимпіо осторожно ушли, такъ что никто посторонній ихъ не видалъ. Марціо и Олимпіо имѣли при себѣ 2000 цехиновъ; семейства Ченчи и Гвидо обѣщали дать имъ еще больше денегъ, поэтому они въ ту же ночь спокойно поѣхали на границу, откуда можно было отправиться въ Сицилію или Венецію. Гвидо же уѣхалъ въ Римъ; во время остановки въ гостинницѣ Ферраты хозяинъ гостинницы замѣтилъ:

— Какъ это, синьоръ: вчера вы говорили, что ѣдете въ замокъ Рибальда и проживете тамъ весь сентябрь, а сегодня уже возвращаетесь!

— Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, отвѣтилъ Гвидо.

— Вѣроятно, вы имѣли участвовать въ какой-нибудь трагедіи, а теперь разыграли вашу роль и возвращаетесь домой.

— Что вы хотите сказать этими словами?

— Ничего, — только у васъ платье въ крови...

Гвидо съ испугомъ взглянулъ на рукавъ и увидѣлъ, что хозяинъ правъ. Поэтому онъ еще разъ обернулся къ нему и сердито сказалъ:

— Не состоите ли вы полицейскимъ въ деревнѣ?

— Нѣтъ — я лишь восхищаюсь вашими дѣлами, синьоръ! Видите ли, я другъ нѣкоего Марціо, который, кажется, и вамъ не безизвѣстенъ... Къ обитателямъ этого лѣса я отношусь, какъ отецъ къ своимъ дѣтямъ, а такъ какъ я по природѣ не могу выносить ничего дурного, то все у насъ дѣлается честно. Я только хотѣлъ намекнуть вамъ, что въ случаѣ надобности вы можете обратиться къ трактирщику Ферраты.

Гвидо вошелъ въ гостинницу и сталъ совѣтоваться съ трактирщикомъ, какъ вывести кровяное пятно. При прощаніи онъ подалъ трактирщику руку, и они разстались какъ старые друзья.

Черезъ день послѣ этого Рокка-Петрелла огласилась стонами и воплями, раздававшимися тѣмъ громче, чѣмъ менѣе искренними были они. Сошлись поселяне со всѣхъ окрестностей. Трупъ графа не безъ умысла оставили на вѣтвяхъ бузины. Старухи начали разсказывать самыя странныя вещи, — какъ графъ ѣхалъ на метлѣ, на шабашъ вѣдьмъ, но по дорогѣ случайно произнесъ имя Христа, вслѣдствіе чего кто-то вытащилъ изъ-подъ него метлу и онъ упалъ на землю.

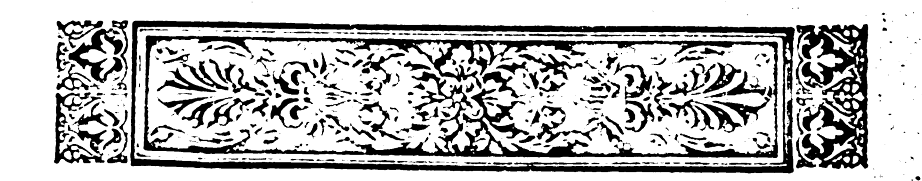
Другіе говорили, что онъ продалъ свою душу діаволу, теперь истекъ срокъ контракта, и діаволъ взялъ его душу къ себѣ. Эти толки поддерживались еще тѣмъ, что трупъ графа висѣлъ на вѣтвяхъ бузины, которая, по мѣстнымъ повѣрьямъ, принадлежитъ діаволу. Одна женщина изъ Петреллы слышала ночью какой-то шумъ въ воздухѣ, слышала, какъ при этомъ стали мяукать на крышахъ кошки, а вскорѣ послѣ этого пролетѣла сова и потушила своими крыльями свѣчу въ фонарѣ: все это показывало, что случилось какое-то особенное происшествіе. Было бы излишне разсказывать всѣ суевѣрія, соединявшіяся съ подобными происшествіями, суевѣрія, которыя распространены были не только среди простого народа, но даже среди ученыхъ людей и знаменитыхъ правовѣдовъ.

Вскорѣ прибыла группа людей, всѣ они только удивлялись, какъ это діаволъ могъ поднять такое тяжелое тѣло. Чтобы прекратить непріятныя толки, графиня Лукреція пригласила этихъ людей въ палаццо. Они вошли и застали графиню въ слезахъ. Послѣ непродолжительнаго разговора, прерывавшагося вздохами и рыданіями, графиня заказала священнику богатыя похороны, пригласила поселянъ провожать гробъ въ траурныхъ плащахъ и обѣщала раздать щедрую милостыню и сдѣлать богатыя пожертвованія. Люди разошлись, тронутые благочестіемъ и щедростью графини, и повсюду разсказывали о ея высокихъ достоинствахъ. Когда они затѣмъ вернулись, чтобы снять съ вѣтвей трупъ графа, они застали его не только уже снятымъ, но и уложеннымъ въ двойной дубовый гробъ.

Ф. Гверацци.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Шильонъ и его знаменитый узникъ.

(изъ замѣтокъ туриста).

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ:
Тамъ въ подземельи семь колоннъ,
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ...
Жуковскій: „Шильонскій узникъ".

Chillon! Thy prison is a holy place,
And thy sad floor an altar—for'twas trod,
Until his very steps have left a trace
Worn, as if thy cold pavement were a sod.
By Bonnivard!—May none those maks efface!
For they appeal from tyranny to god.
Byron: „Sonnet on Chillon"

I.

Солнце ярко свѣтило, отражаясь въ зеркальной поверхности Женевскаго озера. Старый пароходъ „Mont-Blanc", почищенный, кое-гдѣ подмазанный, съ новымъ котломъ и переименованный въ „Dent du Midi", чтобы не напоминать пассажирамъ о случившейся нѣсколько лѣтъ назадъ страшной Лозаннской катастрофѣ, отчаянно шумѣлъ своими огромными колесами, вздымая цѣлые клубы голубоватой пѣны, того особаго голубого цвѣта, составляющаго характерную особенность Лемана и устья Роны. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ голубовато-бирюзовый цвѣтъ воды въ Женевскомъ озерѣ до сихъ поръ для всѣхъ какая-то странная, полная таинственности загадка, которую тщетно стараются объяснить то отраженіемъ въ ясномъ горномъ воздухѣ голубого неба, то вліяніемъ водорослей, содержащихъ въ себѣ іодистое начало. Но едва ли можно согласиться со всѣми этими гипотезами. Окрестное небо повременамъ бываетъ

покрыто такъ же, какъ и у насъ, свинцовыми тучами, а вода на запрудахъ около острова Жанъ-Жака Руссо и у центральной электрической станціи течетъ широкою, тонкою, совершенно прозрачною и чистою струею и все-таки сохраняетъ свой бирюзовый цвѣтъ, представляя поистинѣ волшебную картину, въ особенности въ лунныя ночи.

Я сѣлъ на пароходъ на набережной, противъ памятника герцогу Брауншвейгскому, безъ всякаго опредѣленнаго плана. Меня просто потянуло проѣхаться на пароходѣ и я предполагалъ, совершивъ небольшую прогулку въ свѣжее, погожее утро, вернуться домой къ завтраку. Скоро мы миновали утопающій въ зелени „Hôtel National“, одинъ изъ самыхъ комфортабельныхъ въ Женевѣ по своему устройству, но въ то же время и одинъ изъ пренепріятнѣйшихъ по несносному обществу долговязыхъ англичанъ съ ихъ длиннозубыми спутницами.

Съ пароходнаго мостика, гдѣ я стоялъ, передо мною открывалась чудная панорама этого восхитительнаго уголка, такъ поэтично описаннаго Байрономъ:

Lake Leman woss me with its crystal face
The mirror where the stars and mountains view
The stillness of their aspect in each trace
Its clear chepth yields of their far height and hue... [1])

Направо, вдали ясно обрисовывалась въ прозрачномъ воздухѣ характерная вершина Монблана съ контуромъ мирно спящаго, „сложивши могучія руки на грудь“, Наполеона I въ его исторической шляпѣ. Ближе сюда шла цѣпь темныхъ горъ, заканчиваясь угрюмымъ, приземистымъ „Dent du Midi“. Пароходъ держался вдоль сѣвернаго берега озера, застроеннаго вначалѣ, почти сплошь, дачными домиками женевскихъ буржуа. Далѣе промелькнулъ, сохранившій до сихъ поръ свой массивный феодальный фасадъ, замокъ Коппе, прославленное жилище неудачнаго и плачевно кончившаго французскаго финансиста Неккера и еще болѣе знаменитой дочери его—

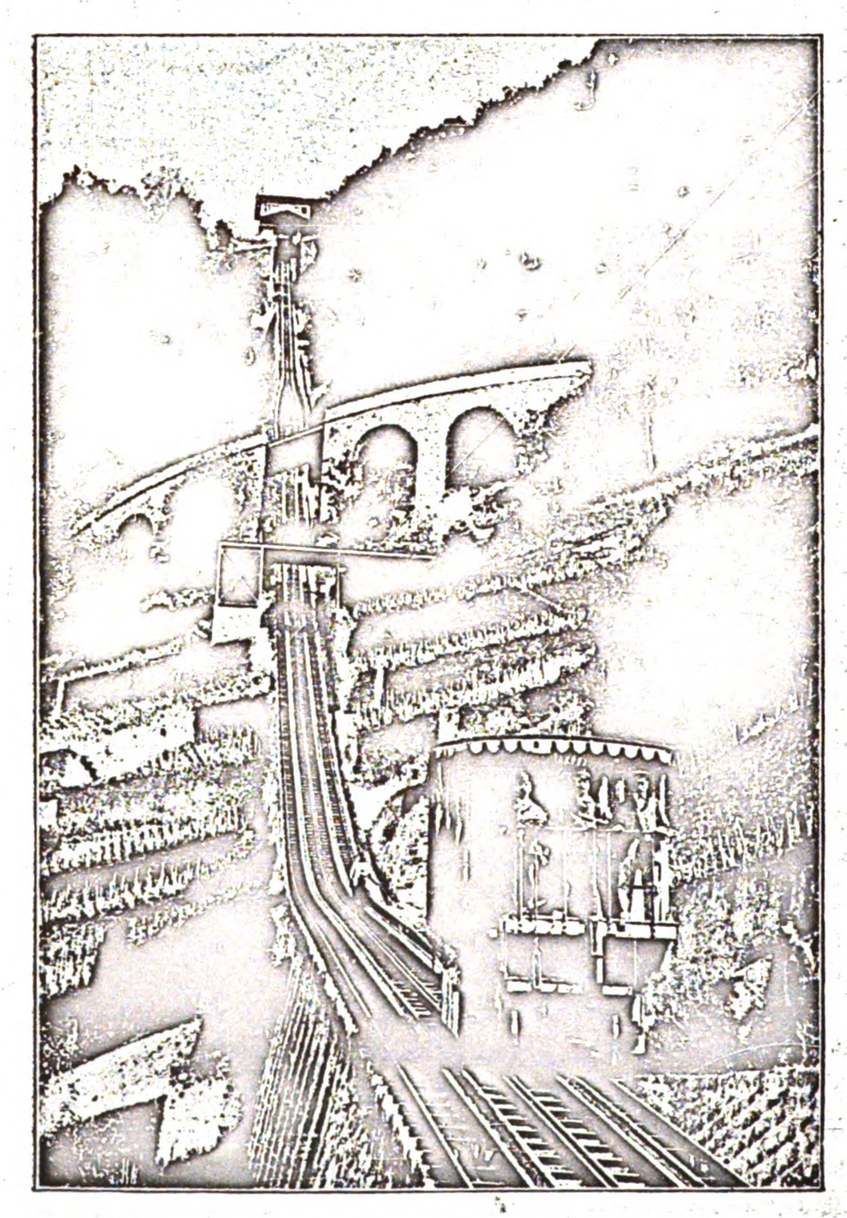
[1]) Чайльдъ-Гарольдъ, III, строфа 68.
„Мнѣ улыбалось своею хрустальною поверхностью Женевское озеро, это свѣтлое прозрачное зеркало, въ которомъ любуются собою звѣзды и отражаются, съ своими высокими вершинами, спокойно величавыя горы, поражающія взоръ разнообразіемъ своего колорита“.

извѣстной противницы Наполеона I, мадамъ де-Сталь. Вотъ деревеньки Селеньи и Крансъ, а за ними почти до самой Лозанны цѣлая серія маленькихъ, кокетливыхъ городковъ, между которыми поражаетъ въ особенности своимъ довольно грознымъ видомъ Ніонъ. Ніонъ—одинъ изъ самыхъ старинныхъ городковъ, и еще во времена римлянъ былъ извѣстенъ, какъ постоянная стоянка коннаго римскаго гарнизона, предназначеннаго удерживать въ повиновеніи эту часть Гельвеціи. Остатки стариннаго римскаго города видны до сихъ поръ на вершинѣ холма, тогда какъ современный Ніонъ спустился уже къ самому берегу озера. За Ніономъ близко и Уши, служащій портомъ для Лозанны и гдѣ я сначала предполагалъ сойти, чтобы вернуться въ Женеву по желѣзной дорогѣ, но погода была такъ соблазнительно хороша, что не хотѣлось забиваться въ душный вагонъ, и я рѣшилъ отправиться дальше, тѣмъ болѣе, что меня невольно заинтересовалъ разговоръ моихъ сосѣдей. Рядомъ со мною на мостикѣ расположилась цѣлая толпа англичанъ въ ихъ оригинальныхъ, но, сказать по правдѣ, очень практичныхъ и удобныхъ для путешественниковъ костюмахъ. Повидимому, это была одна, но зато преогромная семья. Папаша, повидимому, разбогатѣвшій фабрикантъ или лавочникъ, все время дороги провѣрялъ развертывавшуюся панораму озера по своему гиду, въ чемъ ему помогали двѣ его длиннозубыя дочки. Мамаша, не обращая ни на что вниманія, занималась исключительно стоявшей передъ нею на столикѣ цѣлою горою сэндвичей, запивая ихъ добрымъ швейцарскимъ пивомъ; два взрослые сынка стояли у самыхъ перилъ и, тупо уставившись въ одну точку, смотрѣли на воду; за ними слѣдовала еще цѣлая фаланга дѣтей разнаго пола и возраста. Мое вниманіе семья эта привлекла завязавшимся споромъ между отцомъ и дочерью. Оказывалось, что они никакъ не могли найти по картѣ въ своемъ гидѣ какой-то стоявшей тамъ высоко на горѣ одинокой церкви. Нужно было видѣть, съ какимъ негодованіемъ они говорили между собою о томъ, что нечестно брать два франка за спеціальный гидъ по Женевскому озеру и дѣлать въ немъ пропуски. Невольно мнѣ пришли на память наши соотечественники, которые если и купятъ гидъ, то, пожалуй, только для того, чтобы забросить его куда-нибудь

на дно чемодана или сейчасъ же забыть гдѣ-нибудь въ вагонѣ или на пароходѣ. Въ спорѣ приняла участіе уже почти вся семья, такъ что получился чуть не цѣлый митингъ, и я такъ и ожидалъ, что раздастся классическая фраза о необходимости пожаловаться британскому консулу. Но тутъ пароходъ сталъ приставать къ Уши, и одна изъ дочекъ, заглянувши въ красный, на этотъ разъ настоящій, добросовѣстный англійскій Бедекеръ, напомнила о томъ, что въ Уши нужно осмотрѣть Hôtel d'Angleterre (бывшая гостиница Якоря), гдѣ писалъ своего Шильонскаго узника Байронъ. Передо мною живо возстали гимназическіе годы, когда я училъ наизусть: „На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ", и вотъ англичане сошли въ Уши, а я рѣшилъ проѣхать къ Шильону.

За Лозанной берегъ Лемана поднимается выше и выше и склоны Альпъ подступаютъ почти къ самому озеру, точно угрожая надвинуться и раздавить своею массою его волны. Надъ самой Лозанной, немного правѣе, возвышаются усѣянныя виноградниками горы Жора, съ вершинами, увѣнчанными густыми рощицами, любимымъ мѣстомъ прогулокъ окрестныхъ жителей. За горами Жора начинаются высокіе, дикіе, покрытые почти сплошь лѣсомъ Водуазскіе Альпы, надъ которыми царитъ вдали остроконечная скала Нэй. Въ бинокль ясно видны: на самомъ ея пикѣ—треугольникъ съ развѣвающимся надъ нимъ, бѣлымъ съ зеленымъ, водуазскимъ флагомъ и извивающаяся по скалѣ, какъ змѣя, узкая линія желѣзной дороги. Вдругъ показался дымокъ и изъ тоннеля вышелъ и поползъ все выше и выше маленькій поѣздъ, везущій или больныхъ въ выстроенную на самомъ верху санаторію, или просто любителей красивыхъ видовъ.

Противъ Нэй, на самомъ берегу озера, круто спускается внизъ и подступаетъ почти къ самой водѣ скала Соншо. Это самое узкое мѣсто на всемъ побережьи Лемана и идущая кругомъ озера желѣзная дорога проходитъ здѣсь почти совсѣмъ рядомъ съ проѣзжей дорогой. У самой подошвы Соншо бѣлѣется выступающее изъ воды массивное зданіе съ не менѣе массивными башнями, это и есть знаменитый Шильонъ.

Канатная дорога на Территэ-Глiонъ около Шильона.

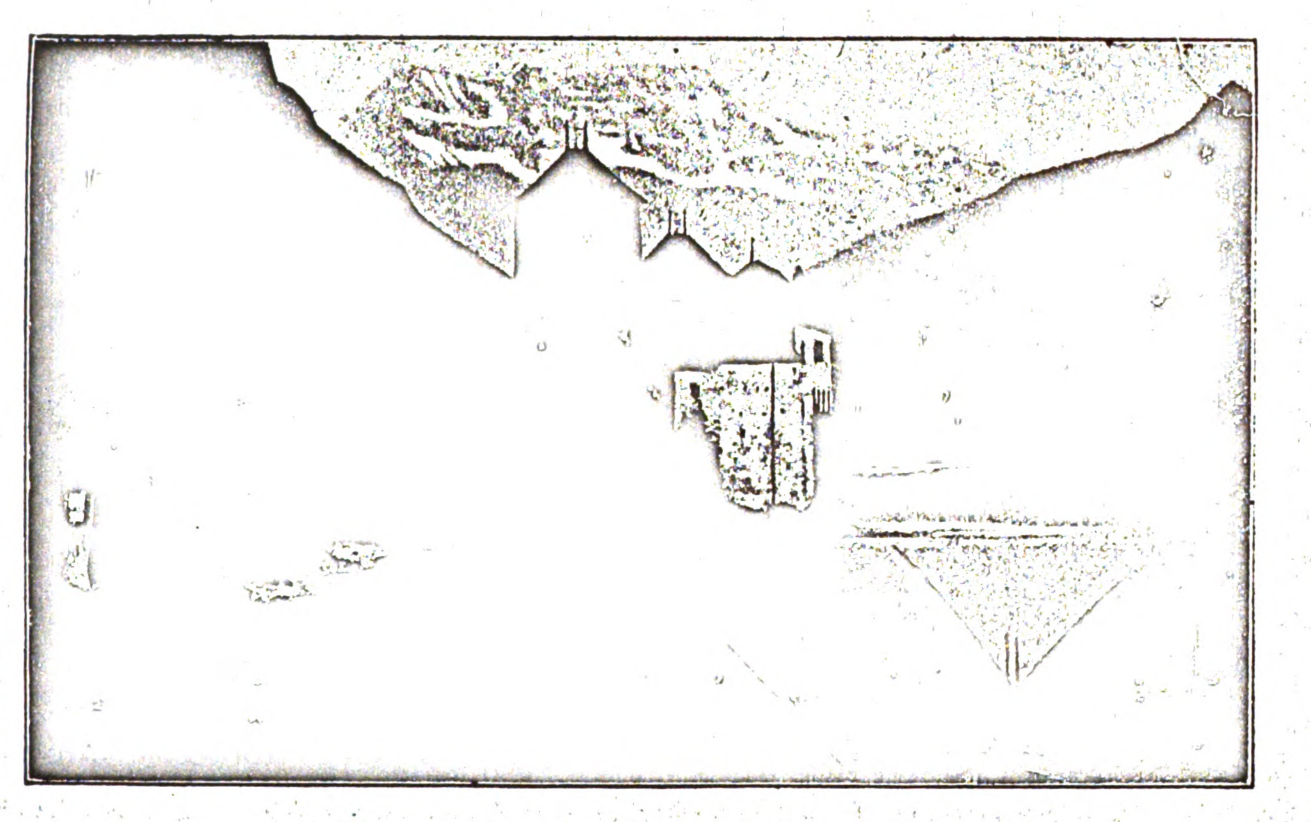
II.

Пароходъ повернулъ вдоль восточнаго побережья, по которому отъ чистенькаго, точно улыбающагося городка Веве вплоть до самаго Вильнева тянется непрерывная линія великолѣпныхъ виллъ, отелей и маленькихъ поселковъ. Эта часть побережья, защищенная горами отъ жестокихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, отличается такимъ мягкимъ климатомъ, что нерѣдко встрѣчаешь здѣсь деревья и кустарники, свойственные лишь Италіи и югу Франціи, какъ, напримѣръ, фиговыя и гранатовыя деревья, розмаринъ и шелковицу. Немудрено, что этотъ живописный уголокъ уже съ давнихъ поръ привлекаетъ къ себѣ туристовъ со всего свѣта. Сколько здѣсь мѣстъ болѣе или менѣе знакомыхъ намъ по произведеніямъ бывавшихъ здѣсь романистовъ и поэтовъ. Вотъ высоко надъ Веве—древній замокъ Блонэй, описаніемъ котораго зачитывались мы въ дѣтствѣ у Фенимора Купера въ его „Бернскомъ Палачѣ". Далѣе, за Веве, деревенька Кларанъ, воспѣтая Байрономъ въ Чайльдъ-Гарольдѣ и описанная Ж. Ж. Руссо во многихъ сценахъ „Новой Элоизы". За Клараномъ—Монтре, зимняя климатическая станція для больныхъ, желающихъ жить вдали отъ шума Ривьеры. Здѣсь же, по близости отъ Шильона, происходила заставлявшая когда-то обливаться горькими слезами нашихъ бабушекъ и прабабушекъ потрясающая сцена, когда Юлія, съ отчаяніемъ въ душѣ, бросается въ волны Лемана спасать своего сына и... простужается на смерть!.. [1]).

Въ Веве я сошелъ съ парохода и, наскоро позавтракавъ въ первомъ попавшемся кафе, отправился къ Шильону на имперіалѣ электрическаго трамвая. Но вотъ и Территэ съ канатною желѣзною дорогою (funiculaire) на вершину Гліонъ; сейчасъ будетъ замокъ.

Когда подъѣзжаешь къ Шильону, то сперва видишь однѣ его башни, настолько онъ закрытъ теперь густыми, высокими деревьями и, только очутившись передъ самымъ замкомъ, поражаешься грандіозностью этого зданія, такъ мѣтко оха-

[1]) J. J. Rousseau: „Julie ou la Nouvelle Héloïse", chap. VI.

Шильонскій замокъ (со стороны Веве).

рактеризованнаго Викторомъ Гюго: „un bloc de tours posé sur un bloc de rochers“ [1]).

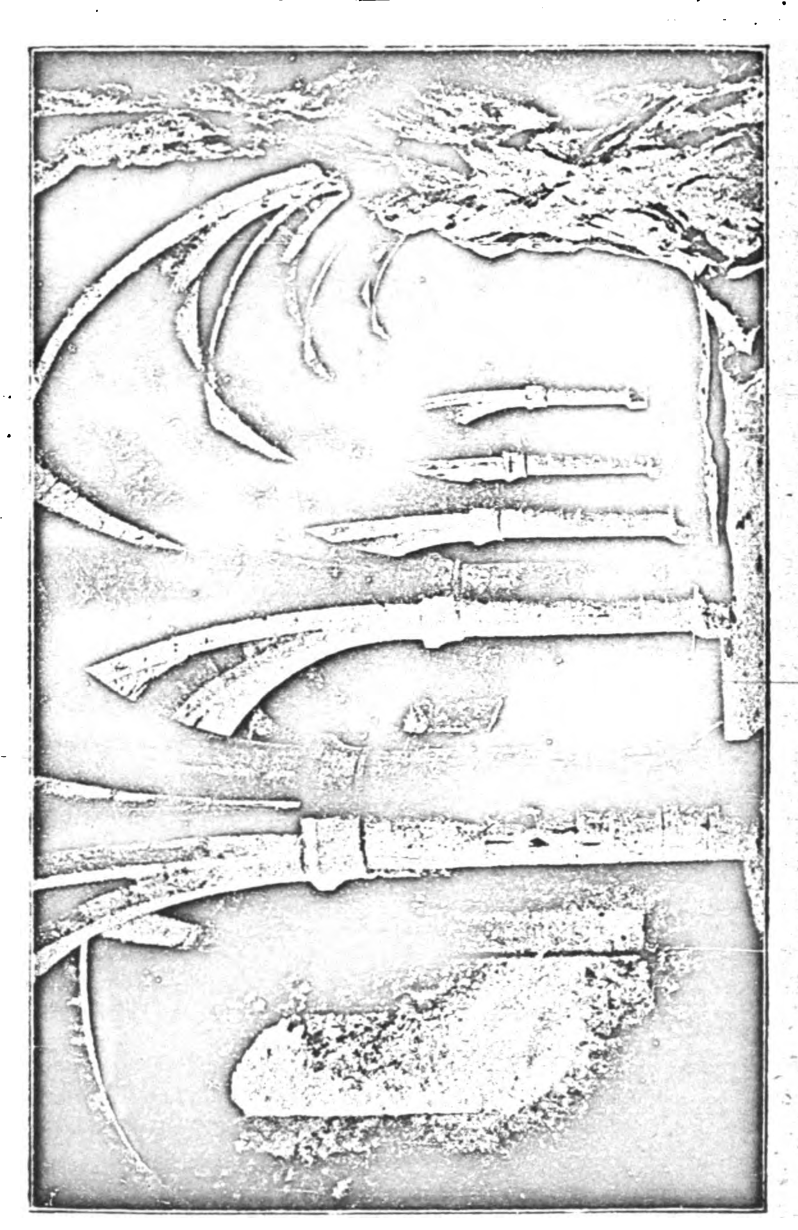
Дѣйствительно первое впечатлѣніе отъ Шильона, что это груда башенъ на грудѣ скалъ. Замокъ выстроенъ на отдѣльной скалѣ неправильной, овальной формы, повидимому нѣкогда свалившейся въ озеро съ сосѣднихъ горъ. Архитектура зданія, какъ у всѣхъ замковъ временъ феодаловъ, крайне солидная, съ маленькими и узенькими амбразурами въ толстыхъ, массивныхъ стѣнахъ и съ разными башнями и башенками. Наружныя стѣны, со множествомъ выступовъ, занимаютъ всю скалу цѣликомъ, такъ что издали замокъ точно выступаетъ прямо изъ воды. Стиль въ общемъ готическій, но значительное разнообразіе въ формѣ башенъ и нѣкоторыя другія детали указываютъ на то, что постройка производилась въ различныя эпохи и стѣны зданія раздвигались по мѣрѣ надобности, пока не была занята вся скала.

Въ самомъ центрѣ замка высоко поднимается кверху одинокая квадратная башня, первое ядро укрѣпленія. Она виднѣется издалека и господствуетъ надъ всѣмъ озеромъ и побережьемъ. Наверху ея до сихъ поръ сохранился набатный колоколъ, которымъ въ моментъ опасности сзывали окрестное населеніе на защиту замка. На сѣверѣ—расходятся два ряда зубчатыхъ стѣнъ и на нихъ три круглыя башни съ конусообразными крышами. Съ восточной стороны—массивная приземистая, четыреугольная главная башня, въ которой пробитъ единственный входъ въ замокъ. Прежде здѣсь былъ подъемный мостъ, но теперь для соединенія съ берегомъ служитъ уже не подъемный, а постоянный мостъ на каменныхъ устояхъ, съ крышею и даже съ лавочками по бокамъ, гдѣ, какъ и вездѣ въ Швейцаріи, продаются разные сувениры, въ видѣ бездѣлушекъ, отличающихся, если не изяществомъ, то, по крайней мѣрѣ, большой дешевизною.

Пока я осматривалъ замокъ снаружи, около меня раздались характерные свистяще-шипящіе звуки, свидѣтельствующіе о приближеніи представителей англо-саксонской расы. Ба! Да это мои пароходные сосѣди, успѣвшіе уже догнать меня. Семья тотчасъ же направилась къ воротамъ замка:

---

[1]) Victor Hugo: „Lettres“.

Подземелье Бонивара въ Шильонѣ.

глава ея громко постучалъ своею увѣсистою альпійскою палкою, съ остріемъ на концѣ. Ворота отворились, и я, вмѣстѣ со всѣми, вошелъ во дворъ, гдѣ насъ встрѣтила нескладная, бѣлобрысая особа въ сѣромъ камлотовомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ.

Внутри двора—двухъ-этажный, довольно большой корпусъ, увѣнчанный тремя возвышающимися одна надъ другою четыре-угольными башнями. Едва мы очутились во дворѣ, какъ одна изъ англійскихъ миссъ, на какомъ-то особомъ языкѣ, имѣвшемъ весьма отдаленное сходство съ французскимъ, потребовала показать ей прежде всего подземную тюрьму Бонивара. Послѣ довольно долгихъ взаимныхъ усилій, со стороны ея и гида въ юбкѣ, выяснилось, что подземелья находятся подъ этимъ же зданіемъ и непремѣнно будутъ показаны послѣ осмотра обоихъ надземныхъ этажей.

По довольно хорошо сохранившейся старинной, узкой лѣстницѣ мы поднялись сначала въ самый верхній второй этажъ, гдѣ прежде, во время своего пребыванія въ замкѣ, жили Савойскіе герцоги. Тамъ сохранилась до сихъ поръ огромная „зала рыцарей“. Зала эта кажется еще обширнѣе по своей пустынности, такъ какъ все, что въ ней сохранилось, это только немного древняго оружія и старыхъ знаменъ по стѣнамъ. Рядомъ съ нею двѣ-три небольшія, совершенно пустыя комнаты, о назначеніи которыхъ намъ ничего не могла сказать сопровождавшая насъ особа, несмотря на назойливые разспросы моихъ спутниковъ, но, по всей вѣроятности, эти комнаты служили для оруженосцевъ и прислуги рыцарей. Далѣе, шли покои герцога и герцогини. Въ комнатѣ герцогини большое окно съ чуднымъ видомъ на озеро и съ красивыми, старинными росписными стеклами: она соединена потайною дверью съ комнатою герцога, гдѣ на стѣнахъ отчасти сохранились фрески съ изображеніемъ различныхъ охотничьихъ сценъ, а на потолкѣ—по красному фону бѣлые Савойскіе кресты и лиліи. Живопись эта относится еще къ XIV вѣку и приписывается де Грандсону (Jehan de Grandson).

Изъ комнаты герцога мы спустились на нѣсколько ступеней внизъ, въ старинную часовню, съ великолѣпнымъ стрѣльчатымъ куполомъ. Стѣны ея были когда-то всѣ покрыты жи-

вописью, но суровая рука послѣдователей Кальвина, подобно рукѣ турокъ въ храмѣ Св. Софіи, покрыла старинныя фрески густымъ слоемъ бѣлой штукатурки, изъ-подъ которой теперь лишь кое-гдѣ проступаютъ чуть-чуть замѣтныя пятнышки. Часовня эта точно прилѣплена къ главному корпусу зданія и выходитъ на западный уголъ скалы, гдѣ, около ея стѣны, слѣды бывшаго когда-то кладбища.

Отсюда мы прошли въ первый этажъ, гдѣ во времена Савойскаго дома жилъ кастелянъ замка. Весь этажъ раздѣленъ на нѣсколько высокихъ, съ сводчатымъ потолкомъ, комнатъ, изъ которыхъ показываютъ только двѣ: „столовую" и „залъ правосудія", такъ какъ остальныя теперь заняты складомъ оружія и военныхъ припасовъ. Но и по этимъ двумъ комнатамъ можно судить, какою важною персоною былъ этотъ феодальный сановникъ. Столовая представляетъ собою огромную комнату съ громаднѣйшимъ каминомъ, въ которомъ ничего не стоитъ сразу сжечь нѣсколько столѣтнихъ дубовъ. Вся многочисленная семья моихъ спутниковъ не преминула сейчасъ же забраться въ этотъ каминъ, но не наполнила собою и третьей его части. Комната эта была, должно быть, по обычаю того времени, украшена деревянною рѣзьбою, о чемъ свидѣтельствуетъ оставшаяся одна колонна, покрытая рѣзнымъ дубомъ очень искусной работы.

Разсматривая изящный рисунокъ рѣзьбы, я невольно перенесся мыслію къ прошлому этой залы. Сколько гомерическихъ пиршествъ видѣли эти стѣны!.. Мнѣ стало казаться, что въ каминѣ начинаетъ разгораться адское пламя отъ груды набросанныхъ тамъ цѣлыхъ деревьевъ и бревенъ. Посреди стоитъ столъ, покрытый скатертью и уставленный чугунами съ супами и закрытыми блюдами: съ пирогами изъ каплуновъ, рыбой подъ бѣлымъ соусомъ, жаренымъ мясомъ и дичью. По краямъ стола—чашки, а въ центрѣ сахарное подобіе Шильонскаго замка, окруженное рвомъ, наполненнымъ апельсинной водой. Со двора донесся продолжительный и громкій звукъ трубы, отозвавшійся громкимъ эхомъ во всѣхъ окрестныхъ горахъ, и комната мгновенно наполнилась блестящими кавалерами въ короткихъ съ буфами костюмахъ всевозможныхъ цвѣтовъ и прекрасными дамами въ пышныхъ платьяхъ съ пирамидальными прическами и головными уборами. Всѣ садятся

за столъ, появляются пажи съ лоханкою въ лѣвой рукѣ и кувшиномъ въ правой—и льютъ поочередно каждому гостю на руки ароматную воду. Слуги открываютъ крышки у чугуновъ и блюдъ, причемъ старшій изъ нихъ, сѣдобородый старикъ, не преминетъ дотронуться съ торжественно-важною миною до каждаго кушанья раздвоеннымъ языкомъ змѣи и витымъ рогомъ нарвала, чтобы парализовать дѣйствіе яда на случай, если его подложилъ въ блюдо обиженный или недовольный чѣмъ-нибудь поваръ или слуга. Всѣ принимаются за супы: кто поближе, тотъ черпаетъ ложкою прямо изъ чугуна на столѣ, а кто подальше, тотъ наливаетъ супъ въ чашку и галантно предлагаетъ его своей сосѣдкѣ—дамѣ, а потомъ изъ той же чашки пьетъ уже самъ. Затѣмъ кавалеры протягиваютъ правыя руки къ блюдамъ и, взявъ тамъ пирожокъ или кусокъ рыбы, дичи или мяса, галантно кладутъ на тарелки передъ дамами. Дамы, поблагодаривъ милой улыбкой, протягиваютъ миніатюрныя ручки, берутъ съ тарелки куски и, изящно держа въ правой рукѣ за ножки какую-нибудь перепелку или дрозда, граціозно откусываютъ маленькіе кусочки своими бѣлыми, жемчужными зубками. Смѣны блюдъ идутъ одна за другою: тутъ и китовые языки, и кабаньи хвосты подъ горячимъ соусомъ, молоко съ яйцами и саломъ, дикая серна, обложенная кругомъ маленькими, совсѣмъ съежившимися при жареніи, векшами, и павлинъ съ распущеннымъ великолѣпнымъ хвостомъ, и лебедь съ золотымъ клювомъ и посеребреннымъ туловищемъ, точно расположившійся отдохнуть на зеленомъ лугу изъ тѣста, и много разныхъ другихъ деликатесовъ, по счастью вышедшихъ изъ употребленія и неизвѣстныхъ теперь даже самымъ завзятымъ гастрономамъ. Слуги неустанно подносятъ всѣмъ кубки съ виномъ, пивомъ и медомъ, и гости, какъ вполнѣ знакомые съ правилами приличія, взявъ кубокъ тремя первыми пальцами и граціозно отставивъ мизинецъ и безымянный палецъ, стараются не задерживать другихъ и опоражниваютъ кубки единымъ духомъ. Нѣкоторыя дамы—въ особо свѣтлыхъ туалетахъ, принявъ кубокъ, кивали слегка кнехтамъ головой и тѣ сейчасъ же подставляли имъ подъ подбородокъ тарелки и держали такъ, чтобы дама, обмакивая коралловыя губки въ вино, не замочила бы случайно и платья [1]). Пиръ

[1]) О средневѣковой обстановкѣ и тогдашнихъ пиршествахъ см.: P. Lacroix: „Moeurs, usages et costumes au moyen âge", Paris, 1871; A. Franclin: „La vie privée d'autre fois", Paris, 1889.

разгорается сильнѣе и сильнѣе, все чаще и чаще кнехты разносятъ вино, а дамы дѣлаютъ имъ знаки головою. Ланита начинаютъ покрываться яркимъ пурпуромъ. Суровыя лица и нѣжныя личики становятся оживленнѣй, общій говоръ шумливѣй и уже почти совсѣмъ не слышно менестрелей, что, „бряцая рукой небрежной по лирѣ нѣжной“, воспѣваютъ красоту и изящество дамъ и отвагу и геройское мужество ихъ безупречныхъ рыцарей-кавалеровъ. Но теперь многіе изъ этихъ рыцарей совсѣмъ забыли о вдохновлявшихъ ихъ на подвиги дамахъ и, положивъ могучія руки свои на столъ, приникли къ нимъ буйными головами; тамъ и сямъ виднѣются пустыя мѣста и лишь раздающійся изъ-подъ стола богатырскій храпъ свидѣтельствуетъ, что занимавшіе ихъ гости невольно покинули сотрапезниковъ, павши въ неравномъ бою съ питьемъ и ѣдою. Хозяинъ, могущественный кастелянъ, подаетъ знакъ своей еще очень видной, роскошно одѣтой супругѣ, и она, въ сопровожденіи двухъ молодыхъ красавицъ-дочерей, съ громадными серебряными блюдами стала обходить гостей, предлагая имъ разныя сладкія пряности и засахаренные фрукты. Освѣживъ свой утомленный вкусъ инбиремъ, корицею, шафраномъ въ порошкѣ и анисомъ и выпивъ еще по послѣднему заздравному кубку, гости встали изъ-за стола и, взявшись за руки, повели кругомъ залы веселый хороводъ и гулко раздавался подъ высокимъ сводомъ, хотя и нестройный, но зато громкій припѣвъ ихъ мѣрной хоровой пѣсни. Но вотъ кругъ остановился и одна изъ дочерей хозяина, конфузясь, протанцовала съ молодымъ рыцаремъ „брабантское па“ и всѣ залюбовались миловидностью ея смущеннаго личика и тою граціею, съ которою ея кавалеръ становился передъ нею на колѣни. Восторженные зрители долго не могли успокоиться и требовали повторенія. Вышла вторая дочь хозяина съ другимъ рыцаремъ и начался танецъ „съ четками“. Новая парочка оказалась не менѣе искусною, чѣмъ первая. Довольно долго длился танецъ при громкомъ одобреніи всѣхъ гостей; наконецъ, кавалеръ уже готовился принять свою даму въ объятія для заключительнаго поцѣлуя, какъ вдругъ въ залѣ около дверей въ сосѣднюю комнату раздался громкій стукъ тяжелыхъ, подкованныхъ желѣзомъ ступней и... я очнулся и увидѣлъ, что остался совершенно одинъ въ пустынной, оголенной комнатѣ. Только

изъ-за стѣны сосѣдняго „зала правосудія“ едва доносился до меня монотонный голосъ нашего сѣраго гида, тщетно пытавшагося разсказомъ объ ужасахъ производившихся тамъ пытокъ поколебать хладнокровную флегму моихъ спутниковъ-бриттовъ, пробудившихъ меня отъ моего фантастическаго видѣнія стукомъ своихъ горныхъ альпійскихъ сапоговъ о каменный полъ...

Оставалось и мнѣ только перебраться въ эту залу, гдѣ когда-то, покорные волѣ своихъ верховныхъ владыкъ, кастеляны чинили свое сомнительное правосудіе. Эта зала, очень свѣтлая, по своимъ размѣрамъ значительно меньше первой. Слѣдовъ былого ея назначенія не осталось никакихъ. Хотя нашъ гидъ въ юбкѣ и указывалъ намъ на одиноко стоящей посерединѣ комнаты колоннѣ крюкъ, на который будто бы при пыткахъ вздергивали на дыбу, а также и на якобы слѣдъ отъ пытки огнемъ, внизу того же деревяннаго столба, но все это болѣе чѣмъ сомнительно. Крюкъ самъ по себѣ совершенно простой и очень легко могъ служить для подвѣшиванія не подсудимыхъ, а простого фонаря, въ то время, когда эта комната, какъ и другія, служила для военнаго склада, а слѣдъ отъ пытки огнемъ очень походилъ на легкій слѣдъ отъ неосторожно поставленной около столба лампы или свѣчки. Ужасы о пыткахъ разсказываются здѣсь, пожалуй, только для того, чтобы усилить впечатлѣніе отъ подземелій, куда ведетъ изъ „залы правосудія“ мрачная, темная каменная лѣстница.

Столь прославленныя подземелья Шильона не вполнѣ оправдываютъ это названіе. Вѣрнѣе, это просто нижній подвальный этажъ, такъ какъ полъ въ немъ неглубоко подъ землею, а, напротивъ, возвышается на 8 футовъ надъ самымъ высокимъ уровнемъ воды въ озерѣ. Скала, на которой стоитъ Шильонъ, по срединѣ ея по направленію къ озеру, довольно круто обрывается и образовываетъ впадину, по всей вѣроятности, естественнаго происхожденія. Такъ какъ вслѣдствіе этого доступъ на скалу со стороны озера былъ сравнительно очень легокъ, то въ видахъ укрѣпленія этого слабаго пункта и возведены были по самому краю скалы очень высокія стѣны, составившія наружный фасадъ замка. Стѣны эти превышаютъ возвышенный гребень впадины въ скалѣ на высоту только что описанныхъ перваго и второго этажей. Въ нижнемъ, подваль-

номъ этажѣ отъ наружныхъ стѣнъ къ обрыву скалы перекинуты два ряда стрѣльчатыхъ сводовъ, раздѣленныхъ посрединѣ рядомъ круглыхъ колоннъ, возведенныхъ, какъ и все остальное зданіе, изъ притесанныхъ, по большей части квадратныхъ кусковъ плотнаго, сѣрожелтоватаго плитняка, изъ котораго состоитъ и самая скала. Такимъ образомъ, своды эти, предназначенные поддерживать все остальное массивное зданіе, опираются: въ первомъ ряду—на наружныя стѣны, стоящія на самой скалѣ и на рядъ колоннъ, а во второмъ—на колонны и непосредственно на верхнюю часть обрыва скалы. Неизвѣстный строитель замка необычайно искусно воспользовался рельефомъ скалы и создалъ зданіе положительно несокрушимой вѣчности. Это вообще очень красивый и вполнѣ типичный образчикъ феодальной архитектуры, еще разъ свидѣтельствующій, какъ высоко стояло строительное искусство въ эпоху существованія средневѣковыхъ братствъ „отесывающихъ свободные камни“ (sculptores lapidum-liberorum) или, какъ они стали позднѣе называться, „свободныхъ каменщиковъ“ (liberi muratores).

Образующаяся подъ сводами обширная галлерея, длиною болѣе 250 футовъ, и составляетъ такъ называемыя Souterrains — подземелья. Галлерея эта раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ помѣщеній различной величины. Самыя большія помѣщенія расположены подъ залой правосудія и столовой. Посрединѣ между ними нѣсколько совершенно темныхъ казематовъ, сообщающихся лѣстницей, по которой мы спустились, съ залой правосудія. Казематы эти узкія, мрачныя, лишенныя свѣта и воздуха норы—отличное мѣсто одиночнаго заключенія въ средневѣковомъ вкусѣ, для чего они и служили въ отдаленную эпоху. Здѣсь же, въ одной изъ этихъ норъ, по всей вѣроятности, въ прежнія времена отъ узниковъ „допытывались“ правды дыбой, желѣзомъ, огнемъ и растопленнымъ масломъ и уже отсюда „во вполнѣ подготовленномъ для правосудія видѣ“ доставляли ихъ по лѣстницѣ вверхъ въ залъ правосудія передъ грозныя очи трибунала. На это указываетъ, между прочимъ, сохранившееся до сихъ поръ въ одной пещерѣ высѣченное изъ скалы особое прокрустово ложе, на которомъ, по объясненію нашей проводницы, „осужденные проводили послѣднюю ночь передъ казнью“, а вѣрнѣе всего узники—до осужденія

подвергались пыткѣ, а послѣ—казни. Въ пользу этого предположенія говоритъ также и то, что, какъ мы знаемъ изъ исторіи быта всѣхъ народовъ, эти кровавые трагическіе эпизоды изъ жизни человѣчества всегда разыгрывались въ темныхъ и мрачныхъ углахъ, такъ какъ авторы ихъ, хотя и преслѣдовали добрую цѣль правосудія, но все-таки не любили при исполненіи своихъ трагедій и, какъ бы по инстинкту, всегда избѣгали—простора и свѣта.

Изъ этихъ пещеръ мы отправились черезъ узкій и настолько низкій, что приходится нагибаться, проходъ въ темницу Бонивара. Въ моемъ воображеніи представлялась еще болѣе мрачная, ужасная, совершенно темная и сырая нора, со стѣнами, покрытыми „влажнымъ мохомъ лѣтъ" и миріадами отвратительныхъ мокрицъ. Я даже невольно опустилъ руку въ карманъ, чтобы на всякій случай посмотрѣть, со мною ли спички. Представьте же себѣ мое изумленіе, когда мы вошли въ обширное и высокое, очень сухое и достаточно свѣтлое помѣщеніе съ высѣченнымъ въ камнѣ довольно ровнымъ поломъ. Сквозь пробитыя въ стѣнахъ, довольно высоко отъ земли, отдушины, въ видѣ узкихъ, невысокихъ оконъ, проходило настолько достаточно свѣта, что вполнѣ хорошо была видна вся внутренность этого скорѣе зала, чѣмъ темницы. Правда, утро было совершенно ясное и полуденное, солнце бросало свои лучи какъ разъ въ амбразуры. Стоящія посрединѣ семь колоннъ были сплошь залиты довольно яркимъ свѣтомъ, переходившимъ вверху, отъ отраженія водъ Лемана, въ нѣжный зеленовато-лазоревый тонъ съ пробѣгавшими отъ волнъ тамъ и сямъ тонкими, какъ нити, серебристыми струйками зайчиковъ.

Намъ указали на пятую отъ входа колонну, какъ на ту, къ которой былъ прикованъ Бониваръ. Внизу ея сохранилось до сихъ поръ большое массивное кольцо, а около колонны въ каменномъ полу видна довольно глубокая впадина. Сама колонна сверху до низу покрыта разными фамиліями посѣтителей замка. Есть тамъ много и извѣстныхъ всему образованному міру именъ, какъ Байрона и Виктора Гюго, а еще болѣе фамилій, извѣстныхъ развѣ только въ своемъ городѣ, или даже, пожалуй, околоткѣ или домѣ.

Пока мои англичане измѣряли своими длинными ногами, сколько именно шаговъ дѣлалъ при своихъ прогулкахъ Бони-

варъ, я обошелъ все помѣщеніе и не нашелъ рѣшительно нигдѣ ни малѣйшаго признака сырости, дотого сухъ грунтъ, на которомъ возведено это вѣковое зданіе. Кое-какъ по неровностямъ стѣны я взобрался на одно изъ оконъ и убѣдился по каменной кладкѣ, что амбразуры, очевидно, не расширялись и были такими же и во время, когда здѣсь томился Бонниваръ. Сидя на подоконникѣ, я невольно залюбовался голубоватыми, легкими волнами Лемана, глубина котораго въ этомъ мѣстѣ болѣе 500 футовъ, а немного подальше доходитъ даже до 1000 футовъ, какъ вдругъ изъ подземелья до меня донесся сильный и рѣзкій звукъ, точно скребущейся огромной крысы. Оказалось, что pater familias, желая увѣковѣчить память о своемъ посѣщеніи со всѣмъ семействомъ, выцарапывалъ на колоннѣ остріемъ своего альпенштока круглымъ конторскимъ почеркомъ „Mr Parker & fy".

Осмотръ былъ конченъ, но на душѣ оставалось чувство неудовлетворенности. Не хотѣлось разставаться съ создавшимся въ годы юности мрачнымъ представленіемъ объ этомъ ужасномъ замкѣ, подземелье котораго, теперь послѣ осмотра, оказывалось настоящимъ дворцомъ, сравнительно съ темными, сырыми холодными подвалами, гдѣ всю свою несчастную жизнь влачитъ жалкое существованіе бѣднота современныхъ большихъ городовъ. Но на мой вопросъ о томъ, нѣтъ ли еще въ замкѣ какихъ-либо секретныхъ „cachots" или „oubliettes", я получилъ отрицательный отвѣтъ [1]).

Мы вышли снова во дворъ замка. Поблагодаривъ нашего гида, я собирался уже совсѣмъ уходить, какъ вдругъ разыгралась прекомичная сцена. Когда я передавалъ свои два франка, англичанинъ, на котораго довольно умильно теперь поглядывала сопровождавшая насъ бѣлобрысая дѣвица, вынулъ объемистый кошелекъ и, держа его въ рукахъ, началъ на самомъ невозможномъ нарѣчіи настойчиво требовать, чтобы

[1]) Впослѣдствіи я убѣдился, что розсказни разныхъ печатныхъ гидовъ по Леману объ этихъ „cachots" и „oubliettes" относятся къ области фантазіи ихъ составителей. Vulliemin, посвятившій исторіи Шильона солидное и обстоятельное сочиненіе, которымъ мы отчасти пользовались въ настоящей статьѣ, положительно удостовѣряетъ, что едва ли и существовало когда-либо что-нибудь подобное, такъ какъ не встрѣчается объ этомъ никакихъ историческихъ указаній, а равно и не открыто никакихъ слѣдовъ при самомъ тщательномъ археологическомъ изслѣдованіи замка.

показали и остальную часть замка. Кое-какъ понявъ его, особа принялась увѣрять, что въ замкѣ болѣе ничего интереснаго нѣтъ, такъ какъ въ остальной части теперь военный складъ и квартира, въ которой она живетъ со своимъ отцомъ: „commandant du château“. Услыхавь, что нашъ гидъ оказался дочерью такого важнаго лица, я было сконфузился за врученные мною ей два франка, но успокоился, вспомнивъ кстати, что, еще во времена молодости Жана-Жака Руссо, сынъ одного изъ коммендантовъ Шильона Винценридъ, похитившій у Руссо всецѣло и навсегда любовь и благосклонность его знаменитой „маменьки“—баронессы де Варенъ, былъ по профессіи ни болѣе, ни менѣе, какъ парикмахеръ [1])... Но зато мой англичанинъ не успокоился и еще настойчивѣе сталъ требовать показать ему и складъ и квартиру, такъ какъ онъ хочетъ видѣть: „to-o-ot“ (tout—все). А когда „дочь комменданта“ заявила, что, несмотря на все желаніе, не можетъ ему служить въ этомъ, то спряталъ въ карманъ свой кошелекъ и удалился съ семьею въ полномъ негодованіи, не поблагодаривъ бѣдную дѣвицу, такъ старавшуюся все время для него, даже и кивкомъ головы.

III.

Вернувшись въ Женеву, я подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ посѣщенія замка отправился въ публичную библіотеку, гдѣ съ чисто европейскою любезностью предоставили въ мое распоряженіе цѣлую серію специальной литературы о Шильонѣ, не отказавъ въ осмотрѣ и манускриптовъ самого Бонивара.

Исторія собственно Шильонскаго замка [2]) отчасти сливается съ исторіей кантона Ваадтъ (Waatland) или Во (Pays de Vaud—страна вельховъ), на территоріи котораго онъ расположенъ [3]). Кантонъ этотъ, носившій названіе у

[1]) J. J. Rousseau: „Les Confessions“, книга V, ч. I.

[2]) Главные источники: Verdeil: „Histoire du canton de Vaud, Lausanne“, 1867; Vulliemin: „Chillon, etude historique“, Lausanne, 1863; Gaberel: „Le chateau de Chillon et Bonivard“, Genève, 1869.

[3]) Кантонъ Ваадтъ представляетъ собою треугольникъ, вершина котораго—на сѣверѣ соприкасается съ озеромъ и кантономъ Невшатель; съ востока онъ граничитъ съ кантонами Фрейбургомъ, Берномъ и Валлисомъ, съ юга—съ рѣкою Роною и Женевскимъ озеромъ, а съ запада—съ Франціею и Женевскимъ кантономъ.

римлянъ „Pagus Urbigensis", много разъ переходилъ изъ рукъ въ руки: имъ владѣли франки, бургундскіе короли, германскіе императоры и герцоги савойскіе. Въ 1536 году онъ былъ присоединенъ къ Бернскому кантону, въ подчиненіи которому оставался болѣе двухъ съ половиною вѣковъ, пока не образовалъ въ 1798 году отдѣльнаго независимаго кантона.

Когда именно положено было первое основаніе Шильону, въ точности неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, оно должно относиться къ глубокой древности, такъ какъ мы имѣемъ точное историческое указаніе, что онъ существуетъ значительно болѣе тысячи лѣтъ. Въ первый разъ упоминается о Шильонѣ въ IX вѣкѣ.

Въ то время окрестная страна была совершенно дика и пустынна и сплошь покрыта лѣсомъ; огромные дубы и каштановыя деревья покрывали горы и доходили до самаго озера. Жилища были крайне рѣдки и состояли изъ однѣхъ бѣдныхъ хижинъ, лѣпившихся по большей части на верхнихъ уступахъ горъ. На берегу же, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуются кокетливо-изящныя виллы Монтрё, одиноко и сиротливо стояла маленькая часовенька.

Около 470 года страну заняли бургундцы, вмѣстѣ съ которыми она въ 534 году подпала подъ власть франковъ. По этимъ мѣстамъ часто проходили утвердившіеся въ VI вѣкѣ въ Италіи лонгобарды, такъ какъ Симплонъ еще не былъ открытъ, а Санъ-Бернардскій проходъ былъ столько же труденъ, сколько и опасенъ, и, слѣдовательно, для сношеній съ сѣверомъ имъ оставался одинъ только путь черезъ долину Роны, т. е. мимо того мѣста, гдѣ стоитъ Шильонъ. Этотъ воинственный народъ, конечно, не упускалъ случая грабить мѣстное населеніе и вотъ, чтобы положить предѣлъ этимъ постояннымъ грабежамъ и затруднить проходъ, или, быть можетъ, просто съ цѣлію дать надежное убѣжище окрестнымъ жителямъ, и была выстроена противъ самаго узкаго мѣста побережья, на омываемой со всѣхъ сторонъ водою скалѣ, высокая, массивная башня,—ядро будущаго Шильона,—въ которую, въ 830 году, Людовикъ Кроткій, сынъ Карла Великаго, заключилъ близкаго своего родственника, корбійскаго аббата Валя (Vala или Wala). Этотъ блестящій царедворецъ, занимавшій при Карлѣ Великомъ должность интенданта,

отказавшись послѣ его смерти отъ суетной свѣтской жизни для скромной сутаны аббата, тѣмъ не менѣе не отказался отъ своей политической роли и, пользуясь своимъ вліяніемъ, какъ воспитателя, сумѣлъ изъ тиши своего монастыря настолько возстановить противъ Людовика Кроткаго сына его Лотаря, что послѣдній поднялъ открытое возмущеніе. Вернувъ себѣ корону, Людовикъ пощадилъ жизнь Валя, какъ своего родственника, но зато заперъ его въ Шильонскую башню, откуда тотъ, какъ картинно выражается его біографъ, „могъ видѣть лишь небо, Пеннинскіе Альпы, да Леманское озеро" [1]). Но для Валя, повидимому, не существовало преградъ, и изъ этого уединеннаго мрачнаго мѣста своего заключенія онъ ухитрился направлять искусною рукою дальнѣйшія возмущенія противъ несчастнаго Людовика, боровшагося все царствованіе противъ непокорныхъ сыновей, и принялъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ извѣстнаго Компьенскаго собранія (833 г.), объявившаго низложеніе императора. Когда же Людовикъ подавилъ и это возстаніе, то тутъ уже Валя, не безъ основаній опасаясь на этотъ разъ за свою жизнь, бѣжалъ изъ Шильона въ Италію и, поселившись тамъ въ окрестностяхъ Милана, въ аббатствѣ Боббіо, вскорѣ умеръ (836 г.).

Съ паденіемъ имперіи карловинговъ, Шильонъ перешелъ снова къ бургундскимъ королямъ, а затѣмъ къ германскимъ императорамъ. Повидимому, въ это время не придавали особаго значенія этой крѣпости, такъ какъ мы встрѣчаемъ указаніе, что въ XI вѣкѣ одинъ изъ бургундскихъ королей (Рудольфъ III) отдалъ замокъ для жилья епископу сіонскому. Замокъ какъ бы утратилъ свое прежнее военное назначеніе и сталъ мало-помалу приходить въ упадокъ. Совершенно иначе на Шильонъ посмотрѣли, когда онъ, вмѣстѣ съ остальною провинціею Шабле [2]), перешелъ къ графамъ, впослѣдствіи герцогамъ савойскимъ.

Первые представители Савойскаго дома, изъ котораго происходитъ современная итальянская королевская династія,

---

[1]) Paschase Rudbert: „Vie de Wala" (Perths monum. germ., II).

[2]) Провинція Шабле составляла часть Верхней Савойи и простиралась по обоимъ берегамъ Женевскаго озера отъ горы Сапъ-Бернардъ до горнаго потока Веве и рѣки Арвы.

стремясь всѣми силами расширить свои владѣнія, обнаружили много смѣлости, энергіи и умѣнья. Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи дѣятельность графа Петра Савойскаго, одареннаго такими выдающимися достоинствами полководца и государственнаго человѣка, что современники его иначе не называли, какъ Карломъ Великимъ въ миніатюрѣ (le petit Charlemagne). Получивъ въ 1235 году вмѣстѣ съ своимъ братомъ Эймономъ, отличавшимся мирнымъ характеромъ и религіозными наклонностями, провинцію Шабле по наслѣдству, Петръ Савойскій, какъ большой вояка, прежде всего обратилъ вниманіе на укрѣпленіе своихъ владѣній и на первыхъ порахъ возвелъ цѣлый рядъ сильныхъ замковъ-крѣпостей: въ Мартиньи—при входѣ на гору Санъ-Бернардъ, Эвіанъ—на лѣвомъ берегу озера и, наконецъ, возобновилъ и перестроилъ пришедшій въ упадокъ замокъ Шильонъ (1236 г.) въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился до сихъ поръ. Размѣстивъ во всѣхъ остальныхъ замкахъ наемные гарнизоны, Петръ, придавая особую важность Шильону, сдѣлалъ этотъ замокъ своею штабъ-квартирою и наполнилъ арсеналъ его военными припасами. Дѣйствительно, въ ту смутную и воинственную эпоху этотъ грозный феодальный замокъ, съ своими массивными стѣнами, башнями и башенками долженъ былъ имѣть большое значеніе, такъ какъ, съ одной стороны, господствовалъ надъ озеромъ, а съ другой—запиралъ дорогу черезъ узкое и извилистое ущелье, по которому производилось, какъ мы уже упоминали, почти единственное сообщеніе съ Италіей. Чтобы еще болѣе затруднить этотъ проходъ, по которому въ то время съ трудомъ могли проѣхать въ рядъ даже два всадника, Петръ воздвигъ у подошвы Соншо, какъ разъ напротивъ Шильона, четырехъугольную башню, которая была разрушена для расширенія дороги лишь въ концѣ XVIII вѣка, а около этой башни выстроилъ церковь и основалъ поселокъ.

Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ сильное и безопасное убѣжище, Петръ Савойскій предпринялъ цѣлый рядъ походовъ къ сѣверу и въ результатѣ овладѣлъ всею провинціею Во, сеньоры и города которой, покоренные его оружіемъ или привлеченные его обаяніемъ, какъ правителя, послѣдовательно одинъ за другимъ признали его своимъ сюзереномъ. Подчинивъ себѣ эту страну и стремясь обезпечить ее за собою,

Петръ проявилъ много мудрости въ дѣлахъ внутренней политики. Считая совершенно правильно надежнѣйшимъ оплотомъ своей власти не строптивыхъ и буйныхъ бароновъ и прочее дворянство, а мирную буржуазію, онъ всячески старался поощрять жителей городовъ и селъ и въ противовѣсъ рыцарскому войску сформировалъ изъ нихъ отряды стрѣлковъ и алебардистовъ. При немъ также возникли первыя швейцарскія общества стрѣльбы въ цѣль, сѣтью которыхъ покрыта теперь вся современная Швейцарія.

Но не успѣла еще окрѣпнуть власть Петра надъ этой завоеванною страною, какъ въ провинцію вторгся (1365 г.) Рудольфъ, графъ Габсбургскій, впослѣдствіи германскій императоръ, основавшій династію Габсбурговъ. Вмѣстѣ съ нимъ подняли оружіе и прежніе враги Петра Савойскаго. Послѣдній, несмотря на свой уже преклонный возрастъ, снова нашелъ въ себѣ часть своей прежней энергіи и, быстро передвигаясь съ мѣста на мѣсто, являлся повсюду, но непріятель былъ слишкомъ силенъ и многочисленъ, и ему никакъ не удавалось достигнуть рѣшительнаго перевѣса. Война затянулась и успѣхъ началъ склоняться на сторону его враговъ. Наконецъ, тѣ, желая нанести ему окончательный ударъ, соединили свои силы и осадили Шильонъ. Узнавъ объ этомъ, Петръ Савойскій, занятый въ то время усмиреніемъ провинціи Вале (нынѣшній кантонъ Валлисъ), быстро вернулся съ отборными войсками, и здѣсь, у Шильона, произошла битва, рѣшившая участь войны. Савойская хроника, очень картинно повѣствуя объ этой битвѣ, даетъ намъ яркую характеристику этого доблестнаго рыцаря XIII вѣка. Подойдя довольно близко къ Шильону, Петръ Савойскій остановился въ Вилльневѣ и, оставивъ тамъ войско, отправился самъ одинъ на развѣдки къ замку и увидалъ, что непріятельскіе отряды, расположившись далеко другъ отъ друга, весело пируютъ. Вернувшись къ войску, онъ посмѣивался: „Quand ses gens le virent rire: Quelles nouvelles? lui demandèrent. Belles et bonnes, leur repondit-il: nos ennemys seront tous nôtres. Et s'armèrent et montèrent à cheval à l'aube du jour, et frappèrent sur les tentes et les logys du duc de Chopingen, dont ils eurent bon marché, car trouvèrent ly et ses gens désarmez, moytié veillanz et moytié dormanz. Et firent si bien, que le duc fut prisonnier, avecques

quatre-vingt barons, seigneurs, escuyers et nobles du pays"[1]).

Одержавъ эту побѣду, Петръ быстро усмирилъ одинъ за другимъ возставшіе города и торжественно, при радостныхъ кликахъ народа, вступилъ въ Бернъ, даровавъ ему, за его вѣрность, хартію вольностей. Заключивъ затѣмъ, въ 1267 г., миръ съ Рудольфомъ Габсбургскимъ, онъ возобновилъ свою кампанію въ Вале и, затѣмъ, вернулся въ свой любимый Шильонъ, чтобы отдохнуть отъ трудовъ подъ благодатнымъ его небомъ, катался по озеру, убаюкиваемый его волнами и слушая своего трубадура, прославлявшаго въ стихахъ его военные подвиги.

Со смертію Петра Савойскаго (1268 г.) замокъ потерялъ навсегда свое значеніе главной резиденціи Савойскаго дома, и остальные графы и герцоги Савойскіе бывали въ Шильонѣ только изрѣдка наѣздами. Утратилъ онъ мало-по-малу, съ изобрѣтеніемъ въ XIV вѣкѣ пороха, какъ, впрочемъ, и другіе феодальные замки, и свое значеніе сильной и военной крѣпости и, перемѣнивъ роль, превратился въ тюрьму для политическихъ преступниковъ, состоявшихъ подъ надзоромъ замковыхъ кастеляновъ. За время XIV и XV вѣковъ о замкѣ очень мало свѣдѣній. Впрочемъ, довольно любопытная драма разыгралась въ замкѣ въ 1348 году, во время господствовавшей въ Европѣ страшной чумной эпидеміи, унесшей въ 3 года около 40.000.000 человѣкъ. Обезумѣвшій отъ паники народъ, по своему невѣжеству, сталъ объяснять „черную смерть" отравленіемъ колодцевъ, обвиняя въ этомъ „мѣстныхъ евреевъ". Слухи эти дошли до шильонскаго трибунала и тотъ привлекъ наиболѣе упорно обвиняемыхъ и началъ допытываться истины дыбой и другими орудіями тогдашняго правосудія. На бѣду нѣкоторые изъ евреевъ, подъ вліяніемъ пытокъ, „сознались"

[1]) „Когда его люди увидали, что онъ посмѣивается, то спросили у него: какія новости? Самыя лучшія и благопріятныя, отвѣтилъ онъ имъ, наши враги дѣйствительно сдѣлаются нашими. На зарѣ, вооружившись, сѣли на коней и ударили на лагерь и ставку самого герцога Шопингенскаго (начальника осаднаго отряда), такъ какъ застали его и все войско безоружнымъ и въ полусонномъ состояніи. Все настолько удалось, что были взяты въ плѣнъ герцогъ съ 80 баронами, сеньорами и прочими изъ мѣстнаго дворянства".

въ взводимомъ преступленіи, и вотъ подземелья Шильона наполнились всѣми мѣстными семитами, съ ихъ женами и дѣтьми. Правосудіе медленно, но вѣрно дѣлало свое дѣло и, по мѣрѣ сознанія, предавало обвиняемыхъ огню или висѣлицѣ. Но раздраженный народъ, не довѣряя евреямъ, сталъ не довѣрять и ихъ судьямъ, и, заподозривъ послѣднихъ въ продажности, выломалъ ворота и, ворвавшись въ замокъ, совершилъ свой самосудъ, умертвивъ всѣхъ евреевъ, какихъ только нашелъ въ подземельяхъ. Повидимому, судьи не были въ особенной претензіи на такое нарушеніе ихъ собственныхъ правъ, такъ какъ виновники этой расправы были присуждены шильонскимъ трибуналомъ... только къ небольшому денежному штрафу.

Въ XV вѣкѣ среди другихъ лицъ, проводившихъ мрачные дни въ подземельяхъ Шильона, томился тамъ бывшій Савойскій канцлеръ Вильгельмъ Боломье (Guillaume Bolomier). Единственнымъ преступленіемъ его было только то, что онъ былъ довольно низкаго происхожденія и, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, сумѣлъ возвыситься до должности министра при герцогѣ Людовикѣ Савойскомъ. Обвиненный, завѣдомо несправедливо, во взяточничествѣ, онъ послѣ долгаго заключенія вышелъ изъ подземелья на свѣтъ Божій только для того, чтобы быть утопленнымъ рукою лозаннскаго палача въ голубыхъ волнахъ Женевскаго озера.

Изъ остальныхъ узниковъ Шильона, болѣе всѣхъ знаменитъ Франсуа де-Бониваръ, глубоко несчастная судьба котораго, благодаря генію Байрона, доставила Шильонскому замку всемірную извѣстность.

IV.

Когда путешествуешь по Швейцаріи, въ особенности не по однимъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, а пѣшкомъ съ палкою въ рукахъ и съ ранцемъ за плечами, то невольно поражаешься тѣмъ искусствомъ, съ которымъ тамъ умѣютъ повсюду устроить такъ, чтобы позадержать у себя туриста. Въ самомъ незначительномъ городишкѣ вамъ непремѣнно вручатъ чуть не насильно какой-нибудь „Vade-mecum“ или иной путеводитель. Въ любой деревнѣ сейчасъ же начнутъ разска-

зывать объ окрестностяхъ, посовѣтуютъ посмотрѣть какую-нибудь церковь, или развалину и, чтобы пуще подстрекнуть любопытство, разскажутъ легенду, или quasi-историческое событіе, въ которомъ ихъ предки въ стародавнія времена играли роль доблестныхъ героевъ. Среди этихъ легендъ и разсказовъ чрезвычайно мало оригинальныхъ, большинство ихъ прямо заимствовано отъ другихъ народовъ и даже иногда представляютъ собою не что иное, какъ варіанты на темы классической древности. Объясняется это, конечно, сравнительною скудостью фактами швейцарской исторіи, а также и ея новизною, такъ какъ Швейцарія, въ качествѣ самостоятельнаго цѣлаго, существуетъ всего съ небольшимъ три съ половиною вѣка. Граждане этого микроскопическаго государства необычайно горды и самолюбивы и въ этомъ отношеніи очень напоминаютъ людей маленькаго роста, обыкновенно расхаживающихъ, чтобы казаться повыше, съ гордо закинутою головою и на неимовѣрно большихъ каблукахъ. Швейцарцы никакъ не хотятъ примириться съ бѣдностью своей исторіи и украшаютъ ее разными разсказами, взятыми на прокатъ у другихъ народовъ, съ болѣе древней исторіей. Такъ, напримѣръ, о происхожденіи на швейцарскомъ знамени бѣлаго креста существуетъ разсказъ, напоминающій въ общихъ чертахъ извѣстное преданіе о византійскомъ императорѣ Константинѣ Великомъ. Точно также относительно мѣстнаго, чуть ли не единственнаго, святого—Мейнрада, къ кельѣ котораго въ Эйнзидельнѣ (кантонъ Швицъ) стекаются богомольцы, какъ у насъ въ Россіи на Соловки или въ кіевскія пещеры, существуетъ легенда, поразительно похожая на извѣстную классическую легенду объ Ивиковыхъ журавляхъ. Разсказываютъ, что когда св. Мейнрадъ, жившій въ своей кельѣ отшельникомъ, былъ убитъ двумя разбойниками, думавшими найти у него несмѣтныя богатства, то за убійцами съ неистовымъ карканьемъ гнались до самаго Цюриха вороны и своимъ неустаннымъ преслѣдованіемъ привлекли на нихъ вниманіе цюрихскихъ властей. Эту же легенду разскажетъ вамъ по дорогѣ на лагуны въ Лидо венеціанскій гондольеръ, съ тою лишь разницею, что тамъ въ роли обличителей двухъ убійцъ-гондольеровъ фигурируютъ не зловѣщія вѣщуньи, а болѣе поэтическія ласточки. Еще любопытнѣе исторія самой извѣстной и распространенной изъ швейцар-

скихъ легендъ — о Вильгельмѣ Теллѣ и яблокѣ. Легенда эта настолько популярна въ Швейцаріи, что каждый изъ швейцарцевъ придетъ въ неописуемую ярость, если кто-либо осмѣлится заподозрить полную ея достовѣрность, а тѣмъ болѣе усомниться въ существованіи Вильгельма Телля. Когда, въ 1760 году, появился трудъ пастора Фрейденбергера: „Вильгельмъ Телль—датская легенда", то власти кантона Ури торжественно сожгли эту книгу на городской площади. Теперь послѣ изслѣдованій швейцарскаго ученаго Рилье-де-Кандоля не можетъ быть и сомнѣнія, что вся исторія о Вильгельмѣ Теллѣ цѣликомъ взята и перенесена на швейцарскую почву изъ исторіи о датскомъ стрѣлкѣ—Токко, написанной на латинскомъ языкѣ однимъ средневѣковымъ хроникеромъ, жившимъ за нѣсколько вѣковъ до образованія швейцарскаго союза. Между тѣмъ, всего 5 — 6 лѣтъ тому назадъ въ Альтдорфѣ (кантонъ Ури) открытъ новый памятникъ этому, повидимому, никогда не существовавшему народному герою и нужно было видѣть, при какомъ огромномъ стеченіи народа и съ какою торжественностью, подъ громъ пушекъ и музыки, съ безчисленными рѣчами было отпраздновано это открытіе.

Относясь такъ ревниво къ памяти никогда не существовавшихъ героевъ, Швейцарія въ то же время по какой-то ироніи судебъ совершенно забываетъ о Франсуа-де-Бониварѣ, а, между тѣмъ, этотъ замѣчательный человѣкъ, по своимъ заслугамъ передъ Женевою и по своему самопожертвованію на дѣло швейцарской независимости, куда стоитъ выше, чѣмъ единственный генералъ швейцарской арміи Дюфуръ, памятникъ котораго женевцы украшаютъ ежегодно въ день національнаго праздника роскошнымъ вѣнкомъ изъ . . . золотой бумаги...

Не объясняется ли это тѣмъ, что Бониваръ, какъ увидимъ далѣе, по своему происхожденію не былъ швейцарцемъ, а по своему свободному уму и воззрѣніямъ не могъ быть солидаренъ съ узкою ханжескою моралью суровыхъ послѣдователей Кальвина. И, быть можетъ, и самое имя его погибло бы въ пучинѣ забвенія, если бы не извлекъ его оттуда геній Байрона, обезсмертившій Шильонскаго узника въ извѣстной поэмѣ: „The Prisoner of Chillon", такъ мастерски переведенной нашимъ Жуковскимъ. Впрочемъ, и Байронъ въ своей поэмѣ

изобразилъ не историческаго Бонивара, а лишь отвлеченный образъ несчастнаго узника, созданный его творческой фантазіей. „Въ тотъ моментъ“, говоритъ Байронъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ поэмѣ, „когда я писалъ эту поэму, я не зналъ такъ хорошо, какъ теперь, исторію Бонивара, иначе я постарался бы сдѣлать ее достойною его отважнаго мужества и гражданскихъ доблестей“ [1]).

Въ поэмѣ, какъ извѣстно, имя Бонивара совсѣмъ не упоминается и томящійся на цѣпи узникъ представленъ мученикомъ за религіозныя убѣжденія. Какъ увидимъ далѣе, значеніе Бонивара было значительно шире, такъ какъ онъ, борясь за права женевскихъ гражданъ противъ притязаній савойскихъ герцоговъ и ихъ ставленниковъ, женевскихъ епископовъ, явился поборникомъ реформаціи не только въ смыслѣ религіозномъ, но и въ смыслѣ политическомъ. Несогласна съ истиною и внѣшняя обстановка темницы Бонивара, за исключеніемъ цѣпи, на которой онъ былъ прикованъ къ столбу и протоптанной имъ въ камнѣ тропинки. Изъ приведеннаго нами выше подробнаго описанія подземелья видно, что и „влажный мохъ“ и „сырые своды“ и „грозный сумракъ“—все это едва ли не плодъ слишкомъ мрачно настроеннаго воображенія поэта.

Поэма эта создана Байрономъ въ 1816 году во время перваго его путешествія по Швейцаріи, [2]) когда душевное состояніе поэта было таково, что, по его собственному признанію, „бывали минуты“, что онъ былъ близокъ къ самоубійству, и если удерживался отъ этого, то только изъ нежеланія доставить еще большее торжество своимъ врагамъ [3]). Біографами установлено съ полною несомнѣнностью, что Байронъ былъ невропатомъ, а въ эту эпоху, когда онъ, доведенный до отчаянія людскою злобою и ненавистью и донельзя раздраженный и недовольный собою и всѣми, изгнанникомъ скитался по Европѣ, онъ положительно страдалъ, какъ и Ж. Ж. Руссо,

---

[1]) Notes 3 to the Prisoner of Chillon: „When the foregoing poem was composed jwas not sufficiently aware of the history of Bonnivard, or j should have endeavoured to dignify subject by an attempt to celebrate his courage and his virtues“.

[2]) См. статью Алексѣя Н. Веселовскаго: „Байронъ въ Швейцаріи“, „Вѣстникъ Европы“. 1900 г. № 11.

[3]) См. Letters, IV, 1900, стр. 98.

маніей преслѣдованія и ему казалось, что всѣ на него ополчились и что въ Англіи даже „весь народъ его ненавидитъ“ [1]). Встрѣтившись въ Женевѣ съ находившимся чуть ли не въ такомъ же положеніи собратомъ по поэзіи—Шелли, Байронъ совершилъ съ нимъ вмѣстѣ поѣздку по Женевскому озеру, во время которой осмотрѣлъ Шильонъ. Если мы примемъ во вниманіе его душевное настроеніе, то намъ станетъ вполнѣ понятно, что съ своими больными и разстроенными нервами и присущею ему впечатлительностью, онъ долженъ былъ содрогнуться отъ ужаса, мысленно представивъ себѣ страданія несчастнаго узника. Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось отъ той бури, подъ которую попали друзья на озерѣ на возвратномъ пути. Имъ пришлось переночевать въ Кларанѣ и только на слѣдующій день подъ проливнымъ дождемъ они добрались до Уши, гдѣ Байронъ заперся въ скромной деревенской гостинницѣ „Hôtel de l'Ancre“ и въ два дня окончилъ поэму „The Prisoner of Chillon“.

Живо представляя себѣ страданія несчастнаго, томившагося въ подземельи на цѣпи, совершенно ничего не зная объ его личности, Байронъ, испытавшій самъ на родинѣ безпримѣрное гоненіе за свой образъ мыслей, шедшій въ разрѣзъ съ чопорной моралью и воззрѣніями современнаго ему англійскаго общества, объяснилъ себѣ заточеніе узника преслѣдованіемъ за религіозныя убѣжденія. Объясненіе это, впрочемъ, какъ бы само собою напрашивалось въ этой странѣ, гдѣ втеченіе стольких лѣтъ шла упорная, страстная борьба возникавшаго протестантства съ всесильнымъ тогда католицизмомъ.

Два съ половиною мѣсяца спустя, Байронъ снова посѣтилъ Шильонъ, но на этотъ разъ въ сопровожденіи одного женевца, который и посвятилъ его въ исторію Бонивара. Осмотрѣвъ подробно замокъ, Байронъ снабдилъ свою поэму тремя примѣчаніями, изъ которыхъ въ первомъ—изложена въ общихъ чертахъ довольно вѣрная біографія Бонивара, во второмъ — коротенькое описаніе Шильонскаго замка, а въ третьемъ, отрывокъ изъ котораго приведенъ выше, онъ объяснилъ, почему узникъ поэмы не совсѣмъ схожъ съ истиннымъ Бониваромъ. Самой поэмы онъ не измѣнилъ и только приба-

[1]) Ib. стр. 84.

вилъ въ началѣ „Sonnet on Chillon“ (Сонетъ къ Шильону), совершенно почти неизвѣстный въ Россіи, начинающійся словами:

„Chillon! thy prison is a holy place,
And thy sad floor an altar—for'twas trod,
Until his very steps have left a trace
Worn, as if thy cold pavement were a sod
By Bonnivard!—May none those marks efface!
For they appeal from tyranny to God“ ¹).

Въ этомъ сонетѣ только и упоминается и то всего одинъ разъ имя Бонивара.

Но кто же былъ этотъ Бониваръ?

Франсуа де-Бониваръ ²) происходилъ изъ знатной савойской фамиліи и родился въ Сейсселѣ (мѣстечко въ прежней Бургундіи, нынѣ департаментъ Эна) по однимъ свѣдѣніямъ въ 1496 г., а по другимъ, что пожалуй вѣрнѣе, около 1494 года. Первоначальное образованіе Бониваръ получилъ подъ руководствомъ своего дяди пріора аббатства Санъ-Викторъ въ окрестностяхъ города Женевы. Образованіе это было довольно солидно даже и не для того времени, когда только что начинало распространяться книгопечатаніе. Бониваръ, кромѣ французскаго и итальянскаго языковъ, зналъ языки латинскій и нѣмецкій, писателей классической древности и былъ хорошо знакомъ съ исторіей и богословіемъ. Увлекаемый духомъ времени, Бониваръ, какъ признается самъ въ „Chroniques de Genève“, еще въ юности, едва начавъ знакомиться съ исторіей народовъ, почувствовалъ особую симпатію къ демократическо-республиканскому режиму. Это намъ станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы припомнимъ, что въ числѣ причинъ разыгравшагося въ скорости реформаціоннаго движенія не малую долю занимало всеобщее недовольство системой вырождавшагося феодализма.

---

¹) О, Шильонъ, священное мѣсто, каменный полъ твоей темницы— это алтарь, такъ какъ на немъ сохранились слѣды шаговъ Бонивара, какъ будто бы эти холодные камни были мягкимъ газономъ. Пусть остаются навсегда неизгладимыми эти слѣды! Они свидѣтельствуютъ о тираніи и будутъ призывать на нее божеское наказаніе.

²) Главнѣйшіе источники: Bonivard: „Les chroniques de Genève“, Genève, 1831, 2 тома; Chaponnière: „Memoires sur Bonivard“, Genève, 1846; Byron: „Works“; Ernest Stroehlin: „Bonnivard“ (Grand Encyclopedie); Vuillemin: „Chillon“; Gaberel: „Le château de Chillon et Bonivard“; Francis Gribble: „The real prisoner of Chillon“, 1900 (Literature).

Горячо любившій его дядя ни въ чемъ не стѣснялъ своего племянника и, желая предоставить Бонивару независимыя средства и послѣ своей смерти, отказалъ ему по завѣщанію свое аббатство. Такимъ образомъ Бониваръ, когда ему было около 20 лѣтъ, сдѣлался пріоромъ аббатства Санъ-Викторъ и владѣльцемъ довольно большихъ помѣстій, принадлежавшихъ этому монастырю. Въ точности неизвѣстно, принесъ ли онъ монашескій обѣтъ, но вѣрнѣе, что нѣтъ, и былъ только свѣтскимъ владѣльцемъ монастырскихъ бенефицій. Не удовлетворяясь домашнимъ образованіемъ, Бониваръ побывалъ въ Германіи, гдѣ въ знаменитомъ уже въ то время Фрейбургскомъ университетѣ слушалъ лекціи правовѣдѣнія. Въ Германіи въ началѣ XVI вѣка, какъ извѣстно, было сильное умственное броженіе, закончившееся реформаціей; это была — эпоха Эразма Роттердамскаго, Рейхлина, Гуттена, Меланхтона и другихъ гуманистовъ. Пребываніе во Фрейбургѣ такъ сильно повліяло на живой и воспріимчивый умъ молодого Бонивара, что слѣды этого вліянія остались въ немъ на всю жизнь и только этимъ и можно объяснить, что онъ, принадлежа по своему происхожденію къ знати, отрекся, впослѣдствіи, отъ своей среды и примкнулъ къ „дѣтямъ Женевы“. Здѣсь же, во Фрейбургѣ, благодаря своему знанію нѣмецкаго языка, онъ сошелся съ швейцарскими патріотами и завязалъ съ ними прочныя дружескія сношенія.

Изъ Германіи Бониваръ отправился въ Италію, гдѣ въ Туринѣ имѣлъ случай ознакомиться съ итальянской чисто-феодальной политикой. Побывалъ онъ и въ Римѣ, но, подобно Лютеру, вынесъ оттуда убѣжденіе въ нравственномъ упадкѣ католическаго духовенства, дошедшаго до крайности при папѣ Львѣ X, прославившемся изобрѣтеніемъ индульгенцій, съ цѣлью найти средства для удовлетворенія своихъ художественныхъ вкусовъ.

Въ это время всеобщее движеніе коснулось и Швейцаріи: въ Цюрихѣ раздался громовый протестъ Цвингли противъ продажи индульгенцій. Движеніе это сказалось, между прочимъ, и въ Женевѣ, гдѣ въ силу особыхъ причинъ оно приняло характеръ въ одно и то же время религіозный и политическій. Женева, какъ извѣстно, городъ очень старый, упоминаемый еще Цезаремъ въ его Комментаріяхъ о гальской войнѣ. Въ

III вѣкѣ, по принятіи жителями христіанской вѣры, городъ этотъ получилъ значеніе религіознаго центра, такъ какъ въ немъ поселился епархіальный епископъ. Въ V вѣкѣ въ страну вторглись бургундцы и присоединили ее къ первому бургундскому королевству, а затѣмъ, вмѣстѣ съ ними, она подпала подъ власть франковъ, такъ что исторія Женевы до образованія въ 888 г. новаго бургундскаго королевства сливается съ исторіей Франціи. Послѣдній изъ бургундскихъ королей Рудольфъ III завѣщалъ свою корону германскому императору и, благодаря этому, Женева, какъ входившая въ составъ новаго бургундскаго королевства, въ 1032 году перешла къ Конраду II Салическому. Германскіе императоры мало интересовались довольно отдаленной отъ нихъ Женевой и, потому, за императорскій періодъ все болѣе и болѣе пріобрѣтали значеніе мѣстные епископы, которые, не довольствуясь одною властью духовною, мало-по-малу присвоили себѣ и всѣ права феодальныхъ сеньоровъ. Въ концѣ XIII вѣка на эту страну обратили вниманіе графы савойскіе и одинъ изъ нихъ Амедей V, въ 1290 году, подъ предлогомъ оказанныхъ епископству услугъ, экспропріировалъ въ свою пользу нѣкоторыя феодальныя права: право суда первой инстанціи и право содержать въ епископскомъ замкѣ свой гарнизонъ. Это и послужило для представителей Савойскаго дома основаніемъ ихъ дальнѣйшихъ домогательствъ—окончательно утвердить свое господство надъ Женевой. Но стремленіе ихъ встрѣтило отпоръ въ начавшей формироваться муниципальной организаціи городского населенія, за которымъ въ 1387 году епископъ Адемаръ Фабри торжественно призналъ нѣкоторыя вольности, такія, какъ право содержать городскую полицейскую стражу и право уголовной юрисдикціи. Благодаря торговлѣ и выгодному географическому положенію, Женева все болѣе и болѣе разрасталась. Въ то же время Савойскіе, теперь уже, герцоги захватывали себѣ все болѣе и болѣе власти и въ началѣ XVI вѣка стали уже открыто стремиться сдѣлать женевцевъ своими подданными. Мѣстные же епископы, принадлежавшіе къ младшимъ представителямъ Савойскаго дома, не только не боролись противъ узурпаціи своихъ правъ, но, наоборотъ, оказывали герцогамъ всякое содѣйствіе въ ущербъ интересамъ горожанъ. Наконецъ, женевцы, выведенные изъ терпѣнія,

рѣшили возстать на защиту своихъ вольностей и добиваться полной независимости. Какъ разъ въ это время прибылъ въ Женеву Бониваръ, по нѣкоторымъ версіямъ даже въ свитѣ герцога. Семья его была близка ко двору герцога и потому можно было легко ожидать, что онъ измѣнитъ своимъ фрейбургскимъ друзьямъ, но онъ ни мало не колебался и на глазахъ всѣхъ рѣшительно сталъ на сторону Филибера Бертлье, предводителя народной партіи. Его свободный и проницательный умъ подсказывалъ ему напередъ, что Женева примкнетъ къ реформаціи, чему онъ не могъ не сочувствовать. „Я предвидѣлъ", пишетъ онъ въ хроникѣ, „что мы кончимъ тѣмъ же, что уже сдѣлали наши друзья въ Бернѣ, отдѣлившіеся отъ Рима". Поступокъ этотъ, рѣшившій всю дальнѣйшую участь Бонивара, хорошо характеризуетъ эту страстную, порывистую натуру. „Мнѣ было 24 года", разсказываетъ онъ, „и я, какъ и другіе, дѣйствовалъ скорѣе вліяніемъ душевнаго порыва, чѣмъ зрѣлаго размышленія; но Богъ далъ счастливый исходъ нашимъ безумно-отчаяннымъ предпріятіямъ и отнесся къ намъ, какъ добрый отецъ".

Этотъ благородный порывъ и великодушная самоотверженность стоили Бонивару покоя и свободы. Желая наказать непокорныхъ женевцевъ, герцогъ Карлъ III вторгнулся въ 1519 году на Женевскую территорію съ войскомъ въ 500 человѣкъ (?). Не отличавшіеся храбростью женевцы впали въ уныніе, въ особенности, когда вскорѣ погибъ Бертелье, и Бонивару, на котораго герцогъ гнѣвался больше, чѣмъ на другихъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ бѣжать. Задумавъ удалиться въ Фрейбургъ, съ которымъ у него было связано столько свѣтлыхъ воспоминаній юности, Бониваръ взялъ себѣ на несчастье двухъ проводниковъ изъ „дѣтей Женевы", но они оказались дѣйствительно „дѣтьми" и изъ страха передъ герцогомъ сейчасъ же и отвели къ послѣднему Бонивара. Раздраженный герцогъ немедленно же заключилъ Бонивара и, продержавъ узниковъ въ Жексѣ (Gex) и Глероллѣ (Glérolle) два года, выпустилъ лишь въ 1521 году, но зато конфисковалъ въ свою пользу пріорство Санъ-Викторъ. Лишенный такимъ образомъ всякихъ средствъ, Бониваръ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ захватить обратно свое пріорство, но неудачно. Тѣмъ не менѣе, онъ не только не сми-

рился передъ герцогомъ, но, наоборотъ, видя безсиліе однихъ женевцевъ, прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы Женева вошла въ союзъ швейцарскихъ кантоновъ и, благодаря его настояніямъ, въ 1526 году былъ заключенъ договоръ о присоединеніи Женевы къ кантонамъ Берну и Фрейбургу.

Герцогъ, сознавая, что Женева совершенно ускользаетъ изъ-подъ его власти, не могъ простить этого Бониварy, но, чувствуя къ нему жгучую ненависть, а въ то же время и побаиваясь напасть открыто на Женеву, такъ какъ теперь пришлось бы бороться уже съ сильными и воинственными кантонами Берномъ и Фрейбургомъ, рѣшилъ захватить Бонивара хитростью. Онъ оставилъ Бонивара на нѣсколько времени въ покоѣ, такъ что тотъ сталъ считать себя въ полной безопасности и рѣшился въ 1530 году предпринять путешествіе въ Pays de Vaud, причемъ ему даже предупредительно предложили охранный листъ. Но путешествіе это окончилось довольно трагически, такъ какъ Бониваръ снова попалъ въ заключеніе, на этотъ разъ уже въ Шильонѣ. Объ этомъ приключеніи не безъ комизма разсказываетъ онъ самъ въ „Chroniques de Genève“: „Изъ Мудона, говоритъ онъ, я намѣревался вернуться въ Лозанну. Когда мы были въ горахъ Жора, вдругъ появился изъ лѣсу и направился ко мнѣ сидѣвшій тамъ въ засадѣ съ нѣсколькими сотоварищами коммендантъ Шильонскаго замка мессиръ Антуанъ де-Бофоръ. Эти честные господа (ces honnêtes gens) тотчасъ наваливаются на меня и объявляютъ арестованнымъ отъ имени герцога и, хотя я показывалъ имъ свой охранный листъ, но тѣмъ не менѣе они связали меня по рукамъ и ногамъ и увлекли въ Шильонъ, гдѣ мнѣ пришлось вторично мучиться и страдать, не надѣясь ни на кого, кромѣ Бога“.

Въ Шильонѣ Бониваръ былъ въ заключеніи 6 лѣтъ, съ 1530 по 1536 годъ. Втеченіе первыхъ двухъ лѣтъ съ нимъ обращались довольно сносно, но, когда посѣтилъ его герцогъ, то при видѣ Бонивара имъ овладѣла такая бѣшеная ярость, что онъ приказалъ немедленно бросить его въ подземелье и приковать на короткой цѣпи къ колоннѣ такъ, чтобы онъ могъ дѣлать всего нѣсколько шаговъ. Герцогъ какъ бы говорилъ ежеминутно Бониварy: ты рвался всегда къ свободѣ и простору, такъ вотъ теперь предъ тобою только тѣсный просторъ под-

земелья и ты не можешь воспользоваться даже и имъ... Чтобы вполнѣ оцѣнить весь ужасъ этого наказанія, нужно только представить себѣ живой и подвижной характеръ этого энергичнаго человѣка. И въ этомъ помѣщеніи Бониваръ провелъ цѣлые 4 года. „Je avoys", съ юморомъ замѣчаетъ онъ о себѣ въ женевской хроникѣ, „si bon loysir de me pourmener que je empreignis un chemin en la roche qui estoit le pavement de leans comme si on leust faict avec un martel" [1]).

Раздраженный еще болѣе такимъ вѣроломнымъ образомъ дѣйствій герцога, Бониваръ и не думалъ просить о пощадѣ. Чтобы не впасть въ отчаяніе, онъ старался усыпить свою скорбь, переносясь мысленно черезъ вѣка къ великимъ людямъ и дѣламъ древности, разрабатывалъ въ умѣ различные интересовавшіе его вопросы и сохранилъ настолько ясности и свободы мысли, что за время заключенія: „сочинилъ на латинскомъ и французскомъ языкахъ довольно много небольшихъ стихотвореній и балладъ".

Въ то время, какъ этотъ философъ-стоикъ влачилъ жалкое существованіе между жизнью и смертью въ мрачномъ уединеніи своей живой могилы, внѣшнія событія шли своимъ чередомъ. Женевцы, подъ вліяніемъ страстной проповѣди Фареля, оффиціально присоединились въ 1535 году къ реформаціи, лишили епископа какъ духовной, такъ и свѣтской власти и объявили себя совершенно независимыми, подъ именемъ Сеньоріи, „Seigneurie". Но герцогъ Карлъ III не пожелалъ отступиться добровольно отъ своихъ притязаній и осадилъ Женеву. На помощь ей поспѣшили союзные бернцы, разбили войска герцога и перенесли войну въ страну Во. Среди бернцевъ было не мало старыхъ фрейбургскихъ друзей Бонивара и, благодаря имъ, для освобожденія несчастнаго узника была предпринята осада Шильона. Тогда вспомнили о Бониварѣ и новые сеньоры—женевцы, не сдѣлавшіе прежде, за всѣ 6 лѣтъ, никакой попытки, и прибыли на помощь съ своею „грозною флотиліей". Играла ли эта флотилія какую-либо значительную роль при осадѣ, не-

---

[1]) „У меня было столько времени для прогулокъ взадъ и впередъ, что я протопталъ на скалѣ, служившей поломъ темницы, тропинку, какъ будто бы выбитую молоткомъ".

извѣстно, и можно скорѣе предположить, что нѣтъ, такъ какъ и до сихъ поръ женевская флотилія прославилась только тѣмъ, что съ своимъ „сухопутнымъ адмираломъ“ дала отличную тему для одной изъ остроумнѣйшихъ оперетокъ, принадлежащей перу, кажется, знаменитаго Оффенбаха.

Послѣ двухдневной осады замокъ 29 марта 1536 года былъ взятъ и коммендантъ его убѣжалъ въ Савойю. Вступивъ въ замокъ, всѣ бросились въ подземелья и тамъ произошла потрясающая сцена. „Бонивaръ, ты свободенъ!“ объявили ему друзья. „А Женева?“ задалъ первый вопросъ этотъ мужественный герой. „Тоже свободна!...“ отвѣтили ему. Бонивaръ такъ ослабъ отъ пережитаго волненія, что его пришлось вынести на рукахъ. Съ нимъ вмѣстѣ освободили изъ другихъ подземелій еще 6 человѣкъ женевцевъ, запертыхъ туда герцогомъ.

Возвратившись въ Женеву, Бонивaръ принялъ протестантство и поднялъ было вопросъ о своемъ пріорствѣ Санъ-Викторъ, но благодарные женевцы сочли излишнимъ возвратить ему имѣніе, подъ тѣмъ предлогомъ, что при реформаціи были разрушены всѣ монастыри, и даже первымъ изъ нихъ его пріорство, и предложили въ утѣшеніе лишь весьма скромную пенсію по 150 экю въ годъ [1]). Бонивaръ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, принялъ это предложеніе, но съ тѣхъ поръ такъ и остался на всю жизнь бѣднякомъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ женился. Не очень счастливъ, какъ видно, былъ онъ и въ своей семейной жизни, такъ какъ есть свѣдѣнія, что онъ былъ женатъ четыре раза....

Принявъ протестантство, не столько изъ увлеченія его догматами, сколько изъ духа недовольства папою, Бонивaръ, преданный всею душою идеямъ реформаціи, тѣмъ не менѣе былъ совершенно чуждъ того пуританства и нетерпимости, которыя водворились въ Женевѣ, съ прибытіемъ туда въ томъ же 1536 году, одного изъ основателей реформатской церкви, извѣстнаго Жана Кальвина. Аристократъ по происхожденію и воспитанію, любитель попировать и повеселиться, одаренный легкимъ и подвижнымъ умомъ и такою жизнерадостностью,

---

[1]) Введенная въ XIV вѣкѣ монета экю въ разное время имѣла различную цѣнность, но въ общемъ нужно считать ее приблизительно равною тремъ франкамъ.

которая устояла даже передъ всѣми невзгодами, выпавшими на его долю, онъ, какъ и многіе другіе, не могъ раздѣлять мрачно-унылыхъ и аскетически-строгихъ доктринъ Кальвина. По мѣткому выраженію швейцарскаго историка Мерля д'Обинье [1]), Бониваръ былъ настоящимъ воплощеніемъ „Ренессанса", тогда какъ Кальвинъ воплощалъ въ себѣ реформацію. Между тѣмъ, слабовольные женевцы объявили себя независимыми и лишили своего епископа свѣтской и духовной власти, словно только для того, чтобы сейчасъ же подпасть подъ еще болѣе тяжелую десницу суроваго пикардійца. Какъ извѣстно, Кальвинъ, утвердившись въ Женевѣ, не ограничился однимъ устройствомъ новой церкви, но простеръ свою руку и на дѣла государственнаго управленія. Обладая выдающимся, но довольно одностороннимъ умомъ и несокрушимою, желѣзною волею, онъ все свелъ къ одному знаменателю и завелъ повсюду такую строгую дисциплину, какой не всегда могла добиться, несмотря на всѣ свои ужасы, даже знаменитая святая инквизиція. Дѣйствуя вполнѣ самовластно и безпощадно преслѣдуя своихъ противниковъ, не останавливаясь даже передъ такими крайними мѣрами, какъ, напримѣръ, сожженіе живымъ Сервета (въ 1553 г.), Кальвинъ, съ своей стороны, не могъ примириться съ мыслью, что есть въ Женевѣ человѣкъ, который въ своей жизни, хотя бы и частной, позволяетъ себѣ отступать отъ новыхъ строгихъ предписаній. И вотъ Бонивара, пожертвовавшаго на дѣло женевской реформаціи и годами свободы и всѣмъ состояніемъ, безпрестанно тягаютъ на консисторскій судъ и дѣлаютъ строгіе выговоры и предостереженія. Впрочемъ, на Бонивара, видавшаго на своемъ вѣку и похуже невзгоды, мѣры эти не особенно дѣйствовали, предпринять же что-либо посерьезнѣе не рѣшился и самъ Кальвинъ, но зато онъ не упускалъ случая, гдѣ только могъ, вредить Бонивару!...

Не принимая болѣе, по освобожденіи изъ Шильона, непосредственнаго участія въ дѣлахъ Женевы, Бониваръ направилъ свою энергію на занятія литературой и заявилъ себя недюжиннымъ публицистомъ и историкомъ. Изъ числа массы написаннаго имъ нельзя не отмѣтить слѣдующихъ болѣе круп-

---

[1]) Merle d'Aubigné: „Histoire de la Reformation en Europe au temps de Calvin", Genève, 1863, т. I.

ныхъ его работахъ, почти совершенно неизвѣстныхъ въ публикѣ: „Livre de l'Ancienne et la Nouvelle Police", весьма любопытный трудъ по исторіи введенія кальвинизма; „Les Advis et Devis de la Noblesse", гдѣ Бониваръ резюмируетъ свои выводы по всеобщей исторіи; „Les Advis et Devis de la papauté"— ядовитый памфлетъ противъ папъ, по поводу подложныхъ чудесъ, и, наконецъ, „Les Advis et Devis de langnes",— обнаруживающій въ авторѣ солидныя филологическія знанія.

Въ этихъ своихъ произведеніяхъ передъ нами весь Бониваръ, съ своимъ свободнымъ и любознательнымъ, отчасти сатирическимъ, умомъ, со всею пылкостью и страстностью своей живой натуры, увлекавшей его иногда въ область довольно легковѣсныхъ анекдотовъ. Недаромъ Анри Бордье, въ своей статьѣ въ „Bibliotеque de l'Ecole des Chartes", называетъ его женевскимъ Монтенемъ и Раблэ.

Еще болѣе важною изъ работъ Бонивара является обнимающая полную исторію города Женевы со временъ римлянъ до 1530 года женевская хроника (Chroniques de Genève), изъ которой здѣсь приводятся нѣкоторыя выдержки. Трудъ этотъ былъ выполненъ Бониваромъ по порученію женевскаго магистрата; онъ прямо поражаетъ обиліемъ матеріала и тою добросовѣстностью, съ которою Бониваръ отнесся къ своей задачѣ, такъ какъ масса приводимыхъ имъ всевозможныхъ справокъ и ссылокъ на подлинные документы и различные оффиціальные акты сдѣлала бы честь и современному историку. Сочиненіе это, впрочемъ, постигла довольно печальная участь. По окончаніи, оно было представлено на цензуру Кальвину и тотъ, находя стиль Бонивара слишкомъ живымъ и фамильярнымъ, запретилъ печатать хронику и покорные его волѣ женевцы держали ее подъ спудомъ около *трехсотъ* лѣтъ, такъ что она была *въ первый разъ издана* только въ 1831 году... Этимъ и объясняется отчасти, что такая крупная личность эпохи реформаціи, какъ Бониваръ, до сихъ поръ остается мало оцѣненною. А между тѣмъ, хорошо изучившій эту эпоху упомянутый выше Мерль д'Обинье ставитъ Бонивара наравнѣ съ Эразмомъ Роттердамскимъ. „Бониваръ, говоритъ онъ, былъ такимъ же другомъ науки, какъ и Эразмъ, другомъ же свободы онъ былъ больше, чѣмъ самъ Эразмъ".

Весьма любопытно, что Бониваръ несмотря на неблаго-

дарность женевцевъ, и передъ смертью думалъ о благѣ своего пріемнаго отечества и завѣщалъ Женевѣ свое единственное сокровище — собранную имъ съ большими трудами и самопожертвованіями коллекцію книгъ и манускриптовъ, и тѣмъ положилъ основаніе существующей нынѣ женевской публичной библіотекѣ.

Когда вдумываешься въ біографію Бонивара, то невольно поражаешься, сколько у него общихъ чертъ съ обезсмертившимъ его поэтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, и Байронъ и Бониваръ были аристократами по рожденію и оба посвятили значительную часть своей жизни служенію угнетаемымъ народностямъ, въ сущности для нихъ совершенно постороннимъ и чуждымъ, иначе говоря, посвятили себя служенію чистой идеѣ свободы и независимости народовъ; оба они отличались свободою мысли и подвергались гоненіямъ и преслѣдованіямъ; наконецъ, оба въ извѣстные періоды своей жизни отличались нѣкоторою легкомысленностью... Правда, есть и большая разница: у Бонивара одну изъ существеннѣйшихъ чертъ характера составляетъ ничѣмъ несокрушимая жизнерадостность, у Байрона же, наоборотъ, полнѣйшая разочарованность. Но не повліяла ли благотворно на Байрона эта бодрость и жизненность духа Бонивара, проявленная имъ въ самые тяжелые періоды его жизни? Не вліяніемъ ли свѣтлаго, жизнерадостнаго облика Бонивара объясняется замѣчаемый большинствомъ изслѣдователей Байрона поворотъ въ его поэзіи, когда, послѣ мрачнаго безнадежнаго пессимизма, вдругъ зазвучала у него вѣра въ осуществленіе идеаловъ, неутомимая жажда этого осуществленія и пламенное стремленіе къ борьбѣ за духовныя святыни человѣчества! Не оказалъ ли вообще образъ Бонивара, котораго, какъ мы видѣли, такъ высоко ставилъ Байронъ, неизгладимое вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь и дѣятельность поэта, включительно до участія въ движеніи итальянскихъ карбонаріевъ и въ возстаніи грековъ?..

V.

Дальнѣйшая исторія Шильонскаго замка представляетъ мало интереса. Отвоевавъ Шильонъ, вмѣстѣ съ остальною Pays de

Vaud, бернцы посадили въ немъ своихъ байльи, которые были скорѣе мирными администраторами, чѣмъ грозными коммендантами. Военное значеніе Шильона, такимъ образомъ, стало все болѣе и болѣе падать. Наконецъ, и байльи, соскучившись сидѣть въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, перенесли въ 1733 году свое мѣстопребываніе поблизости въ городокъ Веве, и Шильонъ совсѣмъ опустѣлъ вплоть до великой революціи. Зато въ это время замокъ неоднократно служилъ политическою тюрьмою и получилъ даже прозвище швейцарской Бастиліи (Bastille de Suisse). Такъ, въ 1789 году бернское правительство заключило туда двоихъ водуазскихъ гражданъ за то, что они организовали банкеты въ воспоминаніе о взятіи настоящей Бастиліи въ Парижѣ!.. Французская революція вообще вызвала у водуазцевъ стремленіе къ освобожденію отъ подчиненности Берну, и когда, въ 1798 году, на границѣ Швейцаріи появились французскія войска, то жители Ваадта возстали и на этотъ разъ засадили въ Шильонъ уже попавшихъ къ нимъ въ руки бернцевъ и ихъ приверженцевъ изъ числа своихъ согражданъ. Съ обращеніемъ Ваадта въ 1803 году въ самостоятельный кантонъ, Шильонъ былъ превращенъ въ артиллерійскій складъ. Послѣ того Шильону, впрочемъ, пришлось опять возвратиться къ прежнему назначенію. Въ 1846 году образовалась изъ семи католическихъ кантоновъ лига, направленная противъ федеральнаго правительства и извѣстная подъ именемъ Sonderbund'а. При возгорѣвшейся въ 1848 году борьбѣ федеральнаго правительства съ этою лигою, обвинили, между прочимъ, лозаннскаго католическаго епископа монсиньора Мариллея въ попыткѣ организовать во Фрейбургѣ контръ-революцію и, хотя обвиненіе мало подтвердилось, но все-таки посадили этого епископа въ Шильонъ, а съ нимъ вмѣстѣ и нѣсколько солдатъ изъ водуазскихъ гражданъ, отказавшихся выступить подъ федеральными знаменами въ походъ противъ Sonderbund'а.

Послѣ того Шильонъ былъ снова обращенъ въ военный складъ и для этой цѣли служитъ и въ настоящее время. Конечно, и теперешній коммендантъ замка, дочка котораго служила намъ гидомъ, скорѣе просто concierge или привратникъ.

П. Каменоградскій.

АрхіепископъИриней [1]).

Историческій очеркъ.

ВДАЛИ отъ родины, вдали отъ мѣста своего служенія, скончался на 81 году жизни въ 1864 году 18 мая въ 3 верстахъ отъ Ярославля бывшій иркутскій архіепископъИриней. Мѣстомъ его кончины былъ Толгскій монастырь, которымъ онъ управлялъ послѣднія 16 лѣтъ своей жизни.

Объ этомъ архіепископѣ, замѣчательномъ по своей правотѣ и прямотѣ, изъ-за которыхъ испорчена была его карьера еще въ молодыхъ годахъ, изъ-за которыхъ много пришлось ему перенести горя, писалось не мало и весьма противорѣчиво. Иные представляютъ его самого виновникомъ своихъ невзгодъ, находя въ немъ излишнюю суровость, неуживчивость, гордость, а ближайшее начальство преосвященнаго Иринея признавало его даже душевнобольнымъ; другіе, хорошо знавшіе его во время жизни въ Вологдѣ и въ Толгскомъ монастырѣ, видѣли и признавали въ немъ, наоборотъ, примѣрную справедливость, ласковость, доброту и чисто-евангельскую ко всѣмъ любовь.

Преосвященный Ириней, до монашества Иванъ Гавриловичъ Нестеровичъ, сынъ священника села Дмитрушекъ, Уманскаго уѣзда, Кіевской губ., родился 25 января 1783 года (а не 1762 г., какъ говорится въ LX

---

[1]) Просматривая случайно „Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости“, я наткнулся на біографическій очеркъ К. Д. Головщикова объ иркутскомъ архіепископѣ Иринеѣ. Заинтересовавшись исторіей ссылки преосвященнаго Иринея и имѣя доступъ къ архивнымъ дѣламъ бывшаго главнаго управленія Восточной Сибири, я отыскалъ въ архивѣ дѣло объ этомъ и, находя его заслуживающимъ интереса, составилъ краткій историческій очеркъ этого событія, сохранивъ въ большинствѣ случаевъ и стиль современныхъ служебныхъ бумагъ, а біографическія свѣдѣнія позаимствовалъ изъ упомянутаго очерка Головщикова. *Прим. автора.*

томѣ Сборника Императорскаго русскаго историческаго общества). Отецъ его по происхожденію сербъ, мать—молдаванка.

Получивъ образованіе въ Кіевской академіи, Иванъ Нестеровичъ до 1810 г. оставался въ ней преподавателемъ нѣмецкаго языка, затѣмъ былъ назначенъ, по просьбѣ молдаво-валахійскаго экзарха, преподавателемъ греческаго языка въ главное училище въ Яссы, а отсюда переведенъ въ Кишиневъ, гдѣ участвовалъ въ устройствѣ духовной семинаріи для молдаванъ.

Въ 1813 г. онъ принялъ монашество и съ 1817 г., уже въ санѣ архимандрита, былъ префектомъ Кишиневской семинаріи, а потомъ и ректоромъ ея. Въ это время зналъ Иринея Ф. Ф. Вигель и въ своихъ запискахъ называлъ его „чрезвычайно даровитымъ и образованнымъ“. Послѣ 12-ти-лѣтняго пребыванія въ Кишиневѣ архимандритъ Ириней вызванъ былъ въ 1824 г. „на чреду священнослуженія“ въ Петербургъ и здѣсь получилъ мѣсто законоучителя въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, а 31 января 1826 г. нареченъ епископомъ Пензенской епархіи.

Между тѣмъ въ 1830 г. скончался въ Иркутскѣ архіепископъ Михаилъ, „ревностный проповѣдникъ Евангелія между язычниками отдаленнаго края“. На всеподданнѣйшемъ докладѣ оберъ-прокурора св. синода о смерти Михаила императоръ Николай положилъ слѣдующую резолюцію: „Весьма жаль, избрать твердаго и благонадежнаго и перевесть въ Иркутскъ“. Таковымъ св. синодомъ признанъ былъ епископъ Ириней, получившій при перемѣщеніи санъ архіепископа. Новая епархія его въ то время простиралась отъ Китая до Ледовитаго океана и заключала въ себѣ не только Камчатку, но и сѣверо-американскіе острова. Самое многочисленное населеніе епархіи составляли тунгусы, буряты, камчадалы, курильцы, алеуты и другіе языческіе народы, да и между русскими обитателями не мало находилось вовсе некрещенныхъ.

Принявъ въ свое управленіе, сравнительно еще молодымъ, такую громадную по пространству, разноплеменную по населенію и удаленную отъ правительственнаго глаза епархію, преосвященный Ириней, съ врожденной ему энергіей и горячностью[1]), принялся за искорененіе

[1]) Преосвященный Ириней сознавался иногда, что его имя „Ириней“, по переводу съ греческаго языка, означаетъ миръ, но что онъ не всегда былъ миренъ. См. Волог. Еп. Вѣд. 1868 г. № 12, стр. 314.

сибирскихъ безпорядковъ и за обличеніе пороковъ, что, естественно, и возбудило общее противъ него раздраженіе и недовольство. „Вступивъ въ управленіе ввѣренной мнѣ епархіей—писалъ преосвященный Ириней въ Иркутскую консисторію [1])—между прочимъ нашелъ я каѳедральный соборъ въ запущеніи: штатъ онаго, за исключеніемъ немногихъ, разстроенъ пьянствомъ, лѣностью и небреженіемъ своей должности". Объ удаленномъ имъ отъ служенія иркутскомъ каѳедральномъ протоіереѣ Никифорѣ Парняковѣ онъ доносилъ синоду: „Прошлаго 1830 г. іюня 25 дня, въ день рожденія государя императора, Парняковъ явился въ здѣшній публичный садъ въ неимовѣрно пьяномъ видѣ, гдѣ находились гражданскій губернаторъ и дамы, предъ коими онъ постыднѣйшимъ образомъ сквернословилъ. По приказанію губернатора дамы удалились, а Парняковъ казаками выведенъ былъ изъ собранія. Истину сего происшествія лично засвидѣтельствовали предо мною гражданскій губернаторъ Цейдлеръ и комендантъ Покровскій" [2]). Наконецъ, письмо [3]) преосвященнаго Иринея, правдивости коего не довѣрять нельзя, къ оберъ-прокурору синода кн. П. С. Мещерскому отъ 28 сентября 1831 г., достаточно уясняетъ сибирскіе порядки того времени. Ириней писалъ: „Духовенство предалось пьянству до того, что одинъ священникъ отъ онаго уже умеръ внезапно, а слѣдствія учинить никто не хочетъ, хотя и требовалъ онаго отъ духовной и гражданской власти. Безстыдство и сожженіе совѣсти возросло до высочайшей степени между духовенствомъ и штатскими. Дѣти духовнаго званія не знаютъ брака; съ самыхъ юныхъ лѣтъ предаются пьянству и разврату, бьютъ своихъ родителей и отнимаютъ дома у нихъ, а гражданская власть и консисторія сему всемѣрно споспѣшествуютъ... Съ прибытія моего въ сію епархію я видѣлъ неизъяснимые ужасы, писалъ, протестовалъ, взывалъ къ Богу, св. синоду, вамъ и помощи ниоткуда не получалъ. Грабежъ здѣсь консисторіи невѣроятенъ... Ректоръ семинаріи въ прямомъ смыслѣ чудовище: ученики семинаріи сгорали отъ винопитія и погибали безъ вѣсти; неизвѣстно гдѣ (ректоръ) дѣвалъ 15.000 рублей, адресованныхъ комиссіею духовныхъ училищъ на мое имя для построенія въ Якутскѣ училищъ; требованія мои ни во что имъ поставляемы были". Простительно ли бы было мѣстному архіерею при та-

[1]) См. Рус. Старину 1883 г., сентябрь, стр. 559.
[2]) Тамъ же, стр. 377—378.
[3]) Напечатанное въ томъ же журналѣ 1882 г., сент., стр. 571—575.

кихъ порядкахъ молчать? Изъ другого документа [1]) узнаемъ, что какой-то Григорій золотарь, сосланный въ Сибирь за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій, имѣлъ выгравированную мѣдную доску и печаталъ ею антиминсы для иркутскихъ церквей. Генералъ-губернаторъ „отдѣлилъ, говоритъИриней [2]), гражданскихъ чиновниковъ и почетнѣйшихъ граждан. отъ собора, устроивъ какъ бы новый соборъ въ Воскресенской (Тихвинской) церкви, завелъ тамъ соблазнительную, по театральному напѣву, казачью пѣвческую, отдѣлилъ для себя особое мѣсто, устроилъ возвышенное со ступенями сѣдалище и принималъ особенную отъ священнодѣйствующихъ честь". Немолчаніе владыки вызвало недовольство имъ, приэтомъ онъ пріобрѣлъ еще сильнаго врага въ лицѣ богатаго иркутскаго купца Баснина за то, что сестру его игуменью Иларію удалилъ отъ управленія монастыремъ, „поелику вовсе безграмотна и допустила управлять монастыремъ брата своего, содѣлавшагося причиною всѣхъ соблазновъ и злоупотребленій". Общее недовольство Иринеемъ вызвало, наконецъ, столкновеніе съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Александромъ Степановичемъ Лавинскимъ, и началось въ Петербургѣ дѣло объ Иринеѣ по непосредственному повелѣнію императора Николая. Кто сдѣлалъ доносъ— неизвѣстно, но вѣроятно, какъ высказываетъ свою догадку „Русская Старина" [3]), сообщилъ государю конфиденціально Лавинскій. Синодъ ничего не зналъ о дѣйствіяхъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ, какъ вдругъ получилось Высочайшее повелѣніе, выраженное въ слѣдующемъ предложеніи синоду, его оберъ-прокурора кн. П. С. Мещерскаго отъ 26 іюня 1831 г.: „По дошедшимъ до государя императора свѣдѣніямъ о безпорядкахъ, происшедшихъ по Иркутской епархіи во время управленія оною архіепископа Иринея, и о предосудительныхъ его дѣйствіяхъ по коимъ, полагать должно, что онъ подвергся разстройству умственныхъ способностей, его величество высочайше повелѣть соизволилъ удалить его немедленно отъ управленія епархіею и заперѣть въ монастырь по усмотрѣнію св. синода, съ назначеніемъ ему содержанія".

Выслушавъ такое высочайшее повелѣніе, синодъ, безъ всякихъ разслѣдованій, безъ экспертизы, 9 іюля подписалъ такое постановленіе: 1) „Архіепископа Иринея, по

---

[1]) Тамъ же, 1882 г., сентябрь, стр. 99, 114.

[2]) Тамъ же, стр. 103.

[3]) 1882 г., сентябрь, стр. 563.

удаленіи отъ управленія епархіею, не допускать болѣе до священнослуженія; 2) пребываніе ему имѣть Вологодской епархіи въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, гдѣ, сверхъ бдительнаго за нимъ надзора настоятеля сего монастыря, имѣть такой же и вологодскому архіерею; а касательно образа жизни и поступковъ доносить синоду по третямъ года; 3) по подлежащемъ объявленіи о семъ ему, архіепископу, и по принятіи отъ него казеннаго имущества и денежной суммы, кому отъ синода сіе поручено будетъ, слѣдовать ему въ назначенное мѣстопребываніе въ сопровожденіи надежнаго чиновника, коего истребовать отъ генералъ-губернатора; 4) на проѣздъ и на путевыя издержки отпустить прогонныя деньги по сану; 5) на содержаніе его въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ производить ежегодно по 1200 р. изъ государственнаго казначейства". Это постановленіе синода утверждено было 18 іюля 1831 г. высочайшей властью.

Но привести въ исполненіе этотъ указъ оказалось не такъ-то просто.

4 сентября 1831 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири А. С. Лавинскій получилъ отъ г. оберъ-прокурора святѣйшаго правительствующаго синода князя Петра Сергѣевича Мещерскаго письмо отъ 31 іюля 1831 г. слѣдующаго содержанія:

„Высочайше конфирмованнымъ въ 18 день іюля докладомъ святѣйшаго синода положено: иркутскаго архіепископа Иринея по замѣченному въ немъ разстройству умственныхъ способностей удалить отъ управленія епархіей и, не допуская до священнослуженія, назначить ему пребываніе въ Вологодской епархіи во второклассномъ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, куда и препроводить его съ нарочнымъ чиновникомъ, который долженъ быть для сего командированъ отъ вашего превосходительства. Вслѣдствіе сего святѣйшій синодъ предоставилъ мнѣ отнестись къ вамъ, милостивый государь, дабы для сопровожденія преосвященнаго Иринея до Вологды командированъ былъ надежный чиновникъ, котораго не угодно ли будетъ вашему превосходительству снабдить надлежащей инструкціей, какимъ образомъ имѣть ему во время пути за нимъ, преосвященнымъ, приличное наблюденіе и какія употреблять предосторожности, въ случаѣ если бы оказалось въ положеніи его опасное разстройство, и чтобы сверхъ того оказано было со стороны вашего превосходительства и всякое другое содѣйствіе, въ чемъ оное потребно будетъ при отправленіи преосвященнаго Иринея. Сообщая о семъ вашему превосходительству и прося

покорнѣйше о послѣдующемъ по предмету сему распоряженіи почтить меня увѣдомленіемъ, я долгомъ поставляю изъяснить притомъ, что на проѣздъ и путевыя издержки преосвященному Иринею съ командируемымъ при немъ чиновникомъ по высочайше утвержденному докладу синода назначены слѣдующія по сану архіепископа прогонныя деньги, сколько причитаться будетъ отъ Иркутска до Вологды, объ ассигнованіи коихъ къ отпуску изъ Иркутской казенной палаты, какъ равно и о назначеніи изъ Вологодской таковыхъ же прогонныхъ денегъ оному чиновнику на обратный путь, сколько по чину его слѣдовать будетъ, сдѣлано мною нынѣ же надлежащее сношеніе съ г. министромъ финансовъ".

Въ чемъ выразились поступки преосвященнаго Иринея, вызвавшіе удаленіе его съ каѳедры, какъ разстроеннаго въ умственныхъ способностяхъ, мы видѣли выше, но тѣмъ не менѣе послѣдовавшіе за этимъ факты несомнѣнно доказываютъ, что преосвященный Ириней былъ дѣйствительно не вполнѣ нормаленъ.

Обстоятельства, сопровождавшія учиненный архіепископомъ Иринеемъ „чрезвычайный поступокъ", были слѣдующія.

Получивъ вышеупомянутое письмо оберъ-прокурора святѣйшаго синода и выждавъ время, необходимое на сдачу преосвященнымъ въ вѣдѣніе духовной консисторіи имѣвшихся на его рукахъ казенныхъ суммъ и имущества и на исправленіе для предстоящаго дальняго пути экипажей его, каковое, по личной просьбѣ преосвященнаго, приказано было произвести немедленно въ мѣстномъ ремесленномъ домѣ, 20 сентября генералъ-губернаторъ назначилъ къ сопровожденію архіепископа состоящаго при немъ чиновника для особыхъ порученій Голубова и приказалъ ему явиться немедленно къ архіепископу.

Голубовъ прибылъ къ преосвященному въ домъ въ 8 часовъ утра и, „по изъявленіи должной вѣжливости", сообщилъ, что онъ назначенъ сопутствовать ему до Вологды, но преосвященный Ириней, „принявъ слова его въ видѣ принужденія" и требуя отъ Голубова отвѣта, по какому праву намѣренъ онъ „схватить" его, сперва объявилъ, что онъ долженъ сдать соборъ и всѣ принадлежности имѣющему прибыть архіепископу Мелетію, а потомъ, „постепенно отклоняясь отъ сего изрѣченія, произнесъ, что присланный указъ на счетъ смѣны его, Иринея, есть подложный", что онъ не признаетъ его дѣйствительнымъ, „поелику всѣ именные указы

должны быть печатные" и что никакого архіерея Мелетія на мѣсто его не назначено, а затѣмъ, „прійдя какъ бы въ изступленіе", вышелъ изъ своего дома, украшенный орденской звѣздой (Анны I класса) и панагіей, говоря, что Голубовъ, какъ исполнитель ложнаго указа, первый лишится чиновъ и мундира и что отдать себя гражданскому начальству онъ, Иринеи, не хочетъ.

Голубовъ послѣдовалъ за Иринеемъ и хотя удостовѣрялъ его въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, что онъ отнюдь не для того явился, дабы схватить его, и что „время отправленія его, архіепископа, вовсе непринужденно", но тотъ, ничего не слушая и „взявъ Голубова за руку и хватая даже за шпагу и за бортъ мундирнаго воротника, приближался въ такомъ положеніи къ стоящему у собора часовому и приказалъ какъ ему, такъ и собравшимся на дворѣ казначею и служителямъ своимъ защищать себя отъ насилія, а Голубова задержать"; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ еще за часовыми и далъ имъ также приказаніе везти чиновника на гауптвахту. Голубовъ пытался съ помощью казначея и служителей не допустить архіерея къ выходу изъ соборнаго двора, но, будучи окруженъ людьми его и часовыми, убѣжденными въ правотѣ заявленій Иринея и въ точности исполнявшими его приказанія, счелъ безполезнымъ сопротивляться и подъ конвоемъ вышелъ вмѣстѣ съ архіепископомъ изъ соборнаго двора къ Московскому шлагбауму, откуда по произнесеніи преосвященнымъ къ солдатамъ: „Православные воины, защитите меня", отправились они на главную гауптвахту въ сопровожденіи солдатъ и постепенно стекавшагося народа.

На пути архіепископъ всѣмъ встрѣчавшимся лицамъ объявлялъ, что Голубовъ хотѣлъ внезапно схватить его, не допустить къ сдачѣ собора, зарѣзать въ дорогѣ и потомъ сказать, что онъ въ помѣшательствѣ зарѣзался самъ, и проч.

Наконецъ прибыли они къ главной гауптвахтѣ, гдѣ встрѣчены были плацъ-майоромъ и дежурнымъ офицеромъ и вступили въ кордегардію. Отсюда Голубовъ, не взирая уже на настоянія архіепископа о задержаніи его, отправился къ генералъ-губернатору для увѣдомленія о происшедшемъ.

Между тѣмъ народъ началъ замѣтно стекаться и плацъ-майоръ для предосторожности составилъ фронтъ. Иринеи же вставая въ ряды солдатъ, настанлялъ и ихъ, что указъ объ устраненіи его есть ложный и поддѣль-

ный, приводя въ доказательство, что онъ нигдѣ не напечатанъ, и что „непечатнымъ указамъ вѣрить не должно"; призывалъ солдатъ на помощь себѣ, говоря, что готовъ умереть съ ними, и заклиналъ ихъ заступиться за него, выручить его, избавить отъ преслѣдующихъ, „во имя Бога, его императорскаго величества, религіи и закона". Произнося все это „въ величайшемъ изступленіи и съ необыкновенной запальчивостью", обратился онъ потомъ къ народу, собравшемуся на площади, и, поднимая руки къ небу, умолялъ выручить его, объясняя, что его хотятъ посадить въ тюрьму и зарѣзать, что указа объ отрѣшеніи его никогда не бывало, что все это подлогъ и обманъ, что никакой архіепископъ Мелетій въ Иркутскъ на его мѣсто не ѣдетъ, что никакого Мелетія не существуетъ, что ложнымъ слухамъ вѣрить не должно, по высочайшему манифесту, вновь изданному 7 августа 1831 года, и что, тогда какъ эти нелѣпые слухи распространяются, духовенство не исполняетъ дѣйствительнаго повелѣнія объ отправленіи молебствія о новорожденномъ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Прибывъ въ этотъ моментъ на гауптвахту и замѣтивъ начинавшееся въ народной толпѣ нѣкоторое волненіе, генералъ-губернаторъ старался уговорить архіепископа, чтобы онъ возвратился домой, не представляя изъ себя такого для войска и народа соблазнительнаго зрѣлища, но сначала никакія убѣжденія не въ силахъ были укротить его. Наконецъ, нѣсколько успокоившись, онъ просилъ призвать коменданта, за которымъ былъ передъ тѣмъ еще посланъ съ гауптвахты чиновникъ, и, когда комендантъ прибылъ, то архіепископъ согласился уже идти съ нимъ въ келью, куда и отправился въ сопровожденіи самого генералъ-губернатора и нѣкоторыхъ чиновниковъ.

На обратномъ пути преосвященныйИриней, повторяя неоднократно о подложности указовъ объ немъ и что онъ есть настоящій архіепископъ иркутскій, а Мелетія никакого не будетъ, восклицалъ, что онъ ввѣряетъ себя христолюбивому воинству, прося избавить его отъ отсылки. Наконецъ, по достиженіи архіерейскаго дома, народъ, успокоенный, что пастырь возвратился къ себѣ, началъ понемногу расходиться, а преосвященный, войдя съ сопровождавшими его въ келью, продолжалъ произносить то же, что говорилъ на гауптвахтѣ и на улицѣ.

Напуганный поведеніемъ Иринея и опасаясь волненія черни, генералъ-губернаторъ счелъ необходимымъ принять рѣшительныя мѣры. Онъ приказалъ коменданту

ко всѣмъ выходамъ архіепископскаго дома поставить тотчасъ военный караулъ со строжайшимъ воспрещеніемъ выпускать преосвященнаго Иринея куда-либо изъ келій, а равно и впускать къ нему кого-либо кромѣ духовныхъ лицъ и пользующаго его врача, объявивъ самому Иринею именемъ его величества, что въ этомъ положеніи онъ долженъ оставаться до воспослѣдованія высочайшаго разрѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя преосвященнаго, генералъ-губернаторъ далъ нужныя наставленія окружающимъ его монахамъ и прислужникамъ.

20 сентября прошло благополучно. Различные же толки въ народѣ продолжались еще и на другой день. Между тѣмъ врачъ, навѣщавшій Иринея, нашелъ, что хотя онъ и успокоился и явныхъ признаковъ помѣшательства не выказываетъ, но тѣмъ не менѣе не перестаетъ твердить о подложности послѣдовавшихъ о немъ указовъ.

Обо всемъ этомъ происшествіи генералъ-губернаторомъ 22 того же сентября былъ посланъ съ курьеромъ всеподданнѣйшій докладъ, съ представленіемъ двухъ подлинныхъ актовъ, удостовѣряющихъ происшедшее и составленныхъ съ военной и гражданской стороны и подписанныхъ чиновниками, бывшими лично всему свидѣтелями. Приэтомъ Лавинскій испрашивалъ высочайшее соизволеніе на присылку въ Иркутскъ одного изъ флигель-адъютантовъ его величества или другой уполномоченной особы для выполненія высочайшей воли.

Между тѣмъ заключенный архіерей, хотя немного и успокоился, но не пришелъ еще въ нормальное состояніе. Объ этомъ можно судить по донесенію генералъ-губернатору иркутскаго гражданскаго губернатора, посѣтившаго вмѣстѣ съ комендантомъ генералъ-майоромъ Покровскимъ архіепископа 29 сентября.

По прибытіи ихъ въ келію о ихъ приходѣ доложили преосвященному. Онъ вышелъ въ приличной одеждѣ, сдѣлавъ скромное привѣтствіе, и спросилъ пришедшихъ о здоровьѣ, но когда губернаторъ въ свою очередь справился о его здоровьѣ, то онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ, что онъ здоровъ и что онъ докажетъ это; вскочилъ съ нѣкоторою горячностью съ дивана, пошелъ въ спальню и вынесъ оттуда нѣсколько бумагъ, сѣлъ опять и, отложивъ ихъ къ сторонѣ, началъ разсказывать о Пугачевѣ, о возмущеніяхъ, бывшихъ въ царствованіе императрицы Екатерины и что они всѣ происходили отъ ложныхъ указовъ, почему письменнымъ и не велѣно

вѣрить. Когда губернаторъ возразилъ ему, что это относится къ дѣламъ, которыя во всемъ государствѣ должны быть извѣстны, а что дѣла, къ лицамъ или одной части принадлежащія, исполняются по письменнымъ указамъ, преосвященный „съ горячностью стремился ему разъяснить, что есть письменное или печатное распоряженіе и какъ должно понимать именныя высочайшія повелѣнія“, указывая на печатный докладъ святѣйшаго синода о его назначеніи въ Иркутскую епархію. На возраженіе губернатора, что докладъ печатается для циркулярнаго свѣдѣнія и разсылки въ другія епархіи, преосвященный назвалъ эти объясненія софизмами, потомъ началъ разъяснять предшествовавшія передъ 20-мъ числомъ дѣйствія свои, что онъ приготовлялся къ публичной сценѣ, зная съ мая мѣсяца, что ему предназначается перемѣна, что онъ „чрезъ разныя хитрости вывѣдывалъ расположеніе умовъ“, что вѣрно перемѣна его нрава была замѣчена, что въ немъ азіатская кровь, но что высокопреосвященный патріархъ константинопольскій, при которомъ онъ якобы находился въ услуженіи, замѣчалъ его умъ и говорилъ, что „рѣдко такой хитрости найти можно“; что и здѣсь, получивъ указъ синода на свое имя, онъ семь дней удерживалъ его безъ огласки, что онъ съ того времени старался знакомить солдатъ съ своей особой, выходилъ подъ видомъ прогулки къ стоящимъ у собора и у Московскаго шлагбаума часовымъ и караульнымъ, разговаривалъ съ ними и такъ готовилъ ихъ къ тому, что ежели ему нужна будетъ защита войска, то чтобы они его уже знали, что визитъ его къ г. генералъ-губернатору и изъявленіе готовности къ отъѣзду была хитрость [1]) и указаніе его, что не имѣетъ готоваго экипажа, сдѣлано для того, дабы генералъ-губернаторъ приказалъ починить экипажъ въ ремесленномъ домѣ и чтобы такимъ путемъ всѣ каторжные узнали о готовящемся ему отъѣздѣ.

Продолжался въ такомъ духѣ разговоръ болѣе часу; на успокоеніе коменданта, что теперь никто его къ выѣзду принуждать не будетъ, и что вѣроятно прибудетъ довѣренная особа изъ С.-Петербурга, преосвященный отвѣчалъ, что можно нарядить какого угодно обманщика въ генеральскій мундиръ и обвѣшать его орденами для того только, чтобы выманить его изъ Иркутска и тогда умертвить, почему никакая сила не вывезетъ его отсюда, если ему не будутъ предъявлены печатные указы.

---

[1]) Обстоятельства этого посѣщенія остались намъ неизвѣстны.

Когда присутствовавшіе хотѣли удалиться, преосвященный вдругъ опустился передъ Цейдлеромъ на колѣни и просилъ терпѣливо его выслушать; онъ увѣрялъ губернатора, что онъ, буде Цейдлеръ къ нему расположенъ, спасетъ его и выпутаетъ изъ сего дѣла и что онъ одного губернатора, который съ семействомъ своимъ у ногъ его просили, избавилъ отъ великой бѣды. Потомъ упрекалъ Цейдлера, что онъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Иларіемъ старались скрыть 15 тыс. руб., но что все это будетъ выведено.

Когда же губернаторъ спросилъ, не шутитъ ли архіепископъ, дѣлая ему такія укоризны, то Ириней сталъ извиняться. Продолжая свою рѣчь, онъ заявилъ, что собиралъ всѣхъ священниковъ, убѣждалъ ихъ не вѣрить полученному указу, за разсылку котораго секретарь будетъ наказанъ кнутомъ, а протоіерей разстриженъ, что онъ съ цѣлью пріобрѣсть преданность духовныхъ лицъ дарилъ ихъ серебромъ, рясами и богатыми поясами. Своими разсказами архіепископъ стремился доказать, что онъ не можетъ лишиться своего мѣста, и что всѣ письма, получаемыя имъ отъ знакомыхъ, участливо относящихся къ его положенію, есть слѣдствіе подложныхъ указовъ, разосланныхъ отъ извѣстныхъ ему лицъ изъ Петербурга во всѣ мѣста. Пренія продолжались два часа, увѣренія посѣтителей, что онъ заблуждается, раздражали Иринея, но затѣмъ онъ успокаивался.

Вслѣдствіе этого, генералъ-губернаторъ обратился къ оберъ-прокурору 30-го октября съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Князь Петръ Сергѣевичъ. Сего октября 23-го числа, я имѣлъ честь препроводить къ вашему сіятельству списокъ со всеподданнѣйшаго донесенія моего Государю Императору о необыкновенномъ поступкѣ бывшаго иркутскаго архіепископа Иринея, приказавшаго тащить на гауптвахту посланнаго къ нему отъ меня чиновника, послѣдовавшаго лично за симъ чиновникомъ и дѣлавшаго различныя къ войску и народу возглашенія, которыя могли бы произвести самыя непріятныя послѣдствія. Нынѣ необходимымъ считаю препроводить къ вамъ, милостивый государь, подлинное донесеніе ко мнѣ иркутскаго гражданскаго губернатора отъ 28-го сего сентября № 462, объясняющее подробности свиданія, которое, по предварительному разрѣшенію моему, имѣлъ онъ съ преосвященнымъ Иринеемъ въ присутствіи здѣшняго коменданта, и доказывающее какъ расположенность его къ какимъ-то замысламъ, такъ и необхо-

димость строгихъ наблюденій за нимъ, доколѣ будетъ оставаться въ Иркутскѣ, а равно и особенныхъ со стороны правительства распоряженій, на случай ежели повелѣно будетъ отправить его во внутреннія губерніи. Я убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство обратить ближайшее вниманіе ваше на сіе, столь важное дѣло и оказать содѣйствіе, дабы для выполненія мѣръ, какія по оному назначены будутъ, призвана сюда была уполномоченная высшаго сана особа, съ правомъ рѣшительнаго дѣйствія, ибо настоящее распоряженіе мыслей архіепископа Иринея и слова его, въ донесеніи губернатора изъясненныя, доказываютъ предварительно, что онъ готовъ считать подложнымъ всякое послѣдующее распоряженіе правительства и можетъ посягнуть на какой-нибудь отчаянный поступокъ, коему послѣдователей весьма нетрудно найти въ странѣ, наполненной преступными и на все готовыми людьми. Не излишнимъ также считаю приложить здѣсь въ спискахъ: а) донесеніе ко мнѣ чиновника по особымъ порученіямъ Голубова и б) показанія взятыя, иркутскимъ комендантомъ отъ нижнихъ чиновъ 14-го линейнаго баталіона. Бумаги сіи служатъ въ поясненіе того, какимъ образомъ означенный Голубовъ по приказанію архіепископа Иринея взятъ былъ подъ стражу и веденъ на гауптвахту, и какъ въ самый день происшествія, по внушенію нѣкоторыхъ клевретовъ архіепископа, разнеслась въ народѣ ложная молва, будто бы самъ онъ, а не чиновникъ Голубовъ, былъ взятъ на гауптвахту, и, при всей нелѣпости и невѣроятности сей молвы, нашлись люди, столь легковѣрные, что приняли оную за истину, а между тѣмъ, какъ извѣстился я, одинъ изъ членовъ иркутской духовной консисторіи протоіерей Канаровскій, повидимому весьма преданный Иринею, воспользовавшись симъ, донесъ объ означенномъ происшествіи святѣйшему синоду, посредствомъ консисторіи, въ превратномъ видѣ; то упомянутыя приложенныя при семъ бумаги могутъ также служить и доказательствомъ несправедливости таковаго донесенія Канаровскаго".

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ, письмомъ посланнымъ навстрѣчу преосвященному Мелетію, назначенному въ Иркутскъ и ѣхавшему изъ Перми, просилъ послѣдняго, въ виду продолжающихся въ народѣ толковъ, сколько возможно поспѣшить въ Иркутскъ.

На это письмо архіепископъ Мелетій отвѣчалъ слѣдующее:

„Александръ Степановичъ. Отношеніе вашего высо-

копревосходительства отъ 30-го сентября я имѣлъ честь получить въ ночь съ 7-го на 8-е число онаго сего октября въ Томской губерніи на станціи Овчинниковой. Обстоятельства, изъясненныя въ ономъ, весьма озабочиваютъ меня; я желалъ бы какъ наискорѣе пріѣхать въ Иркутскъ: но путешествіе мое замедляется крайне испортившейся дорогой. Прежде препятствовала скоро ѣхать большая грязь; потомъ еще больше затрудняетъ замерзлая груда, такъ что въ нѣкоторые дни, ѣдучи съ утра до ночи, я не могъ переѣхать болѣе двухъ станцій— почти нѣтъ возможности ѣхать. Экипажъ мой совершенно разбился и ежедневно требовалъ починки, а, по неимѣнію мастеровъ, я нерѣдко терпѣлъ остановку. Въ ночь съ 11-го на 12-е число прибылъ я въ Томскъ; здѣсь починивается экипажъ мой: завтрешній день надѣюсь выѣхать изъ Томска и, сколько будетъ отъ меня зависѣть, всѣми силами буду стараться ускорить моимъ прибытіемъ въ Иркутскъ".

Между тѣмъ преосвященный Ириней находился подъ арестомъ и строгимъ контролемъ, который касался и его переписки.

Наконецъ, 20-го ноября вечеромъ прибылъ въ Иркутскъ флигель-адъютантъ гвардіи поручикъ Гогель I и привезъ генералъ-губернатору Лавинскому слѣдующій высочайшій рескриптъ:

„Господинъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, тайный совѣтникъ Лавинскій. Изъ донесенія вашего отъ 22-го минувшаго сентября я съ удивленіемъ усмотрѣлъ, что бывшій иркутскій архіепископъ Ириней, предназначенный по утвержденному мною докладу къ помѣщенію на жительство Вологодской губерніи въ Спасоприлуцкій монастырь, при самомъ отправленіи его въ оный, дерзнулъ воспротивиться исполненію сего предназначенія, нанесъ оскорбленія чиновнику, для сопровожденія его командированному, и, забывъ всякое уваженіе къ распоряженіямъ начальства и къ собственному своему сану, старался неосновательными жалобами и внушеніями возбудить безпокойство въ самихъ жителяхъ и въ войскахъ, въ Иркутскѣ находящихся. Поступокъ сей, противный обязанностямъ всякаго вѣрноподданнаго, еще менѣе можетъ быть терпимъ въ лицѣ пастыря церкви, долженствующаго всегда и во всѣхъ случаяхъ подавать собою примѣръ христіанскаго смиренія и безусловной покорности законнымъ властямъ. Хотя я и отношу таковыя дѣйствія архіепископа Иринея къ помѣшательству ума, въ коемъ онъ уже замѣченъ, но тѣмъ

не менѣе, признавая необходимымъ отправленіе его изъ Иркутска и сопровожденіе до мѣста назначенія произвесть подъ строгимъ надзоромъ, какого поступокъ его заслуживаетъ, повелѣваю вамъ, по прибытіи въ Иркутскъ съ симъ рескриптомъ флигель-адъютанта моего, гвардіи поручика Гогеля I, предъявить архіепископу Иринею волю мою, въ рескриптѣ семъ изложенную, и непосредственно за симъ въ присутствіи вашемъ и поручика Гогеля I сдать его въ вѣдомство корпуса жандармовъ подполковника Брянчанинова, назначеннаго мною для сопровожденія его отъ Иркутска до Спасо-прилуцкаго монастыря".

Одновременно, генералъ-губернаторомъ было получено отношеніе отъ начальника главнаго штаба Его Величества, генералъ-адъютанта Адлерберга, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ, что Государь, получивъ докладъ о поступкѣ Иринея и „принявъ съ крайнимъ негодованіемъ сей поступокъ"—„изволитъ полагать, что причиной онаго можетъ быть дѣйствительно помѣшательство ума, въ коемъ архіепископъ сей замѣченъ; а можетъ быть и другія обстоятельства, болѣе для него предосудительныя". Поэтому для исполненія рѣшенія объ Иринеѣ по высочайшему повелѣнію были отправлены въ Иркутскъ флигель-адъютантъ, гвардіи поручикъ Гогель I, корпуса жандармовъ подполковникъ Брянчаниновъ и фельдъегерскаго корпуса прапорщикъ Иностранцевъ. Первому изъ нихъ предписано вручить генералъ-губернатору особый вышеприведенный рескриптъ и содѣйствовать въ отправленіи архіепископа; послѣднимъ двумъ вмѣнено въ обязанность сопровождать его подъ строгимъ надзоромъ до мѣста назначенія. При этомъ Гогель могъ уѣхать изъ Иркутска не прежде, „какъ по совершенномъ удостовѣреніи, что спокойствіе между жителями не будетъ нарушено".

25-го ноября генералъ-губернаторъ посылаетъ слѣдующій всеподданнѣйшій рапортъ о своемъ свиданіи съ Иринеемъ и о сообщенномъ распоряженіи относительно его отъѣзда:

„Исполняя высочайшую волю вашего императорскаго величества, я на другой день, т. е. 21-го ноября, по утру, въ присутствіи флигель-адъютанта Гогеля I, прибывшаго вмѣстѣ съ нимъ подполковника Брянчанинова, а также иркутскихъ: гражданскаго губернатора, коменданта, сопровождавшихъ насъ въ кельи Иринея, предъявилъ ему содержаніе высочайшаго рескрипта и непосредственно за симъ сдалъ его въ вѣдомство под-

полковника Брянчанинова. Не могу умолчать предъ вами, всемилостивѣйшій государь, что архіепископъ Ириней хотя и явилъ себя при семъ случаѣ совершенно покорнымъ высочайшему вашего императорскаго величества предназначенію, но не удержался однако же отъ обнаруженія прежняго своего сомнѣнія о дѣйствительности послѣдовавшихъ объ немъ указовъ и какъ бы подозрѣвалъ долженствующихъ сопровождать его въ предлежащемъ пути, изъявивъ безпокойство на счетъ сохраненія жизни его; почему я въ необходимости былъ сказать ему рѣшительно, чтобы прекратилъ подобныя разсужденія, и когда слова мои подкрѣплены были флигель-адъютантомъ Гогелемъ и подполковникомъ Брянчаниновымъ, тогда уже онъ умолкъ и дальнѣйшимъ распоряженіямъ не прекословилъ. Послѣ сего истребованы отъ архіепископа Иринея оставшіеся въ рукахъ его отчеты въ денежныхъ суммахъ, принадлежащихъ духовному вѣдомству, сдѣланы необходимыя приготовленія къ его отправленію и со стороны моей посланы по тракту до Вологды ко всѣмъ гражданскимъ начальствамъ требованія объ оказываніи подполковнику Брянчанинову въ безостановочномъ проѣздѣ его всевозможнаго содѣйствія и вспомоществованія; а затѣмъ и самый отъѣздъ его съ архіепископомъ Иринеемъ послѣдуетъ 26-го сего ноября, съ надлежащими предосторожностями, дабы въ минуту отбытія изъ Иркутска не послѣдовало собственно здѣсь какого-либо непріятнаго случая".

28-го ноября Лавинскій доносилъ объ отправленіи Иринея, которое совершилось 26-го числа въ 1-мъ часу пополуночи:

„При семъ случаѣ со стороны его, архіепископа, никакихъ новыхъ сопротивленій не произошло, а равно и спокойствіе здѣшнихъ жителей, мѣрами принятыми мною по общему соглашенію съ флигель-адъютантомъ Гогелемъ, вполнѣ сохранено. Между тѣмъ опредѣленный на мѣсто Иринея архіепископъ Мелетій прибылъ въ Иркутскъ 8-го ноября и въ управленіе епархіей вступилъ".

Одновременно со всеподданнѣйшимъ рапортомъ Лавинскій сообщилъ объ этомъ и Э. Ѳ. Адлербергу.

Изъ „Журнала слѣдованія отъ Иркутска до Кимильтейской станціи", мы видимъ, что 25 ноября путешественники—подполковникъ Брянчаниновъ, прапорщикъ Иностранцевъ съ „будущими"—какъ они называются въ оффиціальныхъ донесеніяхъ—прибыли въ Биликтуйское селеніе, 26-го въ Мальтинское, причемъ на

половинной станціи въ 9 ч. утра „выходили въ этапное помѣщеніе и пили чай“, а въ Кутуликскую слободу пріѣхали въ 2 часа пополудни и „заѣдали“ въ домѣ этапнаго офицера и т. д.

Несмотря на дальность разстоянія и суровое время года, неблагопріятствовавшее путешествію, архіепископъ былъ доставленъ въ Вологду въ предназначенное ему мѣстожительство—Спасоприлуцкій монастырь, уже 18-го декабря.

Въ то время, какъ преосвященный Ириней водворялся на своемъ новомъ мѣстожительствѣ, Лавинскимъ было получено отношеніе управляющаго главнымъ штабомъ графа Чернышева слѣдующаго содержанія:

„Послѣ распоряженій, сдѣланныхъ вслѣдствіе всеподданнѣйшаго донесенія вашего превосходительства о поступкѣ бывшаго иркутскаго архіепископа Иринея, государь императоръ, признавая полезнымъ, для отвращенія всякихъ превратныхъ толковъ между жителями Иркутской епархіи, отправить въ оную до 500 печатныхъ экземпляровъ, указа объ архіепископѣ семъ состоявшагося, изволилъ повелѣть истребовать таковое число экземпляровъ отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, отправить оные къ вашему превосходительству съ нарочнымъ, отъ васъ присланнымъ.

„Вслѣдствіе сего г. оберъ-прокуроръ увѣдомилъ, что объ удаленіи архіепископа Иринея и назначеніи на его мѣсто архіепископа Мелетія состоялись разные указы святѣйшаго синода: одинъ особенный на имя Иркутской консисторіи объ удаленіи архіепископа Иринея, о сдачѣ имъ всей собственности архіепископскаго дома, о слѣдованіи его въ сопровожденіи особаго чиновника въ Вологодскій Спасоприлуцкій монастырь и о прочихъ подробностяхъ, о которыхъ не нужно было давать знать по другимъ епархіямъ. Указъ сей посланъ былъ письменный со включеніемъ таковаго на имя преосвященнаго Иринея. Другой письменный же указъ послѣдовалъ также на имя Иркутской консисторіи о назначеніи пермскаго епископа Мелетія архіепископомъ иркутскимъ съ предписаніемъ опубликовать о томъ по всей епархіи, что отъ сей консисторіи и исполнено. Наконецъ, третій указъ разосланъ былъ въ печатномъ видѣ ко всѣмъ прочимъ епархіямъ по синодальному вѣдомству начальственнымъ мѣстамъ и лицамъ объ одномъ токмоономъ назначеніи. Г. оберъ-прокуроръ при исполненіи вышеозначенной высочайшей воли, принимая въ разсужденіе, что послѣдній циркулярный указъ можно почесть недостаточнымъ для

полнаго разъясненія сомнѣній на счетъ удаленія архіепископа Иринея, призналъ нужнымъ напечатать въ 500-хъ экземплярахъ какъ сей самый указъ, такъ и копіи съ тѣхъ, которые посланы были особенно въ Иркутскую консисторію, и все количество сихъ экземпляровъ доставилъ ко мнѣ.

„По высочайшему повелѣнію препровождая къ вашему превосходительству, всѣ сіи экземпляры, честь имѣю увѣдомить, что его императорскому величеству благоугодно. дабы вы, если со стороны архіепископа Иринея, послѣ извѣстнаго уже поступка, были сдѣланы еще новыя подобныя покушенія и ежели вы имѣете дѣйствительныя причины опасаться неблагопріятнаго впечатлѣнія въ народѣ, сдѣлали немедленно распоряженіе о распространеніи того изъ сихъ трехъ указовъ, который будетъ признанъ болѣе соотвѣтствующимъ вышеизложенной цѣли. Если же по обстоятельствамъ окажется выпускъ сихъ экземпляровъ вовсе излишнимъ, то, не пуская дѣла сего въ дальнѣйшую огласку, уничтожить всѣ сіи экземпляры, но во всякомъ случаѣ увѣдомить меня о распоряженіи вашемъ для доклада его величеству“.

Вотъ указы, о которыхъ идетъ рѣчь.

Первый: „По высочайше конфирмованному его императорскимъ величествомъ сего іюля 18 дня докладу синода о переведеніи на открывшуюся въ Иркутской епархіи архіерейскую вакансію, изъ представленныхъ отъ синода кандидатовъ, Мелетія, епископа пермскаго, съ повышеніемъ въ санъ архіепископа и съ выдачею, сверхъ положенныхъ по узаконенію прогонныхъ денегъ, на путевыя издержки тысячи рублей.

Святѣйшій правительствующій синодъ приказали: о семъ именномъ его императорскаго величества высочайшемъ повелѣніи означенному Мелетію, архіепископу иркутскому, объявить, а консисторіямъ иркутской и пермской съ надлежащимъ, о чемъ слѣдуетъ, предписаніемъ послать указы, каковыми для свѣдѣнія дать знать московской и грузино-имеретинской святѣйшаго синода конторамъ, синодальнымъ членамъ и прочимъ преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, а также ставропигіальнымъ лаврамъ и монастырямъ, оберъ-священнику армій и флотовъ и типографской конторѣ; а правительствующему сенату сообщить вѣдѣніе“.

„*Второй*—Иркутской консисторіи: „По именному его императорскаго величества высочайшему указу, состоявшемуся сего іюля 18-го числа на докладѣ синода

о переведеніи на открывшуюся въ Иркутской епархіи архіерейскую вакансію, изъ представленныхъ отъ синода кандидатовъ, Мелетія, епископа пермскаго, съ повышеніемъ въ санъ архіепископа и съ выдачею, сверхъ положенныхъ по узаконенію прогонныхъ денегъ, на путевыя издержки тысячи рублей,—святѣйшій правительствующій синодъ приказали: о семъ именномъ его императорскаго величества повелѣніи, для надлежащаго по оному исполненія, преосвященному Мелетію объявить отъ святѣйшаго синода указомъ, а иркутской и пермской консисторіямъ дать знать таковыми же, съ предписаніемъ первой, чтобы о назначеніи преосвященнаго Мелетія архіепископомъ иркутскимъ оная консисторія увѣдомила тамошнія гражданскія правительства и предписала всѣмъ той епархіи духовнымъ мѣстамъ о воспоминаніи имени его преосвященнаго во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ при богослуженіи по чиноположенію, и какъ самой консисторіи, такъ и всѣмъ оной епархіи духовнаго и мірскаго званія людямъ, по дѣламъ духовнымъ, быть ему, преосвященному, яко пастырю своему, на основаніи духовнаго регламента и указовъ святѣйшаго синода, послушнымъ и подсуднымъ. Для свѣдѣнія объ ономъ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи къ синодальнымъ членамъ, епархіальнымъ архіереямъ, оберъ-священнику армій и флотовъ и во всѣ мѣста духовнаго вѣдомства послать указы, а правительствующему сенату сообщить вѣдѣніями".

„*Третій указъ* [1]). „Святѣйшій правительствующій синодъ слушали высочайше конфирмованный его императорскимъ величествомъ докладъ онаго, которымъ всеподданнѣйше представляемо было: „Синоду оберъ-прокуроръ онаго князь Мещерскій объявилъ высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе, чтобы иркутскій архіепископъ Ириней, по предосудительнымъ дѣйствіямъ коего полагать должно, что онъ подвергся разстройству умственныхъ способностей, удаленъ былъ отъ управленія епархіей и заключенъ въ монастырь по назначенію синода съ опредѣленіемъ на содержаніе ему суммы, а на мѣсто его чтобы представлены были кандидаты. Во исполненіе сего высочайшаго вашего величества повелѣнія синодъ полагалъ: 1) означеннаго архіепископа Иринея, по таковомъ удаленіи отъ управленія епархіей, не допускать болѣе до священнослуженія; 2) пребываніе ему имѣть Вологодской епархіи во второ-

---

[1]) Содержаніе его было приведено уже нами выше. *Прим. автора.*

классномъ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, гдѣ, сверхъ бдительнаго надъ нимъ надзора настоятеля сего монастыря, имѣть таковой же и вологодскому епархіальному архіерею; а касательно образа жизни и поступковъ доносить синоду по третямъ года; 3) по надлежащемъ объявленіи о семъ ему, архіепископу, и по принятіи отъ него всего принадлежащаго иркутскому архіерейскому дому, казеннаго имущества и денежной суммы кому отъ синода сіе поручено будетъ, слѣдовать ему въ назначаемое мѣстопребываніе, въ сопровожденіи надежнаго чиновника, коего истребовать отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири; 4) на проѣздъ и препровожденіе его, архіепископа Иринея, отъ Иркутска въ Вологду, сколько по чину его слѣдовать будетъ, на счетъ экстраординарной суммы, ассигнуемой ежегодно по духовному вѣдомству; 5) на содержаніе его, архіепископа, въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, производить ежегодно по 1.200 руб. изъ государственнаго казначейства, на которомъ докладѣ собственной его императорскаго величества рукой написано тако: Быть по сему. Николай. Царское село, 18-го іюля 1831 года". Приказали: о семъ именномъ его императорскаго величества повелѣніи, для надлежащаго по оному исполненія, преосвященному архіепископу объявить, а Иркутской консисторіи дать знать указами съ предписаніемъ: 1) чтобы преосвященный Ириней, по силѣ указовъ святѣйшаго синода 1788 іюля 17 и 1826 годовъ марта 31-го чиселъ, во всѣхъ отпускаемыхъ по штату на Иркутскій архіерейскій домъ суммахъ и неокладныхъ доходахъ, учинилъ по приходо-расходнымъ книгамъ, по день состоянія высочайшаго повелѣнія, т. е. по 18-е сего іюля, надлежащій съ оною консисторіею разсчетъ, и, по оному получа себѣ принадлежащее, прочія деньги, а также все казенное имущество оставилъ съ приходо-расходными книгами и съ разсчетомъ, за своимъ подписаніемъ, въ смотрѣніе оной консисторіи, на точномъ основаніи узаконеній и предписаній, на сей предметъ существующихъ; 2) оная консисторія, принявъ отъ него, преосвященнаго, слѣдующія по разсчету деньги, должна производить расходъ изъ провизской суммы на дозволенные токмо предметы, не болѣе того, по скольку на что при немъ, преосвященномъ, выключая его персоны, употребляемо было; а тѣ, кои бы могли быть употреблены при архіерeѣ на его персону, такъ какъ и всѣ прочія денежныя суммы, сохранять въ цѣлости до прибытія вновь опредѣленнаго архіерея, о чемъ тогда и представить ему на разсмотрѣніе. Казеннымъ же архіерейскаго

дома и ризничамъ вещамъ, въ чемъ бы оныя ни состояли, сдѣлать оной консисторіи вѣрныя съ описными и другими, по бывшимъ послѣ описи перемѣнамъ, книгами справку и освидѣтельствованіе, на основаніи упомянутыхъ же указовъ, и если бы чего не явилось, оное взыскать съ тѣхъ, что у кого въ смотрѣніи, или храненіи состояло, а буде что оказалось забранное имъ, преосвященнымъ, то требовать отъ него возвращенія пристойнымъ образомъ, причемъ онъ, преосвященный, имѣетъ дать консисторіи сдаточную, а отъ нея получить пріемную росписку; 3) представить господину тайному совѣтнику, синодальному оберъ-прокурору и кавалеру, князю Петру Сергѣевичу Мещерскому возымѣть сношеніе: 1) съ господиномъ министромъ финансовъ объ ассигнованіи, въ слѣдствіи того Высочайшаго повелѣнія, къ отпуску упоминаемому архіерею Иринею прогонныхъ денегъ, по силѣ указа 1802 года августа 13-го дня, на 12 лошадей отъ Иркутска до Вологды, да имѣющему сопровождать его, архіепископа, чиновнику на обратный путь отъ Вологды до Иркутска, и 2) съ господиномъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, дабы для сопровожденія преосвященнаго архіепископа Иринея до Вологды командированъ надлежащій чиновникъ съ снабженіемъ его надлежащей инструкціей, какимъ образомъ имѣть за нимъ, преосвященнымъ, во время пути приличное наблюденіе, и какія употреблять, въ случаѣ, если бы оказалось въ положеніи его, преосвященнаго, опасное разстройство, предосторожности, и чтобы сверхъ того оказано было со стороны его, г. генералъ-губернатора, и всякое содѣйствіе, въ чемъ оное потребно будетъ при отправленіи его, преосвященнаго“.

Получивъ вышеупомянутые три указа, Лавинскій пишетъ графу Чернышеву 18-го декабря 1831 года, что, по отправленіи Иринея, „въ народѣ никакого смятенія не произошло, да и предполагать онаго теперь уже нельзя: ибо въ продолженіе времени, со дня учиненнаго поступка по день выѣзда преосвященнаго Иринея, всѣ здѣшніе жители удостовѣрились совершенно въ предосудительности дѣйствій его, а наконецъ и вступленіе преосвященнаго Мелетія въ управленіе епархіею окончательно всѣхъ успокоило; то послѣ сего, не имѣя болѣе причинъ опасаться какихъ-либо послѣдствій и не находя нужнымъ изъ уваженія и почтительности къ архіепископскому сану выпускать въ народѣ доставленныхъ ко мнѣ печатныхъ указовъ, я рѣшился уничтожить оные и нынѣ же то исполнилъ“.

Здѣсь можно упомянуть, что одинъ изъ участвовавшихъ въ „усмиреніи бунта“ архіепископа въ числѣ приставленнаго караула маіоръ Шушковскій былъ представленъ генералъ-губернаторомъ къ наградѣ за то, что, „дѣйствуя со всевозможнымъ усердіемъ и дѣятельностью, неусыпнымъ надзоромъ моимъ сохранилъ совершенную исправность и не допустилъ ни малѣйшей оплошности“. Шушковскому было объявлено благоволеніе въ высочайшемъ приказѣ и выдано единовременно годовое не въ зачетъ жалованье.

Въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ 1832 года послѣдовалъ изъ главнаго штаба запросъ относительно флигель-адъютанта Гогеля І-го. Графъ Чернышевъ пишетъ Лавинскому: „Государь императоръ, не имѣя никакого свѣдѣнія о флигель-адъютантѣ, гвардіи поручикѣ Гогелѣ І-мъ, послѣ всеподданнѣйшаго рапорта его отъ 28-го ноября прошлаго года, коимъ между прочимъ доносилъ, что по цѣли даннаго ему порученія онъ остается еще въ Иркутскѣ, пока то вашимъ превосходительствомъ признано будетъ нужнымъ, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ освѣдомиться у васъ, милостивый государь: не выѣхалъ ли уже офицеръ сей изъ Иркутска и, буде выѣхалъ, то когда именно; въ противномъ же случаѣ, по какому уваженію пріостановленъ отъѣздъ его, ибо изъ донесеній вашего превосходительства о сохраняемомъ порядкѣ и спокойствіи во ввѣренныхъ вамъ губерніяхъ, его величество заключать изволилъ, что въ продолжительномъ пребываніи г. Гогеля въ Иркутскѣ, послѣ выѣзда оттуда бывшаго архіепископа Иринея, не могло быть надобности“.

На это Лавинскій отвѣчалъ: „на отношеніе вашего сіятельства имѣю честь отвѣтствовать, что флигель-адъютантъ его императорскаго величества, гвардіи поручикъ Гогель отбылъ изъ Иркутска еще въ декабрѣ прошлаго 1831 года, пробывъ здѣсь съ небольшимъ одинъ мѣсяцъ и употребивъ время сіе на порученное ему обозрѣніе воинской части“.

Такимъ образомъ закончилось въ Иркутскѣ событіе „пресловутаго бунта архіепископа Иринея“.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ преосвященнаго.

Одновременно съ сообщеніемъ въ Иркутскъ вышеприведенныхъ распоряженій святѣйшаго синода имъ данъ былъ вологодскому епископу Стефану особый указъ, предписывавшій между прочимъ: „когда прибудетъ въ Вологду удаленный отъ управленія Иркутскою епархіею

архіепископъ Ириней, то бы для жительства ему въ Прилуцкомъ монастырѣ отведены были пристойныя комнаты". Комнаты эти оказались, впрочемъ, вовсе „непристойныя": то были сырыя и мрачныя кельи, и съ тѣхъ поръ помѣщенный въ нихъ преосвященный Ириней началъ страдать ревматизмомъ, не покидавшимъ его до смерти.

Кромѣ указа о порядкѣ помѣщенія преосвященнаго Иринея, данъ былъ синодомъ вологодскому епископу еще указъ [1]), поручавшій, „по прибытіи въ Вологду архіепископа Иринея, составить изъ себя и двухъ старшихъ членовъ консисторіи особое присутствіе и чрезъ одного или двухъ благонадежныхъ медицинскихъ чиновниковъ освидѣтельствовать Иринея въ состояніи его здоровья и о томъ взять отъ нихъ письменное свидѣтельство". Исполнивъ это распоряженіе, епископъ Стефанъ донесъ 30 декабря 1831 года синоду: „Въ состояніи здоровья архіепископъ Ириней двумя медицинскими чиновниками освидѣтельствованъ и всѣми членами, составляющими присутствіе; касательно умственныхъ его способностей было разсуждаемо и сдѣлано по общему всѣхъ мнѣнію заключеніе таковое, что въ немъ, архіепископѣ Иринеѣ, который многократно бесѣдовалъ со всѣми составлявшими то присутствіе лицами, ни по разговорамъ, ни по тѣлодвиженіямъ, ни по другимъ дѣйствіямъ, никакого разстройства умственныхъ способностей не замѣчается, равнымъ образомъ и признаковъ бывшаго разстройства сего рода при настоящемъ наблюденіи не усмотрѣно" [2]).

Несмотря, однако, на это, участь преосвященнаго Иринея облегчена не была. Окружавшими его онъ не могъ быть доволенъ: о настоятелѣ монастыря преосвященный Ириней впослѣдствіи отзывался, что онъ „не всегда былъ къ нему благорасположенъ, а монастырская братія не оказывала ему достаточное уваженіе". Но, покорно перенося непроизвольное свое затворничество, онъ часто повторялъ слова Епиктета: „я тамъ, гдѣ меня поставило провидѣніе". Впрочемъ, по временамъ, вырывались у него слова и въ родѣ слѣдующихъ: „Зачѣмъ не дьячкомъ я въ какой-нибудь приходской церкви; я былъ бы тогда счастливѣе". При такой обстановкѣ, кромѣ

---

[1]) Отъ 30 сентября 1831 г.
[2]) См. „Рус. Стар." 1882 г., сентябрь, стр. 586, самое же медицинское „свидѣтельство", имѣющее тотъ же смыслъ, напечатано тѣмъ же журналомъ 1888 г., октябрь, стр. 110.

постоянной молитвы и чтенія, онъ находилъ себѣ развлеченіе въ томъ, что занимался, и удачно, леченіемъ.

Въ 1839 г. судьба преосвященнаго Иринея нѣсколько облегчилась: указомъ синода отъ 7 февраля, съ Высочайшаго соизволенія, разрѣшено было ему совершать служеніе, а пенсія тогда же увеличена до 2.400 руб. Такая милость послѣдовала вслѣдъ за тѣмъ, какъ Ириней, признанный синодомъ „подвергшимся разстройству умственныхъ способностей", вразумилъ одного ересеначальника тамбовскихъ молоканъ (поручика Богданова) отказаться отъ своихъ убѣжденій и обратиться къ православной церкви. Въ ноябрѣ 1841 г., по ходатайству преосвященнаго вологодскаго Иннокентія [1]), разрѣшенъ былъ архіепископу Иринею выѣздъ изъ Спасоприлуцкаго монастыря въ Вологду. На 5 верстъ разстоянія прибавилось такимъ образомъ заключенному свободы дѣйствій, и съ тѣхъ поръ нерѣдко началъ онъ ѣздить въ Вологду и совершать тамъ богослуженіе.

Проживши въ Прилуцкомъ монастырѣ 17 лѣтъ, преосвященный Ириней, по высочайшему повелѣнію, переведенъ былъ, наконецъ, 17 апрѣля 1848 г. въ Ярославскій Толгскій монастырь съ правомъ управленія обителью, и вологжане проводили отъ себя 25 мая любимаго и уважаемаго пастыря со слезами. На проводы его написано было даже вологодскимъ гимназистомъ Д. Золотаревымъ стихотвореніе, заканчивающееся словами:

„Прости, душевныхъ ранъ цѣлитель.
Другая ждетъ тебя обитель,
Въ послѣдній разъ благослови,
Въ послѣдній разъ будь намъ учитель—
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви".

Не меньшей любовью и уваженіемъ пользовался преосвященный Ириней, живя въ Толгскомъ монастырѣ, и отъ ярославцевъ, благодаря своей строгой иноческой жизни. Года за два до своей смерти онъ приготовилъ для себя дубовый гробъ и могилу. На стоящемъ надъ нимъ могильномъ памятникѣ подлѣ Спасской церкви Толгскаго монастыря надписано: „высокопреосвященный архіепископъ Ириней. Родился 1783 г. генваря 25; скончался 1864 года мая 18 числа въ четыре часа въ вечеру". При XXVI томѣ „Русской Старины" (1879 г., стр. 359) приложенъ портретъ архіепископа Иринея, рисованный Брожемъ, гравированный Сѣряковымъ. На портретѣ этомъ изображенный обращаетъ на себя вниманіе особенною выразительностію своего красиваго лица и серьез-

[1]) Впослѣдствіи архіепископъ херсонскій.

ностью взгляда, никакъ не обличающаго признаковъ помѣшательства, каковаго, безъ сомнѣнія, въ немъ никогда и не было.

По мнѣнію редакціи „Русской Старины" [1]), мнѣнію едва ли во всемъ вѣрному, Ириней „былъ человѣкомъ себѣ на умѣ; онъ былъ подражателемъ архимандриту Фотію. Явясь послѣднимъ представителемъ духовной оппозиціи мѣстной свѣтской власти, онъ служилъ живымъ доказательствомъ невозможности существованія на Руси клерикаловъ и ультрамонтановъ". Преосвященный Нилъ, бывшій архіепископъ иркутскій (послѣ Иринея, но непосредственно), а потомъ ярославскій, отзывается въ своихъ запискахъ весьма сочувственно объ Иринеѣ, говоря [2]), что, „во дни управленія своего иркутскою паствою, умѣлъ онъ проявить неутомимую ревность и неусыпное попеченіе о благѣ пасомыхъ. Метрики и другіе акты, веденные до него безъ строгаго примѣненія въ формѣ, получили должную правильность... По духовной консисторіи сдѣланы важныя измѣненія, требовавшіяся обстоятельствами, ходомъ и положеніемъ дѣлъ. Такія преобразованія и постоянное настойчивое требованіе соблюденія долга и порядка и оскорбили нѣкоторыхъ и породились смуты. Во всемъ хотѣли видѣть черную сторону. Мнѣ попадались акты, — прибавляетъ онъ, — по коимъ оказывается, что архіепископъ Ириней былъ жертвою козней и мщенія".

Любовь Иринея къ наукамъ, по свидѣтельству знавшихъ его, была спутницею ему въ жизни. Любилъ читать онъ книги духовныя и медицинскія, но не пренебрегалъ и свѣтской литературой. Такъ, въ запискахъ его сохранились замѣтки на „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями" Гоголя. Неизданнымъ осталось сочиненіе его „о происхожденіи и употребленіи двуперстнаго, троеперстнаго и именословнаго крестнаго сложенія". Въ оставшихся послѣ него бумагахъ не мало находится выписокъ изъ св. писанія и разныхъ сочиненій, изъ которыхъ извлекалъ онъ то, что считалъ стоющимъ вниманія. Много также осталось послѣ него черновыхъ писемъ къ разнымъ лицамъ. При жизни А. С. Пушкина, Ириней, будучи еще архимандритомъ, хорошо сошелся съ нимъ въ Кишиневѣ.

Изъ трудовъ преосвященнаго Иринея, напечатанныхъ уже послѣ его смерти [3]), извѣстны двѣ проповѣди: пер-

[1]) 1882 г., сентябрь, стр. 562.
[2]) „Яросдав. Епар. Вѣд.". 1861 г. № 51.
[3]) Въ „Яросл. Епар. Вѣд." 1869 г. № 51.

вая—сказанная еще въ санѣ архимандрита въ церкви 1-го кадетскаго корпуса 7 февраля 1826 г. въ недѣлю мытаря и фарисея, вторая—17 октября 1830 г. при вступленіи на Иркутскую паству. Наконецъ, тамъ же [1]) напечатано письмо его изъ Прилуцкаго монастыря отъ 17 августа 1836 г. къ покойному митрополиту московскому Филарету, по поводу напечатанныхъ послѣднимъ въ мартовской книжкѣ 1836 г. Христіанскаго чтенія „отзывовъ на вопросы глаголемаго старобрядства, по случаю бесѣды о Стоглавомъ Соборѣ“.

Насколько сильно было его живое слово, можно видѣть, напр., изъ слѣдующихъ выраженій изъ письма (стихами) кадета Домонтовича къ его товарищу и другу прапорщику Кононову, отъ 16 января 1825 г. Въ письмѣ этомъ, послѣ похвалъ преподавателю М. Талызину, объ Иринеѣ говорится:

„О, рѣдкій можетъ пріобрѣсть
Отъ юношей такую честь:
Знакъ благодарности священной.
Ты, вѣрно. не забылъ его,
Архимандрита того,
Который голосомъ пророковъ
Тебя и друга твоего
Умѣлъ избавить отъ пороковъ;
Того, котораго уста
Вливали вѣру во Христа.
О, другъ мой, не забудемъ оба
Такихъ наставниковъ до гроба“.

А. Е. Пфаффіусъ.

Капустныя головы.

(Очеркъ).

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ одномъ глухомъ уѣздномъ городкѣ жила мѣщанка Дарья Ивановна, по прозвищу „Курапиха“. Она была вдова и, навѣрное, была бы и одинока, если бы не я... Мой отецъ приходился Курапихѣ сыномъ; умеръ онъ въ одинъ годъ съ моей матерью отъ холеры... выжили только мы съ бабушкой Дарьей, а не случись этого — весь родъ Кураповыхъ прекратился бы...

У бабушки Дарьи былъ крошечный трехъоконный домикъ на краю города. Узенькими оконцами съ голубыми ставнями и выбѣленной стѣной выходилъ онъ на широкую городскую улицу, а противоположной стѣной упирался въ сарай съ соломенной кровлей; за сараемъ начинался большой бабушкинъ огородъ съ одиноко стоявшей въ концѣ его вѣковой коренастой ветлою, за огородомъ тянулся городской выгонъ, гладкій и пустынный, а еще дальше начинался лѣсъ, густой и темный...

Въ крошечное оконце въ боковой стѣнѣ открывался видъ на другую часть выгона. Домикъ бабушки стоялъ на чертѣ города: что было налѣво — то называлось городомъ, что было направо—то носило названіе *за городомъ*... Собственно, та часть города, гдѣ стоялъ домикъ бабушки, называлась „Острожной слободкой“, отчего и насъ, слободскихъ, часто называли „острожными“; бабушка очень не любила этого названія... Отъ угла дома начиналась широкая пыльная дорога, обсаженная березками, а вправо отъ дороги, немного въ сторонѣ, высилась громадная желтая стѣна, замкнутая въ большой

четырехъугольникъ; изъ-за этой стѣны высматривалъ двухъэтажный желтый флигель, съ желѣзной кровлей, на которой бѣлѣли печныя трубы, и съ желѣзными переплетами рѣшетокъ въ окнахъ, которыя казались всегда темными и тусклыми. Въ желтой стѣнѣ были единственныя ворота аркой; громадная ржавая желѣзная дверь замыкала ихъ; пройти во дворъ можно было лишь чрезъ узенькую калиточку въ воротахъ, посмотрѣть во дворъ можно было только чрезъ крошечное оконце въ калиткѣ. Направо и налѣво отъ воротъ, въ стѣнѣ, виднѣлись небольшія четырехъугольныя оконца, глубоко впавшія въ кирпичную громаду своими толстыми рѣшетками. Въ томъ флигелѣ, который виднѣлся изъ-за стѣны, жили арестанты, а оконца въ стѣнѣ, выходившія къ дорогѣ, освѣщали помѣщеніе солдатъ мѣстной *инвалидной* команды.

За чертой города были еще постройки. Противъ острога, по другую сторону дороги, въ зелени тѣнистаго сада утопалъ деревянный двухъэтажный коричневый домъ, гдѣ жили — смотритель тюрьмы и единственный офицеръ въ городѣ, начальникъ мѣстной команды. Этотъ домъ съ крылечками, балкончикомъ и свѣтлыми окнами высматривалъ веселѣе, нежели желтый флигель острога, но зато онъ былъ меньше его, а изгородь, окружавшая домъ начальниковъ, была деревянная и безъ желѣзной двери. Намъ, уличнымъ мальчишкамъ, желѣзныя двери острога и его облѣзлыя высокія стѣны внушали больше уваженія, нежели домикъ въ зелени деревъ и за деревянной изгородью; зато одинаково боялись мы и обитателей острога, и „господъ“ изъ коричневаго дома.

Арестанты внушали намъ какой-то странный и неопредѣленный страхъ. Знали мы, что они за толстой стѣной, окруженной часовыми съ ружьями, и за крѣпкими рѣшетками, а когда появляются на улицѣ — ихъ окружаютъ солдаты съ ружьями, но эти обстоятельства не умаляли страха. Всѣ они ходили въ сѣрыхъ коротенькихъ курткахъ, въ бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ и въ сѣрыхъ фуражкахъ безъ козырьковъ—и этотъ внѣшній видъ отмѣчалъ ихъ отъ остальныхъ людей... Намъ казалось, что подъ сѣрой курткой бьется какое-то *особенное* сердце, а подъ фуражкой безъ козырька—таится какая-то *особенная* страшная мысль... И лица арестантовъ внушали намъ страхъ, и выраженіе ихъ глазъ пугало насъ... Солдатъ мы не боялись, такъ какъ понимали, что существуютъ они для охраны всѣхъ насъ, свободныхъ людей. отъ страшныхъ и не свободныхъ

арестантовъ; мы даже смѣялись надъ ними и называли ихъ „капустными головами“. Ходили солдаты по волѣ, пѣли пѣсни, играли въ городки...

Но мы,—какъ солдаты и арестанты,—страшно боялись „господъ“ изъ коричневаго дома. Смотритель тюрьмы былъ высокій, стройный и плечистый старикъ, съ бритымъ лицомъ, съ горбатымъ носомъ, съ большими темными глазами и съ густымъ голосомъ. Всѣ въ городѣ звали его „Чэркесомъ“, потомучто къ намъ прислали его съ Кавказа. Пріѣхавъ къ намъ въ городъ, онъ поступилъ сначала лакеемъ къ какому то начальнику, выучился грамотѣ, а потомъ начальникъ сдѣлалъ его своимъ письмоводителемъ... Говорятъ, смотрителемъ тюрьмы сдѣлали его потому только, что ужъ очень онъ былъ строгъ и умѣлъ не только дѣломъ, но и однимъ словомъ усмирять *особенныя* сердца своихъ подчиненныхъ. Иногда Черкесъ одѣвалъ на голову большую мохнатую шапку, а стройный станъ свой затягивалъ въ черкеску съ серебряными патронами на груди и съ кинжаломъ за поясомъ. Въ этомъ одѣяніи его побаивались не только мы, дѣти, страхъ внушалъ онъ и взрослымъ горожанамъ. Бывало, бабушка моя увидитъ Черкеса въ мохнатой шапкѣ, перекрестится и тихо прошепчетъ: „Господи Іисусе Христе... нехристь-то!.. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его... шапку-то какую надѣлъ!.. Страсти!...“

Начальника солдатъ всѣ въ городѣ звали „Коршуномъ“, вѣроятно, потому, что фамилія его была Коршуновъ, кромѣ того онъ имѣлъ носъ не короче, чѣмъ у Черкеса, да еще и загнутый къ подбородку сильнѣе, нежели у нехристя. Шинель съ эполетами носилъ онъ зиму и лѣто наброшенною на плечи, отчего походилъ на птицу, собравшуюся летѣть... Лицо у Коршуна было худое, съ сѣдыми бакенбардами и съ сѣдыми же густыми бровями, нависшими надъ темными глазами съ острымъ и сердитымъ выраженіемъ.

Оба, Черкесъ и Коршунъ, не любили мальчишекъ. Коршунъ бранилъ насъ и отгонялъ прочь во время ученій на плацу и во время парада у церкви; Черкесъ отгонялъ насъ отъ партіи арестантовъ, когда они выстроются у воротъ острога. Оба они бранили насъ и за то, будто бы мы воровали въ ихъ саду яблоки и груши, но это была неправда — боясь „господъ“, мы боялись и подходить къ ихъ саду... Черкесъ не любилъ арестантовъ, наказывалъ ихъ, сажалъ въ карцеръ, уменьшалъ порціи... Коршунъ продѣлывалъ то же съ сол-

датами. Солдаты же и арестанты одинаково боялись и Черкеса и Коршуна... Оба начальника никого въ городѣ не боялись и, кромѣ исправника, ни съ кѣмъ не знались... Только батюшка Филаретъ не боялся начальниковъ и иногда заходилъ къ нимъ.

Впрочемъ, какъ-то разъ и на нихъ нагнали страху!.. Изъ губернскаго города пріѣхалъ къ намъ въ захолустье какой-то „на́большій" начальникъ. Передъ его пріѣздомъ въ острогѣ и у солдатъ все вычистили и вымыли, арестантовъ одѣли въ новыя куртки, солдатъ нарядили въ свѣжіе мундиры, но пріѣхавшій начальникъ всетаки накричалъ и на Черкеса и на Коршуна... Говорили даже, что Черкесу уменьшилъ какую то порцію, а потомъ стали говорить, что это неправда, и что смотрителю тюрьмы даже дали какую-то медаль... Потомъ на груди его дѣйствительно всѣ видѣли медаль на розовой ленточкѣ...

Ничего не измѣнилось въ жизни солдатъ и арестантовъ послѣ пріѣзда „на́большаго" начальника—произошла лишь небольшая перемѣна въ мѣстности, окружавшей острогъ. Раньше между домомъ бабушки и стѣной острога была ровная пустынная площадка, гдѣ мы, ребята, бывало, частенько играли въ солдаты и въ арестанты, подражая своими дѣйствіями поведенію своихъ взрослыхъ сосѣдей!.. Недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда начальника изъ губерніи, каждый день на эту площадку начали выгонять и солдатъ и арестантовъ. Обѣ эти сѣрыя группы людей принялись рыть глубокій ровъ; рыли мѣсяцъ, два, а потомъ вся наша любимая площадка очутилась въ четыреугольникѣ, заключенномъ въ черту глубокаго рва, съ насыпью по одну сторону. На другой годъ, весною, тѣ же солдаты и арестанты вспахали землю за рвомъ и на длинныхъ грядкахъ посадили капусту. Такъ какъ ровъ копали обитатели острога, пахали землю и садили капусту они же, а потомъ имъ же полагалось и съѣсть эту капусту, — то мы и прозвали всѣхъ ихъ *капустными головами*. Названіе это находили мы приличнымъ для обѣихъ группъ людей и потому еще, что какъ солдаты, такъ и арестанты были коротко острижены, отчего, казалось намъ, ихъ головы походили на капустные кочни. Когда обитатели острога узнали о томъ, какъ мы называли ихъ—то нѣкоторые изъ нихъ разсердились на насъ, другіе же только посмѣялись. Были, однако, и такіе—особенно солдаты,—которые преслѣдовали насъ за это прозвище, ловили теребили за уши и даже били... Помню,

одинъ арестантъ запустилъ въ моего товарища картошкой, когда онъ назвалъ обитателя острога капустной головой!..

— Вотъ на, говоритъ, тебѣ картофельное яблочко! и попалъ картошкой товарищу въ носъ.

Мнѣ также досталось отъ одного солдата и за то же самое... Онъ шелъ мимо окна нашего дома, а я сидѣлъ на лавкѣ за окномъ. Увидя солдата съ арбузомъ въ рукахъ, я высунулъ голову въ окно и громко крикнулъ: „Капустная голова несетъ арбузную!“.. Обиженный ударилъ меня арбузомъ по головѣ, и онъ далъ трещину. Сидѣвшій въ это время у насъ знакомый солдатъ Степанъ Глушковъ выбѣжалъ за ворота, догналъ солдата съ арбузомъ, и между ними завязалась перебранка, закончившаяся дракой. Надтреснувшій арбузъ упалъ на землю и совсѣмъ разбился... Степанъ Глушковъ взялъ большой кусокъ арбуза и, какъ трофей побѣды, принесъ къ намъ, угощая даровымъ гостинцемъ меня и бабушку.

Степанъ Глушковъ хорошій былъ солдатъ; я очень любилъ его, и онъ питалъ ко мнѣ самыя нѣжныя чувства; къ бабушкѣ онъ заходилъ частенько, потому что и бабушка его любила. Она была старая-престарая, безсильная и больная... Глушковъ кололъ ей дрова, носилъ воду, весной помогалъ работать въ огородѣ и, вообще, дѣлалъ многое, что было не подъ силу бабушкѣ, за что бабушка и пріютила его у себя, какъ сына родного. А Глушковъ нуждался въ материнской ласкѣ, потому что на службу пригнанъ онъ былъ въ нашъ городъ верстъ за триста, служилъ пятый годъ и съ начала службы не бывалъ на udинѣ и никого изъ родныхъ не видѣлъ. Онъ былъ безграмотный, да и родные-то его не умѣли писать, такъ что за всю службу онъ только раза два получилъ вѣсточку съ родины, да и то на словахъ, когда въ нашъ городъ пригоняли рекрутовъ изъ ихъ деревни.

Глушковъ не зналъ, сколько еще оставалось ему служить, но все считалъ, что немного, потому - то, говорилъ онъ, всю военную науку прошелъ и даже за дядьку былъ приставленъ къ рекрутамъ...

Глушковъ сталъ вхожъ въ домъ бабушки послѣ слѣдующаго случая. Какъ-то осенью, по нашей слободкѣ прошелъ слухъ, что въ среду, въ часъ дня, на плацу, у „кобылы“ будутъ наказывать двухъ солдатъ. Солдаты эти, сторожа казенную капусту, украли пять самыхъ лучшихъ вилковъ и продали ихъ торговкѣ Лукерьѣ. Торговка-же эта незадолго передъ тѣмъ повздорила съ солдатомъ Трофимовымъ (онъ жилъ съ нею). Трофимовъ

поругался съ Лукерьей на улицѣ при народѣ, толкнулъ ее въ грудь и сорвалъ съ головы платокъ. Пошла было баба жаловаться на солдата, но начальникъ Коршуновъ ее же обругалъ и вытолкалъ вонъ.

— Такъ, говоритъ, вамъ, лохудрамъ, и надо, не смущайте солдатъ, не отвлекайте ихъ отъ службы.

Взяло тутъ бабу горе и, чтобы сорвать обиду съ виновника своего позора, Лукерья отправилась къ Коршунову и разсказала, что купила у Трофимова краденую капусту.

— Какъ, солдатъ укралъ!.. вспылилъ начальникъ, вызвалъ Трофимова, при всѣхъ побилъ его и отправилъ подъ арестъ.

Тутъ началось дѣло, слѣдствіе да допросы. Изъ слѣдствія-то и выяснилось, что Трофимовъ и въ помыслахъ не виноватъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ въ тотъ день, когда Лукерья купила капусту, онъ и еще другіе солдатики ѣздили на луга за казеннымъ сѣномъ. Битаго Трофимова выпустили, а вмѣсто него посадили двоихъ истинныхъ виновниковъ. Начальникъ разобралъ дѣло виновныхъ въ похищеніи казенной капусты и присудилъ каждому изъ нихъ вложить по двадцать пять ударовъ плетью..

Послѣ этого случая не только мы, но и всѣ горожане стали называть обитателей острога **капустными головами.**

Помню, это было въ сентябрѣ. Холодный и пасмурный день съ утра навѣвалъ на душу грусть и тоску; сѣрое небо, дождливое и хмурое, словно плакало; потемнѣвшіе отъ дождя домики еще больше нахмурились и, казалось, испугавшись чего-то, глубже улѣзли подъ свои промокшія соломенныя и тесовыя крыши. Наказанія солдатъ у „кобылы“ происходили нерѣдко, и горожане, собственно, привыкли къ этому зрѣлищу; тѣмъ не менѣе, въ тотъ день, когда было предположено наказывать похитителей капусты, съ утра мимо оконъ нашего дома потянулись вереницы людей... Были все пѣшіе, ибо городъ нашъ невеликъ, и отъ самаго дальняго конца до мѣста наказанія нельзя было отсчитать и двухъ верстъ. Шли мѣщанки, торговки, ремесленники, шли купцы и купчихи, проѣхалъ въ экипажѣ исправникъ и еще какой-то господинъ въ шляпѣ. Опрометью бѣжали ребята, крича, размахивая руками и перегоняя другъ друга... Всѣхъ горожанъ всполошилъ распространившійся слухъ. Отъ одного солдатика я узналъ, что сѣчь солдатъ будутъ въ обѣдъ, почему и

не торопился идти къ „кобылѣ“ и, усѣвшись у окна, наблюдалъ за движенiемъ на улицѣ. Наконецъ, и я вышелъ изъ дома и въ толпѣ запоздавшихъ и спѣшившихъ любопытныхъ побрелъ по тропинкѣ, протоптанной солдатами вдоль широкой и грязной дороги.

За острогомъ влѣво, шагахъ въ пятидесяти отъ дороги, плотнымъ живымъ кольцомъ толпа народа обступала небольшую площадку, окруженную цѣпью солдатъ въ два ряда. Я не видѣлъ, что было на площадкѣ и что дѣлалось внутри кольца изъ солдатъ, потому что никакъ не могъ продраться сквозь толпу. Какой-то бородатый мѣщанинъ ухватилъ меня за рукавъ и, оттащивъ въ сторону, толкнулъ и сердито прибавилъ:

— Убирайся ты... щенокъ... домой!.. Твое ли тутъ дѣло?!..

Стоявшая неподалеку отъ него женщина подбѣжала ко мнѣ и, отшлепавъ меня по спинѣ, пригрозила, что пожалуется бабушкѣ Не одному мнѣ досталось въ это время, почему-то всѣ гоняли насъ отъ любопытнаго мѣста, плотнѣе смыкаясь вокругъ роковой „кобылы“. Я примкнулъ къ группѣ товарищей, и всѣ мы стояли вдалекѣ, проклиная „большихъ“ за ихъ побои и брань.

Въ толпѣ, между тѣмъ, стоялъ легкiй сдержанный говоръ. Убѣдившись, что внутри кольца изъ солдатъ еще ничего особеннаго не происходитъ, многiе обращали свое вниманiе къ острогу, откуда должны были прослѣдовать преступники. Толпа, впрочемъ, немного и негодовала, потому что назначенный для наказанiя часъ миновалъ, а виновниковъ событiя все еще не было на мѣстѣ.

— Долгонько что-то! говорилъ, напримѣръ, Митрiй Егорычъ, нашъ сосѣдъ, подходя къ какому-то старичку, до этого мирно бесѣдовавшему съ калачницей Авдотьей.

— Я вотъ тоже побѣжала... съ дуру-то, а меня тамъ тѣсто ждетъ! вздыхала та, поправляя на головѣ платокъ.

— Да, да... соглашался старичекъ, озираясь: — и мнѣ въ ратушу поспѣшить бы надо...

Изъ воротъ острога вышли солдаты съ ружьями черезъ плечо; впереди всѣхъ шелъ офицеръ Коршуновъ и размахивалъ на ходу рукою.

— Ведутъ!.. ведутъ!.. послышалось было въ толпѣ, но надежды заскучавшихъ любопытныхъ не оправдались: солдаты шли одни. Приблизившись къ толпѣ, офицеръ скомандовалъ и солдаты остановились; медленно переступая вправо, оттѣснили они толпу отъ круга и стали какъ вкопанные. Немного спустя снова послышалось:

„Ведутъ!.. ведутъ!..“ На этотъ разъ толпа не ошиблась: отъ острога тихо подвигалась сѣрая группа людей.

Когда люди подошли ближе, можно было разсмотрѣть троихъ солдатъ съ ружьями чрезъ плечо, а по срединѣ треугольника, образованнаго этими движущимися точками, шли еще двое солдатъ безъ ружей и безъ поясовъ на шинеляхъ. Это и были преступники. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, бѣлолицый и черноглазый, другой—низенькій, съ бѣлокурой бородой и угреватымъ лицомъ. Въ числѣ другихъ я подбѣжалъ къ преступникамъ вплотную и разсматривалъ ихъ опущенныя къ землѣ лица. Мнѣ показалось, что они оба боялись глянуть на насъ, ребятъ малыхъ, почему, опустивъ глаза, смотрѣли себѣ подъ ноги. Только уже подходя къ офицеру, стоявшему около своей команды, они оба подняли головы и, проходя мимо него, не спускали глазъ съ начальника. Коршуновъ смотрѣлъ на нихъ суровымъ взоромъ, что-то разсказывая Черкесу, который незадолго передъ этимъ вышелъ изъ своего домика. Впустивъ преступниковъ въ средину живого кольца изъ солдатъ, толпа сдвинулась, и скоро по полю разнесся гулъ дробныхъ барабанныхъ ударовъ... Толпа всколыхнулась и подалась, еще плотнѣе сомкнувшись... Долго дребезжали барабаны, словно силясь заглушить что-то, а когда смолкъ ихъ тягучій страшный напѣвъ—въ толпѣ, въ кольцѣ солдатъ около „кобылы“ стояла мертвая тишина, будто замерли всѣ на минуту...

Наконецъ, раздался голосъ начальника. Долго и громко говорилъ онъ что-то, потомъ опять забили барабаны, и толпа шарахнулась въ сторону, отступая и давая дорогу начальнику и его командѣ. Когда солдаты, уходя ускореннымъ шагомъ, выдѣлились изъ толпы, я увидѣлъ наказанныхъ. Они шли сзади всѣхъ, окруженные тѣми же конвойными. Высокій черный солдатъ былъ красенъ, какъ печеный ракъ; онъ не смотрѣлъ теперь себѣ подъ ноги: глаза его были устремлены куда-то въ открытое поле, завѣшанное кисеей частаго дождя... Я испугался этихъ злобно-мстительныхъ глазъ!.. Бѣлобрысый солдатикъ съ бородкой казался еще больше побѣлѣвшимъ и, какъ раньше, плелся съ опущенною на грудь головою...

Какое-то странное чувство овладѣло мною. Я бѣжалъ въ толпѣ взрослыхъ, толкался и бранился; мною овладѣла досада—почему я не видѣлъ того, что происходило у „кобылы“!.. Я задыхался отъ этой сдержанной, непонятной досады, и слезы застилали мои глаза... Какой-

то мужикъ толкнулъ меня въ спину и, упавъ на землю, я зарыдалъ... Очнулся я только въ хатѣ моей бабушки... Она сидѣла около меня на лавкѣ и покачивала головою, а рядомъ съ нею стоялъ невысокій худощавый солдатъ, съ круглымъ лицомъ, на которомъ свѣтились не широкіе сѣрые глаза... Это и былъ Степанъ Глушковъ, подобравшій меня на дорогѣ и доставившій меня къ бабушкѣ невредимымъ...

Вечеромъ того же дня Глушковъ пришелъ къ намъ пить чай. Я разспрашивалъ его обо всемъ, что не удалось увидѣть собственными глазами: я разспрашивалъ о томъ—какъ „ихъ" раздѣли, чѣмъ били и больно ли били?.. Глушковъ неохотно отвѣчалъ на мои вопросы, а когда пришла съ базара бабушка, разсказалъ ей все, какъ было, по порядку.

— Ну, и терпѣливъ этотъ дьяволъ, Сивойкинъ!.. Черный-то!.. Его хлещутъ, а онъ хоть бы што... только губу кусаетъ, да пальцами... эдакъ.. будто повязку-то хочетъ сорвать... закончилъ онъ свой разсказъ.

— Ахъ, ты, Господи Іисусе Христе!.. ахъ, ты! вздыхаетъ бабушка.

— А вотъ Мышкинъ-то... тотъ—баба... лежитъ и плачетъ!..

— А-а... плачетъ?.. Ахъ, ты, Господи, продолжаетъ бабушка, и у ней выступаютъ на глаза слезы...

На другой день я, вмѣстѣ съ другими товарищами, былъ у „кобылы". Мы осматривали деревянный помостъ и „кобылу", не убранныя еще со вчерашняго дня. „Кобыла" была толстый деревянный чурбанъ, утвержденный на толстыхъ же подпоркахъ и однимъ концомъ наклоненный къ землѣ. Около „Кобылы" на пескѣ виднѣлись сотни слѣдовъ человѣческихъ ногъ... Осматривая „кобылу" и песокъ около этого сооруженія, мы, наивные, искали слѣды крови... Намъ казалось, что если здѣсь вчера наказывали людей, если били ихъ плетями—то, значитъ, должна была быть и кровь... Крови не оказалось...

Прошла зима, суровая и снѣжная, миновали весна и лѣто, и снова наступала холодная и пасмурная осень, съ короткими сѣрыми днями и долгими „черными" ночами... Въ дѣтствѣ я не любилъ осени! Какую-то тягучую тоску навѣвала она мнѣ въ душу. Поле становилось сѣрымъ, деревья, сбросивъ зеленый нарядъ, печально покачивались подъ напоромъ вѣтра и гудѣли го-

лыми вѣтками. Въ нашей хатѣ становилось темнѣе, когда вставлялись зимнія рамы, и бабушка, казалось, больше горбилась, чаще жаловалась на свою старость и кашляла... Часами радости считалъ я только тѣ часы, когда къ намъ заходилъ веселый говорунъ Степанъ Глушковъ.

Бабушка также, казалось, молодѣла, слушая болтовню Глушкова, и часто до слезъ смѣялась; смѣялся и Глушковъ, чувствуя себя среди насъ, какъ дома. Одинокій, въ суровой обстановкѣ казармъ, подъ одной кровлей съ арестантами, — на насъ съ бабушкой смотрѣлъ онъ, какъ на лучъ свѣта въ этомъ мракѣ печали и безропотной покорности горькой долѣ...

Какъ-то въ обѣдъ бабушка сунула мнѣ въ руку только что испеченную лепешку, завернутую въ тряпицу, и сказала:

— Снеси Степану: въ караулкѣ онъ...

Еще издали увидѣлъ я Степана прохаживавшимся по земленому валу, окружавшему солдатскій огородъ. Онъ былъ „на часахъ“. На немъ была одѣта шинель, стянутая въ тальѣ поясомъ съ кожаной сумочкой. Ходилъ онъ по валу и скучающимъ взоромъ осматривался по сторонамъ; иногда глаза его устремлялись вдоль огорода, съ грядами, переполненными созрѣвшей капустой. Зная, что съ часовыми разговаривать не полагается и что ходить по валу можно только часовому, я сдѣлалъ кругъ, обходя какія-то ямы, свидѣтельствующія о прежнихъ постройкахъ, и, только поровнявшись съ Глушковымъ, издали показалъ ему гостинецъ бабушки. Онъ молча кивнулъ мнѣ головою и снова принялся ходить лѣнивой походкой скучающаго человѣка. Побывавъ въ караулкѣ и отдавъ лепешку товарищу Степана, Петрухѣ Гринчину (онъ также иногда заходилъ къ намъ), я той же дорогой вернулся домой.

Небо нахмурилось, подулъ вѣтеръ, пошелъ дождь... Забравшись на печку и вытащивъ войлокъ изъ крошечнаго оконца, продѣланнаго въ стѣнѣ, я смотрѣлъ на солдатскіе огороды и на скучающую фигуру Степана... Подъ дождемъ онъ казался мнѣ сѣрымъ—сѣрымъ... Медленно прохаживаясь съ ружьемъ чрезъ плечо, онъ все осматривался, окарауливая пустынный огородъ, а потомъ останавливался, спускалъ съ плеча ружье и стоялъ какъ вкопанный, слегка свѣсивъ на грудь голову. Въ эти минуты мнѣ страшно жаль было Степана. „Вонъ онъ тамъ, подъ дождемъ, а я здѣсь, въ теплѣ“,— думалъ я.—„Завтра, какъ только придетъ къ намъ Глушковъ—я затащу его на печь“,—соображалъ я. Скоро его

смѣнилъ съ часовъ другой солдатикъ, и я съ радостью въ голосѣ извѣстилъ бабушкѣ, что Степанъ пошелъ ѣсть лепешку. Бабушка сидѣла у окна и что-то штопала. По обыкновенію, она переспросила меня, а когда я повторилъ сказанное, она тихо промолвила:

— Ну, Христосъ съ нимъ... чай, остыла только... лепешка-то...

Къ бѣдному Степану подкралась бѣда!.. Какъ-то вечеромъ, въ субботу, пришелъ онъ къ намъ веселый такой и разговорчивый. Бабушка напоила его чаемъ, накормила, а когда совсѣмъ стемнѣло, Степанъ всталъ и сказалъ, что надо идти въ баню. За доброту Степана и жалѣючи его, бабушка сама мыла его бѣлье. На этотъ разъ, захвативши чистые рубаху и порты, Степанъ ушелъ, сказавъ, что завтра не придетъ, такъ какъ съ утра его пошлютъ окараулывать огородъ.

— И бабушку за-одно покараулю, пошутилъ онъ.

— Ну, иди, Христосъ съ тобой!.. проводила Степана бабушка:—завтра съ внученкомъ пирожка пришлю.

На другой день, въ обѣдъ, я понесъ Степану большой кусокъ пирога съ морковью. Я вошелъ въ караулку. Въ крошечной конуркѣ съ однимъ оконцемъ сидѣли Степанъ и еще какой-то ефрейторъ. Ефрейторъ чинилъ шинель, сидя у окна, а Степанъ лежалъ на лавкѣ. Увидя меня, онъ не улыбнулся, какъ дѣлалъ всегда, и ни полслова не сказалъ мнѣ, а только вздохнулъ и уставился глазами въ уголъ. Лицо его было блѣдное и осунувшееся, а въ глазахъ выражалось отчаяніе... Сердце мое упало... Я подошелъ къ Степану и молча подалъ ему пирогъ. Поднявшись съ лавки, онъ принялъ гостинецъ бабушки и тихо сказалъ:

— Спасибо, молъ, бабушка... такъ и скажи...

Онъ прошелся къ окну, оправляя на себѣ шинель, и потомъ всталъ ко мнѣ въ полоборота и, не смотря на меня, проговорилъ:

— Иди, Володя... иди...

Я не двигался съ мѣста. Мнѣ хотѣлось узнать, что съ Глушковымъ, отчего онъ неласковъ со мною, и отчего на лицѣ его печаль и безпокойство...

— Завтра, вѣрно, не приду... скажи бабушкѣ...—началъ онъ.—Не знаю, когда приду!.. иди... спасибо, молъ, бабушка... на пирогѣ-то...

Я вышелъ, хотя и не сразу. На дворѣ я узналъ все.

— Что, гостинчикъ Глушкову принесъ? спросилъ меня повстрѣчавшійся солдатъ, котораго я не зналъ, но нѣсколько разъ видѣлъ съ Глушковымъ.

— Почаще приноси теперь, продолжалъ онъ. — Только... вѣроятно, Степану-то твоему на „кобылкѣ“ придется поскакать!..

Я понялъ эту крылатую фразу, распространенную среди солдатъ и хранящую въ себѣ глубокій и печальный смыслъ. Солдатъ разсказалъ мнѣ все происшедшее...

Рано утромъ Степанъ былъ на „часахъ“, расхаживая по валу. Какъ-то остановился онъ, облокотился на ружье руками да такъ и заснулъ, Подкравшійся офицеръ, заставшій часового въ такомъ положеніи, такъ закричалъ, что у перепугавшагося Глушкова ружье выпало изъ рукъ и скатилось въ ровъ. Начальникъ быстро спрыгнулъ съ вала, схватилъ ружье и закричалъ:

— Эй, часовой!.. гдѣ твое ружье?.. А?.. Мерзавецъ!.. Подъ судъ!.. подъ судъ!.. въ каторгу!..

Тотчасъ же офицеръ смѣнилъ Глушкова съ часовъ и, доведя его до караулки, сильно избилъ...

Выслушавъ эту страшную новость, я бросился домой и, забравшись на печь, горько и безутѣшно рыдалъ. Бабушка, вернувшись со двора, спросила меня — отдалъ ли я Степану пирогъ. — „Да“, отвѣчалъ я. Я хотѣлъ было разсказать ей о случившемся, но слезы сдавливали мнѣ горло, а уста боялись выразить то, что холодило мою юную душу. Наконецъ, вечеромъ я все разсказалъ бабушкѣ. Старушка всплеснула руками, опустилась на лавку и залилась горькими слезами... Мы съ бабушкой долго плакали... Ночью я долго не могъ заснуть... Сначала, когда бабушка потушила свѣчу и, творя молитву, забралась на печку — я плакалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Потеря Степана казалась мнѣ неизбѣжной, а я любилъ его, какъ отца. Мнѣ казалось, что я уже никогда не увижу его, что его схоронили... Мною овладѣлъ какой то безотчетный страхъ, когда я разслышалъ слабое похрапываніе заснувшей бабушки. Одиночество въ темной хатѣ, глухіе стоны разыгравшейся непогоды на улицѣ .. это было что-то призрачное, страшное!.. Мнѣ все казалось — вотъ-вотъ, Степанъ постучится въ темное окно съ улицы и попроситъ впустить его въ избу... Временами мнѣ чудилось, что онъ стоитъ у окна, глядитъ сквозь темныя стекла и жалобно стонетъ и плачетъ... Я соскочилъ съ лавки и бросился къ бабушкѣ на печку. Перепугавшаяся старушка принялась крестить меня и прижимать къ своей старческой груди... На печи я также долго не могъ заснуть: въ жалобномъ напѣвѣ ночной бури мнѣ слышался тихій надломленный стонъ Степана...

Такъ Степану и не удалось побывать у насъ. Послѣ караула его арестовали, а мѣсяца черезъ два, когда наступили крещенскіе морозы, его осудили. Говорили также, что недѣли черезъ двѣ послѣ этого онъ въ чемъ-то провинился и его посадили въ темный карцеръ на хлѣбъ и на воду...

Помню, былъ морозный и ясный день, когда мы съ бабушкой провожали Степана. Его угоняли въ партіи арестантовъ; среди сѣрыхъ и хмурыхъ фигуръ я долго не могъ признать Степана; онъ самъ улыбнулся въ мою сторону и махнулъ рукою, и только тогда я узналъ его...

На второй верстѣ отъ города березки, растущія по обѣ стороны дороги, прерываются, а немного дальше на пригоркѣ стоитъ до сихъ поръ высокая развѣсистая береза. Испоконъ вѣка береза эта олицетворяла собою символъ печали. Всѣ горожане, словно сговорившись, провожаютъ до нея родныхъ и знакомыхъ, съ которыми разстаются надолго; здѣсь же, около этой березы останавливается партія новобранцевъ или арестантовъ... Одинокое дерево, пощаженное бурей, не щадится человѣческими рыданіями и воплями—и цѣлые года остается оно безмолвнымъ свидѣтелемъ сценъ прощанія и слушаетъ человѣческіе стоны и рыданія... А потомъ, особенно весною, тихо-тихо шелеститъ береза листочками и словно шепчетъ невѣдомому скитальцу: „про-сти... про-сти...“

Степанъ прильнулъ къ груди бабушки и заплакалъ... Старушка тихо всхлипывала, крестя Глушкова. Слезы застилали мои глаза, сердце неровно и тревожно билось, грудь сдавливало... Глушковъ наклонился ко мнѣ, поцѣловалъ меня въ губы, и скоро его сѣрая фигура потонула въ толпѣ арестантовъ и конвойныхъ...

Мы простились, постояли на снѣжной дорогѣ около березы, прикрытой серебристымъ инеемъ, а когда партія арестантовъ скрылась на поворотѣ дороги за лѣскомъ—пошли домой... Никогда я не видѣлъ больше Степана и никто не говорилъ мнѣ—гдѣ онъ и что съ нимъ... Навѣрное умеръ!..

Вас. Брусянинъ.

Изъ воспоминаній смолянки.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА XI.

Николаевская и Александровская половины. — Дѣтская вражда. — Маленькая поэтесса. — Дворянскій гоноръ. — Случай съ нѣмецкимъ учителемъ.

Въ то время, также какъ и теперь. Смольный монастырь представлялъ собою два различныхъ учебныхъ заведенія, или, по мѣстному выраженію, дѣлился на «двѣ половины», на Николаевскую и Александровскую. Послѣдняя съ основанія носила названіе «мѣщанской половины» и только по волѣ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича переименована была въ «Александровскую». Хотя переименованіе это и состоялось много раньше моего поступленія въ Смольный, но я застала все-таки въ полномъ ходу не только прежнее наименованіе, но и множество сопряженныхъ съ нимъ непріятностей для воспитанницъ Александровской половины.

Несмотря на то, что тамъ воспитывались тоже дочери дворянъ (а иногда и родныя сестры нашихъ воспитанницъ), между обоими заведеніями существовала масса обидныхъ различій, отчасти поддерживаемыхъ самимъ начальствомъ, а затѣмъ перенимавшихся и дѣтьми, всегда падкими на подражаніе.

Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ воспитанницы нашей «Николаевской» половины два раза въ годъ ѣздили кататься въ придворныхъ каретахъ, съ парадньмъ эскортомъ офицеровъ и пикеровъ придворной конюшни,—воспитанницамъ Александровской половины придворныхъ экипажей не присылали и кататься ихъ никогда и никуда не возили.

Точно также не возили ихъ и во дворецъ для раздачи наградъ, и ни императорскихъ экзаменовъ имъ не полагалось, ни такъ называемаго императорскаго бала, на которомъ съ нами танцовали великіе князья, иностранные принцы и особы высочайшей свиты.

То же обидное для дѣтскаго самолюбія различіе наблюдалось и при встрѣчѣ нашей съ воспитанницами Александровской половины, съ которыми, кстати сказать, намъ приходилось встрѣчаться только въ аппартаментахъ начальницы, причемъ нашъ институтскій этикетъ требовалъ, чтобы онѣ первыя отвѣшивали намъ почтительный реверансъ, а затѣмъ уже мы отвѣчали имъ на ихъ поклонъ.

Все это несообразное чинопочитаніе порождало и отношенія, совершенно ни съ чѣмъ несообразныя, и вовсе неудивительно, что дѣти, ничему не способныя дать настоящей и правильной оцѣнки, гордились и важничали передъ своими сверстницами, и что между нами, въ нашемъ глупомъ дѣтскомъ лексиконѣ, по адресу воспитанницъ Александровской половины не было другого наименованія, какъ «мѣщанки». Никакой «Александровской половины» мы признавать не хотѣли, а называли ее «Мѣщанской половиной», въ чемъ находили себѣ усердную поддержку и въ нашихъ классныхъ дамахъ, тоже почему-то всѣмъ ареопагомъ враждебно относившихся къ воспитанницамъ непривилегированнаго заведенія.

Все это порождало вражду, тѣмъ болѣе нелѣпую, что она была совершенно безпричинна, такъ какъ мы, повторяю, даже въ глаза своихъ маленькихъ враговъ не видали, встрѣчаясь съ ними только въ церкви, гдѣ онѣ стояли совершенно отдѣльно отъ насъ. Тѣмъ не менѣе вражда эта росла вмѣстѣ съ нами и довела однажды обѣ враждующія стороны до столкновенія, равно непріятно отразившагося какъ на той, такъ и на другой половинѣ Смольнаго. Это было въ то время, когда мы были во второмъ классѣ.

Мы лично участіе въ этой сословной враждѣ принимали всегда минимальное, такъ какъ на Александровской половинѣ было всего только два класса, параллельныхъ нашимъ «кофейнымъ» и «бѣлымъ», и воспитанницы этихъ классовъ носили также, какъ и у насъ, коричневыя и зеленыя платья. Средняго класса тамъ не полагалось вовсе, такъ что намъ оппонентовъ не находилось, но въ силу того присущаго голубому классу воинственнаго духа, о которомъ мнѣ уже приходилось упоминать, мы воевали по принципу, изъ любви къ искусству, и ужасно волновались по поводу того эпизода, который я сейчасъ передамъ.

Въ это время въ классѣ, только что перешедшемъ въ «бѣлыя», случилось какое-то таинственное происшествіе, о которомъ я не считаю себя въ правѣ здѣсь говорить, не увѣренная въ томъ, не живъ ли еще кто-нибудь изъ актеровъ этой таинственной и горькой житейской драмы.

Результатомъ этой исторіи было то, что одна изъ очень милыхъ и симпатичныхъ воспитанницъ старшаго класса должна была быть взята домой значительно раньше выпуска, по причинамъ, отъ насъ въ то время тщательно скрытымъ, но до которыхъ мы пытливымъ дѣтскимъ умомъ добирались, конечно, не безъ благосклоннаго участія нашихъ нянюшекъ, кстати сказать, вносившихъ по временамъ, своимъ крайне фамильярнымъ обращеніемъ, значительный диссонансъ въ общую систему нашего институтскаго воспитанія.

Воспитанница, о которой идетъ рѣчь, принадлежавшая къ очень хорошей и зажиточной семьѣ и впослѣдствіи сдѣлавшая очень хо-

рошую партію,—оставила Смольный при очень умѣлой обстановкѣ: она не была исключена, а уѣзжала только по разстроенному здоровью, по свидѣтельству нашихъ докторовъ, и пришла проститься со всѣми нами въ столовую, при полномъ собраніи всѣхъ трехъ классовъ.

Она была очень весела, очень нарядна, обѣщала ко всѣмъ писать и, кромѣ того, среди насъ оставалась ея родная сестра, красавица Ольга У..., вовсе не имѣвшая вида огорченной. Казалось бы, ничего дальше и требовать было нельзя, и всякое злословіе должно было бы умолкнуть, но... не надо упускать изъ вида, что Смольный былъ все-таки въ принципѣ женскимъ монастыремъ, и что ему присущи были всѣ крупные недостатки этого рода учрежденій, какъ-то болтовство, вражда, сплетни... и тому подобное, и неудивительно, что при такихъ условіяхъ и упоминаемый мною эпизодъ нашелъ себѣ самыхъ неблагопріятныхъ комментаторовъ... По всему монастырю пошли ходить всевозможныя басни, сплетни, легенды... Толки эти перешли за предѣлы монастырскихъ стѣнъ и, разростаясь, пошли по городу...

Въ это самое время кто-то изъ воспитанницъ Александровской половины чѣмъ-то не угодилъ одной изъ нашихъ, и та, ничто же сумняся, черезъ высокій заборъ, отдѣлявшій ихъ садъ отъ нашего, громко крикнула столь обидное для нихъ слово: «мѣщанки», глупо прибавивъ къ нему кѣмъ-то придуманную неделикатную рифму: «наши служанки».

Тѣ услыхали, обидѣлись, и дня черезъ два черезъ тотъ же заборъ перелетѣлъ къ намъ запечатанный конвертъ со вложеннымъ въ немъ стихотвореніемъ, посвященнымъ:

«Потомству римскихъ гусей».

Всего стихотворенія я теперь не припомню, но помню, что оно было написано очень недурно и очень умѣло и отличалось очень ѣдкимъ остроуміемъ.

Вотъ его начало:

Намъ стало стыдно... Передъ вами
Намъ словъ не хочется терять,
Борьба неравная межъ нами...
И мы рѣшились къ вамъ писать!
Спросясь Тимаева, Попова,
Не презирайте нашъ совѣтъ:
Читайте болѣе Крылова,
Въ „гусяхъ“ найдете свой портретъ...
И доказательство простое,
Что вы... лишь годны на жаркое!..

Замѣчу кстати, что Тимаевъ и Поповъ были нашими учителями словесности.

Переброшенное стихотвореніе произвело цѣлый переполохъ. Нашъ старшій классъ заволновался, тѣмъ болѣе, что далѣе, въ томъ же стихотвореніи, сдѣланъ былъ довольно прозрачный намекъ на причину недавняго удаленія воспитанницы старшаго класса (о чемъ я говорила выше)—и упрекъ по адресу болтливыхъ вѣстовщицъ, благодаря которымъ этотъ горькій эпизодъ сдѣлался якобы достояніемъ всего города. Точныхъ словъ этого намека я не припомню, въ моей памяти удержались только слова:

„Вы стыдъ ея всѣмъ разсказали...
„Она была подругой вамъ!!..“

Благодаря послѣднимъ словамъ, вѣроятно, вся эта исторія получила далеко нежелательную огласку, и даровитый авторъ стиховъ, К—ева, чуть не была исключена изъ заведенія, состоя уже въ старшемъ классѣ и числясь первою по наукамъ.

Нашимъ «благороднымъ» — какъ мы сами себя называли въ отличіе отъ «мѣщанокъ»—не досталось нисколько, и вся вина была признана за ними, осмѣлившимися такъ непочтительно отнестись къ воспитанницамъ «Николаевской половины» и къ ихъ «родословной».

Большой справедливости во всемъ этомъ, конечно, не было, да объ этомъ у насъ и не заботились. Воспитывали «дворянокъ» и, послѣдовательно, воспитывали въ нихъ и непоколебимое уваженіе къ ихъ дворянскимъ гербамъ. Все это имѣло свою хорошую сторону, но... не лишено было и обратной, дурной стороны.

Впослѣдствіи, въ жизни, мнѣ неоднократно приходилось встрѣчаться со многими бывшими воспитанницами «Александровской» половины Смольнаго монастыря, и я должна сознаться, что данное имъ образованіе во многомъ сказывалось и глубже и основательнѣе того, какое дано было намъ.

Начальницей на Александровской половинѣ въ мое время была сначала г-жа Кассель, а за нею г-жа Сентъ-Илеръ, обѣ очень образованныя и милыя особы, служебное положеніе которыхъ стояло, несмотря на занимаемое ими мѣсто, несравненно ниже того, которымъ пользовалась наша начальница Марья Павловна Леонтьева, выѣзжавшая не иначе, какъ въ придворномъ экипажѣ четвернею съ форейторомъ, съ двумя придворными лакеями на запяткахъ. Въ настоящую минуту такіе экипажи можно видѣть только на парадныхъ выѣздахъ при дворѣ.

Въ передней у Леонтьевой тоже дежурили поочередно два придворныхъ лакея, которые неизмѣнно слѣдовали за нею по пятамъ, неся въ рукахъ ея традиціонную корзиночку съ какимъ-то нескончаемымъ вязаньемъ и почтительно ожидая ее, стоя на вытяжку, у дверей того класса, въ который она заходила, съ цѣлью присутствовать при урокахъ.

Особенно усердно посѣщала она уроки нѣмецкаго языка, на который у насъ обращалось исключительное, но довольно безплодное вниманіе, и на которомъ мы должны были разговаривать два дня въ недѣлю, а именно по понедѣльникамъ и по четвергамъ, чего мы, конечно, не исполняли, да и не могли бы исполнить при всемъ желаніи, потому что никто изъ насъ ни одной складной фразы по-нѣмецки сказать не сумѣлъ бы.

Немного дальше насъ ушла и сама Марья Павловна, которая, съ апломбомъ, присущимъ всѣмъ ея дѣйствіямъ, говорила по-нѣмецки на ею изобрѣтенномъ, совершенно своеобразномъ нарѣчіи.

По-французски она говорила прекрасно и считала этого совершенно достаточнымъ для свободнаго объясненія и на нѣмецкомъ діалектѣ. Встрѣтивъ, напримѣръ, въ корридорѣ воспитанницу безъ пелеринки, она останавливала ее и, ежели это приходилось въ день,

когда по статуту говорить надо было по-нѣмецки, она пресерьезно замѣчала:

— Меттиренъ зи ире пелерине!

Или наоборотъ, если пелерину надо было снять, то она предписывала:

— Рулиренъ зи ире пелерине ундъ атташиренъ зи анъ ди таше.

И все это самымъ серьезнымъ тономъ, какъ будто рѣчь велась на обыкновенномъ діалектѣ.

Зато и съ ней велись самые необычайные разговоры, и стоило только говорить съ увѣренностью, и главное съ быстротой, она переспрашивать не рѣшалась и растерянно улыбалась, дѣлая видъ, что понимаетъ, и видимо очень довольная тѣмъ, что дѣти такъ бойко говорятъ по-нѣмецки.

Въ сущности же на этомъ всѣмъ равно антипатичномъ языкѣ не говорилъ почти никто, и рѣдкостью для учителя было даже, если кто-нибудь изъ дѣтей свободно могъ понять и перевести съ нѣмецкаго на русскій самую обыденную фразу.

Въ маленькомъ классѣ у насъ нѣмецкій языкъ преподавалъ нѣкто Массонъ, человѣкъ довольно рѣзкій и очень нервный, нетерпѣливо относившійся къ неуспѣхамъ дѣтей. За это нетерпѣніе или, точнѣе, за слишкомъ откровенное его выраженіе ему разъ чуть не пришлось поплатиться мѣстомъ.

Дѣло было такъ. Является Массонъ на урокъ, вызываетъ одну изъ дѣвочекъ, она ни слова не знаетъ. Вызываетъ другую—такой же результатъ. Онъ, выведенный изъ терпѣнія, ставитъ два нуля. Дѣти смотрятъ и молчатъ. Очевидно, никто не готовился, и надо было на этотъ разъ отказаться отъ вызова и спроса уроковъ, но Массонъ, видимо, нарочно добивался случая наставить какѣ можно больше нулей, что даже и въ маленькомъ классѣ и въ такомъ всѣмъ равно несимпатичномъ дѣлѣ, какъ нѣмецкій языкъ, считалось обиднымъ для дѣтскаго самолюбія.

Кто-то изъ сидѣвшихъ впереди и хотя кое-какъ да объяснявшихся по-нѣмецки обратился къ Массону съ просьбой не вызывать больше никого къ доскѣ, такъ какъ удовлетворительно отвѣчать никто не будетъ, но онъ не внялъ этому совѣту и продолжалъ свое. Нули слѣдовали за нулями, единицы за единицами, до тѣхъ поръ пока не прозвонилъ звонокъ, и Массонъ, въ конецъ обозленный, схватилъ со стола свою шляпу и убѣжалъ изъ класса, даже не раскланявшись съ воспитанницами, какъ того требовалъ этикетъ, въ этомъ отношеніи очень строго соблюдавшійся. Уходя, онъ громко что-то проворчалъ, и это «что-то», переведенное намъ одной изъ дѣвочекъ-нѣмокъ, должно было означать, что нашъ классъ «лѣнивыя и противныя дѣвчонки».

Это всѣхъ взбѣсило. Гордость наша и чувство нашего дворянскаго достоинства, такъ тщательно въ насъ поддерживаемое воспитаніемъ, заговорили громко, и мы порѣшили, что такая дерзость нашему учителю даромъ пройти не должна. Собрался ареопагъ оскорбленныхъ русскихъ «дворянокъ»... Спѣшу замѣтить при этомъ, что самой старшей изъ этихъ представительницъ русскаго столбоваго дворянства было не болѣе 11 лѣтъ. Судили, рядили и по-

становлено было принести предварительную жалобу помощнику инспектора Эллингу, очень скромному и робкому человѣку, которому, собственно говоря, и были болѣе всего подчинены преподаватели младшихъ классовъ, въ уроки которыхъ самъ инспекторъ Тимаевъ мало входилъ.

Сказано—сдѣлано. Отъ классныхъ дамъ положено держать все въ строжайшемъ секретѣ, а Эллинга положено зазвать въ классъ и высказать ему неудовольствіе на Массона. Все удалось какъ нельзя лучше, и ни одна изъ классныхъ дамъ ни о чемъ положительно и понятія не имѣла, какъ уже несчастный Массонъ былъ вызванъ по начальству, и Тимаевымъ, до котораго дошелъ весь этотъ эпизодъ, предложено было провинившемуся учителю или испросить прощенія у «оскорбленныхъ» имъ «дѣвицъ», или немедленно подать въ отставку.

Растерявшійся нѣмецъ бросился за разъясненіемъ сначала къ теткѣ, а затѣмъ къ начальницѣ. Леонтьева приняла отчасти нашу сторону, но тетка вышла изъ себя и страшно напустилась на насъ всѣхъ. Началась переборка. Кто первый началъ?.. Да кто первый заговорилъ?.. Да кто первый къ Эллингу обратился?.. Но мы условились молчать и молчали, несмотря на крикъ и брань тетки, неустанный гнѣвъ которой начиналъ уже входить намъ всѣмъ въ привычку и терялъ надъ нами всякую власть. Притомъ мы со стойкостью, несвойственной нашему возрасту, уперлись на томъ, что считаемъ себя оскорбленными и требуемъ, чтобы Массонъ больше къ намъ не приходилъ, потому что отвѣчать ему никто изъ насъ не будетъ.

Быть можетъ, упорство это и не было бы поддержано далѣе, но въ числѣ дѣвочекъ были громкія имена, и дѣло, переданное дѣтьми родителямъ, могло бы дойти до лицъ, до которыхъ никто изъ нашего начальства ничего подобнаго доводить бы не пожелалъ.

Тѣмъ временемъ подошелъ классъ Массона. Мы всѣ ждали, готовыя на самую дружную оппозицію, но врагъ струсилъ. Отъ Массона получено было увѣдомленіе, что онъ по причинѣ болѣзни быть не можетъ и проситъ уволить его на недѣлю. Очевидно, хитрый нѣмецъ разсчитывалъ на то, что тѣмъ временемъ дѣло забудется и все войдетъ въ прежнюю колею. Но надежды его не сбылись. Мы прямо заявили, что требуемъ перемѣны учителя, и тогда злополучный Массонъ, явившись въ классъ вмѣстѣ съ инспекторомъ и его помощникомъ, принесъ намъ почтительное извиненіе въ томъ, что онъ «позволилъ себѣ непочтительно выразиться въ нашемъ присутствіи», а инспекторъ, обратившись къ намъ, спросилъ, угодно ли намъ будетъ «простить» г. Массона, прибавивъ къ этому, что онъ лично «позволяетъ себѣ ходатайствовать за него», потому что Массонъ недавно овдовѣлъ и остался съ большимъ семействомъ на рукахъ.

Мы простили, но врядъ ли самъ нѣмецъ простилъ намъ перенесенное имъ униженіе. По крайней мѣрѣ я не помню, чтобы онъ, до перехода нашего въ старшій классъ, въ которомъ онъ уже не преподавалъ, хотя однажды улыбнулся въ часы своего преподаванія въ томъ отдѣленіи, которымъ былъ устроенъ ему весь этотъ несомнѣнно памятный ему инцидентъ.

Чтобы еще точнѣе обрисовать отношенія къ намъ нашихъ преподавателей, достаточно будетъ сказать, что профессорамъ старшаго класса (которые всѣ были люди пожилые и въ большинствѣ случаевъ заслуженные) поставлено было въ обязанность, два раза въ годъ, а именно на Пасху и въ Новый годъ, являться съ поздравленіемъ не только къ нашему начальству, но и къ воспитанницамъ старшаго класса, которыя всѣ для этого собирались въ указанный часъ въ большую актовую залу и принимали поздравленія, почтительно имъ приносимыя.

Все это дѣла давно минувшихъ дней, въ настоящее время, конечно, все это измѣнено, введены новые порядки, но тогда было такъ, и все это, въ ту эпоху о которой идетъ рѣчь, имѣло свой смыслъ и свое значеніе.

Сословія, въ то далекое время, еще такъ сильно, такъ опредѣленно разграничивались, что представителямъ и представительницамъ почетнаго русскаго дворянства не лишнимъ казалось громкое и открытое признаніе съ дѣтства ихъ правъ и преимуществъ.

Что лучше и что хуже... Въ этотъ вопросъ я не вдаюсь... Я только передаю фактъ, отнюдь его не комментируя...

Въ общемъ, наши отношенія къ учителямъ были скорѣй хорошія, нежели враждебныя, и, за весьма малыми исключеніями, мы сохранили о нашихъ преподавателяхъ самыя теплыя и дружескія воспоминанія.

ГЛАВА XII.

Императрица Александра Өеодоровна.—Выдающійся случай съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Дѣти казненнаго революціонера.—Попеченіе императрицы о сиротѣ. — Участіе императрицы въ нашей семейной невзгодѣ.— Императоръ Николай Павловичъ.—„Царскій гусаръ“.

Я хорошо помню императрицу Александру Өеодоровну. Я поступила въ Смольный еще въ то время, когда она сама занималась институтами и не передала еще этихъ близкихъ и дорогихъ ей заботъ своей преемницѣ, императрицѣ Маріи Александровнѣ, и я хорошо помню, съ какимъ восторгомъ встрѣчалось каждое посѣщеніе императрицы, какъ всѣ спѣшили ей навстрѣчу, какъ она умѣла каждаго обласкать, каждому сказать доброе, привѣтливое слово.

Все мало-мальски хорошо исполненное давало императрицѣ предлогъ для того, чтобы милостивымъ словомъ поощрить и ребенка, и классную даму, и преподавателя. Сочиненье ли было удачно написано, урокъ ли бойко отвѣченъ въ ея присутствіи, рисунокъ ли по-дѣтски удачно исполненъ, на все она ласково откликалась, все встрѣчала искреннимъ, радушнымъ привѣтомъ, и промолчитъ она бывало тогда только, когда ужъ рѣшительно похвалить не за что.

Въ противоположность своей августѣйшей свекрови, Марія Александровна, бывшая въ то время цесаревной, казалась весьма строгой.

Позднѣе мнѣ довелось ближе видѣть Александру Өеодоровну, видѣть въ ея личномъ отношеніи къ людямъ, мнѣ близкимъ, и тутъ,

какъ и во всемъ, императрица явилась тѣмъ свѣтлымъ геніемъ кротости и примиренія, какимъ она была для всѣхъ, когда-либо съ ней близко соприкасавшихся.

Какъ на эпизодъ, ясно и отчетливо характеризующій покойную государыню Александру Ѳеодоровну, укажу на слѣдующій разсказъ, почерпнутый мною частью изъ переданнаго мнѣ современниками и почти очевидцами всего разсказаннаго, а частью видѣннаго мною самой впослѣдствіи.

За три года до пріема того класса, въ которомъ я воспитывалась, а именно въ 1839 году, къ императору Николаю Павловичу, ежедневно гулявшему по Дворцовой набережной, подошелъ мальчикъ лѣтъ 12 или 13, чисто, но почти бѣдно одѣтый; онъ держалъ за руку маленькую дѣвочку, года на три или на четыре моложе его.

Дѣти прямо направились навстрѣчу императору, и мальчикъ, въ упоръ остановившись передъ нимъ, спросилъ его громко и отчетливо:

— Вы русскій императоръ?...

— Да!.. отвѣтилъ государь, крайне удивленный такимъ обращеніемъ.

— Я къ вамъ!.. смѣло продолжалъ ребенокъ.

Государь, заинтригованный въ свою очередь, пожелалъ узнать, кто его маленькій собесѣдникъ и что ему нужно.

— Я графъ К... Ч..., не безъ гордости произнесъ ребенокъ.— Отецъ мой... умеръ!.. Его казнили!.. Онъ былъ богатъ... его имѣнія взяли!.. Мать умерла отъ горя... Насъ осталось двое... я и маленькая сестра... Намъ идти некуда... Возьмите насъ.

Государь сердито сдвинулъ брови.

Имя, которое только что произнесъ ребенокъ, было одно изъ самыхъ громкихъ именъ мятежной и казненной Польши.

— Кто тебя научилъ обратиться ко мнѣ?.. строго спросилъ онъ, останавливая на мальчикѣ взглядъ своихъ проницательныхъ глазъ, взглядъ, котораго и взрослые, и сильные люди не выносили.

Но мальчикъ не сробѣлъ. Онъ былъ истиннымъ сыномъ своей отчизны.

— Меня никто не научалъ!.. смѣло отвѣтилъ онъ, даже не опуская глазъ передъ строгимъ взглядомъ императора.—Я самъ пришелъ къ вамъ... и сестру привелъ... потому что идти намъ больше не къ кому.

— Слѣдуйте за мной!.. серьезно произнесъ государь и, приведя дѣтей въ Зимній дворецъ, въ тотъ же день опредѣлилъ ихъ, по особому повелѣнію: мальчика въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, а дѣвочку въ Смольный монастырь.

Я застала графиню Розалію К... Ч... уже въ среднемъ классѣ и близко ее не знала никогда, но хорошо знала я слѣдующую трогательную сторону ея сиротливой жизни.

Съ перваго момента ея поступленія въ Смольный и до самаго дня выпуска надъ ней неусыпно стояла чья-то невидимая заботливая рука, всегда предупреждавшая ея дѣтскія желанія и нѣжно заботившаяся о сохраненіи ея дѣтскаго самолюбія.

Въ маленькихъ классахъ у дѣтей бываютъ свои игрушки, впо-

слѣдствіи родные привозятъ и доставляютъ дѣтямъ «свои» нарядныя тетради — роскошь у насъ вполнѣ разрѣшенную,—нарядныя ручки для стальныхъ перьевъ, карандаши, а также лайковыя перчатки въ дни казенныхъ баловъ и прочіе предметы дѣтской роскоши. Все это, само собой разумѣется, доставляется родными, и дѣти снабжаются всѣмъ этимъ сообразно со средствами родныхъ, а главное съ ихъ желаніемъ побаловать и утѣшить ребенка.

У графини Розаліи не было никого въ мірѣ, ее никогда никто не посѣщалъ кромѣ брата, бѣднаго мальчика, у котораго ровно ничего не было, чѣмъ бы онъ могъ подѣлиться съ сестрой, и, несмотря на это, повторяю, съ первой минуты поступленія ея въ Смольный и до самаго момента выпуска она никогда и ни въ чемъ не чувствовала недостатка. Въ маленькомъ классѣ ей присылались нарядныя куклы, позднѣе красивыя и нарядныя тетради, а когда наступилъ выпускъ и ко всѣмъ выпускнымъ воспитанницамъ стали пріѣзжать модистки для примѣрки платьевъ и нарядовъ, къ графинѣ Розаліи явилась одна изъ лучшихъ въ то время модистокъ, Соловьева-Бойе, съ образцами дорогихъ и прихотливыхъ матерій, и ей сшито было дорогое и роскошное приданое, причемъ она оставлена была въ Смольномъ на три лишнихъ года пепиньеркой.

И никогда, за все долгое время пребыванія молодой графини въ Смольномъ, таинственная благодѣтельная рука не обнаружилась, никогда никто не узналъ, чьей нѣжной заботой сиротливый, всѣмъ чужой ребенокъ былъ окруженъ предупредительной, истинно-родственной заботой.

И только, когда наканунѣ дня выпуска, на имя графини Розаліи получена была роскошная корзина, наполненная дорогими кружевами, лентами, горжетками, словомъ, всѣми мелочами, входящими въ составъ женскаго туалета, и когда подъ всѣми этими волнами модныхъ лентъ и кружевъ глубоко тронутая графиня Розалія нашла, на днѣ нарядной корзины, польскій молитвенникъ въ черномъ бархатномъ переплетѣ, съ серебрянымъ крестомъ наверху,—тогда только всѣмъ ясно стало, чья нѣжная, заботливая и деликатная рука издали ласкала и оберегала сиротливое дѣтство всѣмъ равно чужого ребенка.

Въ немалую заслугу императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ слѣдуетъ поставить при этомъ еще и тотъ эпизодъ, которымъ сопровождалось печатаніе списковъ выпускныхъ воспитанницъ.

Обыкновенно при каждомъ выпускѣ печатается подробный списокъ всѣхъ окончившихъ курсъ воспитанницъ, съ обозначеніемъ именъ, титуловъ и чиновъ ихъ отцовъ. Естественно, что, когда дѣло дошло до дочери лишеннаго всѣхъ правъ и казненнаго чрезъ повѣшеніе польскаго мятежника, тѣ лица, на обязанности которыхъ лежало составленіе этихъ списковъ, поставлены были въ серьезное затрудненіе. Обратились къ конференціи совѣта и, только по настоятельной просьбѣ императрицы, государь согласился поставить въ спискахъ: «графиня Розалія Александровна К... Ч..., дочь умершаго камергера бывшаго двора Польскаго».

Кто зналъ хорошо императора Николая I, тотъ легко пойметъ, какой заслугой со стороны императрицы было убѣдить его согласиться на такую подпись.

Вообще, во всемъ и со всѣми императрица была крайне добра, и всѣ ей лично служившіе были ей такъ близки, что, умирая, она пожелала проститься со всѣми, кто числился на личной ея службѣ.

Какъ я уже сказала выше, впослѣдствіи мнѣ наглядно пришлось убѣдиться въ добротѣ императрицы Александры Өеодоровны, и этотъ эпизодъ, касавшійся лицъ, мнѣ близкихъ и дорогихъ, я здѣсь приведу дословно, опуская подробности, ни для кого не интересныя.

Я уже неоднократно говорила о томъ, что тетка моя болѣе 40 лѣтъ служила Смольному монастырю, изъ стѣнъ котораго она въ сущности во всю долгую жизнь свою и не выѣзжала. Сама воспитанница Смольнаго, при тогдашнемъ курсѣ въ 12 долгихъ лѣтъ— тетка осталась послѣ выпуска въ Смольномъ въ качествѣ пепиньерки, затѣмъ заняла мѣсто классной дамы и затѣмъ уже сдѣлана была инспектриссой, такъ что въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, тетка уже 45-ый годъ состояла на службѣ. Все это не могло не создать ей особаго, почетнаго положенія въ Смольномъ.

Сама Леонтьева, несмотря на то, что положеніе, которое она занимала, было несравненно выше и почетнѣе положенія инспектрисы, относилась къ теткѣ съ исключительнымъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что, несмотря на довольно преклонный возрастъ начальницы— ей было въ это время около 50-ти лѣтъ — тетка помнила ее еще воспитанницей, въ то время когда сама она была уже пепиньеркой и чуть ли даже не классной дамой.

Тетка считалась однимъ изъ столповъ Смольнаго, и всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ царской фамиліи пріѣзжалъ къ намъ, она всегда была на первомъ планѣ.

Въ эпоху, совпавшую съ нашимъ выпускомъ, въ семьѣ нашей случилось событіе, сильно повліявшее на тетку и на старшую изъ моихъ кузинъ, усыновленную теткой и выпущенную изъ Смольнаго въ годъ нашего поступленія туда.

Кузина моя была ангелъ и по душѣ, и по характеру, и никто изъ тѣхъ, кто ее зналъ и цѣнилъ по достоинству, не могъ и не смѣлъ упрекнуть ее въ ея увлеченіи, но... свѣтъ золъ и строгъ, и горькій эпизодъ ея увлеченія, доведенный до государя, путемъ маскарадной интриги, такъ сильно прогнѣвилъ его, что, вернувшись во дворецъ, онъ немедленно передалъ императрицѣ выраженіе своей непреклонной воли о томъ, чтобы какъ тетка, такъ и старшая кузина, жившая при ней, были немедленно удалены изъ стѣнъ Смольнаго монастыря.

Государыня, кроткая и милосердая, пришла въ ужасъ отъ такого рѣшенія и отвѣчала своему супругу, что она не успокоится и не уснетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не возьметъ назадъ своихъ словъ и не измѣнитъ своего строгаго рѣшенія.

— Мнѣ больно думать, говорила она, умоляя своего супруга измѣнить принятое рѣшеніе, — что когда-нибудь послѣ насъ кто-либо будетъ имѣть право сказать, что мы такимъ образомъ наградили человѣка, намъ чуть не полвѣка прослужившаго.

Послѣ долгихъ пререканій государь, который обожалъ жену и никогда ей ни въ чемъ не отказывалъ, согласился на ея просьбу и сказалъ, что тетка можетъ оставаться въ Смольномъ, но чтобы

кузина была по возможности отдалена отъ всякаго общенія съ воспитанницами.

Все это было принято къ свѣдѣнію нашимъ начальствомъ и примѣнено съ тѣмъ отсутствіемъ такта и деликатности, которыя служили характерными чертами всѣхъ дѣйствій Леонтьевой, всегда поступавшей по чужой указкѣ.

Въ апартаменты тетки запрещено было ходить даже намъ, роднымъ племянницамъ, и хотя ни одна изъ насъ подобнаго нелѣпаго распоряженія не признавала, но самый фактъ этого запрещенія удручающимъ образомъ вліялъ на бѣдную тетку, которой въ то время было уже около 70-ти лѣтъ.

Нечего говорить о томъ, что и весь нашъ начальническій штатъ всецѣло измѣнилъ свои отношенія къ теткѣ, и тѣ, кто еще такъ недавно заискивалъ въ ней, теперь напускали на себя важность и старались при встрѣчѣ или совсѣмъ не замѣтить ее, или привѣтствовать ее холоднымъ поклономъ.

Бѣдная старуха была справедливо удручена всѣмъ этимъ непривычнымъ для нея порядкомъ вещей и ходила какъ убитая. Всѣмъ намъ, несмотря на далеко не нѣжныя отношенія къ ней, было мучительно жаль ее. Но что могли мы сдѣлать?.. Мы могли только, не обращая вниманія на глупое запрещеніе, проводить какъ можно больше времени въ ея апартаментахъ, да и это было утѣшеніе небольшое: ей было вовсе не до насъ.

Среди всего этого совершенно необычнаго порядка вещей однажды утромъ, во время учительской смѣны, то есть въ половинѣ 11-го часа, внезапно разнеслась вѣсть, что пріѣхала императрица. Все заволновалось, тѣмъ болѣе, что часъ былъ такой ранній и для императрицы такой необычный, и никто не могъ понять, что могло побудить государыню встать такъ рано и, главное, такъ рано осчастливить насъ своимъ визитомъ?..

Начальство забѣгало... Мы всѣ столпились въ корридорѣ... Недоставало только тетки...

Она, бѣдная, не рѣшалась предстать предъ императрицей послѣ горькаго эпизода съ ея пріемной дочерью.

Леонтьева съ тріумфомъ выступила впередъ, счастливая тѣмъ, что весь этотъ горькій эпизодъ, очевидно, не повредилъ нашему институту въ глазахъ царской фамиліи, ежели императрица соблаговолила пріѣхать къ намъ такимъ раннимъ утромъ, очевидно, съ намѣреніемъ осчастливить насъ болѣе или менѣе продолжительнымъ визитомъ.

Отрадное впечатлѣніе это еще усилилось тѣмъ, что государыня, милостиво поздоровавшись со всѣми, шутя замѣтила, что она такъ рано выѣхала изъ дома, что не успѣла даже чаю напиться, и что она будетъ кушать чай у насъ.

Можно себѣ представить, какой переполохъ поднялся при этомъ заявленіи императрицы. Всѣ молча ждали дальнѣйшихъ приказаній, не смѣя лично предугадывать, гдѣ именно государынѣ угодно будетъ кушать чай.

Леонтьева съ гордостью думала, что государыня, быть можетъ, ее лично удостоитъ чести откушать чай въ ея покояхъ, и всѣ

среди этой суматохи забыли о существованіи бѣдной тетки, которая противъ своего обыкновенія стояла гдѣ-то сзади, прижавшись къ углу и стараясь оставаться въ тѣни...

Но каково же было всеобщее удивленіе, когда императрица, оглянувшись на всѣ стороны, ласковымъ, привѣтливымъ тономъ спросила:

— А что же я Анны Дмитріевны не вижу?.. Гдѣ же она?..

Всѣ разступились и пропустили впередъ тетку, которая, вся взволнованная, растерянная, подошла къ императрицѣ.

— Здравствуйте, Анна Дмитріевна... Здравствуйте! сказала государыня, протягивая руку теткѣ.

Та крѣпко поцѣловала протянутую ей руку, но выговорить не могла ни слова... Она была слишкомъ взволнована...

— Я пріѣхала сюда, не напившись дома чаю... своимъ обаятельнымъ голосомъ заговорила императрица по-французски, какъ всегда, когда ей приходилось много и долго говорить. — Мнѣ захотѣлось прокатиться, воздуху взять немножко захотѣлось... и я подумала, что чаемъ меня напоятъ здѣсь... и объ васъ, Анна Дмитріевна, подумала! Я сказала себѣ, что я у васъ именно чаю напьюсь!

Слова эти, сказанныя тѣмъ привѣтливымъ, прямо въ душу идущимъ тономъ, который такъ присущъ былъ покойной императрицѣ, произвели на всѣхъ присутствующихъ положительно громовое дѣйствіе.

Леонтьева стояла растерянная, классныя дамы переглядывались, раскаяваясь въ душѣ въ тѣхъ дерзостяхъ и глупостяхъ, которыя онѣ позволяли себѣ въ послѣднее время относительно тетки, которую онѣ всѣ считали въ немилости, а сама тетка слова не могла выговорить, такъ она была поражена и милостивымъ отношеніемъ государыни, и честью, которая ей предстояла, и тѣми невозможными условіями, въ которыя ее ставила неслыханная милость монархини.

Дѣло въ томъ, что положеніе, въ которомъ была бѣдная кузина, уже невозможно было скрывать, а жила она вмѣстѣ съ теткой, и, войдя къ Аннѣ Дмитріевнѣ, императрицѣ поневолѣ пришлось бы увидать и бѣдную больную Леленьку.

— Подите же, Анна Дмитріевна... приготовьте мнѣ чаю, а я сейчасъ за вами слѣдомъ къ вамъ приду! милостиво кивнула императрица головой въ конецъ растерявшейся старушкѣ и затѣмъ обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ Леонтьевой.

Для этой послѣдней оставался открытымъ вопросъ о томъ, какъ ей лично слѣдуетъ поступить дальше? Слѣдовать ли за императрицей, какъ бы считая себя хозяйкой всякаго помѣщенія въ стѣнахъ Смольнаго монастыря, или же ожидать личнаго распоряженія государыни?..

Императрица сама вывела ее изъ этого затрудненія. Проговоривъ съ ней еще нѣсколько минутъ, она обратилась къ Леонтьевой и сказала, что идетъ пить чай къ теткѣ. Говоря это, она жестомъ отпустила отъ себя пріѣхавшую съ нею дежурную фрейлину и этимъ показала, что желаетъ пройти въ помѣщеніе, занимаемое теткой, совершенно одна.

Тѣмъ временемъ Анна Дмитріевна, сдѣлавъ нужныя распоряженія по части приготовленія чая, обратилась съ сокрушеннымъ видомъ къ Леленькѣ:

— Императрица сейчасъ будетъ!.. сказала она, едва выговаривая слова отъ сильнаго волненія.

Леля поблѣднѣла и, внѣ себя отъ ужаса, бросилась въ спальню.

— Скажите императрицѣ, что я больна!.. могла только съ трудомъ выговорить она и дѣйствительно, наскоро раздѣвшись, бросилась въ постель.

Императрица вошла къ Аннѣ Дмитріевнѣ совершенно одна и, милостиво привѣтствовавъ ее, спросила:

— А Леля гдѣ?.. Что я не вижу Лели?..

Анна Дмитріевна опустила глаза и робко объяснила государынѣ, что Леленька больна и лежитъ въ постели.

— Но она здѣсь... у васъ?.. спросила императрица и на утвердительный отвѣтъ тетки сказала: — я хочу ее видѣть!... Скажите ей, что я къ ней сейчасъ приду!

Вся блѣдная и дрожавшая отъ волненія, Анна Дмитріевна прошла въ комнату своей пріемной дочери и передала ей слова императрицы.

Не успѣла она вернуться въ гостиную, какъ государыня, сдѣлавъ ей знакъ, чтобы она не слѣдовала за ней, вошла къ больной.

Та при входѣ императрицы зарыдала.

Государыня подошла къ ней, нагнулась, обняла ее и тихо проговорила:

— Почему ты, бѣдное дитя, не хотѣла меня встрѣтить?.. Неужели ты могла подумать, что я войду къ тебѣ, больной и огорченной, со словомъ укора или осужденія?.. Осуждать и укорять безъ насъ есть кому!.. Намъ не на то дана власть, и не то намъ Богомъ назначено... Мы приласкать и пожалѣть должны... Судить и осуждать не наше дѣло!..

Много ли среди самыхъ благихъ, самыхъ прославленныхъ монархинь оставили въ интимной біографіи своей такія черты?... О многихъ ли люди, съ ними близко соприкасавшіеся, могли вынести такія свѣтлыя воспоминанія?..

Повторяю, я передаю все это съ цѣлью ознакомить съ истиннымъ историческимъ образомъ покойной государыни.

Императора Николая Павловича мы, само собою разумѣется, знали и видѣли несравненно меньше, нежели государыню, но и онъ въ свои не особенно частыя посѣщенія Смольнаго былъ всегда очень милостивъ и привѣтливъ съ дѣтьми и всегда подолгу шутилъ и разговаривалъ съ нами.

Помню я между прочимъ очень забавный эпизодъ изъ жизни меньшаго класса, когда мы лично были уже въ старшемъ или «бѣломъ» классѣ.

Маленькія воспитанницы, какъ и всѣ дѣти въ этомъ возрастѣ, очень много и охотно играли въ куклы, и такъ какъ, согласно желанію императрицы, игра въ куклы не только не преслѣдовалась, но, напротивъ, очень поощрялась нашими классными дамами, то «кафульки» обыкновенно и въ классы приносили съ собой своихъ куколъ и, пряча ихъ во время уроковъ въ пюпитры, въ обѣденные

часы освобождали ихъ изъ заключенія и приносили съ собой въ общую столовую, гдѣ и разсаживали ихъ на окна, такъ какъ за столъ съ собой сажать куколъ не разрѣшалось.

Такимъ образомъ, вдоль всѣхъ оконъ, по которымъ стояли столы меньшаго класса, образовывалась обыкновенно цѣлая галлерея куколъ, во всевозможныхъ нарядахъ, нѣчто въ родѣ импровизированнаго игрушечнаго магазина.

Не надо забывать, что дѣтей въ классѣ было до 150 человѣкъ, и куколъ такимъ образомъ набиралась пропасть.

Старшіе классы ворчали за это на маленькихъ, смѣялись надъ ними, дразнили ихъ... забывая, что недавно и сами съ такою же ношей являлись къ столу.

Однажды государь пріѣхалъ къ самому обѣду и, освѣдомившись, гдѣ дѣти, прошелъ прямо въ столовую.

Дѣти только что сѣли за столъ, и окна маленькаго класса какъ на грѣхъ пестрѣли особенно нарядными и разнообразнымъ кукольнымъ маскарадомъ.

Государь сначала поздоровался со старшими классами и, перейдя затѣмъ къ столамъ, занятымъ «кафульками», прямо наткнулся на кукольную галлерею.

— Ахъ, mesdames!.. Что за прелесть!.. смѣясь, воскликнулъ онъ и, взявъ въ руки какую-то особенно пестро раздѣтую куклу, спросилъ: —Чья это такая франтиха?..

Въ отвѣтъ на это съ мѣста поднялась маленькая дѣвочка и, на вопросъ, какъ зовутъ ея куклу, пресерьезно объявила, что ее зовутъ Катей.

Тѣмъ бы и окончился милостивый обзоръ императора, если бы въ числѣ разсаженныхъ по окнамъ куколъ ему не бросился въ глаза гусаръ въ ярко-синемъ мундирѣ, весь расшитый золотой канителью.

Государь прямо направился къ этому фарфоровому воину и, взявъ его въ руки, смѣясь, спросилъ:

— Ба, ба, ба!.. Ты сюда какъ попалъ?..

— Я принесла!.. храбро объявила маленькая бѣлокуренькая дѣвочка, вся въ завиткахъ, видимо, рѣшившаяся грудью отстоять права своего мишурнаго любимца.

Государь много смѣялся и прозвалъ малютку «барышня съ гусаромъ». Это названіе такъ и осталось за нею до самаго выпуска, и это тѣмъ забавнѣе, что прозвище это оказалось какъ бы пророческимъ, и не прошло года послѣ ея выпуска, какъ она уѣхала въ Варшаву и тамъ вышла замужъ за блестящаго офицера Павлоградскаго гусарскаго полка.

Мишурнаго гусара своего она тщательно сохраняла на память, и куклу эту, за которой укрѣпилось названіе «царскаго гусара», знали всѣ современные намъ классы, отъ мала до велика.

А. Соколова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Характеристика русскаго просвѣщенія со времени учрежденія министерства.

(Историческій очеркъ).

(*Окончаніе*).

III.

Тяжелая крымская война породила, между прочимъ, усиленный спросъ на офицеровъ. Обстоятельство это сопровождалось повелѣніемъ принимать кончившихъ курсъ Московскаго и Петербургскаго университетовъ въ пѣхоту и кавалерію прямо офицерами, если они обладали удовлетворительными знаніями строевого устава пѣхотной службы, или артиллеріи и полевой фортификаціи, а воспитанниковъ столичныхъ гимназій, при удовлетворительныхъ успѣхахъ въ военныхъ занятіяхъ, производить въ офицеры по выслугѣ въ унтеръ-офицерскомъ званіи: дворянами—шести мѣсяцевъ, а изъ прочихъ сословій, если удостоены права на 14 классъ—за одинъ годъ, безъ различія происхожденія; тѣмъ же, которые не удостоены этого права, сокращать срокъ выслуги на половину противъ обычнаго срока (эти преимущества предоставлялись только на военное время). Окончившіе курсъ въ университетахъ должны были прослужить въ резервахъ: кандидаты два, а дѣйствительные студенты четыре мѣсяца, послѣ чего переводились въ дѣйствующіе полки. Окончившіе же курсъ въ гимназіяхъ, въ зависимости отъ своихъ правъ, должны были прослужить въ резервахъ послѣ производства въ офи-

церы отъ шести мѣсяцевъ, до года. Наконецъ, кандидаты физико-математическаго факультета, изучавшіе артиллерію и полевую фортификацію, опредѣлялись въ артиллерію прапорщиками съ тѣмъ, чтобы выдержали испытаніе по программѣ военно-учебныхъ заведеній (19 марта 1855 г.).

Въ формѣ обмундированія всѣхъ гражданскихъ заведеній мундиры замѣнены однобортными полукафтанами темно-зеленаго цвѣта; существовавшіе для учениковъ сюртуки, а для пансіонеровъ куртки оставлены, но со скошенными стоячими воротниками; треугольныя шляпы введены какъ у флотскихъ чиновъ, а шпаги по формѣ гражданскихъ чиновъ (23 іюня 1855 г.).

Въ виду всеобщаго стремленія къ высшему образованію и довѣренности, которую заслужили университеты,— дозволено принимать въ нихъ неограниченное число студентовъ (23 ноября 1855 г.). По заключеніи мира—отмѣнены преподававшіяся въ столичныхъ университетахъ и гимназіяхъ военныя науки и экзерциціи, введенныя для приготовленія въ возможной скорости практическихъ офицеровъ, требовавшихся по обстоятельствамъ военнаго времени (13 апрѣля 1856 г.).

Впослѣдствіи пребываніе въ военной службѣ для производства въ первый офицерскій чинъ опредѣлено: магистрамъ и кандидатамъ духовныхъ академій—три мѣсяца, студентамъ духовныхъ семинарій, пользовавшимся правами на чинъ 14 класса, воспитанникамъ дворянскихъ институтовъ и гимназій, выпускавшимся съ правомъ на чинъ 14 класса—одинъ годъ (27 іюня 1856 г.); домашнихъ наставниковъ и учителей, поступавшихъ въ гражданскую службу, разрѣшено производить: наставниковъ—за шесть, а учителей—за восемь лѣтъ (16 іюля 1856 г.).

На укомплектованіе аудиторіатскаго вѣдомства разрѣшено: студентовъ и кандидатовъ, окончившихъ курсъ на классный чинъ въ университетахъ, духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, принимать въ аудиторіатскій департаментъ, полевые аудиторіаты и штабы корпусовъ; на приготовленіе ихъ въ аудиторы полагался годъ, потомъ способныхъ опредѣляли въ названныя учрежденія, а неспособныхъ—увольняли, для избранія другого рода службы (27 апрѣля 1856 г.).

Главное правленіе училищъ подверглось переустройству по согласованію его значенія съ совѣтомъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ положеніе его было значительно возвышено и при немъ возстановленъ ученый комитетъ. Журналы

правленія надлежало представлять въ подлинникѣ императору Александру II (5 мая 1856 г.).

Вмѣсто существовавшаго въ Варшавѣ медицинскаго факультета учреждена была медико-хирургическая академія. Профессора, адъюнкты и преподаватели на первое время назначались министромъ, по соглашенію съ намѣстникомъ Царства Польскаго, съ тѣмъ, чтобы конференція академіи начертала подробную инструкцію о порядкѣ испытанія студентовъ, примѣняясь къ правиламъ, существовавшимъ по сему предмету въ имперіи (2 іюня 1857 г.). По недостатку врачей увеличены казенныя вакансіи медицинскихъ студентовъ университетовъ до 60, изъ кончавшихъ курсъ въ гимназіяхъ воспитанниковъ приказовъ общественнаго призрѣнія, обязывавшихся прослужить по министерству внутреннихъ дѣлъ десять лѣтъ (15 октября 1857 г.).

Для улучшенія положенія учителей и бѣдныхъ учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ платилось по 5 рублей въ годъ, установлено взимать съ учениковъ гимназій съ 1858 года по 10 руб. въ годъ, а во всѣхъ дворянскихъ и уѣздныхъ училищахъ вмѣсто 5—по 8 р. въ годъ, съ приходящаго ученика (4 декабря 1857 г.).

Быстрое размноженіе воскресныхъ школъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ имперіи признавалось весьма важнымъ фактомъ, а потому подтверждено попечителямъ округовъ о неослабномъ наблюденіи за этими школами, согласно указаніямъ министра народнаго просвѣщенія, и сообщено митрополитамъ обѣихъ столицъ и оберъ-прокурору святѣйшаго синода, для распоряженія по прочимъ губерніямъ, чтобы епархіальное начальство назначило въ каждую школу священника, который, сверхъ обязанности преподавателя закона Божія, наблюдалъ бы вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ и при его содѣйствіи, чтобы въ школахъ не допускалось ничего противнаго правиламъ православной вѣры и началамъ нравственности (8 ноября 1861 г.). Впослѣдствіи воскресныя школы и читальни закрыты временно, впредь до пересмотра и утвержденія объ нихъ особыхъ правилъ (10 іюня 1862 г.).

По случаю возникавшихъ среди студентовъ университетовъ, безпорядковъ поручено учебному начальству: 1) имѣть въ виду при разсмотрѣніи пректированнаго уже устава о гимназіяхъ, предположенія о возстановленіи классическаго образованія, съ тѣми измѣненіями, какія могли быть признаны нужными; 2) производить пріемные экзамены желавшихъ по-

ступить въ университеты—въ гимназіяхъ, вмѣстѣ съ учениками высшаго класса и въ присутствіи, когда окажется нужнымъ, депутатовъ отъ университета, къ округу коего принадлежали гимназіи; 3) строго исполнять предписанныя правила о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ университета, воспрещая всякія сходки безъ разрѣшенія начальства и объясненія съ нимъ чрезъ депутатовъ и сборищемъ; 4) составить для студентовъ правила о точномъ посѣщеніи лекцій, съ соблюденіемъ порядка и тишины, а на лекціяхъ не допускать шумнаго одобренія или порицанія преподаванія; 5) имѣть неуклонный надзоръ за соблюденіемъ студентами надлежащаго порядка въ университетѣ, а неисполняющихъ сихъ правилъ, несмотря на напоминанія,—увольнять изъ университета, не подвергая какимъ-либо другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежали суду по законамъ; 6) допускать на лекціи вольнослушателей, соображаясь съ вмѣстимостью университетской аудиторіи, и съ предоставленіемъ притомъ профессорамъ права удалять тѣхъ вольнослушателей, которые окажутся виновными въ нарушеніи порядка; 7) предоставить министру о возстановленіи переходныхъ экзаменовъ на первыхъ двухъ курсахъ передать на обсужденіе главнаго правленія училищъ; 8) не принимать впредь студентовъ ранѣе 17-лѣтняго возраста, отмѣнить *форменную одежду* и не дозволять ношеніе какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности, товариществъ или обществъ; частная же одежда студентовъ должна быть приличная; 9) отъ взноса освобождать только дѣйствительно бѣдныхъ студентовъ, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, полагая для каждой губерніи университетскаго округа по два такихъ студента, въ томъ числѣ одного изъ учившихся въ гимназіи; другихъ же исключеній не допускать ни подъ какимъ предлогомъ; 10) пособія и стипендіи назначать только отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа; 11) взыскиваемыя со студентовъ деньги за право слушанія лекцій назначать на увеличеніе содержанія профессоровъ адъюнктовъ, лекторовъ и приватъ-доцентовъ и на пособія или стипендіи студентамъ; 12) выборъ ректоровъ и проректоровъ производить на основаніи устава 1835 г., а данную въ 1851 г. ректорамъ и деканамъ факультетовъ инструкцію пересмотрѣть, сохранивъ точный смыслъ 11-го ея пункта о порядкѣ преподаванія, которымъ и руководствоваться до пересмотра инструк-

ціи. Наконецъ, впредь до исполненія перечисленныхъ правилъ предоставлено генералъ-губернаторамъ: кіевскому, подольскому и волынскому удалять изъ Кіевскаго университета всѣхъ студентовъ, которые участвовали бы въ важныхъ безпорядкахъ, или на которыхъ падало бы подозрѣніе, подкрѣпленное достаточными данными, что они дѣйствовали въ качествѣ эмиссаровъ враждебной правительству пропаганды, а виленскому и ковенскому—изыскать удобство открытія во ввѣренномъ ему краѣ высшихъ учебныхъ заведеній юридическаго и медицинскаго, съ преподаваніемъ наукъ на русскомъ языкѣ (31 мая 1861 г.).

Особому комитету изъ представителей всѣхъ министерствъ и духовнаго вѣдомства поручено начертать общій планъ устройства приходскихъ, начальныхъ, сельскихъ и другихъ элементарныхъ школъ и училищъ, а составленный проектъ внести, чрезъ министерство просвѣщенія, въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія (28 іюля 1861 г.).

Для пересмотра университетскаго устава, требовавшаго съ теченіемъ времени измѣненія, приглашены были въ Петербургъ, для совѣщанія: попечители, ихъ помощники, а также нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ, близко знакомыхъ съ состояніемъ университета и коммиссія эта открыла свои засѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду безпорядковъ въ Петербургскомъ университетѣ было повелѣно: 1) закрыть университетъ впредь до пересмотра устава и до утвержденія измѣненій, которыя признаны будутъ полезными; 2) открыть университетъ на новыхъ, въ пересмотрѣнномъ уставѣ опредѣленныхъ, основаніяхъ; 3) всѣхъ студентовъ университета считать изъ него уволенными, съ предоставленіемъ имъ обратиться въ другіе университеты, съ сохраненіемъ за ними пріобрѣтенныхъ по день закрытія университета преимуществъ; 4) профессоровъ и другихъ должностныхъ лицъ уволить за штатъ до открытія университета на новыхъ началахъ; 5) по открытіи университетовъ профессорамъ и другимъ лицамъ университетскаго состава и студентамъ разрѣшить поступить на новыхъ правилахъ, какія будутъ постановлены. Комиссіи же, занимавшейся пересмотромъ устава, вмѣнено опредѣлить порядокъ поступленія вновь въ университетъ всѣхъ лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для нуждавшихся въ средствахъ къ жизни и затруднявшихся переселиться въ другіе университетскіе города студентовъ отпущена была сумма для выдачи имъ пособія, по усмотрѣнію

генералъ-губернатора князя Суворова (20 декабря 1861 г.). Вслѣдств іе закрытія университета сдѣланы распоряженія: 1) объ управленіи университетомъ, впредь до открытія его по новому уставу, временною комиссіею съ правами и обязанностями по уставу 1835 года и послѣдовавшимъ потомъ законоположеніямъ для совѣта и управленія бывшаго университета; 2) объ открытіи восточнаго факультета съ подчиненіемъ его комиссіи; 3) о причисленіи профессоровъ и преподавателей бывшаго университета къ министерству, съ сохраненіемъ полнаго содержанія и правъ по учебной части, съ тѣмъ, чтобы они исполняли порученія министерства и комиссіи по университету, независимо отъ чтенія лекцій; 4) объ оставленіи всѣхъ лицъ, завѣдывавшихъ вспомогательными учрежденіями университета, при своихъ мѣстахъ, съ предоставленіемъ комиссіи уменьшить ихъ число; 5) объ отпускѣ въ вѣдѣніе комиссіи всѣхъ штатныхъ суммъ съ тѣмъ, чтобы она ихъ расходовала на основаніи счетнаго устава; 6) о производствѣ прибывшимъ и имѣвшимъ прибыть изъ-за границы молодымъ ученымъ, предназначавшимся къ профессорскимъ занятіямъ въ университетѣ, адъюнктскаго содержанія до опредѣленія къ должностямъ; 7) о допущеніи бывшихъ студентовъ 4 и 3 курсовъ къ испытанію въ Петербургѣ, въ особомъ испытательномъ комитетѣ при комиссіи, которая уполномочивалась удостаивать, на правахъ университетскаго совѣта, званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата (25 января 1862 г.). Физико-математическій факультетъ открытъ, по примѣру восточнаго, осенью 1862 г., а остальные дозволено было открыть на основаніи новаго устава осенью 1863 г. (10 іюня 1862 г.).

Ришельевскій лицей преобразованъ въ университетъ въ Одессѣ, подъ названіемъ Новороссійскаго университета, на основаніи общаго университетскаго устава (10 іюня 1862 г.).

На счетъ суммъ министерства въ университетахъ учреждены были стипендіи, которыя предписывалось предоставить на первое время бывшимъ студентамъ Петербургскаго университета, заслуживавшимъ пособія для продолженія ученія, а по выбытіи этихъ студентовъ изъ университетовъ стипендіи оставались бы принадлежностью тѣхъ университетовъ, въ которыхъ учреждены (14 іюня 1862 г.). Ученому комитету главнаго управленія училищъ поручено разсмотрѣть замѣчанія на проектъ университетскаго устава, передѣлать самый проектъ и составить штаты университетовъ (21 іюня 1862 г.).

Указомъ сената объявлено объ измѣненіи устава университетовъ, съ тѣмъ, чтобы они введены были въ дѣйствіе съ 1 сентября 1863 г. Въ силу этихъ измѣненій каждый университетъ ввѣрялся попечителю округа, а ближайшее его управленіе принадлежало ректору. Составными частями университетскаго управленія, сверхъ факультетовъ, считались совѣтъ, правленіе, судъ и проректоръ, или инспекторъ. Деканы избирались въ собраніяхъ факультетовъ на три года и утверждались министромъ; факультетскія собранія состояли изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ; въ засѣданія могли быть приглашаемы съ правомъ голоса и доценты по выслугѣ ими 2 лѣтъ, а преподаватели при рѣшеніи вопросовъ, касавшихся исключительно преподаваемой ими науки и при испытаніяхъ на степень кандидата или званія дѣйствительнаго студента. Приватъ - доцентовъ дозволялось имѣть въ неограниченномъ числѣ. Попечитель въ чрезвычайныхъ случаяхъ уполномочивался дѣйствовать и съ „превышеніемъ власти“, о чемъ доводилъ лишь своевременно до свѣдѣнія министра; дѣлалъ совѣту, когда признавалъ нужнымъ, предложенія по дѣламъ какъ университета, такъ и округа. Ректоръ избирался совѣтомъ на 4 года изъ ординарныхъ профессоровъ и утверждался высочайшимъ приказомъ; онъ обязывался „пещись о благоустройствѣ университета“, объ исполненіи всѣми всѣхъ своихъ обязанностей, о правильномъ и полномъ преподаваніи наукъ, сообразно программѣ; назначалъ и закрывалъ засѣданія университетскихъ совѣта и правленія, въ которыхъ предсѣдательствовалъ; давалъ преподавателямъ отпуски собственною властью на 29 дней, принималъ просьбы о пріемѣ въ студенты и вольнослушатели, о переходѣ изъ одного факультета въ другой и объ увольненіи изъ университета, о чемъ доводилъ до свѣдѣнія совѣта; вправѣ былъ: чиновникамъ, студентамъ и вольнослушателямъ объявлять замѣчанія и выговоры, о неисправностяхъ преподавателей сообщать совѣту, факультетскому собранію и попечителю, а также ходатайствовать о награжденіи отличныхъ преподавателей и служащихъ при университетѣ. Университетскій совѣтъ составлялся, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ университета, вправѣ былъ приглашать въ совѣтъ доцентовъ и преподавателей, но только съ совѣщательнымъ голосомъ. Собранія совѣта долженствовали происходить не менѣе раза въ мѣсяцъ, по повѣсткамъ, съ обозначеніемъ въ нихъ пред-

метовъ засѣданія. Всѣ члены обязывались присутствовать въ засѣданіяхъ, но не явившіеся теряли право голоса по дѣламъ, въ засѣданіи рѣшеннымъ; совѣтъ считался состоявшимся при двухъ третяхъ наличныхъ членовъ. Предметами занятій *совѣта* считались: 1) распредѣленіе предметовъ и порядокъ преподаванія во всѣхъ факультетахъ; 2) присужденіе медалей и назначеніе стипендій студентамъ; 3) присужденіе премій за ученые труды; 4) утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и званіи дѣйствительнаго студента; 5) распредѣленіе суммъ на учебныя пособія; 6) оставленіе при университетѣ стипендіатовъ, для приготовленія къ профессорскому званію; 7) распоряженіе по изданію ученыхъ сочиненій; 8) рѣшенія по программамъ на конкурсы для занятій вакантныхъ каѳедръ; 9) разсмотрѣніе финансовой смѣты; 10) утвержденіе постановленій университетскаго суда. *Правленіе* университета состояло, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ декановъ всѣхъ факультетовъ и проректора; ему предоставлялось: 1) производство смѣтныхъ расходовъ и сверхсмѣтныхъ не свыше 300 руб.; 2) заключеніе контрактовъ на подряды и поставки до 5,000 рублей; 3) разбирательства по студенческимъ дѣламъ и взысканія съ виновныхъ, по опредѣленнымъ правиламъ; 4) преданіе виновныхъ университетскому суду. Засѣдать оно должно было не менѣе раза въ недѣлю, и ежемѣсячно сообщать совѣту и попечителю краткую вѣдомость о состояніи наличныхъ суммъ. Университетскій *судъ* составлялся изъ избираемыхъ ежегодно изъ профессоровъ трехъ судей и трехъ кандидатовъ; въ судѣ предсѣдательствовалъ членъ изъ юридическаго факультета, а вѣдалъ онъ дѣла студентовъ о нарушеніи ими въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядка, о столкновеніяхъ между ними и преподавателями и должностными лицами университета, хотя бы произошли и внѣ зданія университета. Ближайшее наблюденіе за исполненіемъ установленныхъ для студентовъ и слушателей правилъ возлагалось совѣтомъ, изъ своихъ членовъ, на избираемаго на 3 года проректора, утверждавшагося министромъ. Въ помощь проректору назначалось нѣсколько помощниковъ. По избранію совѣта, профессоры утверждались министромъ, а доценты и лекторы—попечителемъ; въ случаяхъ, когда вакантныя каѳедры не замѣщались втеченіе года избранными совѣтомъ кандидатами, министръ могъ *назначать* въ профессоры по своему избранію лицъ, удовлетворявшихъ требованіямъ; отъ него же зависѣло также назначать во всякое время сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ, отличныхъ

ученостью, даромъ преподаванія и удовлетворявшихъ прочимъ условіямъ, требовавшимся отъ профессора. Приватъ-доцентамъ штатнаго содержанія не полагалось, но совѣтъ могъ, по представленію факультетовъ, выдавать имъ, изъ спеціальныхъ средствъ, вознагражденіе. Въ случаѣ нерадѣнія профессоровъ и преподавателей и при безуспѣшности сдѣланныхъ имъ отъ совѣта замѣчаній,—онъ обязывался представлять объ удаленіи ихъ отъ должностей, но не иначе, какъ по приговору двухъ третей членовъ закрытой баллотировкой. Въ студенты принимались окончившіе съ успѣхомъ гимназическій курсъ, или выдержавшіе по этому курсу испытаніе и получившіе аттестаты, но совѣту *предоставлялось*, если онъ признавалъ нужнымъ, *провѣрить степень знаній желавшихъ поступить въ студенты*, посредствомъ испытаній по особымъ правиламъ; сверхъ студентовъ къ слушанію лекцій допускались постороннія лица. Полный курсъ университетскаго преподаванія распредѣлялся по медицинскому факультету—на пять, а по прочимъ—на четыре года; окончившіе полное испытаніе съ отличнымъ успѣхомъ выпускались кандидатами, а съ удовлетворительнымъ — дѣйствительными студентами. Студенты и слушатели обязывались повиноваться университетскому начальству и соблюдать порядокъ, въ чемъ давали подписки; слушателямъ за нарушеніе университетскихъ правилъ могъ быть воспрещенъ входъ въ университетъ, по распоряженію проректора; если нарушеніе студентами правилъ сопровождалось уголовнымъ преступленіемъ, то, по исключеніи виновнаго университетскимъ судомъ изъ студентовъ,—онъ отсылался, съ препровожденіемъ копіи приговора, къ обыкновенному уголовному суду. Внѣ зданія и учрежденій университета студенты подлежали полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи, но полиція, при задержаніи студентовъ, подлежавшихъ уголовному суду, — обязывалась увѣдомлять университетское начальство. Взималось за слушаніе лекцій съ каждаго студента въ университетахъ: столичныхъ—по 50, а прочихъ—по 40 руб. въ годъ впередъ по полугодно; невнесшіе денегъ втеченіе 2 мѣсяцевъ увольнялись изъ университета. Для обезпеченія недостаточныхъ студентовъ разрѣшалось давать имъ отсрочки, уменьшать плату и освобождать отъ нея. Совѣты университетовъ по представленіямъ факультетовъ и на основаніи ихъ удостоенія имѣли право утверждать въ званіи дѣйствительнаго студента, кандидата, магистра и доктора (18 іюня 1863 г.). Согласно этому уставу были открыты всѣ факультеты Петербургскаго университета (18 іюня 1863 г.).

Вслѣдствіе обнаружившихся въ содержаніи многихъ гимназическихъ пансіоновъ затрудненій, происходившихъ преимущественно отъ невзноса дворянствомъ денегъ въ опредѣленномъ размѣрѣ и отъ слишкомъ малой платы,—послѣдовали распоряженія о понужденіи дворянства и родителей къ погашенію недоимокъ, къ возвышенію платы за воспитанниковъ, къ увеличенію суммы на казенныхъ пансіонеровъ и къ уменьшенію ихъ числа, къ недопущенію впредь недоимокъ, къ пріему въ пансіоны дѣтей священнослужителей, почетныхъ гражданъ и купцовъ первыхъ двухъ гильдій, съ тѣмъ, что если и далѣе существованіе пансіоновъ окажется невозможнымъ, то предоставить министерству закрывать ихъ, съ передачею сыновей родителямъ (1 іюля 1863 г.). Въ виду возраставшей дороговизны на всѣ предметы необходимости, попечителямъ округовъ разрѣшено въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ возвысить плату сообразно мѣстнымъ условіямъ (2 іюля 1863 г.). Дѣтей нижнихъ чиновъ, уволенныхъ изъ кантонистовъ военнаго и морского вѣдомствъ и подлежавшихъ по достиженіи совершеннолѣтія припискѣ въ податное состояніе, дозволено принимать въ гимназіи и уѣздныя училища, наравнѣ съ прочими (9 сентября 1863 г.).

По случаю предстоявшей судебной реформы, предвидѣлась надобность въ передачѣ на письмо рѣчей тяжущихся, показаній подсудимыхъ и свидѣтелей; поэтому въ интересахъ правительства и общества разрѣшено ввести въ учебныхъ заведеніяхъ обученіе стенографіи, а существовавшее воспрещеніе принимать въ учебныя заведенія сыновей не классныхъ придворно-служителей отмѣнено (7 октября 1863 г.).

Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ, они „имѣли цѣлью утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія“, а потому курсъ ихъ составлялъ: законъ Божій, чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и церковное пѣніе тамъ, гдѣ оно признавалось полезнымъ. Принимать въ эти училища дозволялось дѣтей *всѣхъ состояній*, безъ различія вѣроисповѣданія, обоего пола, тамъ, гдѣ не оказывалось способовъ имѣть отдѣльныя мужскія и женскія училища; воскресныя же школы учреждались лишь для одного пола. Завѣдывать этими училищами поручалось уѣзднымъ и губернскимъ училищнымъ совѣтамъ изъ членовъ отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, просвѣщенія, духовнаго вѣдомства, земствъ и городовъ (14 іюля

1864 г.) При этомъ обсуждался даже вопросъ: не должно ли народное обученіе быть обязательнымъ, но вслѣдствіе финансовыхъ соображеній и недостатка учебнаго персонала вопросъ этотъ остался безъ разрѣшенія.

Уставъ гимназій и прогимназій, существовавшій съ 1828 г. и признанный устарѣвшимъ, замѣненъ новымъ, который повелѣвалось ввести съ 1865 г. По новому уставу гимназіи должны были „доставить юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служить приготовительными заведеніями для поступленія въ университеты и другія высшія спеціальныя заведенія". Гимназіи дѣлились на классическія и реальныя, въ нихъ полагалось VII классовъ; низшіе 4 класса должны были по мѣрѣ возможности помѣщаться *отдѣльно* отъ высшихъ; въ каждой губерніи полагалась, по крайней мѣрѣ, одна гимназія, а въ одномъ городѣ могло быть даже нѣсколько гимназій и прогимназій изъ послѣднихъ 4 только классовъ. Учрежденіе гимназій и прогимназій съ классическимъ или реальнымъ курсомъ предоставлялось ближайшему усмотрѣнію министра просвѣщенія, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и учебнымъ средствамъ, содержать ихъ слѣдовало на счетъ правительства, обществъ, сословій и частныхъ лицъ. Важнѣйшія дѣла гимназій и прогимназій по учебной, воспитательной и хозяйственной частямъ предписывалось обсуждать въ педагогическихъ совѣтахъ; директора и инспектора гимназій избирались попечителемъ округа и утверждались: первые—министромъ, а послѣдніе—попечителемъ. Директоръ предсѣдательствовалъ въ педагогическомъ совѣтѣ, избиралъ способныхъ учителей и представлялъ объ утвержденіи ихъ попечителю, а неспособныхъ или выслужившихъ сроки—къ увольненію; онъ могъ преподавать, съ согласія попечителя, въ какомъ-либо классѣ одинъ изъ учебныхъ предметовъ, по собственному избранію, но *безъ* особаго за то *вознагражденія;* при несогласіи съ мнѣніемъ педагогическаго совѣта — представлялъ дѣло на разрѣшеніе попечителя, а если не терпѣло отлагательствъ — исполнялъ по „собственному убѣжденію" и немедленно доносилъ о своемъ распоряженіи попечителю, вмѣстѣ съ журналомъ совѣта. Инспекторъ, какъ помощникъ директора, замѣнялъ его въ нужныхъ случаяхъ и также преподавалъ, съ его уже разрѣшенія предметъ, тоже *безъ вознагражденія* за это. Преподаватели опредѣлялись попечителемъ изъ имѣвшихъ аттестаты объ окончаніи университетскаго курса и свидѣтельства о выслушаніи особаго педагогическаго курса. Учителямъ дозволялось содержать у себя пансіонеровъ.

Латинскій языкъ вводился немедленно во всѣхъ гимназіяхъ, а греческій постепенно, по мѣрѣ приготовленія учителей этого языка; въ классическихъ гимназіяхъ было обязательно обученіе французскому или нѣмецкому языку; къ числу учебныхъ предметовъ относились гимнастика и пѣніе, но только для желающихъ. Въ *реальныхъ* гимназіяхъ преподавались въ большемъ, сравнительно съ классическими гимназіями объемѣ, математика, естественная исторія, съ присоединеніемъ къ ней химіи, физика и космографія, обязательно нѣмецкій и французскій языки, рисованіе и черченіе. Предъ выпускомъ гимназистамъ сообщалось, въ краткомъ изложенія, понятіе о государственномъ устройствѣ, объ основныхъ законахъ, касающихся верховной власти, о значеніи разныхъ присутственныхъ мѣстъ и о главныхъ законахъ гражданскихъ и уголовныхъ. По желанію родителей и за особую плату гимназисты могли обучаться музыкѣ и танцамъ. Въ каждомъ классѣ полагалось не болѣе 40 учениковъ; испытанія происходили: при поступленіи въ гимназіи, при переводѣ изъ класса въ классъ и при выпускѣ. Обучаться въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ дозволялось дѣтямъ *всѣхъ* состояній безъ различія званія и вѣроисповѣданія. Плата за ученіе производилась по полугодно впередъ. Отъ платы освобождались дѣти недостаточныхъ родителей, но не болѣе 10%. Бѣднымъ ученикамъ за успѣхи и поведеніе могли быть выдаваемы пособія и стипендіи изъ специальныхъ средствъ. Ученики, пробывшіе два года въ одномъ классѣ, увольнялись изъ заведенія. Высшую степень наказанія составляло исключеніе по опредѣленію педагогическаго совѣта. Необучавшіеся въ заведеніяхъ могли подвергаться въ нихъ испытанію изъ полнаго курса, наравнѣ съ учениками заведенія и получали также аттестаты. Педагогическій совѣтъ собирался не менѣе раза въ мѣсяцъ, а дѣла его рѣшались большинствомъ голосовъ въ присутствіи не менѣе пяти членовъ. При гимназіяхъ и прогимназіяхъ учреждались пансіоны, въ непосредственномъ управленіи мѣстнаго начальства, изъ учениковъ низшихъ четырехъ классовъ на счетъ казны, платы пансіонеровъ, особыя пожертвованія и взносы мѣстныхъ обществъ. Въ пансіоны принимались дѣти тоже всѣхъ сословій (19 ноября 1864 г.). На преобразованныя 80 гимназій и 4 прогимназій требовалось расхода 1.808.739 руб. 60 коп. въ годъ.

Для единообразія при разсмотрѣніи учебныхъ руководствъ и

пособій предназначавшихся въ среднія и низшія учебныя заведенія, ученому комитету и учебнымъ округамъ преподаны особыя правила о порядкѣ разсмотрѣнія, одобренія и введенія руководствъ для названныхъ заведеній (23 марта 1865 г.). Приготовленіе учителей для гимназій и прогимназій возложено на университеты при историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ. Студенты, пожелавшіе посвятить себя педагогическому поприщу, кромѣ обыкновенныхъ лекцій обязывались имѣть особыя занятія, приспособленныя къ будущему ихъ учительству, подъ руководствомъ профессоровъ педагогіи, которую имъ и преподавали, а по окончаніи университетскаго курса эти кандидаты причислялись къ гимназіямъ, для практическихъ занятій, на годъ, а затѣмъ, по удостовѣреніи въ ихъ способностяхъ, опредѣлялись учителями. Впродолженіе университетскаго курса и въ теченіе годичнаго занятія въ гимназіи они получали стипендію, обязывавшую ихъ къ учебной службѣ опредѣленное число лѣтъ (23 марта 1865 г.).

Согласно замѣчанію министра о недостаткѣ времени для отдыха и движенія учениковъ гимназій между классами, изданы распредѣленія классныхъ занятій отъ 9 часовъ утра до 3¼ часовъ пополудни (27 сентября 1865 г.).

Служившій священникомъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ протоіерей Раевскій въ бытность его въ Петербургѣ сообщилъ министру, что учебное вѣдомство въ Россіи могло бы для привлеченія учителей древнихъ языковъ воспользоваться желаніемъ служить въ Россіи многихъ австрійскихъ славянъ и чеховъ, имѣвшихъ дипломы учителей этихъ языковъ и нѣкоторыя познанія въ русскомъ языкѣ. Хотя число учителей древнихъ языковъ и было удвоено, но въ виду малочисленности слушателей въ русскихъ университетахъ по филологическому факультету не скоро можно было ожидать замѣщенія вакансій учителей древнихъ языковъ. И вотъ въ видѣ опыта славяне и чехи, располагавшіе дипломами, были приглашены въ учителя древнихъ языковъ въ русскія гимназіи и прогимназіи, съ тѣмъ, чтобы они предварительно пріобрѣли въ Россіи достаточныя познанія въ русскомъ языкѣ, а для этого причислены къ педагогическимъ курсамъ на время отъ одного до двухъ лѣтъ; содержаніе ихъ отнесено на остатки отъ суммъ педагогическихъ курсовъ, и они обязывались за это прослужить учителями два года за каждый годъ полученной стипендіи (22 декабря 1865 г.).

Для приготовлявшихся въ учителя гимназій и прогимназій изъ историко-филологическихъ факультетовъ образованы 290 стипендій отъ 150 до 300 р. въ годъ при всѣхъ университетахъ, отъ которыхъ ожидалось отъ 50 до 70 учителей въ годъ (18 марта 1866 г.), а для скорѣйшаго замѣщенія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вакантныхъ учительскихъ должностей по русскому и древнимъ языкамъ и по исторіи до приготовленія достаточнаго числа ихъ разрѣшено опредѣлять учителями кандидатовъ и магистровъ духовныхъ академій (27 марта 1867 г.). Для приготовленія профессоровъ разрѣшено отправлять за границу, по указанію университетовъ, такихъ молодыхъ людей, которые имѣли ученую степень магистра, или доказали свои способности преподаваніемъ въ высшемъ учебномъ заведеніи втеченіе двухъ лѣтъ, но только на такія каѳедры, на которыя нельзя было приготовиться въ русскихъ университетахъ, причемъ на содержаніе ихъ за границею полагалось по 1.200 руб. въ годъ (27 марта 1867 г.).

По правиламъ о надзорѣ за студентами внѣ стѣнъ университетовъ и за воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ оставлено въ силѣ существовавшее постановленіе о томъ, чтобы внѣ зданій и учрежденій заведеній студенты подлежали полицейскимъ установленіямъ, но подчиненіе учащихся надзору общей полиціи не избавляло ихъ отъ повиновенія учебному начальству и внѣ заведеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ полиція обязывалась извѣщать это начальство о проступкахъ учащихся внѣ заведеній и о дѣйствіяхъ, навлекавшихъ сомнѣніе въ ихъ нравственной и политической благонадежности, а начальство заведеній обязывалось исполнять то же самое въ отношеніи полиціи, а объ исключенныхъ или удаленныхъ за предосудительное поведеніе или направленіе, помимо сообщеній гражданскому начальству, съ изложеніемъ причинъ исключенія, представлялись свѣдѣнія въ центральныя управленія заведеній, послѣднія же передавали ихъ центральнымъ управленіямъ другихъ вѣдомствъ. Въ Московскомъ университетѣ было предложено устроить по надзору соглашеніе университетскаго начальства съ оберъ-полицеймейстеромъ, а если будетъ нужно, и съ московскимъ генералъ-губернаторомъ. Такое же соглашеніе предлагалось ввести и въ другихъ мѣстахъ, если, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, оно окажется необходимымъ. Возбранено учащимся устраивать концерты, спектакли, чтенія и другія публичныя собранія. Для единства

дѣйствій и распоряженій высшимъ учебнымъ заведеніямъ предлагалось сообщать другъ другу дисциплинарныя и другія правила, предписанныя относительно учащихся высшимъ начальствомъ или установленныя управленіями самихъ учебныхъ заведеній. Наконецъ, къ слушанію лекцій въ университетахъ попрежнему разрѣшено допускать служащихъ и отставныхъ чиновниковъ и вообще лицъ всѣхъ состояній съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ, причемъ ректорамъ предоставлено требовать о ихъ поведеніи свѣдѣнія, не стѣсняясь никакими форменными свидѣтельствами. Изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ предписано допускать въ вольнослушатели не иначе, какъ при требованіи удовлетворительныхъ отмѣтокъ въ законѣ Божіемъ, русскомъ языкѣ, математикѣ и латинскомъ языкѣ (28 мая 1867 г.).

Для древне-греческаго языка существовуетъ два произношенія звуковъ: эразмово и рейхлиново; изъ нихъ первое употребляется въ Европѣ, а второе въ православныхъ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, а также употреблялось и въ гимназіяхъ. Между тѣмъ эразмово произношеніе было признано болѣе удобнымъ въ педагогическомъ отношеніи; поэтому рѣшено въ низшихъ классахъ гимназій принять эразмово, а въ высшихъ классахъ рейхлиново, въ виду возможно полнаго и наиболѣе удобнаго ознакомленія учениковъ съ греческимъ языкомъ (13 марта 1868 г.).

На основаніи 78 ст. устава университетовъ профессора, выслужившіе 20 лѣтъ, оставлялись на службѣ еще на пять лѣтъ лишь по новомъ избраніи ихъ въ совѣтѣ большинствомъ двухъ третей членовъ. Законъ этотъ представлялъ неудобство въ томъ отношеніи, что при малочисленности профессоровъ и лицъ, приготовленныхъ къ этому званію, университеты лишались преподавательскихъ силъ. Такъ, въ Кіевскомъ университетѣ при баллотировкѣ для оставленія на пять лѣтъ не получили установленнаго числа голосовъ четыре профессора, которые поэтому должны были оставить службу, несмотря на то, что могли съ пользою ее продолжать, но и вмѣсто ихъ никто не былъ избранъ. Оттого министру предоставлено замѣщать вакантныя каѳедры по своему усмотрѣнію (20 октября 1868 г.).

Бывшіе воспитанники Петербургскаго университета, собираясь ежегодно на обѣдъ въ день его основанія, удѣляли часть своихъ средствъ на воспособленіе недостаточнымъ студентамъ. Желая поддержать этотъ источникъ благотворитель-

ности, бывшіе студенты, тайные совѣтники: графъ Паленъ, Устряловъ, Домонтовичъ, Любощинскій, Гедда и Вороновъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Беръ, статскій совѣтникъ Краузольдъ и коллеж. ассесоръ графъ Литке просили разрѣшенія на предоставленіе распорядителямъ обѣдовъ принимать пожертвованія въ пользу недостаточныхъ студентовъ, съ вмѣненіемъ имъ въ обязанность представлять о своихъ дѣйствіяхъ ежегодные отчеты университету. Въ разрѣшеніе просьбы установлено, чтобы распорядители были утверждаемы попечителемъ, принимали просьбы студентовъ о вспомоществованіи и не входили съ прочими ни въ какія сношенія, а списки студентовъ, которымъ предполагались пособія, сообщались бы ректору, который вправѣ былъ исключать недостойныхъ (8 февраля 1869 г.).

Въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа предписано преподавать нѣкоторые предметы на русскомъ языкѣ (1 мая 1869 г.), а въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ того же округа учить на русскомъ языкѣ физико-математическіе и историческіе предметы, съ предвареніемъ содержателей заведенія, что впослѣдствіи русскій языкъ будетъ распространенъ и на другіе предметы преподаванія (1 мая 1869 г.). Варшавская главная школа преобразована въ университетъ, съ распространеніемъ на него, сообразно мѣстнымъ условіямъ, законоположеній, существовавшихъ въ русскихъ университетахъ; на его содержаніе полагалось 211.780 р. въ годъ (8 іюня 1869 г.). Политехническій, земледѣльческій, лѣсной институтъ въ Новой Александріи преобразованъ въ институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства (8 іюня 1869 г.).

Вслѣдствіе происходившихъ въ мартѣ 1869 г. безпорядковъ въ Петербургскомъ университетѣ, медико-хирургической академіи и технологическомъ институтѣ—произведены измѣненія въ дисциплинарныхъ правилахъ, причемъ начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній предписано: въ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ оканчивавшимъ курсъ или выбывавшимъ до окончанія, отмѣчать о поведеніи, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, а университетскимъ властямъ предложено: на университетскихъ повѣрочныхъ испытаніяхъ спрашивать изъ нѣсколькихъ предметовъ, подходящихъ къ наукамъ того факультета, въ который молодой человѣкъ желалъ поступить, съ обращеніемъ надлежащаго вниманія на письменные отвѣты, какъ на одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ оцѣнкѣ зрѣлости, сужденія и знанія отечественнаго языка. Попечите-

лямъ предоставлено требовать отъ совѣтовъ самыхъ подробныхъ донесеній о результатѣ испытаній, дабы могли принимать мѣры къ устраненію недостатковъ и злоупотребленій по среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Пріемъ въ заведенія молодыхъ людей, подвергшихся повѣрочнымъ испытаніямъ, зависѣлъ отъ ихъ результатовъ. При переходѣ изъ одного высшаго учебнаго заведенія въ другое не довольствоваться одними свидѣтельствами объ одобрительномъ поведеніи, а требовать подробныя свѣдѣнія о переходящемъ, посредствомъ частныхъ сношеній. Точно также при перечисленіи слушателей въ студенты, а равно при пріемѣ вновь въ студенты уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній рекомендовалось обращать особенное вниманіе на прежнее поведеніе зачисляемыхъ, а начальству заведеній вмѣнено въ обязанность слѣдить, чтобы всѣ члены инспекцій по возможности знали въ лицо всѣхъ посѣщающихъ заведеніе; обсудить въ совѣтахъ, какія слѣдовало бы принимать мѣры для привлеченія студентовъ къ работѣ подъ руководствомъ преподавателей надъ различными предметами науки; оставлять на одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ впродолженіе всего ученія; отмѣтки, полученныя до выбытія изъ заведеній на курсовыхъ испытаніяхъ, зачислять лишь въ случаяхъ, если со времени выхода прошло не болѣе года; литографированіе лекцій и конспектовъ дозволять только самимъ преподавателямъ, съ тѣмъ, чтобы записки поступали въ продажу наравнѣ съ печатными книгами; въ распредѣленіи лекцій избѣгать длинныхъ промежутковъ; представлять ежемѣсячно совѣтамъ и конференціямъ вѣдомость о числѣ пропущенныхъ каждымъ преподавателемъ лекцій. При освобожденіи отъ платы и отсрочкѣ ея, назначеніи пособій и стипендій обращать тщательное вниманіе на успѣхи учащихся и ихъ поведеніе, а инспекціи узнавать, дѣйствительно ли просящій нуждается въ льготѣ или пособіи; замѣчанія, выговоры и другія взысканія заносить въ особую книгу, причемъ отмѣтки эти должны имѣть вліяніе на предоставленіе учащимся льготъ; учащихся, отлучающихся изъ города безъ разрѣшенія начальства, увольнять изъ заведенія. Мѣрами взысканія введены: увольненіе на годъ съ правомъ поступленія немедленно въ другое высшее заведеніе, внѣ того города, изъ котораго виновный удаленъ; увольненіе на годъ безъ права поступленія въ какое-либо другое заведеніе; удаленіе на два года съ воспрещеніемъ принимать въ какія-либо заведенія и исключеніе съ тѣмъ, чтобы втеченіе 3 лѣтъ не принимать въ другія заведенія (8 іюля 1869 г.).

Учителей начальныхъ училищъ освободили отъ рекрутской и другихъ натуральныхъ повинностей, если они происходили изъ податныхъ сословій (26 ноября 1870 г.).

Въ уставѣ гимназій и прогимназій 1864 г. сдѣланы измѣненія и дополненія. Такъ, въ гимназіяхъ въ 7-мъ классѣ введенъ двухгодичный курсъ и образованъ приготовительный классъ. Въ приготовительномъ классѣ число учениковъ не ограничивалось комплектомъ; для поступленія въ этотъ классъ требовалось знаніе главнѣйшихъ молитвъ и важнѣйшихъ событій изъ священной исторіи; умѣнье читать по-русски, пересказывать легкіе разсказы, писать подъ диктовку, читать по-церковно-славянски и первыя четыре ариѳметическія дѣйствія, а принимать устанавливалось не моложе десяти лѣтъ. Свидѣтельство объ окончаніи курса прогимназій давало право на поступленіе въ 5-й классъ гимназіи безъ испытанія, если прошло не болѣе 3 мѣсяцевъ. Размѣръ платы за ученіе опредѣлялся педагогическимъ совѣтомъ, съ утвержденіемъ министра. (19 іюня и 1 іюля 1871 г.). Такъ какъ въ полномъ уставѣ подробно изложены всѣ правила, дѣйствующія понынѣ, то приводить ихъ нѣтъ основанія, ибо они болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны (30 іюля 1871 г.). Между прочимъ, позднѣе образованъ въ гимназіяхъ 8-й классъ, замѣнившій второгодичный курсъ 7-го (13 мая 1875 г.).

На основаніи утвержденнаго устава реальныхъ училищъ, они открывались для „доставленія учащемуся въ нихъ юношеству общаго образованія, приспособленнаго къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній“. Содержаться они должны были на счетъ казны или съ пособіями отъ земствъ, обществъ, сословій, частныхъ лицъ или вполнѣ на счетъ послѣднихъ, а учиться въ нихъ вправѣ были дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія; правила внутренней ихъ жизни согласованы съ классическими гимназіями; ко времени утвержденія устава этихъ училищъ ихъ было правительственныхъ только 9 (15 мая 1872 г.).

Согласно утвержденному положенію о городскихъ училищахъ и учительскихъ институтахъ, существовавшія въ 1872 г. 402 уѣздныхъ училища надлежало преобразовать сообразно этому положенію, по мѣрѣ приготовленія учительскими институтами учителей, т. е. со второй половины 1874 г. Институтовъ этихъ полагалось семь; на 402 городскихъ училища исчислено было расхода 1.009.505 рублей, на семь институтовъ

202.300 руб., а всего 1.211.805 р. въ годъ. *Городскія училища* имѣли цѣлью доставлять дѣтямъ всѣхъ сословій „начальное умственное и религіозно-нравственное образованіе"; на полный курсъ училищъ назначалось 6 лѣтъ, а преподавать въ нихъ слѣдовало: законъ Божій, чтеніе и письмо, русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе съ переводомъ на русскій языкъ, ариѳметику, практическую геометрію, географію и исторію отечества, съ необходимыми свѣдѣніями изъ всеобщей исторіи и географіи, свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, черченіе и рисованіе, пѣніе и гимнастику. За обученіе полагалась плата по опредѣленію инспектора народныхъ училищъ, соотвѣтственно съ средствами мѣстныхъ жителей и съ утвержденія попечителя округа. Успѣшно окончившіе курсъ въ училищѣ и желавшіе впослѣдствіи быть учителями этихъ училищъ могли быть оставляемы въ нихъ на годъ, для занятій подъ руководствомъ учителя повтореніемъ училищнаго курса, чтеніемъ указанныхъ имъ книгъ и помощи ему въ преподаваніи ученикамъ. *Учительскіе институты* основывались для приготовленія учителей городскихъ училищъ и были закрытыми заведеніями. Курсъ въ нихъ продолжался три года, а учениковъ считалось 75, съ платою за своекоштнаго по 150 р. въ годъ и при вступленіи 50 р. Въ нихъ были директоръ и штатные преподаватели изъ окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Принимались въ институтъ молодые люди всѣхъ званій и состояній, здоровые и хорошей нравственности, по выдержаніи предварительнаго испытанія по программамъ, утвержденнымъ министерствомъ, а во время ученія они освобождались отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ натуральныхъ повинностей и рекрутской (31 мая 1872 г.).

Въ университетахъ ощущался крайній недостатокъ въ профессорахъ и доцентахъ по каѳедрамъ греческой и римской словесности, по неимѣнію кандидатовъ, которые удовлетворяли бы всѣмъ условіямъ для занятія этихъ каѳедръ. Поэтому иностранцевъ (славянъ), получившихъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ и изучавшихъ въ нихъ историко-филологическіе предметы, если притомъ они выдержали испытаніе на званіе гимназическаго учителя древнихъ языковъ и уже служили учителями въ русскихъ гимназіяхъ, разрѣшено допускать къ испытанію прямо на степень магистра, а затѣмъ доктора греческой или римской словесности, но безъ особенныхъ преимуществъ внѣ учебной или ученой службы (10 іюля 1872 г.). Въ виду продолжавшагося недостатка преподавателей

древнихъ языковъ было разрѣшено директорамъ и инспекторамъ гимназій преподавать эти языки до пріисканія такихъ учителей (20 сентября 1872 г.). На содержаніе параллельныхъ отдѣленій при гимназіяхъ и прогимназіяхъ разрѣшено по 237.000 р. въ годъ (24 апрѣля 1873 г.). Изъ сбора за ученіе въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ установлено отчислять: 7% въ пенсіонный капиталъ приходскихъ учителей и 3% на составленіе капитала на содержаніе параллелей при означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ (16 мая 1873 г.). Совѣты университетовъ по 85 ст. устава 1863 г. вправѣ были, независимо отъ представленныхъ гимназическихъ аттестатовъ, повѣрять, если признавали нужнымъ, степень знаній желавшихъ поступить въ студенты, посредствомъ новыхъ испытаній, но такъ какъ въ гимназіяхъ окончательныя испытанія производились съ надлежащею строгостью, а выдержавшіе ихъ могли считаться вполнѣ подготовленными къ слушанію университетскихъ лекцій, то разрѣшено удостоенныхъ гимназіями аттестатовъ зрѣлости отъ повѣрочнаго экзамена, при поступленіи въ университеты, освободить (16 мая 1873 г.).

Успѣхъ гимназической реформы зависѣлъ, по мнѣнію министерства, отъ „подготовленія лучшихъ преподавателей, въ особенности древнихъ языковъ, какъ главнѣйшихъ предметовъ гимназическихъ курсовъ". Между тѣмъ, при возраставшемъ числѣ гимназій и прогимназій, все болѣе продолжалъ ощущаться недостатокъ въ такихъ учителяхъ, которые поступали только изъ западныхъ славянъ, откуда вызваны въ Россію около ста филологовъ и въ самой Австріи началъ чувствоваться тотъ же недостатокъ. И вотъ на помощь явился „одинъ изъ знаменитѣйшихъ филологовъ, профессоръ Лейпцигскаго университета, тайный совѣтникъ Ритшль, который съ обширною ученостью соединялъ даръ необыкновеннаго, увлекательнаго преподаванія и способность, доказанную болѣе чѣмъ 30-лѣтнею педагогическою дѣятельностью, оказываетъ самое благотворное вліяніе на молодыхъ людей, ввѣренныхъ его руководству". Этотъ-то ученый, „движимый глубокимъ сочувствіемъ къ нашей учебной реформѣ и желаніемъ, по мѣрѣ силъ своихъ, послужить этому дѣлу,—изъявилъ согласіе принять на себя непосредственное руководство молодыми людьми, которые, будучи избраны изъ числа природныхъ русскихъ, уроженцевъ прибалтійскаго края, изучавшихъ русскій языкъ, изъ западныхъ славянъ и даже уроженцевъ Германіи, имѣвшихъ случай изучить русскій языкъ или какое-либо изъ славянскихъ на-

рѣчій, приготовлялись бы при Лейпцигскомъ университетѣ къ учительскому званію по древнимъ языкамъ для нашихъ гимназій и прогимназій". Предложеніе Ритшля вызвало рѣшеніе: 1) на подготовленіе учителей древнихъ языковъ при Лейпцигскомъ университетѣ подъ руководствомъ Ритшля удѣлять на предметъ приготовленія профессоровъ и учителей отъ 7.000 до 10.000 руб. въ годъ, на 20 кандидатовъ, назначая каждому изъ сихъ же денегъ на проѣздъ и содержаніе въ Лейпцигѣ опредѣленную сумму; Ритшлю, въ вознагражденіе за его труды, по 1.000, его помощнику по 500 таллеровъ въ годъ, а за упражненіе кандидатовъ въ русскомъ языкѣ по 600 таллеровъ въ годъ, одному или двумъ природнымъ русскимъ, которые. по окончаніи курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, будутъ посланы въ Лейпцигъ для довершенія своего образованія; 2) выборъ молодыхъ людей за границею предоставить на первый разъ: въ Вѣнѣ—протоіерею Раевскому, въ Пештѣ — протоіерею Кустонееву, въ Прагѣ — директору тамошней гимназіи Зеленому и въ Дрезденѣ—бывшему директору Ришельевской гимназіи, отставному дѣйств. стат. совѣтн. Беккеру, подъ главнымъ наблюденіемъ министерства, и 3) установить курсъ ученія въ Лейпцигѣ по меньшей мѣрѣ въ два года, а по окончаніи ими курса и по засвидѣтельствованію Ритшля опредѣлять ихъ учителями древнихъ языковъ въ гимназіи и прогимназіи, съ обязательствомъ прослужить по два года за каждый годъ полученія стипендіи и съ предоставленіемъ имъ всѣхъ учительскихъ правъ и преимуществъ (14 августа 1873 г.).

Въ курсъ женскихъ гимназій вѣдомства министерства тоже введено преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ и педагогики, для желавшихъ воспитанницъ въ силу того соображенія, что въ домашнихъ учителяхъ по древнимъ языкамъ для подготовки въ низшіе классы гимназій ощущался повсемѣстно большой недостатокъ, а дѣвицы. изучавшія древніе языки, съ большимъ успѣхомъ обучали бы приготовлявшихся къ поступленію въ гимназіи (17 августа 1874 г.).

Начальныя народныя училища преобразованы съ усиленіемъ наблюдательнаго за ними персонала, на который исчислено по 319,000 руб. въ годъ, т. е. на 34 директора, 68 инспекторовъ и канцелярскіе расходы для 392 губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ. Къ составу этихъ училищъ причислено вѣдомствъ: духовнаго — церковно-приходскія училища, а просвѣщенія—приходскія училища и народныя учи-

лища, содержимыя частными лицами, и воскресныя школы. Предметами учебнаго курса этихъ училищъ должны были быть: законъ Божій (краткій катехизисъ и священная исторія), чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре правила ариѳметики и церковное пѣніе тамъ, гдѣ его преподаваніе было бы возможно. Установленіе платы за ученіе и освобожденіе отъ нея зависѣло отъ усмотрѣнія вѣдомствъ, на счетъ которыхъ содержались училища, а открывать ихъ разрѣшалось: земствамъ, городскимъ и сельскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ. Завѣдываніе училищами возлагалось въ каждомъ уѣздѣ на уѣзднаго предводителя дворянства и уѣздный училищный совѣтъ, а въ цѣлой губерніи—на губернскаго предводителя дворянства и губернскій училищный совѣтъ; учебная же часть ввѣрялась директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ (25 мая—6 іюня 1874 г.).

По неудовлетворительности учительскаго состава начальныхъ народныхъ училищъ, до приготовленія учителей въ учительскихъ семинаріяхъ, дозволено лицъ унтеръ-офицерскаго званія допускать къ преподаванію въ начальныхъ народныхъ училищахъ, такъ какъ было извѣстно, что всѣ унтеръ-офицеры грамотные и не малая часть ихъ „при дознанной хорошей нравственности, непоколебимой преданности православной церкви, государю и отечеству, они могли замѣстить недостающихъ учителей въ сельскихъ школахъ до тѣхъ поръ, пока недостатокъ этотъ будетъ пополняться правильно приготовленными спеціалистами“ (30 апрѣля 1875 г.).

Лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, предоставлено получать званіе учителя народнаго училища безъ особаго, для того, испытанія, а на основаніи однихъ аттестатовъ объ окончаніи курсовъ, а для удостовѣренія въ ихъ педагогическихъ способностяхъ считалось достаточнымъ требовать отъ нихъ лишь дачи пробнаго урока (23 февраля 1876 г.).

Во время неоднократныхъ осмотровъ министромъ учебныхъ заведеній, онъ убѣждался, что весьма многія среднія учебныя заведенія не имѣли хорошо подготовленныхъ учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ. Поэтому было предположено учредить при С.-Петербургскомъ университетѣ семинарію, для приготовленія учителей новыхъ иностранныхъ языковъ, на что требовалось 44,060 рублей въ годъ. Однако, министръ финансовъ, статсъ-секретарь Рейтернъ усомнился въ возможности достиженія предположенной

цѣли, ибо въ семинаріи по его отзыву можно было бы изучать эти языки только теоретически; ибо воспитанники этого открытаго заведенія будутъ слушать оба языка только на лекціи, а въ остальное время будутъ употреблять природный свой русскій языкъ, тогда какъ выучиться правильно и свободно объясняться на новомъ языкѣ съ надлежащимъ выговоромъ, необходимо постоянное употребленіе его въ ежедневномъ разговорѣ подъ наблюденіемъ лица, вполнѣ съ нимъ знакомаго; кромѣ того дѣятельность учителей новыхъ языковъ оказалась бы ограниченнѣе въ матеріальномъ отношеніи и менѣе выгодно дѣятельности преподавателей древнихъ языковъ, потому трудно надѣяться, чтобы нашлись желающіе, изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, поступить въ проектированную семинарію, изъ которой не представится имъ выгодной карьеры. Такимъ образомъ вопросъ этотъ не получилъ разрѣшенія въ утвердительномъ смыслѣ (9 апрѣля 1876 г.).

Съ испытуемыхъ на различныя званія установлены въ пользу экзаменаторовъ взносы: на званія воспитателей гимназій и прогимназій, учителя новыхъ языковъ, уѣзднаго училища, домашняго учителя и домашней учительницы по 10 рублей, а на званія учителя, учительницы городского, сельскаго, приходскаго или начальнаго народнаго училища, частной начальной учительницы, аптекарскаго ученика и на первый классный чинъ—по 3 рубля съ каждаго; но отъ этого взноса могли быть освобождаемы лица недостаточнаго состоянія съ разрѣшенія попечителя округа (27 сентября 1876 г.).

Въ учебныхъ заведеніяхъ Сибири допущены на преподавательскія должности лица съ низшимъ образовательнымъ цензомъ, вслѣдствіе затрудненій къ замѣщенію этихъ должностей лицами, удовлетворяющими требованіямъ образовательнаго ценза (10 января 1879 г.).

Такъ какъ программы духовныхъ семинарій по объему предметовъ ученія были ниже курса гимназій, то возникло предположеніе о прекращеніи пріема семинаристовъ въ университеты безъ предварительнаго выдержанія ими экзамена курса гимназій. Предположеніе это передано было на обсужденіе особаго совѣщанія, по журналу котораго послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе прекратить семинаристамъ доступъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія безъ испытанія въ курсѣ гимназій (20 марта 1879 г.).

Повторявшіяся въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ сходки студентовъ повели къ тому, что законъ о вос-

прощеніи сходокъ и сборищъ на площадяхъ и улицахъ, былъ распространенъ на мѣста и зданія, занимаемыя высшими учебными заведеніями, а потому мѣстныя административныя и полицейскія власти обязывались по приглашенію учебнаго начальства являться и дѣйствовать въ заведеніяхъ на точномъ основаніи закона (6 декабря 1878 г.).

Далѣе послѣдовало предложеніе министру издать инструкцію для университетской инспекціи и установить порядокъ замѣщенія должностей по этой инспекціи, т. е. „въ видѣ временной мѣры, впредь до утвержденія" предполагавшагося новаго общаго устава университетовъ: 1) составить, не стѣсняясь дѣйствовавшимъ уставомъ университетовъ, инструкцію для университетской инспекціи, съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій и ввести ее въ дѣйствіе во всѣхъ университетахъ; 2) предоставить попечителямъ округовъ въ случаяхъ, если ими самими или мѣстными генералъ-губернаторами инспекція будетъ признана несоотвѣтствующею своему назначенію,—измѣнять ея составъ, по соглашенію съ генералъгубернаторами, причемъ объ утвержденіи инспекторовъ или проректоровъ представлять министру, а помощниковъ инспекторовъ утверждать собственною властью; 3) тѣмъ же попечителямъ предоставить увеличивать составъ инспекціи въ мѣрѣ надобности и возможности, назначеніемъ большаго противъ положеннаго числа помощниковъ инспекторовъ, съ отнесеніемъ расходовъ на спеціальныя средства университетовъ 2 августа 1879 г.).

IV.

Поднимавшійся неоднократно вопросъ о пересмотрѣ университетскаго устава привелъ къ образованію для этого особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова, которому предоставлено было выбрать въ нее членовъ, но съ тѣмъ, чтобы утвержденіе ихъ произвелъ министръ (21 апрѣля 1875 г.). Одобренными членами явились бывшіе профессора: тайн. сов. И. А. Георгіевскій, Н. А. Любимовъ, В. М. Флоринскій, генералъ Новиковъ и г. Гезенъ. Они объѣхали университеты, ознакомились съ ихъ персоналомъ, положеніемъ, опросили заинтересованныхъ лицъ и составили проектъ, который послѣ разныхъ исправленій дошелъ, наконецъ, до государственнаго совѣта и удостоился утвержденія.

Такимъ образомъ обнародованнымъ, 23 августа 1884 года, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта расходъ на содержаніе Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, Кіевскаго и Новороссійскаго университетовъ исчислялся въ 2.268.790 рублей въ годъ; по ученымъ степенямъ равнялись: докторъ—8, магистръ—9, по дипломамъ: 1 степени—10 и 2 степени—12 класса по чинамъ; должности штатнаго доцента упразднены, а тѣхъ изъ считавшихся въ этомъ званіи, которые „пріобрѣли извѣстность своими учеными трудами и даромъ преподаванія", разрѣшено возвести въ званіе экстраординарныхъ профессоровъ, помимо докторской степени, съ обязательствомъ пріобрѣсти ее для дальнѣйшаго повышенія въ ординарные профессоры; затѣмъ дозволено возлагать на доцентовъ, если ихъ преподаваніе будетъ признано полезнымъ, временное исполненіе обязанности вакантныхъ профессорскихъ должностей, а всѣхъ остальныхъ доцентовъ оставить за штатомъ, предоставивъ имъ читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцентовъ и пользоваться втеченіе двухъ лѣтъ содержаніемъ и служебными преимуществами, присвоенными доцентамъ по уставу 1863 года.

По самому уставу въ каждомъ университетѣ, находящемся въ полномъ составѣ, полагались факультеты: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій, а въ Петербургскомъ особый факультетъ восточныхъ языковъ. Непосредственное управленіе университетомъ принадлежитъ ректору, при участіи, въ подлежащихъ случаяхъ, совѣта, правленія, собраній, декановъ факультетовъ и инспектора студентовъ и его помощника.

Попечителю округа вмѣнено дѣйствовать черезъ ректора, совѣтъ,университета, наблюдать за ходомъ университетскаго преправленіе и собраніе факультетовъ; дѣла, превышающія власть университетскихъ установленій, разрѣшать или представлять министру, со своимъ заключеніемъ; давать ректору обязательныя для него предложенія о надзорѣ за студентами и требовать донесеній о собственныхъ его распоряженіяхъ въ этомъ отношеніи; въ чрезвычайныхъ случаяхъ принимать всѣ необходимыя, для установленія порядка, мѣры, хотя бы онѣ и превышали его власть, но доводить о своихъ распоряженіяхъ немедленно до свѣдѣнія министра.

Ректоръ избирается министромъ изъ ординарныхъ профессоровъ и назначается Высочайшимъ приказомъ на 4 года, а по истеченіи этого срока можетъ быть оставленъ, съ вы-

сочайшаго соизволенія, на слѣдующее 4-хъ-лѣтіе. Ректору ввѣряется непосредственное завѣдываніе всѣми частями университета; въ чрезвычайныхъ и неотлагательныхъ случаяхъ ему предоставляется принимать всѣ мѣры для поддержанія порядка и спокойствія въ университетѣ, хотя бы эти мѣры и превышали его власть, но о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ и побудительныхъ къ тому причинахъ немедленно доносить попечителю и сообщать совѣту и правленію; онъ же уполномоченъ ходатайствовать о награжденіи служащихъ, а предварительно представленія къ наградамъ остальныхъ служащихъ отъ него требуется отзывъ.

Деканы избираются попечителемъ, а утверждаются на четыре года министромъ, съ разрѣшенія котораго могутъ быть оставлены и на слѣдующее четырехлѣтіе. Факультетскимъ собраніямъ предоставлено окончательно рѣшать дѣла о производствѣ испытаній на ученыя степени, полукурсовыя повѣрочныя, состязательныя, зачитываніе учащимся полугодій, удостоеніе окончившихъ полный курсъ выпускныхъ свидѣтельствъ, постановленія о выдачѣ магистрантамъ свидѣтельствъ о выдержаніи ими испытаній, а равно на право чтенія лекцій, съ званіемъ приватъ-доцента; разсмотрѣніе сочиненій, назначеніе ежегодныхъ задачъ студентамъ и слушателямъ для написанія сочиненій, присужденіе студентамъ и слушателямъ медалей и почетныхъ отзывовъ за эти сочиненія и т. п.

Совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ всѣхъ профессоровъ университета; секретарь совѣта избирается ректоромъ, а утверждается попечителемъ. Собранія факультетовъ и засѣданія совѣта происходятъ по мѣрѣ надобности. Всѣ дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, а при ихъ равенствѣ—согласно мнѣнію, принятому предсѣдателемъ.

Правленіе состоитъ, также подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ всѣхъ декановъ и инспектора, а занятія его—распоряженіе суммами, производство сверхсмѣтныхъ расходовъ до 300 р. въ годъ на одинъ предметъ, заключеніе подрядовъ по контрактнымъ поставкамъ до 5.000 руб., распоряженія по печатанію ученыхъ сочиненій, разрѣшеніе дѣлъ о пріемѣ въ студенты, въ тѣхъ случаяхъ, когда ректоръ признаетъ нужнымъ обсужденіе этихъ вопросовъ правленіемъ; дѣла о допущеніи въ университетъ слушателей; о переходѣ студентовъ изъ одного факультета или университета въ другой и объ увольненіи по правиламъ, установляемымъ министромъ; разбирательства по студенческимъ дѣламъ и наложеніе взысканій на виновныхъ.

Инспекторъ студентовъ опредѣляется въ должность министромъ по представленію попечителя, а подчиняется ректору; онъ наблюдаетъ въ университетскихъ зданіяхъ за студентами и слушателями, за соблюденіемъ ими порядка, а при нарушеніяхъ его и благочинія принимаетъ мѣры къ ихъ возстановленію, доводя о томъ до свѣдѣнія ректора, а въ важныхъ случаяхъ спрашиваетъ его согласія на предполагаемое распоряженіе; наконецъ по мѣрѣ возможности наблюдаетъ за поведеніемъ студентовъ и внѣ университетскихъ зданій.

Университетскія испытанія производятся въ особыхъ комиссіяхъ и въ факультетахъ, но къ испытанію въ комиссіяхъ допускаются лишь тѣ изъ студентовъ, которымъ, по опредѣленію ихъ факультета, зачтено установленное, для окончанія курса, число полугодій: десять—по медицинскому и восемь—по прочимъ факультетамъ, зачитаются же лишь такія полугодія, втеченіе которыхъ они исполняли обязанности, возложенныя на нихъ для достиженія успѣшности хода занятій. Испытанія на ученыя степени производятся въ присутствіи полнаго состава факультетскаго собранія. Къ личному составу университета по учебной части принадлежатъ: ординарные и экстраординарные профессоры, приватъ-доценты, лекторы и лица, состоящія при учебныхъ вспомогательныхъ установленіяхъ.

Никто не можетъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора по разряду наукъ, соотвѣтствующихъ его каѳедрѣ; сверхъ того, для полученія званія профессора необходимо доказать способность къ преподаванію чтенія лекцій впродолженіе не менѣе трехъ лѣтъ въ званіи приватъ-доцента. При открывшейся вакансіи профессора министръ замѣщаетъ ее по собственному усмотрѣнію, или предоставляетъ университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержденіе, но самое утвержденіе въ должности профессора избраннаго совѣтомъ лица зависитъ отъ министра, такъ что при неутвержденіи онъ можетъ назначать изъ числа другихъ кандидатовъ университета, или посторонняго, удовлетворяющаго требованію. Для продолженія службы профессорамъ, прослужившимъ 25 лѣтъ, требуется ходатайства о томъ попечителя и разрѣшеніе министра, а по истеченіи 30 лѣтъ учебной службы профессоръ уже не включается болѣе въ число штатныхъ профессоровъ, но, буде пожелаетъ—можетъ читать лекціи за вознагражденіе въ 1.200 рублей въ годъ.

Въ студенты принимаются молодые люди, получившіе отъ

гимназій аттестатъ зрѣлости, а пріемъ происходитъ разъ въ годъ. Къ слушанію лекцій допускаются и посторонніе лица, имѣющія опредѣленное общественное положеніе или званіе, но тѣ и другіе обязаны соблюдать въ зданіяхъ университета порядокъ, за нарушеніе котораго слушатели могутъ быть временно удаляемы инспекторомъ, а совершенное воспрещеніе имъ входа въ университетъ зависитъ отъ ректора. Внѣ зданія университета студенты подлежатъ вѣдѣнію полицейскихъ установленій, на общемъ основаніи, но это не освобождаетъ ихъ отъ повиновенія учебному начальству; о всякомъ преступленіи или проступкѣ студентовъ внѣ университета полиція немедленно увѣдомляетъ его начальство, по полученіи которымъ свѣдѣній о подвергшихся взысканіямъ по приговору суда—ректоръ предлагаетъ на обсужденіе правленія вопросъ о томъ, можетъ ли виновный быть оставленъ въ числѣ студентовъ, или подлежитъ увольненію или исключенію изъ университета; равнымъ образомъ по свѣдѣніямъ о проступкахъ, хотя и не повлекшихъ за собою судебныхъ преслѣдованій, но имѣющихъ предосудительный характеръ, — ректоръ также предлагаетъ обсудить правленію. Налагаемыя университетскими властями взысканія: выговоръ, арестъ въ карцерѣ, увольненіе и исключеніе.

Студенты, которымъ не зачтено три полугодія сряду или пять полугодій вообще,—увольняются изъ университета. За слушаніе лекцій и участіе въ практическихъ занятіяхъ взимается въ пользу: а) университета—по 5 рублей за полугодіе и б) преподавателей, лекціями которыхъ желаютъ пользоваться, въ размѣрѣ примѣнительно къ нормѣ одного рубля за недѣльный часъ въ полугодіи.

Изъ приведеннаго содержанія устава 1884 г., въ существенныхъ его чертахъ, читателямъ легко вывести заключеніе, насколько онъ отличается отъ цитированнаго нами выше устава 1863 г.

Этимъ мы и закончимъ лѣтопись мѣропріятій по вѣдомству просвѣщенія. Созданная постепенно учебно-воспитательная система продержалась десятки лѣтъ безъ серьезныхъ перемѣнъ. Мы не входимъ въ ея оцѣнку, которою теперь занята вся ежедневная пубицистическая пресса; въ качествѣ лѣтописца, мы пересказали все, что было и стало, и на этомъ считаемъ свою задачу выполненною.

В. Н—нъ.

Странички прошлаго.

Документы къ исторіи „военныхъ поселеній“.

I.

Въ исторіи императора Александра I историковъ особенно интересовали отношенія между императоромъ и графомъ Аракчеевымъ. Эта странная близость была отмѣчена и современниками; такъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей того времени пишетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: „безъ блистательныхъ подвиговъ, безъ особенныхъ дарованій отъ природы, не учившись ничего, кромѣ русскаго языка и математикѣ, даже безъ тѣхъ наружныхъ пріятностей, которыя иногда невольно привлекаютъ къ человѣку, Аракчеевъ, сумѣлъ однако одинъ изъ пятидесяти милліоновъ подданныхъ пріобрѣсти неограниченное довѣріе такого государя, который имѣлъ умъ образованнѣйшій, обращеніе очаровательное и котораго свойства состояли преимущественно въ скрытности и проницательности“ [1]).

Въ трудѣ нынѣшняго историка объ Александрѣ I вы натыкаетесь почти въ каждомъ томѣ на слѣдующія фразы: „начиная съ этого рокового часа, грубая и тусклая фигура Аракчеева дѣлается историческимъ лицомъ и навсегда заслоняетъ собою свѣтлую личность Александра“ [2]), или „усталый побѣдитель Наполеона долженъ былъ скрыться за мрачною фигурою гатчинскаго капрала“ [3]).

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. т. I, стр. 248.
[2]) Ib. т. I, стр. 137.
[3]) Ib. т. III, стр. 250.

Дѣйствительно, казалось, да и кажется непонятнымъ, какимъ образомъ ученикъ Лагарпа могъ подпасть подъ вліяніе такой отвратительной личности, какъ графъ Аракчеевъ. Достаточно прочитать слѣдующее описаніе чаружности Аракчеева, чтобы почувствовать къ нему отвращеніе.

„По наружности Аракчеевъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ, въ его складѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутуловатъ и имѣлъ длинную, тонкую шею, на которой можно было изучать анатомію жилъ и мышецъ. Сверхъ того, онъ какъ-то судорожно морщилъ подбородокъ. У него были большія мясистыя уши, толстая, безобразная голова, всегда наклоненная въ сторону, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, ротъ большой, лобъ нависшій. Чтобы дорисовать его портретъ, у него были впалые сѣрые глаза и все выраженіе его лица представляло странную смѣсь ума и злости“ [1]).

Такова наружность. Внутреннія душевныя качества вполнѣ соотвѣтствовали ей. Онъ былъ трусъ и ни разу не отличался на бранномъ полѣ, а наоборотъ, какъ говоритъ Н. Шильдеръ, „за нимъ осталась только слава самоотверженнаго служенія на другомъ, болѣе безопасномъ, кровавомъ полѣ — на полѣ военныхъ экзекуцій“ [2]). Вообще онъ проявлялъ свою дѣятельность только на бумагѣ да на маневрахъ, впрочемъ, во времена Павла I онъ приглашалъ къ себѣ молодыхъ офицеровъ и занимался съ ними. „Генералъ, говоритъ одинъ изъ такихъ его учениковъ, вразумительно и благосклонно уяснялъ равненія строя, плутонги, эшелоны, пуанъ де вю, пуанъ д'аппюи и прочія мистеріи военнаго устава“ [3]).

Для современнаго читателя всѣ эти „пуанъ д'аппюи“ не говорятъ ничего, но въ былое время въ нихъ, именно въ нихъ однихъ, и заключалась вся тайна воинской науки. Знаменитый „гусиный“ шагъ, особый видъ церемоніальнаго марша, долгое время былъ грозою какъ для солдатъ, такъ и для офицеровъ.

Графъ Аракчеевъ обращался со всѣми одинаково грубо, нагло, съ тою только разницею, что тѣхъ, кто былъ ниже его, ругалъ всячески, не стѣсняясь, а тѣмъ, которые занимали

---

[1]) Записки Н. А. Саблукова. Русскій Архивъ. 1869.

[2]) Стр. 139, т. II. Шильдеръ. Императоръ Александръ I.

[3]) Стр. 156, т. I, ib.

одинаковое съ нимъ положеніе, старался „подгадить" при помощи болѣе вѣрныхъ путей.

Но такая личность все-же при помощи для насъ непонятныхъ средствъ пріобрѣла сильное вліяніе на Александра I и пользовалась его неограниченнымъ довѣріемъ. Все сходило съ рукъ этому „преданному безъ лести" фавориту. Даже и такіе проступки, какъ, напримѣръ, самовольная передача главнаго командованія надъ военными поселеніями другому лицу, какъ это сдѣлалъ Аракчеевъ послѣ убіенія его любовницы,—даже такіе проступки и тѣ прощались и извинялись Александромъ I. Награды, почести сыпались на Аракчеева какъ изъ рога изобилія; достаточно привести одинъ примѣръ отъ 14 декабря 1807 года, когда Александръ I издалъ слѣдующее повелѣніе: „объявляемыя генералъ-отъ-артиллеріи графомъ Аракчеевымъ высочайшія повелѣнія считать именными нашими указами" [1]).

II.

Главнымъ дѣломъ Аракчеева считаются его „военныя поселенія". Въ настоящее время съ достаточною полнотою выяснено, что идея военныхъ поселеній принадлежала самому Александру I, который думалъ при помощи ихъ ввести въ Россіи ландверъ и ландштурмъ, и что Аракчеевъ былъ вначалѣ даже противникомъ ихъ. Но такъ какъ впослѣдствіи Аракчеевъ явился ревностнымъ исполнителемъ воли Александра I, то эти поселенія, по справедливости, связаны неразрывно съ Аракчеевымъ. Что представляли изъ себя эти военныя поселенія, извѣстно каждому русскому человѣку. Память о нихъ живетъ и въ народѣ, который создалъ даже цѣлую литературу, носящую собирательное имя Аракчеевщина. Мы напомнимъ читателю одинъ изъ наиболѣе колоритныхъ образцовъ этой литературы, а именно, приведемъ въ извлеченіи одну изъ пѣсенъ [2]):

Жизнь въ военномъ поселеньѣ
Настоящее мученье
　　Только не для всѣхъ.
Поселяне голодаютъ,
Зато власти поживаютъ
　　Очень хорошо!

. . . .

Писаря — капиталисты,

---

[1]) Стр. 215, т. II, ib.

[2]) „Русск. Стар." 1872 г. № 11.

Мрутъ какъ мухи кантонисты,
Воздухъ вишь такой!

. . . .

На бумагѣ все прекрасно,
А на дѣлѣ такъ ужасно,
Хоть не говори!

Дѣйствительно, мелочная регламентація во всемъ, ужасное варварство—истреблялись цѣлые возы розогъ и шпицрутеновъ, изнурительныя работы, невозможно тяжелая служба и въ довершеніе всего сплошное, поголовное воровство, вотъ главныя черты военныхъ поселеній, насколько онѣ выяснились въ настоящее время. А рядомъ съ этимъ слышались и писались такія рѣчи:

„всѣ вообще, не исключая и тѣхъ, кои желали бы, чтобъ было иначе, въ полномъ восхищеніи отъ устройства, порядка, благосостоянія и обученія поселенныхъ войскъ. Всѣ торжественно говорятъ, что совершенства въ нихъ, какъ по части фронтовой, такъ и экономической, превосходятъ всякое вообраҗеніе“ [1]).

Такъ писалъ Чернышевъ, такъ говорили почти всѣ дѣятели того времени и вообще всѣ лица, занимавшія извѣстный постъ. Исключеніемъ, и чуть ли не единственнымъ, былъ Карамзинъ, который оставался недоволенъ этими поселеніями и не боялся высказывать свое недовольство.

III.

Одною изъ самыхъ отличительныхъ чертъ военныхъ поселеній было отсутствіе ихъ регламента. Аракчеевъ только предполагалъ составить „общее учрежденіе военныхъ поселеній“, но дальше предположенія, которое ему внушилъ Сперанскій, и не шелъ.

Историкъ императора Александра I такъ объясняетъ отсутствіе регламента: „Графъ Аракчеевъ не желалъ формулировать свою мысль во всемъ ея объемѣ и со всѣми подробностями, чтобы тѣмъ самымъ затруднить возможныя возраженія своихъ противниковъ противъ новаго учрежденія“ [2]).

При Аракчеевѣ о военныхъ поселеніяхъ выходило очень мало печатныхъ источниковъ, а если и выходили, то въ чрезчуръ ограниченномъ размѣрѣ и печатались по приказанію Аракчеева и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его вѣрныхъ

---

[1]) Стр. 242, томъ IV. Шильдеръ. Императоръ Александръ I.
[2]) Стр. 28, т. IV.

сподвижниковъ въ типографіи Главнаго штаба. Такъ, Н. Шильдеръ [1]) указываетъ на изданную въ 1825 году брошюру Сперанскаго подъ заглавіемъ „о военныхъ поселеніяхъ", о другомъ подобномъ изданіи есть ссылка въ XIX вѣкѣ Бартенева. Намъ лично, при своихъ работахъ, въ публичной библіотекѣ удалось наткнуться еще на одинъ подобный же документъ, о которомъ, насколько намъ извѣстно, нѣтъ указаній въ нашей литературѣ. Эта брошюрка въ 12° заключаетъ въ себѣ 7 страницъ, напечатанныхъ на грубой бумагѣ разгонистымъ шрифтомъ, и носитъ заглавіе: „*Уставъ какъ должно прилагать о воинствѣ на ектеніяхъ при Богослуженіи въ церквахъ военнаго поселенія*".

Въ концѣ брошюрки значится: печатано 1822 года іюля 26-го управляющимъ типографіею штаба 9-го класса Степановымъ. А наверху страницъ черезъ всю брошюрку проходитъ слѣдующее одобреніе: „Подлинный уставъ собственною его высокопреосвященства рукою скрѣпленъ такъ: сей уставъ разсмотрѣнъ и утвержденъ для употребленія въ церкви военнаго поселенія Михаиломъ, митрополитомъ Новгородскимъ и Санктъ-Петербургскимъ 1820 года іюля 15 дня".

Слѣдовательно, между утвержденіемъ и преданіемъ гласности этого устава прошло 2 года. Этотъ уставъ показываетъ, что Аракчеевъ не только заставлялъ брить бороду и одѣваться въ форму какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, но и измѣнялъ даже принятое богослуженіе, причемъ какъ въ гражданскомъ и военномъ переустройствѣ ему помогало свѣтское начальство, такъ и при его реформахъ богослуженія ему предупредительно услуживало духовенство.

Измѣненія касаются слѣдующихъ церковныхъ службъ: вечерни, утрени и литургіи, т. е. всѣхъ вообще церковныхъ службъ. Наиболѣе интересно видоизмѣненіе или новозведеніе для литургіи. Здѣсь въ сугубой ектеніи послѣ прошенія: „еще молимся о всѣхъ и христолюбивомъ воинствѣ" нужно было прилагать особое прошеніе, которое мы и позволимъ себѣ привести цѣликомъ: „Еще молимся о побѣдоносныхъ вождяхъ и воинахъ нашихъ и о всѣхъ ревнителяхъ вѣры и правды въ годину искушенія, души свои за братію свою положившихъ, яко да дастъ имъ Царь славы въ день праведнаго Своего воздаянія, животъ вѣчный и вѣнцы нетлѣнія, насъ же всѣхъ въ ихъ дусѣ и вѣрѣ и единомысліи утвердитъ".

---

[1]) Стр. 196, т. IV.

Послѣ чего слѣдовало: Господи помилуй трижды и дальше:

„Призри, Господи, человѣколюбіе милостивымъ окомъ на рабы Твоя, къ Твоему благоутробію вѣрою припадающіе и услышавъ моленія ихъ, благое намѣреніе и дѣло благослови и благополучно начати и спѣшно, кромѣ всякаго препятія во славу Твою совершити, яко Всесильному Царю молимтися, услыши и помилуй. Во всемъ поспѣшествуй всѣмъ во благое Господи милостивно и рабомъ Твоимъ нами, нынѣ Тебѣ молящимся, поспѣшествуй Спасе и въ благополучіе совершеніе, дѣлу ихъ спѣшно произвестися благослови, молимтися всемогій Владыко, услыши и помилуй. Ангела Твоего Хранителя пристави дѣлу сему благоуветливе Господи, и еже воспятите вся препятія видимыхъ и невидимыхъ враговъ, поспѣшество же во всемъ ко благополучному совершенію дѣлающимъ сотворити, молимтися преблагій Спасе, услыши и помилуй. Во славу Твою вся творити повелѣвай Господи рабомъ Твоимъ, къ Твоей славѣ дѣло свое начинающимъ благословленіемъ Твоимъ поспѣшество благополучное съ довольствомъ къ совершенію подаждь, здравіе имъ съ благоденствіемъ даруя, молимтися, вседаровитый Творче, услыши и милостиво помилуй“...

Первое впечатлѣніе отъ этой молитвы—фальшивость и неискренность. Видно, что человѣкъ, сочинявшій ее, исполнялъ одну обязанность и не вкладывалъ въ эту молитву свою душу и сердце. Это какое-то казарменное доношеніе.

Здѣсь видна черта, общая времени Александра I и послѣдующаго, именно, замѣтно стремленіе создать представленіе о томъ, будто извѣстныя мѣропріятія вызваны не „государственною необходимостью“, а творятся во имя Божіе и во славу Богочеловѣка, проповѣдавшаго любовь и всепрощеніе. Какимъ злобнымъ юморомъ должны были звучать слова „о довольствѣ, мирѣ предпріятія“, т. е. военнаго поселенія, въ то время, когда на плацъ-парадномъ мѣстѣ истреблялись цѣлые возы розогъ. Вообще рѣдко недостаточно осторожное отношеніе къ религіи доходило до такой степени, какъ въ грустное время Аракчеева, Магницкаго, Голицына, Шишкова и другихъ не менѣе извѣстныхъ гонителей свѣта и поклонниковъ мракобѣсія...

Такимъ образомъ, кромѣ литургіи Іоанна Златоуста и Василія Великаго, появилась у насъ литургія Аракчеева.

П. Столпянскій.

Распоряженія гр. М. Н. Муравьева.

Русское правительство со временъ императрицы Екатерины II стремилось отучить латино-польское духовенство отъ политики. Но всѣ мѣры эти не имѣли успѣха и только гр. М. Н. Муравьеву удалось въ значительной степени ослабить какъ политическую дѣятельность ксендзовъ, такъ и ихъ матеріальную независимость и могущество. Своими распоряженіями Муравьевъ коснулся и римско-католическихъ семинарій, гдѣ получали воспитаніе и направленіе будущіе служители алтаря. По своему учебному строю онѣ напоминали средневѣковыя схоластическія школы съ іезуитской закваской. Какими мѣрами Муравьевъ стремился дать другое направленіе воспитанію и дѣятельности будущихъ и настоящихъ служителей римско-католической церкви въ Россіи, объ этомъ говорятъ печатаемые ниже архивные документы.

I. Циркулярное предписаніе Виленской римско-католической духовной консисторіи о необходимости преподаванія русскаго языка въ римско-католической духовной семинаріи.

19 ноября 1863 г. Виленской римско-католической
№ 10516 духовной консисторіи.

Изъ полученныхъ мною свѣдѣній я усматриваю, что въ здѣшней римско-католической духовной семинаріи не обращается со стороны начальствующихъ въ оной духовныхъ лицъ должнаго вниманія на успѣхи воспитанниковъ въ русскомъ языкѣ, на упражненія ихъ въ ономъ и что вообще обученіе этому языку производится небрежно и безъ надлежащей о томъ заботливости.

Такъ какъ изученіе отечественнаго языка для лицъ, предназначающихъ себя быть духовными пастырями и проповѣдниками слова Божія народу, есть дѣло особенной важности и должно составлять главную заботу начальства семинаріи, то посему я почитаю необходимымъ обратить на это обстоятельство строгое вниманіе консисторіи, и поручаю оной сдѣлать съ своей стороны зависящее распоряженіе, чтобы обученіе русскому языку въ семинаріи не ограничивалось только однимъ класснымъ преподаваніемъ, но и упражненіями воспитанниковъ, какъ письменными, такъ и изустными, и чтобы вообще успѣшность въ этомъ отечественномъ языкѣ поставлена была на такую степень, дабы воспитанники, по окончаніи курса, готовясь быть пастырями церкви, знали языкъ этотъ основательно и излагали на ономъ свободно ученіе вѣры католическому на-

селенію здѣшняго края, принадлежащему къ семьѣ русскаго народа.

Возлагая на консисторію строгое наблюденіе за вышеизложеннымъ, я предлагаю оной о распоряженіяхъ, какія будутъ сдѣланы по сему предмету, мнѣ донести.

Генералъ-отъ-инфантеріи *Муравьевъ 2-й*.

Въ отвѣтъ на этотъ циркуляръ Виленская римско-католическая консисторія отвѣчала, что семинарія находится въ вѣдѣніи римско-католическаго епископа, или замѣняющаго его, до свѣдѣнія котораго и обѣщала довести этотъ циркуляръ. Недостаточное вниманіе къ циркуляру М. Н. Муравьева вызвало дальнѣйшія распоряженія русскаго правительства. 28 февраля 1869 года, по распоряженію министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, оканчивающіе курсъ римско-католической семинаріи для полученія мѣста обязаны выдержать экзаменъ по русскому языку, отечественной исторіи и географіи по программѣ министерства народнаго просвѣщенія для домашнихъ учителей. Выпускные, пріемные и переводные экзамены по этимъ предметамъ должны были производить въ присутствіи директора мѣстной гимназіи, или лица, командированнаго въ его распоряженіе отъ губернской дирекціи училищъ. (Архивъ В. Г. Г. 1869 г. № 897).

II. Циркуляръ губернаторамъ Сѣверо-Западнаго края о недозволеніи лицамъ римско-католическаго духовенства получать образованіе въ заведеніяхъ Царства Польскаго (1865 г. № 1521).

Одинъ изъ римско-католическихъ епархіальныхъ начальниковъ ввѣреннаго управленію моему края вошелъ съ ходатайствомъ къ губернатору о дозволеніи одному изъ викарныхъ ксендзовъ отправиться въ г. Варшаву для поступленія тамъ въ римско-католическую духовную академію.

Одобривъ вполнѣ сдѣланное по сему предмету распоряженіе губернаторомъ, который отказалъ епископу въ удовлетвореніи означеннаго ходатайства, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство руководствоваться этимъ правиломъ и по ввѣренной вамъ губерніи, не дозволяя отнюдь ксендзамъ и воспитанникамъ семинаріи получать образованіе въ заведеніяхъ Царства Польскаго, какъ это было установлено въ отношеніи прочихъ уроженцевъ здѣшняго края.

III. Циркуляръ къ губернаторамъ о доставленіи губернаторами свѣдѣній о согласіи ихъ на опредѣленіе избранными римско-католическими епископами духовныхъ лицъ въ высшія духовныя должности. (А. В. Г. Г. 1865 г. № 1350).

Римско-католическіе епархіальные начальники, входя въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ представленіями объ утвержденіи въ высшихъ духовныхъ должностяхъ избранныхъ ими духовныхъ лицъ, иногда сообщаютъ при семъ одобрительные о сихъ лицахъ отзывы мѣстнаго гражданскаго начальства. Министерство внутреннихъ дѣлъ, находя, что въ подобныхъ случаяхъ для соображеній необходимы свѣдѣнія объ означенныхъ лицахъ болѣе положительныя и полныя, нежели тѣ, которыя представляются римско-католическими епископами, просилъ меня въ отношеніи, отъ 31 минувшаго декабря за № 2456, сдѣлать распоряженіе, чтобы начальники губерній ввѣреннаго управленію моему края, вмѣстѣ съ отзывами епископовъ, о своемъ согласіи на опредѣленіе избранныхъ ими духовныхъ лицъ въ высшія духовныя должности, сообщали о содержаніи тѣхъ отзывовъ министерству съ болѣе подробными о помянутыхъ лицахъ свѣдѣніями.

Увѣдомляя о семъ ваше превосходительство, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, озаботиться исполненіемъ онаго въ точности на будущее время и всякій разъ предварительно сообщенія министерству представлять о томъ мнѣ.

Генералъ-отъ-инфантеріи *Муравьевъ 2-й.*

1865 г. января 19, № 338.

Сообщилъ **А. Миловидовъ.**

Американскіе негры.

Насколько прекрасенъ самъ по себѣ югъ Соединенныхъ Штатовъ, настолько непріятенъ онъ своимъ непримиримымъ антагонизмомъ между черными и бѣлыми. Англо-саксонцы Америки не только ненавидятъ своихъ черныхъ согражданъ, но и презираютъ ихъ — въ особенности на югѣ, гдѣ освобожденіе негровъ Авраамомъ Линкольномъ и до сего дня считается крупной политической ошибкой, разорившей многихъ плантаторовъ и приведшей къ гражданской войнѣ. Южане твердо убѣждены въ томъ, что черные неспособны участвовать въ управленіи и, злоупотребляя своей свободой, только вредятъ государству и обществу. Въ этихъ своеобразныхъ отношеніяхъ обнаруживается противорѣчіе теоріи и практики. Американецъ охотно соглашается, что самая свободная страна въ мірѣ не должна терпѣть никакого рабства; слѣдовательно, надо было дать и полное уравненіе въ гражданскихъ правахъ, что обусловливало главнымъ образомъ — подачу голосовъ и доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ. Вмѣстѣ съ

этимъ выступилъ на первый планъ вопросъ практической стороны; бѣлые граждане стали утверждать, что черные, вслѣдствіе отсталости своего умственнаго развитія, неспособны управлять и занимать общественныя должности, и что негръ, прежній рабъ, не смѣетъ господствовать надъ своимъ бывшимъ господиномъ, такъ какъ это было бы слишкомъ большимъ униженіемъ для бѣлыхъ.

Это противорѣчіе между теоріей и практикой должно было привести къ серьезному замѣшательству. Негръ такой же свободный гражданинъ, какъ и всякій другой американецъ, и можетъ воспользоваться своимъ правомъ голоса и избрать одного изъ своихъ. Но этого онъ не смѣлъ дѣлать, ибо иначе дѣло кончалось убійствомъ. Итакъ, негръ прекрасно зналъ что ему предстоитъ, если ему вздумается притязать на свои права гражданина, и потому въ большинствѣ случаевъ онъ отказывался отъ участія въ выборахъ. Тогда между обѣими расами устанавливались почти идеальныя отношенія.

Эта политическая дружба между бѣлыми республиканцами и черными является вторымъ рѣшающимъ моментомъ въ негритянскомъ вопросѣ. На югѣ всѣ негры республиканцы, еще со времени ихъ освобожденія президентомъ Линкольномъ.

Въ ноябрѣ 1898 года произошло столкновеніе въ Сѣверной и Южной Каролинѣ, составляющихъ отдѣльные штаты. Въ Сѣверной Каролинѣ черное населеніе достигаетъ 570.000 человѣкъ по отношенію къ 1.055.000 бѣлымъ, а въ Южной Каролинѣ черная раса насчитываетъ 700.000 человѣкъ, а бѣлая всего 470.000. Мѣстомъ дѣйствія въ Сѣверной Каролинѣ былъ городъ Вильмингтонъ. Здѣсь республиканскій губернаторъ далъ нѣкоторымъ чернымъ небольшія должности въ благодарность за ихъ партійныя услуги. Это были мѣста почтовыхъ чиновниковъ, пожарныхъ, полицейскихъ и нѣкоторыя др. Бѣлые жители Вильмингтона стали обвинять ихъ въ неспособности и нерадивости. Полицейскихъ упрекали въ оскорбленіи на улицахъ прохожихъ, въ особенности бѣлыхъ женщинъ и дѣвушекъ, и въ допущеніи воровства и другихъ преступленій. Особое ожесточеніе вызвалъ республиканскій листокъ, издаваемый однимъ негромъ, который коснулся въ немъ нравственности бѣлыхъ женщинъ. Страсти возбуждались все сильнѣе и сильнѣе, и при слѣдующихъ выборахъ рѣшено было положить конецъ этому дѣлу. Незадолго до выборовъ бѣлые вооружились ружьями и объявили, что ни подъ какимъ видомъ не допустятъ черныхъ къ голосованію. Увидя открытое сопро-

тивленіе, губернаторъ штатовъ Даніель Руссель такъ испугался, что счелъ за лучшее предупредить кровопролитіе, отстранивъ республиканскія кандидатуры, опиравшіяся на голоса негровъ, и очистивъ мѣсто бѣлымъ демократамъ. Выборы прошли тихо; но накопившійся горючій матеріалъ все-таки вспыхнулъ. Большинство было за то, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ дѣломъ, вызвать всѣхъ черныхъ, занимающихъ должности и тѣхъ бѣлыхъ республиканскихъ чиновниковъ, которые прошли на выборахъ благодаря чернымъ, дать имъ отставку и потребовать немедленнаго отъѣзда изъ Сѣверной Каролины. Назначена была комиссія, обратившаяся къ нимъ съ требованіемъ выѣзда въ двадцать четыре часа. Тогда и черные схватились за оружіе; произошло столкновеніе, въ которомъ было убито пятнадцать черныхъ. Губернаторъ Руссель, проѣзжавшій случайно мимо этого мѣста по желѣзной дорогѣ, былъ остановленъ на станціи, вытащенъ изъ вагона и чуть не повѣшенъ разсвирѣпѣвшей толпой, считавшей его главнымъ виновникомъ. Контора чернаго редактора была сожжена. Даже духовныя лица выходили на улицу не иначе какъ вооруженные, чтобъ быть въ безопасности отъ возмущенной черни. Черезъ нѣсколько часовъ все стихло. Чиновники, которымъ угрожали, успѣли въ это время скрыться, на ихъ мѣста избраны были бѣлые демократы. Новый бургомистръ объявилъ запуганнымъ чернымъ, что онъ принимаетъ ихъ подъ защиту, съ тѣмъ чтобъ они отказались отъ всякой попытки воспользоваться своимъ правомъ голоса и принимать участіе въ управленіи. Такимъ образомъ было возстановлено спокойствіе въ Сѣверной Каролинѣ.

Почти въ то же самое время произошелъ раздоръ и въ Южной Каролинѣ. Какъ видно изъ предыдущаго, черное населеніе здѣсь значительно превышаетъ бѣлое. Какъ и въ Сѣверной Каролинѣ, здѣсь республиканское меньшинство опиралось на голоса черныхъ. Чтобъ предупредить расовую борьбу, прибѣгли къ закону, признававшему право голоса за тѣмъ, кто грамотенъ и кто обладаетъ состояніемъ не менѣе трехсотъ долларовъ; такимъ образомъ, почти всѣ черные исключались, такъ какъ большинство изъ нихъ было бѣдно и не умѣло ни писать, ни читать. Изъ 145.000 черныхъ, имѣвшихъ раньше право голоса, теперь было уполномоченныхъ 14.000, а изъ 100.000 бѣлыхъ право голоса имѣли 92.000. Но и эти 14.000 избирателей могли принести большую пользу республиканскому меньшинству бѣлыхъ, и потому здѣсь, такъ-же какъ

и въ Сѣверной Каролинѣ, началось съ политическихъ причинъ, а перешло очень быстро въ расовую борьбу. Въ Южной Каролинѣ самыми знатными и богатыми среди бѣлыхъ были Толберты, предводители республиканской партіи. Одинъ изъ нихъ, Робертъ Толбертъ. желая попасть въ конгрессъ, взялъ съ черныхъ слово, что они будутъ голосовать за него. Потихоньку всѣ схватились за ружья. Выборы должны были происходить въ мѣстечкѣ Фениксѣ. Несмотря на всѣ предостереженія, черные храбро направились къ избирательной урнѣ, но ихъ стали отстранять одного за другимъ. Это возмутило одного изъ бѣлыхъ республиканцевъ и онъ рѣзко высказалъ свое недовольство предсѣдателю выборнаго собранія. Завязался общій споръ, во время котораго республиканецъ былъ убитъ и одинъ изъ сыновей Толберта тяжело раненъ. Это послужило сигналомъ преслѣдованія негровъ, за которыми охотились втеченіе трехъ дней; много было раненыхъ, восемь черныхъ и одинъ бѣлый были убиты. Черные бѣжали въ лѣса и болота. Глава семьи Толбертовъ Томасъ былъ раненъ на улицѣ и только съ трудомъ спасся, а остальные члены семьи бѣжали черезъ границу. Многолюдное собраніе рѣшило сжечь дома Толбертовъ и убить ихъ, если бъ когда-либо они вернулись назадъ.— Такъ поконченъ былъ этотъ вопросъ въ Южной Каролинѣ. Неграмъ постарались внушить, что они имѣютъ равныя права только по закону, но не на практикѣ. Губернаторамъ отдѣльныхъ штатовъ было предписано вызывать въ подобныхъ случаяхъ милицію, которая силой возстановляла бы нарушенный порядокъ. Но губернаторъ Сѣверной Каролины былъ доволенъ, что его не повѣсили, а губернаторъ Южной Каролины тѣмъ болѣе не хотѣлъ подвергаться этой опасности, и потому милицію вызывали въ случаяхъ безоружныхъ возстаній рабочихъ.

Сенаторъ Тильманъ, представитель Южной Каролины въ Вашингтонскомъ сенатѣ, объявилъ одному изъ интервьюеровъ съ циничной откровенностью, что бѣлые должны господствовать на югѣ, а негры должны подчиняться.

Но, конечно, этимъ вопросъ не исчерпывается, а только откладывается его рѣшеніе. Тильманъ и другіе южане исходятъ изъ того основанія, что негръ навсегда останется американцемъ второго разряда и потому не долженъ имѣть равныхъ правъ. Но всегда ли будетъ такъ думать негръ? На западѣ и востокѣ нѣтъ расовой вражды, такъ какъ черные

не такъ многочисленны здѣсь, какъ на югѣ, никто не употребляетъ ихъ какъ политическое орудіе и имъ спокойно позволяютъ голосовать за кого угодно. Но и на востокѣ есть люди, отчаявшіеся въ будущности черныхъ. Это неудивительно, такъ какъ негры отъ природы лѣнивы и мало развиты. Честолюбіе, повидимому, у нихъ вовсе отсутствуетъ. Они рѣдко выходятъ изъ круга дѣятельности кучера, кельнера, чистильщика сапогъ, подметальщика, домашняго слуги или кондуктора спальныхъ вагоновъ. Можно сказать, что такого рода служба монополизирована ими, какъ довольно легкая и, кромѣ того, дающая право носить форму, что сильно льститъ ихъ ребяческому тщеславію. Конечно, бываютъ и исключенія, напр., священники-негры. Но, на самомъ дѣлѣ, тѣ изъ черныхъ, которые сдѣлались редакторами газетъ, врачами, учителями или политиками, въ большинствѣ случаевъ уже не чистые негры, а облагороженные смѣшеніемъ крови съ бѣлыми. Только одно надо признать за неграми—ихъ музыкальный талантъ—голосъ замѣчательной чистоты. Пѣсни ихъ начинаются заунывной, тоскливой мелодіей и затѣмъ переходятъ въ живой танецъ. Танцы тоже своеобразны; ихъ характернымъ признакомъ служитъ комичная быстрота исполненія и ритма. Благодаря ихъ музыкальнымъ способностямъ среди нихъ появились трубадуры, которые ходятъ изъ дома въ домъ и поютъ свои оригинальныя пѣсни. Съ улицы они легко попали и на сцену, гдѣ ихъ охотно смотрятъ и слушаютъ. Еще теперь существуетъ странствующая труппа, состоящая изъ однихъ черныхъ, ставящихъ пьесу „The South before the War“ (югъ до войны), представляющей идиллію старыхъ плантацій, наряду съ ихъ темными сторонами. Другая труппа, большинство которой тоже состоитъ изъ негровъ, даетъ извѣстную трогательную пьесу „Uncle Tom's Cabin“, передѣланную по роману г-жи Бичеръ-Стоу.

Въ своеобразной негритянской музыкѣ вполнѣ отражается характеръ негра. Добродушный отъ природы, онъ охотно смотритъ на жизнь съ веселой, свѣтлой стороны и пользуется всякимъ случаемъ, чтобъ открыть свой широкій ротъ, показать свои бѣлые зубы и разразиться особеннымъ, свойственнымъ ему гортаннымъ хохотомъ. Онъ охотно копируетъ бѣлаго, но отсутствіе вкуса и любовь ко всему пестрому дѣлаетъ его каррикатурнымъ; высшая цѣль, къ которой онъ стремится притомъ—цилиндръ и лакированныя ботинки; если къ этому добавляется зеленый жилетъ, красный бантъ и коричневыя панталоны—то онъ считаетъ себя уже неотразимымъ. Если бъ

какой-нибудь филантропъ задумался надъ негритянскимъ вопросомъ, то пришелъ бы къ печальнымъ заключеніямъ, такъ какъ будущее сулитъ мало пріятнаго. Отнятіе правъ у черныхъ Южной Каролины не предупредило столкновенія между бѣлыми и черными. Въ Сѣверной Каролинѣ хотятъ въ скоромъ времени выдѣлить школы для негровъ (прежде были школы общія) и дать имъ только такое количество школъ, которое можно было бы содержать изъ уплачиваемаго ими школьнаго налога; такимъ образомъ, они будутъ устранены отъ образованія и останутся на ступени рабовъ. Больше всего вѣроятій, что расовый вопросъ разрѣшится кровавой борьбой черныхъ съ бѣлыми, и что событія въ Каролинѣ и другихъ штатахъ были только предзнаменованіемъ приближающейся грозы. Исходъ такой борьбы ясенъ: кончится дѣло истребленіемъ черной расы, подобно тому, какъ борьба между индѣйцами и англо-саксонскими пришельцами кончилась истребленіемъ краснокожихъ.

З. С.

Изъ области археологіи.

Къ XII археологическому съѣзду. На послѣднихъ засѣданіяхъ предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, о дальнѣйшихъ разнаго рода мѣрахъ, принятыхъ въ цѣляхъ успѣшности и интереса съѣзда. причемъ сообщилъ, что проф. Всев. Миллеръ предложилъ комитету пріобрѣсти графофонъ для записи малороссійскихъ пѣсенъ и отпустить средства для спеціальной съ этой цѣлью экскурсіи. Постановлено учрежденія принявшія участіе въ дѣлахъ съѣзда, благодарить,—отъ спеціальной же экскурсіи для записи малороссійскихъ пѣсенъ—отказаться, въ виду недостатка средствъ, и просить членовъ комитета сдѣлать по личному почину въ указанномъ отношеніи—то, что имъ будетъ возможно. Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ проектъ организаціи выставокъ при археологическомъ съѣздѣ; предполагаются къ устройству слѣдующія выставки: по древностямъ первобытнымъ, историческимъ, церковнымъ, картографическая, этнографическая, старопечатныхъ книгъ, рукописей. П. Ефименко сообщилъ о могильникѣ возлѣ Салтовскаго городища, на разстояніи 1½—2 верстъ: погребенія обнаруживаются на обрывахъ овраговъ; вмѣстѣ со скелетами людей, крестьяне находятъ здѣсь скелеты лошадей и принадлежности конской сбруи и украшенія, арабскія монеты и др. Доложено сообщеніе П. В. Иванова о нѣкоторыхъ картинахъ малорусскихъ живописцевъ первой половины XIX вѣка съ изображеніемъ казака (Гордѣй Велегура) и подробными малороссійскими стихотворными надписями. Доложено опредоставленіи комитету В. В. Милорадовичемъ трехъ его статей: «Лѣсная Лубенщина», «Къ вопросу о колонизаціи Посулья въ XVI и XVII вѣкахъ», «Снѣтинская старина». и о просьбѣ его ходатайствовать предъ медицинскимъ департаментомъ о разсмотрѣніи его труда «Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.». Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о присылкѣ народными учителями Купянскаго и Изюмскаго уѣздовъ отвѣтовъ на програмы комитета; нѣкоторые изъ нихъ сообщаютъ богатый матеріалъ по этнографіи, народно-поэтическаго творчества; учителя Д. Калининъ (Ра-

дьковка) и Стежкинъ (Гусаровское училище Изюмскаго уѣзда) представили множество рисунковъ съ бытовыхъ предметовъ. Проф. М. Г. Халанскій прочелъ свой докладъ «Краснополянскій «голубецъ», какъ памятникъ побѣды, одержанной курянами надъ татарами въ 1628 г.», и познакомилъ со своими наблюденіями надъ рукописями и книгами, поступившими въ распоряженіе комитета. Онъ же познакомилъ съ описью коллекцій А. Томилиной (Курск. губ.): медали, монеты, кресты, топоры, документы и др., и съ записаннымъ стихотвореніемъ и народной пѣснью. Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для археологической выставки и для музея древностей университета. Поступили: отъ священ. сл. Новоселовки—«агнецъ»—деревянная статуя; отъ г. Борисова (Богодуховск. уѣзда) и священ. Шостенко—писанки; отъ проф. Н. Ѳ. Сумцова—рисунокъ сволока въ его домѣ въ слоб. Боромлѣ, 1776 г.; отъ гг. А. П. Коваленскаго и Е. К. и П. А. Зарвовскихъ, и В. И. Турбиной различные памятники изъ семейнаго архива; отъ свящ. Грекова—Евангеліе 1677 г., серебряный крестъ 1788 г.; отъ свящ. Петровскаго—фотографія съ памятниковъ церкви слоб. Юнаковки; отъ свящ. Будянскаго—требникъ Петра Могилы, кипарисный крестъ XVIII в.; отъ свящ. П. Шишлова—церковныя пѣсни—рукопись XVIII в., Евангеліе 1791 г.; отъ учительницы Софіевской (Борки):—писанки, кафли, монеты и др.; отъ священ. В. Покровскаго—требникъ П. Могилы; отъ г. Чешко—картина «Марія Магдалина»; отъ свящ. слоб. Хатней, Волчанск. уѣзда—икона на холстѣ съ изображеніемъ Знаменія Богородицы на орлѣ, Новый Завѣтъ—XVII вѣка, требникъ; отъ г. Дуброва—монеты XVIII вѣка; отъ проф. В. П. Бузескула—икона «Благое молчаніе»; отъ Кондрашовскаго и Курешовскаго училищъ Купянскаго уѣзда—кресты, монеты; отъ Гусаровскаго и Селиновскаго училищъ Изюмскаго уѣзда—очипокъ, медали, кресты, иконы, монеты; отъ свящ. Чебанова—Библія 1751 г., картина—дѣвушка съ голубкомъ, XVIII в., серебряныя и мѣдныя монеты; отъ свящ. Венгеровскаго—тріодіонъ Лазаря Барановича, литургиконъ 1653 г.; отъ г-жи Лосевой и Н. А. Кирьяковой—фамильные документы и предметы; отъ свящ. Василевскаго—картина «Харько—основатель Харькова»; отъ г-на Бреславца—мѣдный кинжалъ; отъ г. Милорадовича—тѣневыя фигуры на картонѣ; отъ г-жи Павловой—урна; отъ Власова (Печашанское, Леб. уѣз.)—копья, планъ городищъ, фотографіи; отъ свящ. Зубарева—крестъ съ финифтью XVIII в., новая скрижаль 1803 г., монеты; отъ свящ. Грекова—окладъ Б. М. Руденской отъ свящ. П. Яновскаго: картонные вѣнцы, четыре кипарисныхъ креста, воздухи, четвероевангеліе 1685 г.; отъ г-жи Томилиной—писанки, одѣяло крестьянской работы, лѣсенка для сушки писанокъ; отъ свящ. Т. Павлова: клыкъ мамонта, желѣзный треножникъ, стремена, удила; отъ свящ. Москалева—Минея 1711 г.; отъ В. О. Щербининой—вещи изъ Донецкаго городища: точило, пряслицы, монеты; отъ В. И. Срезневскаго—множество предметовъ священническаго облаченія, церковной оловянной утвари (изъ собранія покойнаго академика И. И. Срезневскаго) и мн. др.

Іоаннъ Грозный въ роли удѣльнаго князя. Проф. Н. П. Лиха-

чевъ, въ одномъ изъ засѣданій Императорскаго общества любителей древней письменности, сообщилъ нѣкоторыя вновь открытыя имъ въ частныхъ лѣтописныхъ сборникахъ данныя объ интересномъ историческомъ фактѣ изъ царствованія Іоанна Грознаго; а именно: о временномъ удаленіи Грознаго изъ Москвы и отреченіи отъ царской власти въ пользу нѣкоего Симеона Бекбулатовича. Этотъ фактъ въ жизни Іоанна представляетъ одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ для историковъ. Оффиціальныя лѣтописи обходятъ его, и только частные лѣтописные своды проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на любопытный фактъ.

Разгнѣвавшись на своихъ подданныхъ, Грозный въ 7084 году (1576 году отъ Р. Х.) дѣлитъ свое царство на двѣ части: въ Москвѣ сажаетъ онъ на великое княженіе Симеона Бекбулатовича, самъ же идетъ «на берегъ на службу», какъ удѣльный князь. «Берегомъ» называли границу Московскаго царства, такъ какъ было время, когда эта граница совпадала съ теченіемъ рѣки Оки, которую москвичи считали непролазною стѣною, положенною отъ Господа на защиту Москвы противъ татарскихъ набѣговъ. Пограничная служба съ тѣхъ поръ и получила названіе «береговою», хотя позднѣе уже граница и не совпадала съ Окою.

Получивъ великокняжескую власть, Симеонъ, однако, не былъ вѣнчанъ на царство. Княженіе его было непродолжительно, всего около года. Въ княженіе Симеона писались рядомъ съ его грамотами и грамоты князя Ивана Васильевича Московскаго. Дьяки даже не отписывались на грамоты Симеона.

Передавая власть, Іоаннъ «стоялъ», какъ говоритъ лѣтопись, «цѣлое лѣто въ Калугѣ».

Осенью окончилась власть «калифа на часъ»—Симеона Бекбулатовича, великаго князя всея Руси, и «Иванецъ Московскій» вновь взялъ бразды правленія и сѣлъ на царство Московское, пожаловавъ Симеона «на княженіе въ Тверь».

Портретъ Іоанникія Лихуды. Въ Москвѣ, въ собраніи П. А. Ефремова, находится экземпляръ гравированнаго портрета Іоанникія Лихуды, считавшійся до сихъ поръ единственнымъ. Проф. Н. П. Лихачевъ сообщилъ въ обществѣ любителей древней письменности о происхожденіи этого портрета и доказалъ, что это мнимый уникъ.

Іоанникій Лихудъ умеръ въ Москвѣ въ 1717 г. послѣ долгой многострадальной жизни 84 лѣтъ отъ роду. Погребенъ онъ былъ, какъ основатель и профессоръ Славяно-Греко-Латинской академіи, въ церкви Заиконоспасскаго монастыря. Братъ его Софроній, вмѣстѣ съ которымъ въ 1662 году Іоанникій явился изъ Греціи и трудился на пользу академіи, почтилъ память покойнаго эпитафіей, написанной греческими стихами и переведенной на славянскій языкъ. Эпитафія долго сохранялась надъ гробницей, но затѣмъ исчезла. Упомянутый гравированный портретъ воспроизводитъ и текстъ надгробной эпитафіи. Проф. Н. П. Лихачевъ выяснилъ происхожденіе портрета, отыскавъ его какъ приложеніе къ такому изданію, въ которомъ предположить нахожденіе его было весьма мудрено. Книга эта носитъ названіе: «Дѣтскій атласъ о Россійской Имперіи или новый, удобный и доказательный способъ къ изученію географіи,

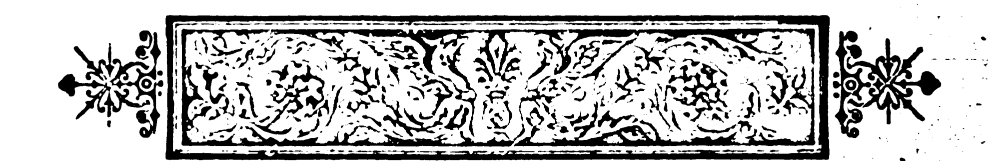
съ толкованіемъ гербовъ и съ родословіемъ царствующаго дома. 6 томовъ съ фигурами, исправленный и умноженный Дильтеемъ.«Въ четвертой части атласа и приложена среди другихъ «фигуръ» гравюра портрета Іоанникія Лихуды и надгробной ему эпитафіи.

Арка Императора Тиберія. Раскопки на римскомъ форумѣ продолжаютъ дарить ученый міръ весьма важными открытіями. Такъ, недавно удалось установить тотъ фактъ, что сооруженіе, считавшееся до сихъ поръ Тарквиніевою великою клоакою, представляетъ собою постройку болѣе поздняго времени, тогда какъ за подлинную должно признать другую (болѣе грубой работы), открытую во время послѣднихъ развѣдокъ. Теперь изъ Рима сообщаютъ о другомъ, не менѣе важномъ открытіи, именно—мѣстонахожденія арки императора Тиберія. Какъ извѣстно, тріумфальная арка Тиберія была сооружена въ 16 г. по Р. Хр. въ память побѣды,одержанной Германикомъ надъ германцами, благодаря которой римскія знамена, потерянныя въ битвѣ въ Тевтобургскомъ лѣсу, были отняты у непріятеля. Что касается мѣстоположенія этой арки на форумѣ, то одни помѣщали ее въ концѣ улицы vicus Jugarius, другіе—между Юліевой базиликой и такъ называемыми рострами (ораторская трибуна) Цезаря. Между тѣмъ, археологическія разысканія обнаружили между рострами Ііаликана и угломъ, образуемымъ Юліевой базиликою, платформу изъ раскрошенныхъ камней, которая прилегала къ храму Сатурна. Эта платформа сохранила слѣды боковыхъ пилястръ арки, пролетъ которой долженъ былъ быть около пяти метровъ. Арка Тиберія, такимъ образомъ, была сооружена въ симметріи съ аркою Септимія Севера и находилась какъ разъ напротивъ арки Августа (расположенной съ другой стороны Юліевой базилики)—обстоятельство, подтверждаемое показаніемъ извѣстнаго барельефа на аркѣ Константина. Это открытіе имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ изученія топографіи римскаго форума.

Тосканская вилла Плинія. Въ адресованномъ другу Аполлинарію 6-мъ письмѣ пятой книги, Плиній младшій описываетъ удобства и прекрасныя санитарныя условія своей виллы въ «Tuscis». Письмо было вызвано опасеніями, высказанными Аполлинаріемъ относительно санитарныхъ условій мѣстности, гдѣ находилась вилла. Итальянскій профессоръ Франческо Гамуррини разыскалъ эту мѣстность и описалъ ее въ сочиненіи «Le Statue della Villa di Plinio in Tuscis»; она находится на полпути между Citta di Castello и S. Guistino. Въ настоящее время мѣстность эта извѣстна подъ названіемъ Санта-Фіоры близъ Пассерина, или Колле-ди-Плиніо. Въ концѣ XVIII столѣтія на этомъ мѣстѣ была найдена плита съ надписью; на плитѣ упоминается имя Плинія Хресте; вскорѣ послѣ этого, на томъ же мѣстѣ были найдены мозаичныя плиты и обломки статуэтокъ, но всего болѣе кирпичей съ именнымъ штемпелемъ: C. P. C. S. (Cajus Plinius Caecilius Secundus). Вилла помѣщалась на западномъ склонѣ Апеннинскихъ горъ, въ 150 миляхъ отъ Рима и была обращена на югъ; вилла отличалась большими удобствами, но не роскошью. Принадлежавшія къ виллѣ разныя угодья приносили ежегодный доходъ до 800.000 сестерцій при самой умѣренной арендной платѣ, потому что Плиній младшій былъ крайне снисхо-

дительный землевладѣлецъ. Помимо виллы, проф. Гамуррини сдѣлалъ въ этой мѣстности еще другое, не менѣе любопытное. открытіе. Въ расположенной по сосѣдству съ виллою Città di Castello, называвшейся прежде Sifernum Tiberinum, Плиній младшій когда-то основалъ богатый «Augusteum», куда онъ собралъ всѣ статуи императоровъ и императрицъ, которыя во множествѣ были разсѣяны по его многочисленнымъ имѣніямъ. Объ этихъ статуяхъ Плиній пишетъ, что онѣ достались ему по наслѣдству отъ Гранія Марцеллія. По извѣстной родословной Плинія подобное унаслѣдованіе имущества представляется вполнѣ возможнымъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Граній Марцеллій, осужденный Тиверіемъ, прародитель рода Пдиніевъ; Марцелла—мать старшаго и бабушка младшаго Плинія, затѣмъ слѣдуютъ Плиній старшій и Плиній младшій.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Рыцари зеленаго поля, занесенные на скрижали исторіи.—Средневѣковая мистерія въ современной постановкѣ.—Жупелы предреформенной эпохи.

Исторія... Исторіи бываютъ разныя, начиная съ исторіи неба и кончая исторіей г. Иловайскаго, подлежащей теперь снятію съ *репертуара* учебныхъ заведеній. Спеціализація исторіи неимовѣрно разрослась, и трудно ожидать, чтобы она пошла еще дальше. Впрочемъ, человѣческій умъ въ области научныхъ дисциплинъ, носящихъ общее названіе humaniora, никогда даромъ прозорливости не обладалъ. Когда мы встрѣчались въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (январь — мартъ) съ изслѣдованіемъ Михневича „Исторія карточной игры на Руси", то не мало были заинтересованы появленіемъ такой небывалой до сего времени *исторіи*, тѣмъ болѣе, что Михневичъ (теперь уже умершій) обрабатывалъ подобнаго рода бытовые сюжеты всегда основательно, послѣ продолжительнаго и подробнаго изученія дѣла. Къ сожалѣнію, этотъ его послѣдній, посмертный трудъ законченъ не былъ, и въ самомъ изложеніи труда замѣтна отрывочность. Происхожденіе карточной игры у него не объяснено, и время ея появленія на Руси точно не указано. „Есть предположеніе, говоритъ онъ, что карты занесены къ намъ не ранѣе XVII столѣтія... Занесли ихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, поляки и украинскіе казаки въ смутную эпоху лихолѣтья, а отчасти и нѣмцы, во множествѣ наѣхавшіе тогда въ московское государство, въ качествѣ купцовъ и кондотьери, формировавшихъ наемныя иноземныя войска на царской службѣ". Если относить появленіе картъ на Руси къ этому времени, то нельзя не удивиться ихъ поразительно быстрому распространенію. Въ серединѣ XVII столѣтія уже потребова-

лись особыя мѣры противъ игроковъ въ карты. Верхотурскій воевода писалъ приказчику Ирбитской слободы: „Вѣдомо де государю учинилось, что въ Сибири, въ Тобольску и иныхъ сибирскихъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ мірскіе всякихъ чиновъ люди предаются разнымъ богомерзкимъ, безчиннымъ игрищамъ и забавамъ, въ томъ числѣ — и медвѣдя водятъ, и съ собаками пляшутъ и зернью, и *карты*, и шахматы, и лодыгами играютъ... то ты бъ тѣхъ людей велѣлъ бить батоги, а которые люди отъ такого безчестія не отстанутъ, и выймутъ у нихъ такія богомерзкія игры вдругорядь, и ты бъ тѣхъ ослушниковъ велѣлъ бить батоги, а изобличенныхъ въ такой винѣ втретіе и вчетвертое—отсылать съ приставы въ Верхотурье на воеводскую расправу". Картежъ среди солдатства сдѣлался обычнымъ явленіемъ, особенно онъ процвѣталъ въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ. Составители „Уложенія" царя Алексѣя Михайловича отнесли игру въ карты къ преступленіямъ сугубой уголовщины, жестоко караемой увѣчьемъ и смертью, помѣстивъ это дѣяніе въ главу „о разбойныхъ и татинныхъ дѣлѣхъ". Убѣдившись, однако, въ неискоренимости карточной игры, правительство остановилось на *счастливой* мысли обратить ее въ источникъ государственнаго дохода, какъ то же самое было примѣнено къ зелену-вину и табаку. Изъ того же Верхотурья и Сургута воеводы писали, „чтобы имъ зернь и карты отданы были на откупъ".

Запрещенная для народа, гонимая и искореняемая de jure, карточная игра въ то же время находила себѣ радушный пріемъ и охочихъ любителей на верху—въ боярскихъ домахъ и дворцовыхъ палатахъ. „Карточная игра была драгоцѣннѣйшей находкой въ тогдашней скудной умственными и художественными интересами жизни, протекавшей въ высокихъ хоромахъ и замкнутыхъ теремахъ, среди праздности и томительной скуки". Во время сломки Коломенскаго дворца Алексѣя Михайловича въ 1767 г. были найдены „двѣ дюжины и семь игоръ картъ гнилыхъ". Въ царствованіе Петра Великаго строгіе законы о картахъ и карточной игрѣ теряютъ свою силу и забываются. Карты вошли во всеобщее употребленіе и никакого подозрѣнія уже не возбуждаютъ. Карточная игра, подобно сильному наводненію, безъ удержу распространяется съ стремительной быстротой и охватываетъ всѣ слои общества. Въ свѣтскихъ домахъ неиграющіе гости составляли рѣдкость, и хозяева ими тяготились.

Императрица Анна Іоанновна, Биронъ, Елизавета Петровна большую половину своего времени употребляли на игру въ карты. Анна Леопольдовна занималась государственными дѣлами только тогда, когда играла въ карты. Имѣется слѣдующій императорскій указъ гофъ-курьеру Симонову: „Повелѣваемъ взнесенныя въ контору нашу въ разныя числа для игранія въ банкъ деньги 2100 рублевъ да еще взнесенные жъ въ комнату нашу 500 рублевъ, которые отъ насъ отданы италіанцу Петриллѣ для игранія жъ въ банкъ, всего 2600 рублей записать въ расходъ. Данъ въ С.-Петербургѣ февраля 1740 года. Подписано: Анна". Извѣстный шутъ Педрилло принималъ дѣятельное участіе въ карточной игрѣ при дворѣ и ухитрялся играть въ банкъ за счетъ императрицы. Иногда примѣръ двора столь заразительно дѣйствовалъ на общество и такъ деморализировалъ послѣднее, что законодатель, несмотря на явное противорѣчіе съ самимъ собою, принужденъ былъ громить и грозить полицейскими страхами и уголовными карами противъ того самаго порока, примѣръ котораго подавался и распространялся дворомъ.

„Пресыщенная, бездѣятельная, скучающая и къ тому же страшно подозрительная, Елизавета Петровна искала разсѣянія и забвенія во всемъ, чѣмъ только могла прислужиться изобрѣтательная прихоть, и, разумѣется, также въ картахъ". Въ своихъ мемуарахъ принцесса Ангальтъ-Цербстская (будущая Екатерина II), разсказывая о своемъ путешествіи съ императрицей въ Кіевъ и объ остановкѣ въ новомъ дворцѣ Разумовскаго въ Козельцѣ, замѣчаетъ, что „втеченіе всего мѣсяца въ большой залѣ съ утра до вечера играли въ фараонъ и по большой цѣнѣ".

Но всѣ эти извѣстія объ играхъ высочайшихъ особъ совершенно блѣднѣютъ передъ играми сановниковъ, разныхъ важныхъ и вліятельныхъ особъ и вообще богатыхъ людей. Воронцовъ, Потемкинъ, Шуваловъ (любитель музъ и меценатъ) вели ужасающую карточную игру. Это были истые рыцари зеленаго поля. Потемкинъ игралъ на бриліанты и при разсчетѣ мѣрилъ ихъ стаканами, чтобы „не терять дорогого времени". Кириллъ Разумовскій (попавшій прямо изъ пастуховъ въ графы Россійской Имперіи, гетманъ всей Малороссіи и президентъ академіи наукъ) даже въ старости, одряхлѣвшій и безъ ногъ, „за игрою проводилъ безсонныя отъ недуга ночи".

Къ концу царствованія Елизаветы Петровны знать совер-

шенно разорилась отъ карточной игры. Стали играть на векселя. „Нынѣ стало извѣстно—говорилось въ одномъ изъ сенатскихъ указовъ,—что, въ противность всѣмъ выданнымъ о запрещеніи картежной разорительной игры указамъ, проигрываютъ въ карты немалыя деньги и въ томъ проигрышѣ векселя даютъ". Далѣе сенатъ, приказывая всякаго чина людямъ не играть ни на деньги, ни въ какую игру, какъ въ вольныхъ, такъ и въ партикулярныхъ домахъ, напоминаетъ, что „ослушники неотмѣнно штрафованы будутъ". Однако, убѣдившись, что столь платонической угрозой зла не искоренишь, правительство издало законъ отъ 16 іюня 1761 г., коимъ карточныя игры были подраздѣлены на азартныя и коммерческія; первыя считались недозволенными, причемъ былъ указанъ признакъ ихъ: игра „на большія суммы".

Нечего и говорить, что и указы и законы оставались мертвой буквой за исключеніемъ случаевъ, изрѣдка всплывавшихъ на поверхность. Въ Московскомъ губернскомъ архивѣ было найдено интересное дѣло „о играніи отставнымъ прапорщикомъ гвардіи Дмитріевымъ (братъ поэта, государственнаго человѣка и друга Державина) съ сержантомъ Державинымъ (знаменитымъ поэтомъ) въ карты въ запретительную указами игру". Дѣло возникло по жалобѣ матери Дмитріева, обыграннаго Державинымъ и нѣкіимъ Максимовымъ. При допросѣ и тотъ и другой отреклись отъ всякой игры съ Дмитріевымъ и заявили, что полученные ими отъ послѣдняго вексель и купчая на имѣніе имѣли законное происхожденіе. Дѣло приняло скандальный оборотъ и окончилось черезъ двѣнадцать лѣтъ „за неявкой истцовъ".

Подонки общества конкурировали съ его знатной частью. „Въ эпоху Ваньки Каина (въ половинѣ XVIII столѣтія) карточная игра, какъ кабацкая забава и какъ отрасль воровского промысла, вошла во вкусы и нравы тогдашней городской, преимущественно столичной, деморализованной черни. Самъ Ванька Каинъ былъ искуснымъ игрокомъ. Въ апогеѣ своей силы и славы полномочнаго оффиціальнаго сыщика, Ванька завелъ у себя въ Зарядьѣ игорный притонъ. Днемъ онъ носился по Москвѣ, исполняя свою опустошительную службу, а вечера и ночи отдыхалъ въ веселой компаніи единомышленниковъ, карточныхъ „олуховъ" и полицейскихъ. Попавъ подъ судъ, Ванька показывалъ: „Судьѣ Егору Непѣиву, самому и черезъ служителей его, передарилъ я картъ дюжинъ съ двѣ; и одновременно въ домѣ его игралъ я съ

нимъ, Непѣнинымъ, по приказу его, для забавы безденежно въ карты, въ называемую игру *едну*. Да ихъ, Сытина и Непѣнина, къ вербному воскресенью, купя, подарилъ по крашенной вербѣ, и въ той надеждѣ на ихъ судей, секретарей и протоколиста, я.... продерзости и чинилъ, а безъ того дарить бы ихъ не изъ чего. Оные жъ, секретарь и протоколистъ, что у меня въ домѣ имѣлась зернь, знали и въ бытность у меня въ домѣ и игроковъ видали".

Описывать карточную игру „славнаго вѣка Екатерины" значитъ повторить то же, что было сказано выше, придется только краски сгустить. Державинъ, будучи неоткровененъ въ своихъ запискахъ, однако, не утерпѣлъ, чтобы покаянно не воскликнуть:

„.... Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ..."

На этомъ героическомъ времени изслѣдованіе Михневича прерывается. Въ изслѣдованіи его нѣтъ никакой исторіи. Здѣсь мы видимъ только описаніе бытовой стороны русской жизни. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, заставляютъ насъ придти къ заключенію, что эта жизнь была, по крайней мѣрѣ въ описываемое время, поразительно пуста, въ естественныхъ развлеченіяхъ ощущался недостатокъ, а создать ихъ люди не умѣли по отсутствію нравственной культуры. Къ игрѣ они прибѣгали, какъ вообще прибѣгаютъ люди къ наркотическимъ веществамъ. Толстой говоритъ: „для заглушенія совѣсти!" Но это—только частность.

Одно полезное развлеченіе, существующее съ давняго времени, дѣйствительно, подлежало записи на скрижаляхъ исторіи. Въ томъ же „Историческомъ Вѣстникѣ" О. Н. Гончарова сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ извѣстной мистеріи: „Драма страстей Господнихъ" въ Обераммергау. Представленія этой драмы въ баварскомъ католическомъ селѣ Обераммергау, повторяющіяся черезъ каждое десятилѣтіе, даются впродолженіе лѣта по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Это единственная мистерія, которая сохранилась на сценѣ до нашего времени. Первое ея представленіе состоялось въ 1634 г., а послѣдующія совпадаютъ съ годами, оканчивающимися на нули. Послѣднее представленіе шло втеченіе прошлаго лѣта, во вновь выстроенномъ огромномъ зданіи, приспособленномъ для многочисленнаго количества зрителей, выѣзжающихъ послѣ каждаго представленія изъ Обераммергау на четырехъ пассажирскихъ поѣздахъ. Замѣчательно, что это крестьянское село

съ 1.500 жителей, вмѣсто прежней „комедійной хоромины“ подъ открытымъ небомъ, построило теперь образцовое театральное зданіе. Мистерія продолжается 9½ часовъ, съ 8 утра до 5½ вечера, съ антрактомъ отъ 12 до 1¼ часа. Вся драма дѣлится на семнадцать дѣйствій съ живыми картинами изъ Ветхаго завѣта.

Первое дѣйствіе изображаетъ „Входъ Господень въ Іерусалимъ“ и изгнаніе торгашей изъ храма. *Второе*—засѣданіе синедріона, на которомъ первосвященники и фарисеи совѣщаются, какъ удобнѣе схватить Христа; призванные ими озлобленные торговцы обѣщаютъ свою помощь. *Третье*—Христосъ въ Виѳаніи. Онъ въ домѣ Симона прокаженнаго; Марія помазываетъ Ему ноги муромъ. Негодованіе Іуды. *Четвертое*—бесѣда Христа съ учениками на пути въ Іерусалимъ. Онъ предсказываетъ городу скорую гибель. Торгаши уговариваютъ Іуду предать Христа. *Пятое*—Тайная вечеря. *Шестое*—торговцы приводятъ Іуду въ синедріонъ. Іуда соглашается предать Христа за 30 сребренниковъ и тайно прячетъ деньги въ карманъ. Каіафа предлагаетъ собранію добиться смерти Христа. *Седьмое*—Геѳсиманскій садъ. Дѣйствіе заканчивается взятіемъ Христа воинами. *Восьмое*—допросъ Христа первосвященникомъ Анною. Раскаяніе Іуды. *Девятое*—Христосъ передъ Каіафой. Отреченіе Петра. Издѣвательства воиновъ надъ Христомъ. *Десятое*—засѣданіе синедріона. Іуда возвращаетъ 30 сребренниковъ. Слѣдующая сцена того же дѣйствія изображаетъ дикую лѣсную мѣстность, гдѣ Іуда рѣшаетъ повѣситься. Онъ надѣваетъ на шею петлю—занавѣсъ опускается. *Одиннадцатое*—Пилатъ допрашиваетъ Христа и затѣмъ отправляетъ его къ Ироду. *Двѣнадцатое*—Иродъ, не находя Христа виновнымъ возвращаетъ его къ Пилату. *Тринадцатое*—Христосъ въ преторіи привязанъ къ столбу. Его бичуютъ и надѣваютъ ему на голову лавровый вѣнецъ. *Четырнадцатое*—народъ требуетъ смерти Христа: „Распни его, распни!“ Пилатъ умываетъ руки и отдаетъ Христа на распятіе, а Варраву освобождаетъ. *Пятнадцатое*—городская площадь, переполненная народомъ. Несеніе креста. *Шестнадцатое*—сцена изображаетъ Голгоѳу съ распятымъ Христомъ. Это дѣйствіе представляется самымъ главнымъ пунктомъ всей мистеріи. Явленія быстро чередуются. Евангельскій текстъ этого мѣста воспроизводится полностью: слова Христа, его смерть, землетрясеніе, раздраніе церковной завѣсы, снятіе тѣла съ креста, погребеніе. *Семнадцатое*—Воскресеніе Христа.

Мистерія заканчивается апоѳеозомъ, изображающимъ прославленнаго Христа въ облакахъ. Авторъ статьи очень подробно описываетъ весь ходъ мистеріи, мы же ограничились самымъ краткимъ изложеніемъ. Дѣйствующихъ лицъ на сценѣ множество, почти все село принимаетъ участіе въ представленіи. Замѣчательно, что при выборѣ исполнителей обращается строгое вниманіе на ихъ безукоризненное прошлое. Съ своей стороны они относятся къ ролямъ съ большимъ усердіемъ, особенно главный исполнитель, Антонъ Лангъ. По свидѣтельству автора статьи, постановка сценъ реальна до полной иллюзіи; впечатлѣніе отъ драмы получается потрясающее. Продолжительность представленія не ослабляетъ вниманія зрителей къ сценѣ ни на минуту; поведеніе ихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, несмотря на то, что большая часть зрителей состоитъ изъ простого народа. Покидая театръ, всѣ они чувствовали себя превосходно настроенными.

Мистерія въ Обераммергау въ предшествовавшее время мало кого интересовала. Огромный интересъ она пріобрѣла только съ прошлаго года, и этимъ она обязана примѣненію къ ея постановкѣ нѣкоторыхъ современныхъ сценическихъ средствъ, какъ напримѣръ — быстрой смѣны декорацій, хотя многими сценическими эффектами здѣсь еще не пользуются, напримѣръ—свѣтовыми.

Авторъ, повидимому, склоненъ думать, что повышенное настроеніе можетъ дать только театральное представленіе, подобное обераммергауской мистеріи. Но московскій малый театръ въ свою цвѣтущую пору, мейнингенская труппа оставляли въ зрителяхъ столь же цѣльное и глубокое впечатлѣніе. Секретъ заключается въ умѣньѣ, живомъ отношеніи къ дѣлу, въ строгомъ реализмѣ и общедоступности пониманія. Напрасно думаютъ, что искусство есть удѣлъ немногихъ; оно удѣлъ всѣхъ. Образность выраженій доступна пониманію и дикарей и младенцевъ.

Въ „Русской Старинѣ" (мартъ) напечатана довольно своеобразная записка „О внутреннемъ положеніи Россіи въ 1855 году", „составленная неизвѣстнымъ авторомъ по предметамъ, назначеннымъ гр. Ридигеромъ". Ридигеръ былъ тогда генералъ-адъютантомъ, членомъ государственнаго совѣта, главнокомандующимъ гвардейскими и гренадерскими корпусами и членомъ совѣта по управленію Царствомъ Польскимъ. Записка была предназначена, вѣроятно, для *высшихъ* соображеній этого

лица. 1855 годъ былъ послѣднимъ того періода, когда и крымская кампанія нависли надъ Россіей, какъ удушающій столбъ спертой атмосферы. Люди потеряли опору въ настоящемъ, извѣрились въ будущее и жили подъ страхомъ внѣшняго врага и внутреннихъ подозрѣній. Центральная власть стянула въ своихъ рукахъ, до крайняго предѣла, пружину всего управленія и въ то же время сама чувствовала свое полное невѣдѣніе внутренняго положенія страны. Мѣстные органы управленія не смѣли представлять это положеніе иначе, какъ въ радужныхъ краскахъ — „все обстоитъ благополучно", — но благополучію этому центръ не вѣрилъ. Какими-либо путями необходимо было узнавать правду. Людямъ, *все* знающимъ и умѣющимъ читать въ сердцахъ, и давались порученія выяснить правду и доложить о ней по принадлежности. Къ числу такихъ людей, очевидно, принадлежалъ авторъ записки. Онъ усвоилъ точку центральнаго правительства, проникнутаго полнымъ недовѣріемъ безусловно ко всѣмъ классамъ общества; авторъ искренно или намѣренно старается поддержать и даже усугубить такого рода взглядъ.

Въ настоящее время страсти всѣхъ классовъ и сословій,— говоритъ авторъ,—„отъ многоразличныхъ причинъ болѣе или менѣе напряжены, а нѣкоторые изъ нихъ и подстрекаемы врагами могущества Россіи". Сановники колеблютъ довѣріе къ правительству въ молодыхъ и незрѣлыхъ умахъ, а отъ этихъ зло разливается и на низшіе слои. Отставные военные и гражданскіе чиновники, испытавъ жесточайшую несправедливость, доведенные до крайности и будучи разсѣяны на всемъ пространствѣ, гласно ропщутъ и показываютъ негодованіе свое въ кругу другихъ классовъ. Дворяне-помѣщики, коихъ помѣстья отягощены долгами, преклоняютъ слухъ къ зловреднымъ внушеніямъ. Поляки и уроженцы западныхъ губерній насъ ненавидятъ, ищутъ всегда вредить существующему порядку вещей изъ естественнаго побужденія къ мести. Иностранцы разныхъ сословій распускаютъ неблагонамѣренные слухи, когда собираются по дѣламъ своихъ торговыхъ сношеній, и несравненно чаще подъ видомъ ихъ. Нелѣпые слухи выходятъ отъ нихъ и распространяются въ слояхъ народа. Не оставлены авторомъ и учебныя заведенія; его вниманіе обращаетъ медико-хирургическая академія, въ которой есть многочисленный сбродъ вольнослушающихъ, почти безъ всякаго надзора живущихъ на частныхъ квартирахъ. Такъ называемыя воспаленныя воображенія, напитанныя утопіями за

границею и здѣсь, посредствомъ безчисленнаго множества запрещаемыхъ у насъ книгъ, принадлежатъ ко всѣмъ почти классамъ. Они силятся доказывать выгоды или неудобства того или другого рода правительства. Часто краснорѣчіемъ своимъ распространяютъ вредныя понятія въ людяхъ, которые до того времени не постигали многаго. „Обращу вниманіе и на нашихъ священниковъ, изучившихъ богословіе съ точки философической, а потому проникнутыхъ съ юныхъ лѣтъ болѣе или менѣе Западомъ; духовенство же наше имѣетъ сильное вліяніе на массу народа". Затѣмъ авторъ указызаетъ на сбродъ людей въ Петербургѣ, ведущихъ жизнь праздную, который, какъ вредный для спокойствія столицы во всякое время, нынѣ долженъ обращать на себя еще болѣе вниманія. Авторъ указываетъ также на раскольниковъ, которыхъ, за исключеніемъ немногихъ сектъ, относитъ къ безусловно вреднымъ. Въ связь съ раскольниками онъ ставитъ и славянофиловъ. И тѣ и другіе, по его мнѣнію, стремятся къ одной цѣли — старинѣ, къ возстановленію прежнихъ церковныхъ обрядовъ. Указавъ на случаи убійства помѣщиковъ своими крестьянами, неповиновеніе крестьянъ массами, на грубость, буйство и поджоги крестьянъ, авторъ приходитъ къ заключенію о существованіи у насъ пропаганды пауперизма и затѣмъ переходитъ къ изысканію противоядія указанному имъ губительному злу.

„Нынѣ корень зла состоитъ въ идеѣ, говоритъ онъ, и я полагаю, что съ идеями должно бороться не иначе, какъ также идеями, противопоставляя мечтамъ истинныя и здравыя о вещахъ понятія, преобщая самую литературу въ орудіе, разбивающее и уничтожающее въ прахъ гибельныя мечты нынѣшняго вольномыслія или лучше сказать сумасбродства". Авторъ, однако, этого своего проекта дальше не развиваетъ, но въ заключеніе предлагаетъ, и очень подробно развиваетъ, ту мысль, что лучшимъ противоядіемъ было бы учрежденіе у насъ военной полиціи.

Неизвѣстно, какая бы участь постигла эту записку и заключающійся въ ней проектъ. Взгляды автора не имѣли времени для своего осуществленія. Наступила пора для проектовъ совершенно иного достоинства, и миражъ страховъ и подозрѣній принужденъ былъ самъ собою разсѣяться.

И. М.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Первая прусская королева.—Притязанія французскихъ королей на германскую корону.

Первая прусская королева [1]) Софія-Шарлотта можетъ считаться одною изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ своего времени. Софія-Шарлотта была дочерью курфюрстины Софіи ганноверской и внучкою Елизаветы, королевы богемской, дочери англійскаго короля Іакова I, также далеко не заурядныхъ женщинъ. Софія ганноверская отличалась чрезвычайнымъ честолюбіемъ. „Мнѣ все равно, когда я умру, говорила она, лишь бы на моей могилѣ было написано, что я была королевой Англіи". Но мечта ея не сбылась: она умерла за два мѣсяца до смерти королевы Анны и на ея могилѣ въ Ганноверѣ написано только: „Наслѣдница Великой Британніи". Въ этомъ же духѣ она воспитывала и свою дочь, желая подыскать для нея возможно лучшую партію. Софія-Шарлотта была хороша собой, очень умна и получила прекрасное образованіе; что же касается религіи, то мать воспитывала ее въ духѣ полной вѣротерпимости, такъ чтобы впослѣдствіи можно было бы съ одинаковымъ успѣхомъ отдать ее и за католика, и за протестанта, смотря по тому, который изъ нихъ окажется болѣе выгодной партіей. Въ концѣ концовъ вопросъ о религіи разрѣшился въ пользу протестантства, такъ какъ принцъ бранденбургскій, сынъ великаго курфюрста, явился просить руки Софіи-Шарлотты. Предложеніе приняли съ восторгомъ, несмотря на то, что онъ былъ вдовецъ, на двѣнадцать лѣтъ старше ея, очень некрасивъ и далеко не безукоризненной репутаціи. Зато принцъ-женихъ былъ наслѣдникомъ могущественнѣйшаго курфюршества сѣверной Германіи, а это считалось главнымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Софія-Шарлотта родила сына Фридриха-Вильгельма, которому суждено было сдѣлаться королемъ Пруссіи и отцомъ Фридриха Великаго. Четыре года спустя, великій курфюрстъ умеръ и наслѣдникъ занялъ его мѣсто.

Съ этого времени начинаетъ проявляться настоящій характеръ Софіи-Шарлотты. Берлинскій дворъ отличался необыкновеннымъ великолѣпіемъ, такъ какъ курфюрстъ Фридрихъ любилъ блескъ и пышность, хотя его супруга обладала противоположными вкусами. Она придавала мало значенія своему высокому положенію, не чувствовала потребности властвовать

---

[1]) The Nineteenth Century, April, 1901.

и влiять на дѣла государства. Ее гораздо болѣе интересовали наука, вопросы философiи и изящныя искусства; въ послѣднемъ, т. е. въ любви къ изящнымъ искусствамъ, вкусы супруговъ совершенно сходились. Курфюрстъ построилъ для Софiи-Шарлотты дворецъ въ Лютценбургѣ, названный впослѣдствiи по ея имени Шарлоттенбургомъ. Тамъ, вдали отъ придворнаго этикета София-Шарлотта устраивала жизнь по собственному вкусу. Окруженная близкими и друзьями, она давала полную свободу своимъ талантамъ и любви къ знанiю. На ея вечерахъ и раутахъ присутствовали не только красивѣйшiя и умнѣйшiя придворныя дамы, но также и ученые всѣхъ странъ Европы, профессора, философы, теологи, какъ католики, такъ и протестанты, всѣ самые блестящiе представители литературы, науки и искусствъ, въ томъ числѣ великiй Лейбницъ. философъ, математикъ, историкъ и государственный человѣкъ, всегда имѣвшiй въ Софiи-Шарлоттѣ великодушную покровительницу и вѣрнаго друга. Туда же часто прiѣзжала погостить София ганноверская, подобно своей дочери любившая философскiе и политическiе споры. Бесѣды велись очень свободно въ салонѣ Софiи-Шарлотты, такъ какъ сама хозяйка была чрезвычайно вѣротерпима. «Моя мать, сказалъ однажды ея сынъ, очень умная и образованная женщина, но плохая христiанка". Это была почти правда въ томъ смыслѣ, что Софiя-Шарлотта не придавала большого значенiя догматамъ. Какова бы, однако, ни была ея личная вѣра, она интересовалась религiозными вопросами и поощряла въ своей гостиной богословскiе споры. Софiя-Шарлотта всегда искала общества великихъ людей отъ Петра Бейля до Петра Великаго. Этотъ послѣднiй особенно интересовалъ ее и она была очень огорчена, что, проѣзжая черезъ Германiю въ Голландiю, русскiй царь не заѣхалъ въ Берлинъ.

Впослѣдствiи, впрочемъ, ей удалось удовлетворить свое любопытство, когда она гостила въ Ганноверѣ. Съ восторгомъ сообщаетъ объ этомъ Софiя-Шарлотта въ письмѣ къ министру фонъ-Фуксу; она разсказываетъ, какъ трудно было уговорить царя принять приглашенiе на ужинъ; когда же онъ, наконецъ, прiѣхалъ и Софiя встрѣтила его, онъ такъ былъ сконфуженъ, что даже закрылъ лицо руками и отвѣчалъ первое время черезъ переводчика подъ тѣмъ предлогомъ, что не умѣетъ говорить по-французски. Немного освоившись, онъ началъ говорить самъ и подъ конецъ даже поразилъ обѣихъ курфюрстинъ разговорчивостью, такъ какъ онѣ были увѣрены, что

въ Россіи вообще мало разговариваютъ. Въ заключеніе, по просьбѣ хозяйки, царь протанцовалъ русскую, которая очень понравилась всѣмъ.

Какъ ни безразлично относилась Софія-Шарлотта къ титуламъ и почестямъ, однако ей пришлось въ угоду супругу принять на себя деликатное порученіе хлопотать у курфюрста баварскаго и короля Англіи о признаніи за курфюрстомъ бранденбургскимъ королевскаго достоинства. Согласіе императора и другихъ вліятельныхъ принцевъ было уже ранѣе получено, такъ что все дѣло было въ согласіи двухъ вышеназванныхъ государей. Софія-Шарлотта посѣтила ихъ обоихъ и благодаря уму, такту и красотѣ такъ расположила ихъ въ свою пользу, что они согласились исполнить ея просьбу. Съ тріумфомъ возвратилась Софія-Шарлотта въ Берлинъ и 18-го января 1701 г. Фридрихъ I короновался въ Кенигсбергѣ королемъ Пруссіи и короновалъ жену.

Король съ наслажденіемъ упивался блескомъ, великолѣпіемъ и безконечнымъ церемоніаломъ, королевѣ же все это страшно надоѣло, хотя она удовлетворительно выдерживала испытанія, за исключеніемъ одного раза: во время церемоніи коронаціи, сидя подъ золотымъ балдахиномъ противъ короля и, утомленная долгой рѣчью проповѣдника, она вынула табакерку (подаренную ей Петромъ Великимъ) и освѣжилась, понюхавъ щепотку табаку. Король былъ такъ шокированъ нарушеніемъ этикета, что тотчасъ послалъ камергера напомнить ей, въ какомъ мѣстѣ она находится и попросить ее не забывать о положеніи, которое она занимаетъ.

Первая королева Пруссіи имѣла мало друзей между женщинами, всего только двухъ: принцессу Каролину Ансбахъ и самаго близкаго друга фрейлину госпожу фонъ-Пельницъ. Къ этой послѣдней королева писала самыя нѣжныя и интимныя письма. Въ одномъ изъ нихъ она жалуется на дурные задатки ея сына, будущаго короля Пруссіи, Фридриха-Вильгельма I, и на слабость своего здоровья. Опасенія ея скоро подтвердились. Особенно губительно подѣйствовалъ на нее отъѣздъ горячо любимаго сына. Съ цѣлью развлечься, она поѣхала къ матери въ Ганноверъ. Путешествіе это было для нея послѣднимъ: тамъ она сильно заболѣла и доктора признали положеніе безнадежнымъ. Твердо выслушала королева этотъ приговоръ; когда же придворный ганноверскій священникъ предложилъ ей свои услуги, она сказала ему: „Дайте мнѣ умереть безъ ссоры съ вами. Я посвятила двадцать лѣтъ на изученіе религіозныхъ вопросовъ;

вы не можете мнѣ сказать ничего, чего бы я уже не знала. Я умираю спокойно". Къ плачущимъ вокругъ нея женщинамъ королева обратилась съ слѣдующими словами: „Не жалѣйте меня; наконецъ, я удовлетворю свое любопытство о происхожденіи вещей, которое даже Лейбницъ никогда не могъ объяснить мнѣ; пойму пространство, безконечность, бытіе и небытіе; что же касается до короля, моего супруга,—я доставлю ему случай устроить великолѣпныя похороны, со всей пышностью и торжественностью, которыя онъ такъ любитъ". Престарѣлая мать-королева, убитая горемъ, лежала больная въ сосѣдней комнатѣ и не могла придти къ ней. Но братья были всѣ здѣсь и она простилась съ ними. Пасторъ сталъ говорить о томъ, что и короли и королевы смертны точно такъ же, какъ и простые люди; на это она отвѣтила: „Je le sais bien", и вздохнувъ, отошла въ вѣчность.

Софія-Шарлотта умерла тридцати семи лѣтъ отъ роду. Всѣ близкіе горячо оплакивали ея кончину, а хроникеры посвятили ей хвалебные панегирики. Характеристика первой прусской королевы можетъ быть выражена пятью словами, сказанными о ней внукомъ Фридрихомъ Великимъ, унаслѣдовавшимъ многія черты характера бабушки: „У нея была великая душа".

Недавно въ архивѣ Ватикана I. Швальмъ сдѣлалъ находку, проливающую нѣкоторый свѣтъ на притязанія французскихъ королей на германскую королевскую корону, временъ Филиппа IV Красиваго [1]); эта находка—посланіе короля Филиппа IV переданное папѣ королевскимъ нотаріусомъ Петромъ Барьеромъ и замѣчательное тѣмъ, что на оборотѣ его сдѣланы помѣтки, написанныя рукой подателя и содержащія очень важныя сообщенія относительно разныхъ вѣяній, царившихъ при дворѣ Филиппа. Неизвѣстно, имѣли ли эти помѣтки какое-нибудь значеніе для папы, но историку нашего времени онѣ помогутъ выяснить, въ какой степени тѣ или другіе совѣтники имѣли вліяніе на правленіе Филиппа IV и былъ ли онъ дѣйствительно такимъ посредственнымъ и бездарнымъ государемъ, какимъ рисуютъ его современные хроникеры.

Оффиціальный текстъ документа содержитъ отвѣтъ короля на папское посланіе относительно проектированнаго папою

[1]) Historische Zeitschrift, zweites Heft, 1901.

крестоваго похода; король давалъ папѣ обѣщаніе сдѣлать все зависящее отъ него, но можно сказать почти съ увѣренностью, что онъ никогда не имѣлъ серьезнаго намѣренія выполнить это обѣщаніе. Цѣль, которую король преслѣдовалъ— склонить папу дѣйствовать въ его пользу на предстоявшихъ въ Германіи выборахъ короля послѣ смерти императора Генриха VII.

Вообще эти переговоры отличались лицемѣріемъ съ обѣихъ сторонъ. Климентъ V, повидимому, не мечталъ осуществить этотъ крестовый походъ; ему хотѣлось лишь убѣдить всѣхъ въ его возможности и даже необходимости, чтобы имѣть возможность начать сборы пожертвованій, которыми духовенство могло бы широко поживиться. Филиппъ IV, соблюдая свои выгоды, увѣрялъ папу въ полной готовности исполнить его желаніе, но въ то же время доказывалъ, что этотъ крестовый походъ возможенъ только при условіи большаго единства и согласія между христіанскими государями, чему могла бы сильно способствовать отдача французскому принцу вакантной нѣмецкой короны, причемъ онъ указывалъ на своего брата и просилъ папу подать за него голосъ. Климентъ V нашелъ удобный выходъ изъ неловкаго положенія, такъ чтобы можно было и не отказать въ просьбѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не исполнить ее: онъ исполнилъ ее тогда лишь, когда получилъ свѣдѣнія, что кандидатура Генриха Люксембургскаго стала почти неоспоримою.

Всемогущій министръ Филиппа IV Ангерранъ Мариньи, старавшійся попасть въ милость къ папѣ, дѣлалъ все возможное, чтобы угодить ему и онъ-то и составлялъ вмѣстѣ съ Филиппомъ вышеупомянутое посланіе, въ которомъ говорилось, что все зависящее отъ французскаго короля будетъ сдѣлано, чтобы собрать крестовый походъ. Что же касается просьбы о ходатайствѣ на германскихъ выборахъ, Филиппъ давалъ инструкціи по этому предмету Петру Барьеру съ глазу на глазъ, въ отсутствіи Ангеррана Мариньи, о которомъ говорилось въ бумагѣ, что „онъ знаетъ всѣ тайны короля". Тѣмъ не менѣе Мариньи ничего не зналъ о намѣреніяхъ Филиппа относительно германской короны и едва ли можно назвать слабохарактернымъ и ничтожнымъ государя, рѣшившагося безъ вѣдома своихъ главныхъ совѣтниковъ предпринять такое важное дѣло, которое могло имѣть самыя обширныя послѣдствія. Петръ Барьеръ, выслушавъ инструкціи короля, не задумался записать ихъ себѣ для памяти на оборотной сто-

ронѣ порученной ему бумаги со всѣми самыми интимными и секретными соображеніями и въ такомъ видѣ передалъ бумагу папѣ Клименту V. Этимъ поступкомъ онъ заслужилъ милость папы и получилъ желаемую награду—выгодное назначеніе позволявшее ему въ то же время оставаться на службѣ у короля.

Эта интересная оффиціальная бумага съ неоффиціальными помѣтками на оборотной сторонѣ, является единственнымъ въ своемъ родѣ документомъ.

Новыя книги.

Н. Карѣевъ. **Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ.** Съ историческими картами. Спб. 1900 г.

Прекрасный учебникъ профессора Карѣева раздѣленъ на 8 главъ и 296 параграфовъ, почти половина которыхъ „предназначена не для заучиванія", а для прочтенія въ классѣ подъ руководствомъ и съ объясненіями преподавателя, что не всегда будетъ возможно, такъ такъ безъ нихъ теряется связь между остальными параграфами (для примѣра смотри §§ 1 8—140). Въ приложеніяхъ даны составленные съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія конспекты содержанія книги и краткіе обзоры разныхъ сторонъ средневѣковой исторіи, въ томъ числѣ и по исторіи отдѣльныхъ странъ; тамъ же нѣсколько хронологическихъ таблицъ. Сверхъ того, 21 прекрасная карта, напечатанная очень удобно для справокъ (на одной правой половинѣ листа, вдвое большаго, чѣмъ листъ учебника, что позволяетъ пользоваться картой, не закрывая книги). Карты очень дѣльныя и ясныя и содержатъ строго только то, что нужно: профессоръ Карѣевъ излишне скроменъ, если думаетъ (въ предисловіи), что ихъ задача не въ томъ, чтобы замѣнить историческіе атласы, а въ томъ, чтобы содѣйствовать болѣе ясному представленію нѣкоторыхъ особенно важныхъ моментовъ и процессовъ"; при такихъ „отдѣльныхъ картахъ" атласа вовсе не нужно. Особенно интересна карта № 9 (владѣніе графа Шампанскаго), рельефно рисующая феодальную черезполосицу.

Научныя достоинства труда и соотвѣтствіе его современному состоянію науки гарантируются уже самымъ именемъ

почтеннаго автора. Исторія культуры и исторія учрежденій поставлена на подобающее почетное мѣсто и изложена со всей доступной для учебной книги степенью подробности. Магометъ и Григорій VII наконецъ-то перестали появляться „на пустомъ мѣстѣ", какъ deus ex machina, а приведены въ связь съ клюнійскимъ движеніемъ и такъ называемыми „ханифами" Изложено дѣло Фотія—одно изъ первыхъ проявленій вражды двухъ половинъ вселенской церкви и грядущаго разрыва между ними. Профессоръ Карѣевъ даже готовъ считать дѣло Фотія началомъ раздѣленія церквей, что едва ли вѣрно.

Изложеніе очень простое, въ высшей степени содержательное, безъ малѣйшихъ признаковъ той риторики, что иные авторы считаютъ краснорѣчіемъ; въ высшей степени сжатое, но не въ ущербъ ясности: въ minimum объема вмѣщенъ maximum содержанія. Многословіе и обиліе иностранныхъ словъ, которыми страдаютъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, большіе труды профессора Карѣева, въ данной книгѣ отсутствуютъ.

Научная цѣнность книги очень высока; но вѣдь профессоръ Карѣевъ написалъ *учебную книгу!* Будетъ ли она „принята", или помѣшаютъ этому „независящія обстоятельства", не знаемъ, но не скроемъ, что для *среднихъ* учебныхъ заведеній она тяжеловата и *велика*. Въ книгѣ, какъ выше сказано, всего 204 стр., да изъ нихъ еще стр. 80—90 назначены не для „заучиванія"; остается слѣд. всего 110—120 стр., но какихъ! „Анекдотовъ", красивыхъ разсказовъ про полумиѳическихъ лицъ и пр., на которыя такъ щедръ г. Иловайскій, нѣтъ; изложеніе сжатое и ясное... все это достоинства въ научной книгѣ. Но каково будетъ ученикамъ проходить среднюю исторію по учебнику, одна страница котораго по содержательности равняется чуть ли не десяти страницамъ учебника г. Иловайскаго, а изложеніе сжато до того, что часто производитъ впечатлѣніе конспекта какой-то другой книги, и при всей своей ясности все-таки будетъ нѣсколько трудно для ученика средняго развитія. Рискуя навлечь на себя громы, признаемся, что жалѣемъ о совершенномъ исчезновеніи въ новыхъ учебникахъ исторіи анекдотической стороны (у г. Иловайскаго излишне развитой) и нѣкоторой картинности изложенія.

Просматривая книгу, мы замѣтили кое-гдѣ неточность выраженій, которая можетъ ввести ученика въ заблужденіе. Напр., объ Аттилѣ (с. 5) ученикъ будетъ думать, что онъ

осаждалъ Константинополь; родъ Валуа во Франціи и Іорковъ въ Англіи будетъ считать родственными Капетингамъ (первые) и Плантагенетамъ (вторые) только по женской линіи (с. 164 и 227) и пр. Иногда, наоборотъ, учебникъ *слишкомъ* остороженъ въ выраженіяхъ; напр., на с. 159 читаемъ, что Жанна д'Аркъ „попала въ плѣнъ къ противной ему (т. е. французскому королю) французской партіи". Отчего бы не сказать просто: „къ бургунцамъ, союзникамъ англичанъ" или даже прямо: „къ англичанамъ". Зачѣмъ говорить (с. 40), что арабы завоевали „въ Африкѣ провинцію Византіи, отнятую у вандаловъ", когда проще и яснѣе сказать: „сѣверный берегъ Африки", напомнивъ, что Египетъ былъ покоренъ еще раньше. На ст. 23 прямо странное выраженіе про сыновей Хлодвига, „которые, не умѣя, такъ сказать, отличить государства отъ простого имѣнія, раздѣлили наслѣдство своего отца на 4 удѣла". Ученикъ, читая это, такъ и признаетъ ихъ глупцами, но никакъ не догадается, въ чемъ, однако, все дѣло, а именно, что франки просто не достигли еще той культурной высоты, когда вырабатывается понятіе о государствѣ. Не менѣе странно (с. 110) alma mater и doctor anglicus переводить черезъ „общая мать" и „учитель ангеловъ" (sic!), а парижскаго превота называть „административнымъ и судебнымъ приказчикомъ". Нѣсколько скомканъ конецъ гуситскихъ войнъ (с. 150). Вѣроятно только желаніемъ не отдаляться отъ программы надо объяснить сравнительно подробное изложеніе пресловутаго возстанія „Ника", которое ничуть не важнѣе и не характернѣе, чѣмъ тысяча остальныхъ византійскихъ возстаній, неудачныхъ и даже удачныхъ.

Н. У.

Исторія Императорскаго русскаго археологическаго общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія. 1846—1896 гг. Составилъ дѣйствительный членъ *Н. И. Веселовскій*. Спб. 1900.

Огромный трудъ проф. Н. И. Веселовскаго обнимаетъ собою весь 50-лѣтній періодъ жизни старѣйшаго изъ русскихъ археологическихъ обществъ; научные труды общества, изданія, раскопки, реставрація памятниковъ, ученыя экспедиціи, совершенныя членами, организація работъ и хозяйственная дѣятельность—все это нашло себѣ мѣсто на страницахъ „Исторіи" и въ живомъ занимательномъ изложеніи проходитъ передъ читателемъ. Внѣшность изданія чрезвычайно изящна, текстъ украшенъ оригинально и художественно исполненными виньетками археологическаго характера и древне-русскими

наставками. Отдѣльное приложеніе къ книгѣ составляютъ портреты августѣйшихъ председателей: герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго и великихъ князей Константина Николаевича и Константина Константиновича, а также 21 основателей общества.

Трудъ Н. И. Веселовскаго, кромѣ своего узко-спеціальнаго значенія „Исторіи Общества", представляетъ интересъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ,—въ смыслѣ отраженія въ себѣ общей эволюціи археологическихъ знаній въ Россіи. Основаніе общества связано съ началомъ развитія у насъ археологіи, какъ науки, и поэтому всѣ выдающіяся въ ея сферѣ открытія, выдвигающіеся на очередь вопросы археологіи находили себѣ отраженіе и въ дѣятельности общества. Не вдаваясь въ болѣе подробный обзоръ труда почтеннаго ученаго, мы не можемъ только не отмѣтить его глубокаго и авторитетнаго взгляда на значеніе, для всемірной археологіи, древностей, которыми владѣетъ Россія.

„Русскому государству", говоритъ авторъ, „досталось обладаніе крупными культурными центрами древняго человѣчества: Сибирью, Крымомъ, Кавказомъ съ Закавказьемъ, а въ послѣднее время — Западнымъ Туркестаномъ и Закаспійскою областью. Россіи принадлежитъ тотъ великій, міровой путь, по которому двигались народы съ востока на западъ, оставляя въ мѣстахъ стоянокъ и въ могилахъ родичей предметы своего домашняго обихода и своей національной производительности. Въ Россіи можно найти древности почти всѣхъ временъ и почти всѣхъ народовъ, отъ примитивныхъ орудій каменнаго вѣка до издѣлій неподражаемаго по изяществу и техникѣ художественнаго творчества классическаго міра, отъ древней клинописи ассирійскаго царства до писанцевъ, уцѣлѣвшихъ на утесахъ сибирскихъ горъ и едва лишь разгаданныхъ въ самое послѣднее время. Древности, находимыя въ предѣлахъ Россіи, могутъ показать смѣну былыхъ цивилизацій, самостоятельныхъ или заимствованныхъ, бѣдныхъ или пышныхъ, и взаимныя отношенія народовъ между собою". **А. М.**

Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. Изслѣдованіе *В. Н. Дебольскаго.* Спб. 1901.

Русская историческая географія, какъ самостоятельная научная дисциплина, появилась сравнительно недавно и относительно мало разработана. Однако, изъ важнѣйшихъ задачъ этой науки, требующихъ безотлагательнаго разрѣшенія, является

отысканіе и опредѣленіе всѣхъ мѣстъ географическихъ: рѣкъ, городовъ, селеній и пр., упоминаемыхъ въ историческихъ памятникахъ, и составленіе, такимъ путемъ, наиболѣе точной исторической карты Россіи. Изслѣдованіе молодого ученаго В. Н. Дебольскаго, напечатаное въ XII томѣ записокъ Императорскаго русскаго археологическаго общества и вышедшее теперь отдѣльною брошюрою, представляетъ опытъ разрѣшенія вышеуказанной задачи по отношенію къ Московскому княжеству XIV вѣка. Карта Московской земли этой эпохи, составленная авторомъ и приложенная къ его труду, является нагляднымъ результатомъ успѣшной работы. На ней нанесены или пріурочены къ существующимъ географическимъ пунктамъ множество названій горъ, рѣкъ, городовъ, волостей и пр., упоминаемыхъ въ изслѣдованныхъ авторомъ памятникахъ. Изслѣдованію подверглись данныя, заключающіяся въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ московскихъ князей, начиная съ XIV вѣка. Главными источниками, на основаніи которыхъ авторъ могъ подвергать разбору упоминаемыя въ грамотахъ названія разныхъ волостей и селъ, служили писцовыя книги, списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи и межевыя грамоты 1504 года. **А. М.**

Е. В. Тарле. **Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени.** Спб., 1901.

Названный трудъ г. Тарле—крупный вкладъ въ нашу небогатую литературу о соціальныхъ фантазіяхъ и соціальныхъ мечтателяхъ. Правда, наша такъ называемая „большая публика“ знаетъ романъ Беллами „Черезъ сто лѣтъ“, ей извѣстны мечтанія Платона, но зато объ „Икаріи“ Кабе, Фурье и „Утопіи“ Томаса Мора она знаетъ очень и очень мало. Можно ожидать, что превосходная книга г. Тарле не пройдетъ незамѣченной и оживитъ интересъ среди читающей публики и въ литературѣ къ „соціальнымъ реформаторамъ“.

Главная цѣнность разбираемой книги заключается въ томъ, что трудъ г. Тарле о Морѣ не жалкая компиляція, написанная по источникамъ изъ вторыхъ рукъ, а серьезное и глубокое изслѣдованіе, плодъ долгаго изученія почти совсѣмъ неизвѣстныхъ матеріаловъ въ Британскомъ музеѣ. Основной трудъ Мора — „Утопія“, анализу котораго посвящена большая часть книги г. Тарле, до сихъ поръ представляетъ интересъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ даетъ такую яркую и живую характеристику современной Мору Англіи, „какъ ни одинъ другой литературный памятникъ эпохи“. Кромѣ

того, нельзя не согласиться съ авторомъ, что „для науки объ обществѣ „Утопія“ также никогда не потеряетъ интереса, ибо проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на самую смутную, наиболѣе неподдающуюся научному учету область обществовѣдѣнія: на отношенія между реальнымъ фактомъ и теоріей. „Утопія“ даетъ яркій образецъ того, какъ создавались теоріи, наиболѣе отрицавшія дѣйствительность, наиболѣе съ ней непримиримыя“. Наконецъ, мысли, высказанныя въ „Утопіи“ о „наилучшемъ состояніи государства“, оказались долговѣчными потому, что „общественныя условія, окружавшія Т. Мора и вліявшія на него, mutatis mutandis продолжали существовать и вліять на умственную жизнь Европы“.

Несмотря на то, что Моръ жилъ въ эпоху, когда „науки цвѣли, умы пробуждались, удовольствіемъ становилась жизнь“, большинство его взглядовъ поднимается надъ уровнемъ эпохи. Будучи современникомъ англійской аграрной революціи XV—XVI вв., онъ, чуть ли не единственный, понялъ суть дѣла и съ геніальною прозорливостью опредѣлилъ причину тогдашнихъ аграрныхъ неурядицъ. Много говорилъ Т. Моръ и объ уничтоженіи смертной казни. Суровые англійскіе законы присуждали къ смерти за 6.789 преступленій и число казненныхъ было громадно: за 38 лѣтъ царствованія Генриха VIII было казнено 72 тысячи человѣкъ. Г. Тарле вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что выписками изъ Мора слѣдуетъ начинать исторіографію борьбы противъ смертной казни. Если къ приведеннымъ взглядамъ мы прибавимъ, что Моръ ратовалъ за вѣротерпимость, былъ сторонникомъ образованія женщинъ, то передъ нами будетъ вполнѣ опредѣленная фигура, которую можно поставить въ первые ряды борцовъ за освобожденіе человѣчества.

Умеръ Моръ отъ руки палача за католицизмъ, и въ 1886 г. папскій декретъ возвелъ его въ „блаженные“. Характерно, что въ этомъ декретѣ ни словомъ не упоминается объ „Утопіи“, гдѣ были высказаны идеи, ничего общаго не имѣющія съ католицизмомъ.

Интересна судьба „Утопіи“ въ Россіи. Въ концѣ XVIII вѣка это произведеніе было переведено и издано съ разрѣшенія Управы Благочинія, а теперь оно представляетъ одну изъ рѣдчайшихъ русскихъ книгъ. Къ книгѣ г. Тарле приложенъ прекрасный переводъ „Утопіи“. **Е. М. В.**

Mémoires de *Mirza-Riza-Khan Danicke, Afra-ud-Dovleh* II-e édition. Спб. 1901.

Книга эта принадлежитъ перу представителя Персіи въ

Россіи. Мусульманскій міръ такъ мало еще выдвигаетъ европейски-образованныхъ людей, что съ этой стороны „Воспоминанія“ Мирза-Риза-Хана представляютъ несомнѣнный интересъ. Написанныя прекраснымъ французскимъ языкомъ, они изобличаютъ человѣка, принадлежащаго къ нашей культурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь чувствуется и культура иная—восточная, исламистская. Произведеніе персидскаго сановника не представляетъ собою чего-либо цѣльнаго и недаетъ, какъ можно бы судить по заглавію, въ связномъ видѣ всего того, что переиспыталъ и перевидѣлъ въ своей пестрой жизни авторъ. Цѣль книги какъ бы дидактическая и вмѣстѣ съ тѣмъ она не чужда мистицизма,—того мистицизма, который проистекаетъ изъ предписаннаго кораномъ вѣрованія въ предопредѣленіе. Авторъ разсказываетъ отдѣльные случаи изъ своей жизни, сами по себѣ весьма малозначительные, но съ одной стороны пытающіеся подтвердить, что сны сбываются, а съ другой—что всякій дурной или хорошій поступокъ соотвѣтственно возмѣщается намъ. Особенно любопытны первыя двѣ главы, въ которыхъ авторъ излагаетъ, какъ исполнились его дѣтскія предвѣстія о томъ, что онъ станетъ впослѣдствіи сановнымъ человѣкомъ.

Monographien zur Deutschen Kulturgeschichte. **Der Arzt und die Heilkunst in der deutschen Vergangenheit.** Von *H. Peters.* Mit 153 Abbildungen nach den Originalen aus dem XV — XVIII Jahrhundert. Leipzig. 1901.

Книжка Петерса представляетъ 3-й выпускъ интересной серіи, посвященной исторіи нѣмецкой культуры (первый выпускъ трактовалъ о солдатѣ, 2-й—о купцѣ). Въ ней довольно кратко изложена исторія врачебнаго искусства въ Германіи, начиная съ XV и кончая XVIII столѣтіемъ. Особенно любопытны страницы, посвященныя роли женщинъ, являвшихся въ средніе вѣка въ качествѣ врачей, преимущественно занимавшихся акушерствомъ и женскими болѣзнями. Но эти средневѣковыя женщины-врачи, равно какъ и ихъ собратья по искусству, мужчины, не обладали систематическими знаніями. Медицинскіе факультеты начинаютъ открываться въ германскихъ университетахъ лишь въ началѣ XV столѣтія и долгое время имѣютъ лишь по два профессора: одинъ изъ нихъ читаетъ теоретическую медицину, другой практическую. Поэтому тѣ изъ нѣмецкихъ врачей, которые хотѣли пріобрѣсти дѣйствительныя знанія, принуждены были искать его внѣ отечества, въ знаменитыхъ университетахъ Франціи и Италіи.

Книга снабжена массой интересныхъ иллюстрацій, причемъ многія изъ нихъ имѣютъ большой культурно-историческій интересъ. **W. B.**

D. Albrecht Thoma. Katharina von Bora. Geschichtliches Lebensbild. Berlin. 1901.

Біографъ Катерины фонъ-Бора, жены Лютера, заявляетъ въ предисловіи, что жизнеописаніе женщины, сумѣвшей заслужить любовь великаго реформатора, должно представлять интересъ для читателя, желающаго ознакомиться съ интимной стороной жизни Лютера. Къ сожалѣнію, часто случается, что замѣчательные люди выбираютъ подругами жизни вовсе не замѣчательныхъ женщинъ. Такъ поступилъ и Лютеръ, насколько можно судить по тѣмъ сравнительно скуднымъ свѣдѣніямъ, которыя сохранились о его женѣ. Достовѣрно извѣстно, что она очень заботилась о желудкѣ великаго реформатора, была примѣрная жена и хозяйка, но въ общемъ ничѣмъ не отличалась отъ обычнаго типа нѣмецкихъ женъ. Пожалуй, самое любопытное въ книгѣ Тома—это мнѣніе самого Лютера о женщинахъ, почти совпадающее съ мнѣніемъ по этому предмету автора нашего отечественнаго «Домостроя». Авторъ довольно подробно излагаетъ исторію семьи фонъ-Бора, ея жизнь въ монастырѣ и послѣ смерти реформатора. Книга украшена портретомъ Катерины, снимкомъ съ рисунка знаменитаго Луки Кранаха. Въ общемъ можно лишь сожалѣть, что авторъ написалъ довольно объемистую книгу о предметѣ, который можно было съ успѣхомъ исчерпать въ краткой журнальной статьѣ.

W. B.

Редакторъ-издатель **С. С. Сухонинъ.**

Приложеніе къ журналу „Вѣстникъ Всемірной Исторіи“ за 1901 г.

Князь В. В. Барятинскій.

Во дни Петра.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЬЕСА ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра...

Пушкинъ („Полтава“).

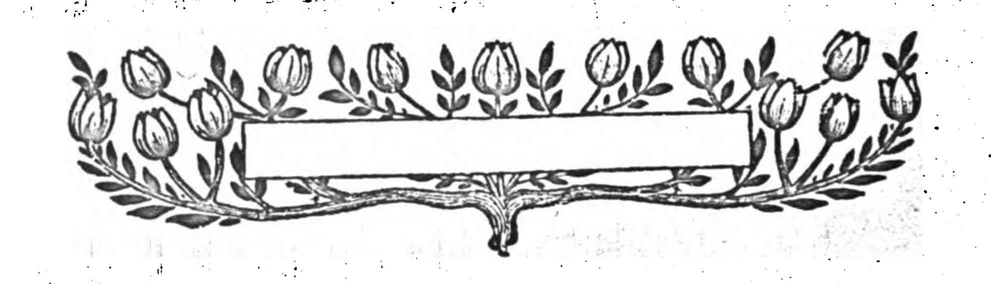

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Петръ I Великій	45	л.
Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ	46	„
Фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ	66	„
Князь Иванъ Федоровичъ Ромодановскій	около 45	„
Василій Никитичъ Татищевъ	32	„
Адмиралъ графъ Апраксинъ	47	„
Баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ, вице-канцлеръ	47	„
Антонъ Эмануиловичъ Девьеръ, оберъ-полицмейстеръ	45	„
Графъ Петръ Андреевичъ Толстой, начальникъ канцеляріи	73	„
Павелъ Ивановичъ Ягужинскій	34	„
Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, кабинетъ секретарь	около 40	„
Князь Яковъ Федоровичъ Долгорукій, сенаторъ	79	„
Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, посолъ	40	„
Михаилъ Алексѣевичъ Зоринъ	55	„
Графъ Яковъ Виллимовичъ Брюсъ	49	„
Князь Андрей Глѣбовичъ Вышегорскій	24	„
Князь Семенъ Матвѣевичъ Брянскій	60	„
Орловъ, денщикъ Петра I	28	„
Графъ де-Тессе (Французскіе маршалы)	66	„
Герцогъ де-Вилларъ (Французскіе маршалы)	63	„
Герцогъ де-Вильруа (Французскіе маршалы)	73	„
Людовикъ XV, король французскій	7	„
Графъ де-Вертонъ	27	„
Марія Михайловна Зорина	20	„
Княгиня Дарья Михайловна Меншикова		„
Княжна Марья Александровна, ея дочь		„
1-й слуга (слуги во дворцѣ Петра)	50	„
2-й слуга (слуги во дворцѣ Петра)		„
3-й слуга (слуги во дворцѣ Петра)		„
Дворецкій (въ домѣ Зориныхъ)	60	„
Слуга (въ домѣ Зориныхъ)		„

I.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Парижъ. 10-го мая (н. ст.) 1717 года.

Дворецъ Ледигьеръ. Кабинетъ Петра Великаго. Двери направо и въ глубинѣ. Направо, у стѣны, книжный шкафъ; налѣво, на авансценѣ, письменный столъ и два большихъ кресла. Стулья вдоль стѣнъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Орловъ, Макаровъ, графъ де-Вертонъ.

Де-Вертонъ (*стоитъ, опершись спиной къ шкафу, продолжаетъ что-то разсказывать*). Такъ вотъ видите: только герцогъ успѣлъ подумать, что врата рая раскрылись для него и что Амуръ взялъ его подъ свое покровительство, какъ вдругъ случилось совершенно неожиданное обстоятельство: дверь отворяется, и входитъ мужъ...

Орловъ (*сидитъ на стулѣ у самыхъ дверей, ведущихъ въ глубину*). Да какъ же онъ узналъ?

Де-Вертонъ. Кто? мужъ? Да какъ всегда такія вещи узнаются: случайно, по какой-нибудь оброненной запискѣ, по чьему-нибудь доносу,—мало ли какъ.

Орловъ. Ну, и что же герцогъ?

Де-Вертонъ. А что бы вы сдѣлали на его мѣстѣ?

Орловъ (*смѣясь*). Это зависѣло бы отъ того, что предпринялъ бы мужъ.

Де-Вертонъ. Мужъ былъ взбѣшенъ и находился въ такомъ состояніи, что способенъ былъ попросту избить герцога, забывая его званіе и происхожденіе...

Орловъ. Чѣмъ же дѣло кончилось?

Де-Вертонъ. Герцогъ моментально ускользнулъ въ маленькую дверь на чердакъ, а оттуда пробрался на крышу дома и по крышѣ уже добрался до сосѣдняго дома, гдѣ, не знаю ужъ какъ, умудрился незамѣтно спуститься на улицу...[1]). Смѣху потомъ было при дворѣ... Можете себѣ представить.

Орловъ. Недурно. Вы, какъ посмотрю, весело живете и времени не теряете.

Де-Вертонъ. Зачѣмъ же время терять... А то послушайте вотъ другую исторію, презабавную. Случилось это съ... впрочемъ, я думаю, вамъ все равно съ кѣмъ; скажемъ—съ однимъ мужемъ. Этотъ мужъ засталъ однажды свою жену на мѣстѣ преступленія съ графомъ де-Лэгль. Влюбленные ужасно испугались; но мужъ прехладнокровно подошелъ къ дверямъ, посмотрѣлъ, нѣтъ ли кого въ сосѣднихъ комнатахъ, и, мило улыбаясь, проговорилъ: „Какъ вы неосторожны. Ну, вдругъ вошелъ бы не я, а кто-нибудь другой“ [2]).

Орловъ (*смѣется*). Этотъ мужъ былъ, повидимому, добродушнѣе того, о которомъ вы только что говорили...

Де-Вертонъ. Да вѣдь, въ сущности говоря, и волноваться-то особенно не изъ чего... А вотъ еще одинъ случай... (*Замѣчаетъ входящаго Макарова и умолкаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Макаровъ.

Макаровъ (*входитъ съ портфелемъ въ рукахъ*). Государь дома?

Орловъ (*быстро вставая*). Дома, господинъ секретарь; его величество у себя въ комнатѣ одѣваются.

Макаровъ (*къ де-Вертону*). Здравствуйте, графъ. Вы не видѣли маршала?

Де-Вертонъ (*здороваясь*). Господинъ де-Тессе еще не выходилъ изъ своихъ апартаментовъ.

---

[1]) Фактъ изъ жизни герцога Орлеанскаго.

[2]) Случай, происшедшій значительно позже съ маршаломъ герцогомъ Ришелье, племянникомъ знаменитаго кардинала. (См. „L'Esprit de tout le monde“).

Макаровъ. Сейчасъ пріѣдетъ князь Куракинъ, и намъ надо будетъ поговорить съ маршаломъ.

Де-Вертонъ. Я заходилъ утромъ къ нему, но онъ еще спалъ. Я слышалъ, что онъ почти всю ночь промучился со своей подагрой, что, впрочемъ, конечно, не помѣшаетъ ему во-время явиться къ его царскому величеству.

Орловъ (*къ Макарову*). Прикажете доложить о васъ?

Макаровъ. Нѣтъ, не безпокойте государя: у меня особенно важныхъ дѣлъ нѣтъ. (*Пауза*). Не было никакихъ новыхъ распоряженій?

Де-Вертонъ. Относительно чего?

Макаровъ. Относительно пріѣзда короля.

Де-Вертонъ. Нѣтъ, никакихъ.

Макаровъ. Герцогъ Орлеанскій будетъ сопровождать короля?

Де-Вертонъ. Нѣтъ, его высочеству неудобно пріѣзжать два дня кряду. Король прибудетъ съ маршаломъ герцогомъ де-Вильруа, своимъ воспитателемъ, въ домѣ котораго, кстати сказать, мы находимся въ настоящую минуту [1]).

Голосъ Петра I (*за сценой*). Орловъ! (*Всѣ смолкаютъ; Орловъ поспѣшно выходитъ*).

Де-Вертонъ (*послѣ паузы*). Царь остался доволенъ вчерашнимъ посѣщеніемъ регента?

Макаровъ. Очень; онъ находитъ герцога крайне умнымъ человѣкомъ; единственное, что царю не понравилось, если сказать правду, это необычайная роскошь, съ которой регентъ и вообще всѣ французскіе вельможи одѣваются. Царь считаетъ такую безумную трату денегъ губительной для государства...

Де-Вертонъ. Что жъ онъ скажетъ, когда увидитъ Тюльерійскій и въ особенности Версальскій дворецъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Макаровъ, де-Вертонъ, де-Тессе, Куракинъ.

Лакей (*раскрывая правыя двери*). Его сіятельство князь Куракинъ... его сіятельство маршалъ графъ де-Тессе...

[1]) Дворецъ „de Lesdiguières", въ которомъ остановился Петръ I, принадлежалъ воспитателю Людовика XV, маршалу де-Вильруа, и находился на теперешней улицѣ de la Cerisaie подъ № 10.

Куракинъ. Здравствуйте, графъ; здравствуйте, Алексѣй Васильевичъ.

Де-Тессе. Доброе утро, господа. Я имѣлъ счастье встрѣтиться съ княземъ въ стеклянной галлереѣ, такъ что онъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ, какъ я карабкался по лѣстницѣ. Эта проклятая подагра совсѣмъ одолѣла меня [1]).

Куракинъ (*любезно*). Я даже не замѣтилъ... Вы съ такой легкостью подымались, какъ дай Богъ любому молодому человѣку.

Де-Тессе (*улыбаясь*). Что вы, что вы. Упаси васъ Богъ отъ такой легкости. (*Къ Макарову*). Его величество не въ претензіи на меня, что я не выходилъ утромъ?

Макаровъ. Я не имѣлъ счастья еще видѣть его величества...

Орловъ (*появляясь въ среднихъ дверяхъ*). Господинъ секретарь, государь требуетъ васъ къ себѣ.

Макаровъ. До скораго свиданья. (*Выходитъ съ Орловымъ*).

Куракинъ (*на авансценѣ съ де-Тессе*). Вы говорили вчера съ регентомъ по поводу нашихъ дѣлъ?

Де-Тессе. Вскользь намекнулъ... Его высочество вѣдь еще до пріѣзда царя въ Парижъ зналъ отъ васъ, въ чемъ дѣло, и даже очень волновался по этому поводу.

Куракинъ. Отчего?

Де-Тессе. Отчего? отчего? Потому что... ну, да мы сейчасъ подробно поговоримъ, когда пріѣдетъ Толстой. (*Къ де-Вертону*). Графъ, будьте добры распорядиться, чтобы караулъ выстроился во дворѣ по обѣ стороны главнаго подъѣзда.

(*Де-Вертонъ выходитъ, поклонившись; въ дверяхъ встрѣчается съ Толстымъ, котораго и пропускаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Де-Тессе, Куракинъ, Толстой.

Лакей (*докладывая*). Его сіятельство графъ Толстой.

Куракинъ (*идя навстрѣчу Толстому*). А мы васъ поджидали.

Толстой (*здороваясь*). Я сильно запоздалъ?

---

[1]) См. „Мемуары герцога Сенъ-Симона“.

Де-Тессе. Какъ бы вы ни запоздали—ваше присутствіе неоцѣнимо; да, впрочемъ, вы даже и не опоздали.

Толстой. Государь не выходилъ еще?

Де-Тессе. Нѣтъ.

Толстой. И не посылалъ за мной?

Куракинъ. Кажется, что нѣтъ.

Толстой. Ну, такъ, значитъ, все къ лучшему; мы можемъ спокойно поболтать. Что новенькаго?

Куракинъ. Да вотъ маршалъ началъ что-то говорить о томъ, что регентъ встревоженъ.

Толстой. Чѣмъ?

Куракинъ. Нашими переговорами.

Толстой. Чего жь онъ такъ торопится тревожиться? Вѣдь мы еще оффиціально не начинали дѣйствовать.

Куракинъ. Ну, все-таки... Вѣдь я еще до вашего путешествія начиналъ заговаривать и даже оффиціально черезъ Шатонёфа.

Толстой. Такъ что жъ въ нашихъ предложеніяхъ способно взволновать его высочество? Мы вѣдь дѣйствуемъ открыто, честно, не скрываясь...

Де-Тессе. Вотъ это-то и плохо, что вы открыто и не скрываясь дѣйствуете; развѣ такъ можно? Какъ же вы, господа заслуженные дипломаты, этого не понимаете. Вѣдь это вопросъ пощекотливѣе, чѣмъ тѣ, которые вы разбирали *(къ Толстому)* въ Константинополѣ и *(къ Куракину)* въ Гаагѣ.

Куракинъ. Да что жъ смущаетъ герцога Орлеанскаго?

Де-Тессе. Да многое. Во-первыхъ, мы связаны договоромъ, по которому мы Швеціи выплачиваемъ ежемѣсячно пятьдесятъ тысячъ экю...

Толстой. Такъ вѣдь про это разговоръ и идетъ, чтобъ вы перевели эту субсидію теперь на Россію, которая взамѣнъ того беретъ на себя гарантію утрехтскаго и баденскаго трактатовъ.

Де-Тессе. Во-вторыхъ, вы забываете, что регентъ связанъ тѣсной дружбой съ королемъ англійскимъ Георгомъ, который съ своей стороны—въ открытой враждѣ съ вашимъ царемъ.

Толстой. Неужели же регентъ ставитъ свои личныя симпатіи и разсчеты выше нуждъ ввѣреннаго ему государства?

Де-Тессе. Мать регента, герцогиня Генріетта Орлеанская,—англичанка.

Куракинъ. Все это вѣрно, но онъ не можетъ не видѣть, что лучшая союзница Франціи—Россія, и я увѣренъ, что если не теперь, то въ будущемъ ваше правительство пойметъ это и протянетъ намъ черезъ всю Европу дружескую руку.

Де-Тессе. Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь; но все-таки намъ не такъ легко раздѣлаться со Швеціей, какъ вы думаете...

Куракинъ. Что вамъ Швеція! Она разорена, принижена нашими послѣдними войнами: мы взамѣнъ предлагаемъ вамъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Шафировъ, Орловъ.

Лакей (*докладывая*). Господинъ вице-канцлеръ баронъ Шафировъ.

Шафировъ. Я уже изъ той комнаты слышалъ голоса: навѣрно, думаю, о политикѣ разговоры ведутся. Ахъ, ужъ эта мнѣ политика. Доброе утро, маршалъ. Здравствуйте, князь. (*Къ Толстому*). Съ вами мы уже видались.

Орловъ (*показываясь въ среднихъ дверяхъ*). Господина камергера Ягужинскаго нѣтъ?

Шафировъ. Нѣтъ, конечно, нѣтъ. (*Орловъ съ поклономъ выходитъ*).

Толстой. А гдѣ же онъ?

Шафировъ. Гдѣ—не знаю; а что дѣлаетъ—подозрѣваю: опохмеляется, вѣроятно, какъ всегда, за исключеніемъ, конечно, того времени, когда онъ охмеляется... Ну, да ужъ Богъ съ нимъ.

Толстой (*тихо Куракину*). Ишь, жидъ ядовитый какой.

Шафировъ. А вотъ скажите-ка мнѣ лучше, о чемъ вы бесѣдовать изволили?

Куракинъ. Да вотъ все о тѣхъ же дѣлахъ.

Шафировъ. Такъ, такъ... Ну, и что же сообщилъ вамъ господинъ маршалъ?

Куракинъ. Да что регентъ боится обидѣть англійскаго короля и совѣстится бросить Швецію.

Шафировъ. Нехорошо; нехорошо; а что же вы отвѣчали?

Куракинъ. Что подобныя соображенія несостоятельны.

Шафировъ. Вѣрно, несостоятельны... Только, къ сожалѣнію, совѣтникъ регента, досточтимый кардиналъ Дюбуа, съ нами во мнѣніяхъ разошелся. Вѣдь это онъ, господинъ маршалъ, не правда ли, отговорилъ его высочество?..

Де-Тессе (*смущенно*). Я не знаю... Кардиналу привыкли приписывать часто такія дѣйствія, въ которыхъ онъ совсѣмъ неповиненъ.

Шафировъ. Кому вы это говорите. Мнѣ ли, вице-канцлеру, этого не знать. Я самъ нерѣдко бываю въ такомъ положеніи.

Де-Тессе. Вы поймите, господа, въ чемъ состоятъ главные пункты нашей политики: Австрія не можетъ забыть потери Испаніи и, сильно окрѣпнувъ за послѣднее время, точитъ на нее зубы; между тѣмъ—король испанскій родной внукъ нашего покойнаго великаго короля, и мы должны его отстаивать, т. е. во что бы то ни стало добиваться общаго мира. Такое настроеніе царитъ и въ Англіи, которой нужно упрочить свою новую династію; прибавьте къ этому то, что я вамъ сейчасъ говорилъ о личныхъ симпатіяхъ герцога Орлеанскаго—и вамъ станетъ ясно, отчего въ данную минуту Англія является нашей естественной союзницей.

Куракинъ. Россія съ успѣхомъ замѣнитъ вамъ и Англію, и Швецію и принесетъ вамъ вдобавокъ дружбу Пруссіи и Польши.

Де-Тессе. Польша со своей избирательной системой престолонаслѣдія—союзница недостаточно вѣрная. Сегодня король Августъ съ нами дружитъ, а завтра его преемникъ, чуждый его семьѣ и политикѣ, пойдетъ противъ насъ; что же касается Пруссіи, то и она тоже особенно прочной гарантіи не представляетъ: король прусскій женатъ на дочери англійскаго короля.

Шафировъ. Ну, а Россія?

Де-Тессе. Россія дѣло совсѣмъ иное; не будь ея, мы бы и ни одной секунды не задумывались и отказались бы отъ всякихъ переговоровъ.

Шафировъ. Это, конечно, очень лестно для насъ... Ну, раскажите, маршалъ, какъ нашъ торговый договоръ?

Де-Тессе. Тоже еще не рѣшенъ, хотя, конечно, заключеніе его встрѣтитъ гораздо меньше препятствій.

Куракинъ. Это было бы кстати; вы знаете, что царь до сихъ поръ не можетъ забыть, какъ французскіе капера захватили двоихъ изъ нашихъ торговыхъ кораблей [1]).

Де-Тессе. Это была, конечно, оплошность съ нашей стороны.

Шафировъ. Все, что вы только что намъ говорили, будетъ высказано намъ и на оффиціальномъ совѣтѣ?

Де-Тессе. Что именно?

Шафировъ. Да вотъ насчетъ симпатій регента къ Англіи и тому подобнаго.

Де-Тессе. Что вы, что вы! Это я вамъ такъ между нами говорю.

Шафировъ. Жаль, что князя Долгорукаго и герцога Юксельскаго здѣсь нѣтъ, а то нашъ совѣтъ былъ бы весь на лицо и можно было бы все сказанное счесть за предварительные переговоры...

Де-Тессе. Ну, я вижу, баронъ, что съ вами надо быть осторожнымъ: вы сущій Ришелье.

Шафировъ. Куда мнѣ до Ришелье. Знаете, маршалъ, какъ нашъ государь отзывается о знаменитомъ кардиналѣ?

Де-Тессе. Нѣтъ, это любопытно.

Шафировъ. Увидавъ гдѣ-то его изображеніе, царь воскликнулъ: „я бы отдалъ половину своего царства такому человѣку, какъ ты, съ тѣмъ, чтобъ онъ научилъ меня управлять другой половиной“ [2]). Вотъ видите. А вы еще говорите, что я— Ришелье.

Толстой. А помните, что кто-то тутъ же вполголоса замѣтилъ: „и у васъ скоро ничего бы не осталось отъ царства“.

Шафировъ. Такъ это, кажется, вы сказали, любезный графъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, де-Вертонъ, маршалъ де-Вилларъ.

Де-Вертонъ (*входя, къ де-Тессе*). Господинъ маршалъ де-Вилларъ желаетъ имѣть счастье быть представленнымъ его царскому величеству.

---

[1]) См. „Новые матеріалы для исторіи царствованія Императора Петра Великаго“, Иконникова.

[2]) См. „Секретные Мемуары“ Дюкло.

Де-Тессе. Царь теперь занятъ, но онъ, вѣроятно, сейчасъ изволитъ выйти и, конечно, не откажетъ принять маршала. Просите господина де-Виллара сюда. (*Де-Вертонъ выходитъ и возвращается въ сопровожденіи де-Виллара*).

Де-Вилларъ (*къ де-Тессе*). Добрый день, графъ. (*Де-Вертонъ выходитъ*).

Де-Тессе. Здравствуйте, дорогой маршалъ. Позвольте васъ познакомить: графъ Толстой, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ... Господа, маршалъ герцогъ де-Вилларъ. (*Всѣ обмѣниваются поклонами*).

Куракинъ (*къ де-Виллару*). Какъ поживаете, герцогъ?

Де-Вилларъ. Когда я васъ вижу, господинъ посланникъ, мнѣ всегда дѣлается лучше: остроуміе и привѣтливость собесѣдника — лучшее лекарство отъ моей болѣзни — старости. (*Куракинъ кланяется*). Я буду имѣть счастье быть представленнымъ царю?

Де-Тессе. Онъ теперь занимается во внутреннихъ апартаментахъ съ господиномъ кабинетъ-секретаремъ, сейчасъ выйдетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Петръ I, Макаровъ, Орловъ.

Петръ I (*за дверью*). Что жъ, самому мнѣ за нимъ идти надо, что ли? (*Входитъ*). Ягужинскій... (*Всѣ присутствующіе отвѣшиваютъ низкій поклонъ*). Ягужинскаго—нѣтъ?

Шафировъ. Господинъ камергеръ не выходилъ еще изъ своихъ покоевъ.

Петръ I. Это нестерпимо, его никогда нѣтъ, когда нужно.

Де-Тессе. Имѣю счастье пожелать добраго дня вашему царскому величеству.

Петръ I. Здравствуйте, любезный маршалъ; я слышалъ, вы были больны. Какъ вы себя теперь чувствуете?

Де-Тессе. Слава Богу, лучше, государь.

Петръ I (*прохаживаясь*). Здравствуй, Куракинъ.

Куракинъ. Добрый день, государь.

Де-Тессе (*дѣлая знакъ де-Виллару*). Ваше величество, господинъ маршалъ герцогъ де-Вилларъ желаетъ имѣть счастье быть вамъ представленнымъ.

Петръ I (*быстро оборачиваясь*). Де-Вилларъ?

Де-Тессе (*подводя де-Виллара къ царю*). Государь, это одинъ изъ нашихъ славнѣйшихъ героевъ, побѣдитель...

Петръ I (*перебивая*). Я знаю маршала; имя его извѣстно всей Европѣ... (*Протягиваетъ де-Виллару руку, которую тотъ цѣлуетъ; къ де-Виллару*). Молва о вашихъ побѣдахъ и заслугахъ, оказанныхъ вами вашей родинѣ, облетѣла весь міръ, и если бы покойный король осыпалъ васъ еще большими милостями, то имя его было бы еще больше прославлено [1])...

Де-Вилларъ. Послѣдняя и величайшая милость для меня—слова вашего величества. Я благодарю Бога, что Онъ мнѣ далъ дожить до сегодняшняго дня и увидѣть величайшаго монарха свѣта.

Петръ I. А я жалѣю, что мнѣ не привелось видѣть ваше солнце—Людовика XIV... (*Къ де-Тессе*). Все готово къ встрѣчѣ короля?

Де-Тессе. Точно такъ, ваше величество.

Де-Вилларъ. Король прибудетъ сюда черезъ часъ, государь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Ягужинскій входитъ въ сопровожденіи Вышегорскаго.

Ягужинскій (*не видя Петра I*). Государь у себя? (*Обрывается, замѣтивъ царя*). Ваше величество... (*Низко кланяется*).

Петръ I (*грозно*). Вотъ ты, наконецъ. Я за тобой два раза посылалъ; куда ты дѣвался? Опять бражничалъ? Я тебя проучу.

Ягужинскій. Каюсь, государь; взгрустнулось мнѣ сегодня ночью на чужбинѣ, я и выпилъ лишнее...

Петръ I (*послѣ паузы, смягчаясь и подходя къ Ягужинскому*). Спасибо, малый, что правду говоришь. Богъ проститъ. Кто бабѣ не внукъ. Только другой разъ не попадайся. (*Замѣчая Вышегорскаго*). А это кто съ тобой?—французъ?

Ягужинскій. Нѣтъ, государь, это—нашъ землякъ. Изволили забыть?

---

[1]) Историч. слова Петра I. (См. „Le Nouveau Mercure“, May, 1717.

Петръ I (*къ Вышегорскому*). Погоди, погоди. Это не изъ нашихъ ли молодцовъ, что въ здѣшней навигаторской школѣ обучаются?

Ягужинскій. Совершенно вѣрно, ваше величество.

Петръ I (*радостно*). А... Поди-ка, поди-ка сюда, малый. Какъ тебя звать?

Вышегорскій. Андрей Вышегорскій, ваше величество.

Петръ I. Ты—родственникъ князю Глѣбу Федоровичу?

Вышегорскій. Сынъ.

Петръ I. Твой отецъ покойный смѣльчакъ былъ, подъ Полтавой прямо чудеса дѣлалъ... Жаль — убили. (*Послѣ паузы*). Чай, ты по отцовскому примѣру на пользу родины послужишь, а?

Вышегорскій (*съ воодушевленіемъ*). Я—русскій, государь. А каждый русскій—по гробъ вѣренъ царю и родинѣ.

Петръ I (*задумчиво*). Дай-то Богъ. (*Мѣняя тонъ и садясь къ столу*). А ну-ка, покажи, какъ ты уму-разуму научился? Науку морскую одолѣлъ?

Вышегорскій. Трудился, насколько могъ, государь.

Петръ I. То-то трудился. И я вотъ, когда молодъ былъ, поѣхалъ къ голландцамъ, работалъ на верфяхъ въ Саардамѣ, стругалъ, рубилъ, пилилъ, тесалъ... На, гляди: до сихъ поръ мозоли на рукахъ, хоть и царь я вашъ. Какъ простой плотникъ работалъ; думалъ, что все навигаторское дѣло въ этомъ заключается... А потомъ-то и увидалъ, что этого всего мало, охъ, какъ мало... (*Обрываясь*). Чертежи составлять умѣешь?

Вышегорскій. Умѣю.

Петръ I. А лоцманское дѣло знаешь?

Вышегорскій. Знаю.

Петръ I. Такъ что, ежели случай представился бы корабль въ Петербургъ провести—смогъ бы?

Вышегорскій. Сразу не взялся бы, а, подучивъ фарватеръ, могъ бы.

Петръ I. Молодецъ, не хвастаешь, разумно отвѣчаешь. Сразу ни за что браться не надо. Недаромъ у насъ на матушкѣ Руси говорятъ: „не суйся въ воду, не зная броду"... Въ бѣду только впутался бы... Ну, а про житье-бытье ваше поразскажи. Начальники ваши довольны вами?

Вышегорскій. Чего не знаю, того не знаю. Стараться

мы стараемся, помня завѣтъ царя нашего, на пользу родины, и всегда ли угождаемъ—Богъ знаетъ.

Петръ I (*улыбаясь*). То-то, всегда ли. Мнѣ вотъ Зотовъ писалъ, что твои товарищи Барятинскій и Глѣбовъ повздорили, да такъ, что Глѣбовъ поранилъ Барятинскаго шпагой. Правда это, а? [1]).

Вышегорскій. Былъ случай, ваше величество.

Петръ I. Это—дурно; надо умѣть владѣть собой и другъ за друга стоять, особливо на чужбинѣ. А то, словно турки какіе—чуть повздорили, сейчасъ кровь проливать. Господинъ вице-адмиралъ французскій говорилъ Зотову, что не зналъ, какъ поступить съ озорниками, что у нихъ промежъ французскихъ гардемариновъ бывали случаи, чтобъ на шпагахъ дрались, но на честныхъ поединкахъ изъ-за важныхъ причинъ, а не такъ—здорово живешь, точно нехристи. (*Мѣняя тонъ*). Нравится тебѣ тутъ?

Вышегорскій. Нравится, ваше величество.

Петръ I. Вотъ погоди, и у насъ на Руси такъ будетъ, коли Богъ силы мнѣ дастъ. Основа крѣпкая заложена; если я и помру, ты—молодъ, увидишь то времячко, когда Россія лицомъ въ грязь предъ Европой не ударитъ, да еще и за поясъ всѣхъ заткнетъ. Учиться только надо, бороться со зломъ да съ самимъ собой. Уроки помнить надо. Я вотъ шведскихъ генераловъ подъ Полтавой благодарилъ, что они меня подъ Нарвой проучили, да научили, какъ побѣждать надо.

Вышегорскій (*горячо*). Жизни своей, государь, не пощажу, кровь до послѣдней капли пролью, если Россіи нужда въ томъ будетъ, да если вашему величеству угодно будетъ приказать.

Петръ I. Спасибо, малый, хорошо. Да помни—менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству— вотъ эта-то почесть свойственна царю [2]). (*Послѣ паузы*). А ты не скучаешь здѣсь?

Вышегорскій (*съ жаромъ*). Скучаю, государь. Какъ же мнѣ не скучать, когда... (*Обрывается и, сбиваясь, договариваетъ*) вотъ уже годъ, какъ не видалъ родины.

---

[1]) См. „Новые матеріалы для исторіи царствованія императора Петра Великаго", Иконникова.

[2]) Подлинныя слова Петра I. (См. „Жизнь Петра В." Лебедева).

ціи (Vesterås'ordinantia), было точно опредѣлено отношеніе церкви къ государству и королю. Высшая правящая власть въ церкви принадлежитъ королю. Ему принадлежитъ право назначать и смѣщать священниковъ. Лица духовнаго званія въ мірскихъ дѣлахъ подлежатъ свѣтскому суду; всѣ штрафныя деньги, которыя прежде шли въ пользу епископа, теперь переходятъ къ королю.

Къ осуществленію этихъ постановленій было приступлено съ большой поспѣшностью. Не взирая на всѣ протесты, у епископовъ были отобраны ихъ замки. Они потеряли свои мѣста въ государственномъ совѣтѣ. Для управленія монастырями были отправлены королевскіе фохты; наконецъ, путемъ редукціи большая часть церковныхъ имѣній была возвращена въ казну.

Такая же участь постигла и финляндское епископство. Финляндскія церкви были обложены податью наравнѣ со шведскими. Кромѣ того, король посягалъ на церковное имущество при всякомъ удобномъ случаѣ, не стѣсняясь притомъ ни общими законами, ни постановленіями сейма. Такъ, напримѣръ, онъ присвоилъ себѣ часть наслѣдства, оставшагося послѣ епископа Арвида Курка († 1522). Когда умеръ настоятель абоскаго собора Яковъ (въ 1526), то король приказалъ соборному капитулу измѣнить его завѣщаніе такъ, чтобы часть наслѣдства досталась казнѣ на уплату государственныхъ долговъ. Въ томъ же году онъ отдалъ приказъ, чтобы владѣльцы нѣкоторыхъ пасторатовъ ежегодно уплачивали въ пользу короля опредѣленную сумму налога.

Въ то время, какъ король такимъ образомъ ниспровергалъ владычество церкви и на развалинахъ его созидалъ твердую государственную власть, въ Швеціи началась проповѣдь протестантскаго ученія. Первыми проповѣдниками его явились братья Олаусъ и Лаврентій Петри и Лаврентій Андрее. Король относился къ этой пропагандѣ въ высшей степени осторожно. Онъ не высказывалъ открытаго одобренія новому ученію, но и не противодѣйствовалъ ему, и даже поощрялъ реформаторовъ, назначая ихъ на видныя должности. Успѣху новаго ученія способствовало появленіе въ свѣтъ шведскаго перевода библіи, благодаря которому народъ могъ самъ судить о согласіи новаго ученія съ священнымъ писаніемъ.

Въ Финляндіи первымъ проповѣдникомъ реформаціи былъ Педеръ Сэркилаксъ. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода Шернхорсъ и очень рано отправился за гра-

ницу для продолженія своего образованія. Въ Виттенбергѣ онъ познакомился съ ученіемъ Лютера и сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ его. По возвращеніи на родину, онъ получилъ мѣсто каноника въ абоскомъ соборномъ капитулѣ и началъ, какъ говорится въ епископской хроникѣ, „въ абоскихъ школахъ и въ церкви смѣло и открыто преподавать ученіе объ очищеніи евангелія отъ папскаго идолопоклонства". Послѣднее упоминаніе о Сэркилаксѣ относится къ 1529 г., когда онъ назначенъ былъ на должность архидіакона; въ томъ же году онъ и умеръ. Дѣятельность этого перваго проповѣдника реформаціи была непродолжительна; онъ блеснулъ, какъ метеоръ, среди темнаго неба и быстро исчезъ. Но его кратковременная жизнь не прошла безслѣдно: между учениками его въ абоской школѣ былъ нѣкто Михаилъ Агрикола, явившійся впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ поборниковъ новаго ученія.

Епископомъ финляндскимъ послѣ смерти Арвида Курка былъ назначенъ въ 1523 г. Эрикъ Свенсонъ, деканъ Линчёпингскаго соборнаго капитула, несмотря на то, что на это не послѣдовало папскаго утвержденія. Вначалѣ онъ пользовался расположеніемъ короля, но вскорѣ между ними произошло охлажденіе, такъ какъ епископъ былъ приверженцемъ стараго ученія; послѣ нѣсколькихъ столкновеній Эрикъ Свенсонъ счелъ за лучшее сложить съ себя епископскій санъ, и въ 1527 г. мы уже видимъ его въ Швеціи, на должности декана въ Линчёпингѣ. Преемникомъ Свенсона назначенъ былъ въ 1523 г. Мартинъ Шютте, генеральный викарій доминиканскаго ордена въ Скандинавіи, финляндецъ по происхожденію. По своимъ убѣжденіямъ Шютте былъ тоже вѣрный католикъ, но личныя качества новаго архипастыря заставляли короля надѣяться, что онъ нашелъ въ немъ именно такого человѣка, который ему былъ нуженъ. Шютте былъ человѣкъ мягкаго и податливаго характера и обѣщалъ стать послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля. Въ 1528 г. онъ былъ возведенъ въ епископскій санъ и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, не дожидаясь папскаго утвержденія.

Между тѣмъ, король продолжалъ дѣятельно слѣдить за исполненіемъ постановленій Вестеросскаго съѣзда. Въ іюлѣ 1528 г. онъ писалъ новому епископу, что нѣкоторые навѣрно думаютъ, будто новое ученіе заключаетъ въ себѣ много страннаго. Такъ, напримѣръ, абоскій соборный капитулъ выказалъ себя противникомъ всякихъ новшествъ. Однако, епископъ не долженъ об-

ращать на это вниманія, а стараться способствовать правильному толкованію евангелія, какъ имъ было обѣщано при вступленіи его на должность. Въ письмѣ отъ 8 октября того же года король убѣждаетъ финляндское духовенство проповѣдовать слово Божіе, очищенное отъ всякихъ ложныхъ толкованій, а также противодѣйствовать ненужнымъ сплетнямъ и выдумкамъ. Руководствомъ приэтомъ долженъ служить новый шведскій переводъ библіи. Такимъ образомъ, король указывалъ только общее направленіе дѣятельности духовенства, предоставляя ему полную свободу въ выборѣ средствъ для проведенія реформы, и духовенство воспользовалось какъ нельзя лучше этой свободой; оно отказывалось совершенно отъ католицизма, примыкало не открыто къ лютеранству, а старалось незамѣтно сдѣлать переходъ отъ стараго вѣроученія къ новому. Преобразованія коснулись прежде всего внѣшней, обрядовой стороны религіи. Въ 1531 г. была отслужена первая шведская обѣдня священникомъ Ларсомъ Кнутсономъ; было уменьшено число праздниковъ; отмѣнены религіозныя процессіи, безчисленныя мессы, службы утреннія, вечернія, ночныя и пр.; упразднены таинства миропомазанія и елеосвященія.

Въ то же время шла конфискація церковныхъ имѣній и сокращеніе доходовъ духовенства.

Епископъ, при самомъ вступленіи въ должность, обязался отказаться въ пользу короля отъ жалованья за первый годъ и платить ему ежегодно 1000 марокъ деньгами, 10 ластовъ масла, 10 фунтовъ щукъ, 3 ласта лососей, 10 ластовъ ржи, 10 л. ячменя и 6 л. овса.

Онъ жаловался на обременительность этого налога, и тогда сумма налога была нѣсколько уменьшена. Около того же времени сдѣлано было распоряженіе о срытіи епископскаго замка въ Куустэ, причемъ вся принадлежавшая къ нему земля отошла въ казну. Скоро новый ударъ постигъ епископа. Въ 1539 г. Густавъ Ваза сдѣлалъ главнымъ своимъ совѣтникомъ по церковнымъ дѣламъ нѣкоего Георга Нормана, который сталъ внушать королю мысль уничтожить послѣдніе слѣды церковной власти и даже упразднить самый санъ епископа. Подъ вліяніемъ этихъ внушеній король далъ понять епископу, что онъ ждетъ отъ него какого-либо подарка. Шютте подарилъ ему одно изъ своихъ имѣній. Но король этимъ не удовольствовался. Въ 1545 г. онъ отдалъ приказъ взять епископскія пребенды и причитающуюся ему часть десятины въ опеку на счетъ казны, подъ тѣмъ предлогомъ, что престарѣлый владыка не

въ состояніи аккуратно платить налогъ и управлять своими имѣніями. Въ вознагражденіе за это ему назначили небольшую пребенду св. Іоанна. Въ 1530 г. ему была предложена архіепископская каѳедра въ Упсалѣ, но онъ отклонилъ это предложеніе. Наконецъ, въ 1545 г., огорченный немилостью короля, Мартинъ Шютте изъявилъ желаніе сложить съ себя епископскій санъ, на что и получилъ согласіе. Умеръ онъ въ 1550 г., передавъ королю свое духовное завѣщаніе съ тѣмъ, чтобы онъ измѣнилъ его по своему усмотрѣнію.

Теперь была очередь за прелатами. Король находилъ, что эти должности должны быть упразднены и ихъ пребенды отобраны въ казну. Однако, редукція прелатскихъ имѣній производилась исподволь, по мѣрѣ того, какъ владѣльцы ихъ умирали. Первою конфискованною пребендою была такъ называемая пребенда новаго придѣла, одна изъ самыхъ богатыхъ. Затѣмъ одна за другой перешли въ казну пребенды настоятеля, тѣла Христова, клириковъ и др. Всего было отобрано въ казну около 260 прелатскихъ имѣній.

Затѣмъ скоро рѣшилась и участь монастырей. Точныхъ свѣдѣній о редукціи монастырскихъ имѣній не сохранилось, но мы видимъ, какъ мало-по-малу монастыри приходятъ въ упадокъ и запустѣніе, а ихъ имущество употребляется на мірскія нужды. Доминиканскій монастырь въ Або сгорѣлъ въ 1537 г., послѣ чего уже не былъ возобновленъ, а монахи были распредѣлены по приходамъ въ качествѣ священниковъ. Въ слѣдующемъ году былъ закрытъ францисканскій монастырь въ Раумо, а зданіе его обращено въ квартиру для приходскаго священника. Францисканскій и доминиканскій монастыри въ Выборгѣ еще раньше пришли въ упадокъ и лишились своихъ имѣній; уже въ 1541 г. монастырскія зданія были пусты. Дольше другихъ просуществовалъ нодендальскій монастырь, но и его положеніе было далеко не блестящимъ. Потомки дворянъ, завѣщавшихъ монастырю свои имѣнія, послѣ обнародованія Вестеросскаго рецесса, заявили свои притязанія на эти имѣнія, такъ что монастырю угрожала опасность лишиться всѣхъ своихъ огромныхъ богатствъ. Въ виду этого настоятельница обратилась къ королю съ просьбою о заступничествѣ. Король отвѣчалъ, что часть имѣній можетъ быть оставлена за монастыремъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ престарѣлые братья и сестры останутся безъ всякаго пристанища; взамѣнъ этого настоятельница обязалась уплачивать королю ежегодно довольно круп-

ную сумму денегъ. Вскорѣ, однако, мужская половина монастыря была закрыта, монахи удалены изъ монастыря и назначены на должности приходскихъ священниковъ. Женскій же монастырь существовалъ еще довольно долгое время послѣ Густава Вазы. По вычисленію одного шведскаго историка, всего было отобрано въ казну церковныхъ имѣній около 600; еще болѣе значительны были доходы, перешедшіе въ казну послѣ конфискаціи церковной десятины.

Съ упраздненіемъ монастырей закрылись также и монастырскія школы, единственные тогда разсадники просвѣщенія, что весьма неблагопріятно отразилось на народномъ образованіи, уровень котораго сильно понизился во времена Густава Вазы.

Меньше всего пострадало отъ редукціи низшее, приходское духовенство; но и оно не избѣгло общей участи. Въ 1530 г. между королемъ и духовенствомъ абоскаго епископства заключено было условіе, по которому духовенство освобождалось отъ такъ называемой „замковой“ повинности (состоявшей въ содержаніи гарнизона замковъ), но подъ условіемъ платить королю ежегодно 600 марокъ. Кромѣ того, отъ времени до времени съ духовенства и съ церквей взимались экстренные „вспомогательные“ налоги, иногда очень тяжелые. Въ томъ же 1530 г. было постановлено, что каждая изъ церквей города Упсалы должна отдать на уплату государственныхъ долговъ по одному изъ своихъ колоколовъ и это распоряженіе было потомъ распространено на всѣ церкви государства. Самымъ тяжелымъ налогомъ былъ „вспомогательный“ налогъ 1536 г., когда финляндское духовенство выплатило въ казну 2.774 марки, а финляндскія церкви свыше 1.500 м. Въ пылу редукціонной горячки Густавъ доходилъ до мелочности: такъ, напр., въ концѣ своего царствованія онъ издалъ постановленіе, чтобы всѣ золотыя и серебряныя вещи, принадлежащія церквамъ: кресты, сосуды, разнаго рода украшенія, были сданы въ собственную королевскую кладовую въ Стокгольмѣ. На основаніи этого распоряженія изъ одного абоскаго собора было вывезено на 1.520 лотовъ серебра; такія же опустошенія были произведены и въ прочихъ финляндскихъ церквахъ.

Всѣми этими мѣрами была окончательно подорвана свѣтская власть церкви. Въ то же время и нравственный авторитетъ католицизма все болѣе и болѣе падалъ, по мѣрѣ того, какъ новое ученіе мало-по-малу проникало въ массу народа. Распространенію его способствовало

въ особенности появленіе финскаго перевода Новаго Завѣта, авторомъ котораго былъ Михаилъ Агрикола, сынъ рыбака изъ деревни Турсбю въ погостѣ Перно. Родился онъ въ 1510 г. и первоначальное образованіе получилъ въ выборгской школѣ; оттуда перешелъ въ абоскую школу, находившуюся тогда въ вѣдѣніи Мартина Шютте. Здѣсь онъ познакомился съ реформаціоннымъ ученіемъ изъ проповѣдей Петра Сэркилаксъ. По окончаніи курса абоской школы, Агрикола пробылъ четыре года въ виттенбергскомъ университетѣ, откуда со степенью магистра вернулся на родину и получилъ мѣсто ректора абоской школы (1539). Черезъ девять лѣтъ мы видимъ его помощникомъ престарѣлаго Мартина Шютте, а спустя еще шесть лѣтъ онъ былъ назначенъ епископомъ западныхъ провинцій Финляндіи (восточная часть страны—Карелія, Саволаксъ, вост. Нюландія и вост. Тавастландія—составила особый церковный округъ, во главѣ котораго былъ поставленъ Павелъ Юстенъ). Онъ дѣятельно принялся за управленіе своею паствою, усердно объѣзжалъ епархію, стараясь входить во все самъ. Агрикола сумѣлъ снискать себѣ расположеніе короля, который, между прочимъ, назначилъ его въ члены посольства, отправленнаго въ 1557 г. въ Россію для переговоровъ о мирѣ.

Самая главная заслуга Агриколы состояла въ изданіи цѣлаго ряда книгъ на финскомъ языкѣ и въ переводѣ библіи на этотъ языкъ. Самыми первыми его литературными трудами была азбука и введеніе въ ученіе вѣры, которое представляло изъ себя переводъ краткаго катехизиса Лютера. Въ 1544 г. вышелъ его молитвенникъ, содержавшій въ себѣ кромѣ молитвъ множество всевозможныхъ обиходныхъ свѣдѣній для духовенства. Эта книга получила большое распространеніе, и одинъ изъ современниковъ прямо говоритъ, что „она была настольной книгой каждаго финляндца". Главнымъ литературнымъ трудомъ Агриколы былъ переводъ на финскій языкъ Новаго Завѣта, начатый еще въ Виттенбергѣ и оконченный въ 1548 г. Этотъ переводъ, образцомъ для котораго послужили переводы Лютера и шведскій переводъ библіи, долгое время былъ главнымъ источникомъ, откуда какъ духовенство, такъ и народъ черпали свои познанія о христіанскомъ ученіи. Въ 1551 и 1552 г.г. появились переводы нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта: Псалтирь, избранныя мѣста изъ книгъ Моисея, книги пророковъ Аггея, Захаріи и Малахіи. Наконецъ, ему же принадлежитъ составленіе краткаго служебника и требника. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Михаилъ Агрикола

выступаетъ приверженцемъ новаго ученія; только въ нѣкоторыхъ деталяхъ онъ еще продолжаетъ придерживаться католицизма.

Сочиненія Агриколы имѣютъ не только религіозное, но и литературное значеніе. Они были первыми и долгое время единственными литературными произведеніями на финскомъ языкѣ. Языкъ этихъ произвеній страдалъ, конечно, нѣкоторыми недостатками, но, несмотря на это, Агриколѣ удалось доказать, что финскій языкъ способенъ къ дальнѣйшему литературному развитію [1]).

2. Усиленіе королевской власти. Внутреннія преобразованія. Торговая политика Густава.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ царствованія Густава Вазы, послѣ реформаціи, было усиленіе королевской власти.

Освобожденіе Швеціи отъ датскаго ига, низверженіе церковнаго авторитета создали Густаву положеніе, какимъ уже давно не пользовались шведскіе короли. Но по закону власть короля продолжала оставаться выборной и, слѣдовательно, была подвержена разнымъ случайностямъ. Понятно поэтому стремленіе Густава Вазы упрочить свою власть и предохранить ее отъ этихъ случайностей. Съ этой цѣлью онъ съ самаго начала царствованія старается увеличить свое родовое имущество. Многое удалось ему пріобрѣсти во время церковной редукціи; затѣмъ значительныя имѣнія достались ему по наслѣдству отъ фамиліи Стуре, съ которой онъ находился въ родствѣ; наконецъ, на его долю пришлось немало имѣній, отобранныхъ по приговору суда отъ разныхъ лицъ въ видѣ штрафовъ за преступленія. Такимъ образомъ, въ его рукахъ мало-по-малу скопилось болѣе 2000 имѣній, которыя составили его родовую собственность [2]).

Упрочивъ свою власть пріобрѣтеніемъ значительнаго земельнаго имущества, Густавъ началъ думать о томъ, чтобы сдѣлать ее наслѣдственной. Лишь только у него родился сынъ, онъ издалъ распоряженіе всѣмъ начальникамъ замковъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, замки были переданы его женѣ и сыну. Многое заставляло Густава позаботиться объ укрѣпленіи своей власти. Его строгій режимъ вызывалъ недовольство противъ него, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ населенія. Послѣ

---

[1]) Schybergson, 223 - 240.
[2]) K. Grotenfelt, Suomen historia uskonpuhdistuksen aikakaudella 59—60.

обнародованія Вестеросскаго рецесса произошло нѣсколько мятежей въ Далекарліи; весьма опасное возстаніе вспыхнуло въ Смоландѣ, подъ предводительствомъ крестьянина Нильса Дакке. Въ то же время и вельможи дѣлали попытки подорвать власть Густава. Намѣстникъ Финляндіи графъ Іоханъ Хойя задумалъ отложиться отъ Густава и вошелъ въ тайныя сношенія съ городомъ Любекомъ; когда его планы обнаружились, онъ бѣжалъ въ Ревель; въ Финляндію пришлось послать войско для усмиренія возставшихъ владѣтелей замковъ Выборгскаго и Нишлотскаго (1534) Въ 1540 г. къ Эрику Флеммингу, владѣтелю Расеборга, явился посолъ отъ Альбрехта, герцога прусскаго, съ предложеніемъ отпасть отъ Густава; но и этотъ заговоръ былъ во-время открытъ.

Всѣ эти обстоятельства заставляли короля серьезно подумать о закрѣпленіи королевской власти за его родомъ. Въ 1540 г., на съѣздѣ въ Эребру, Густавъ провозглашенъ былъ наслѣдственнымъ королемъ и его потомки по мужской линіи объявлены законными наслѣдниками шведской короны. Это постановленіе было подтверждено четыре года спустя, на сеймѣ въ Вестеросѣ, гдѣ между прочимъ присутствовало много финляндскихъ дворянъ. Въ актѣ, который извѣстенъ подъ именемъ „Вестеросскаго союза о наслѣдіи", объявляется, что земскіе чины, сознавая неудобства избирательной королевской власти и изъ благодарности къ королю Густаву за оказанныя имъ шведскому государству заслуги, подтвердили сдѣланное въ Эребру постановленіе, что послѣ смерти короля они признаютъ его преемникомъ старшаго сына его, герцога Эрика, и всѣхъ его потомковъ по мужской линіи. Если таковыхъ не окажется, то престолъ долженъ перейти ко второму сыну Густава, герцогу Іоанну и его мужскимъ потомкамъ и т. д. Новые выборы короля могутъ состояться лишь тогда, когда мужское потомство Густава Вазы совершенно прекратится.

Такимъ образомъ, королевская власть въ Швеціи изъ избирательной превратилась въ наслѣдственную. Значеніе этого преобразованія особенно увеличивалось отъ того представленія, которое въ то время связывалось съ именемъ наслѣдственной королевской власти. Наслѣдственный король считался неограниченнымъ монархомъ.

Вся государственная земля составляла собственность короля, которою онъ могъ распоряжаться по своему произволу; владѣльцы имѣній пользовались только правами арендаторовъ. Въ одномъ изъ писемъ Густавъ говоритъ: „если крестьяне худо содержатъ свои дворы,

то казна можетъ ихъ отобрать". Въ другомъ письмѣ говорится: „вся необработанная земля принадлежитъ Богу, королю и шведской казнѣ". Исходя изъ этого принципа, Густавъ, въ концѣ своего царствованія отдалъ часть Финляндіи своему второму сыну Іоанну съ титуломъ герцога. Младшіе его сыновья, Магнусъ и Карлъ, также получили особыя герцогства.

Насколько усилилась власть короля, настолько же уменьшилась самостоятельность владѣтельной аристократіи. Графъ Хойя, начальникъ Выборга и Нишлота, былъ единственнымъ вассаломъ, владѣвшимъ своимъ леномъ на правахъ полной собственности. Всѣ остальные ленники были обязаны платить королю подать и отдавать отчетъ въ своей дѣятельности. Въ то же время все болѣе и болѣе входило въ обычай назначать для управленія ленами фохтовъ, которые находились въ прямомъ подчиненіи королю. Такимъ образомъ, большая часть Финляндіи обратилась въ то, что на средневѣковомъ языкѣ называлось „Королевскими Кладовыми". Крупнѣйшими владѣтелями были, кромѣ графа Хойя: Иваръ Флемингъ въ Оландѣ, Эрикъ Флемингъ въ Расеборгѣ, Іенсъ Андерсонъ въ Корехольмѣ, Андрей Вестгете въ Або [1]).

Всѣ эти лица были или сподвижниками короля въ войнѣ за освобожденіе, или его родственниками, и пользуясь этимъ, позволяли себѣ разныя злоупотребленія и насилія надъ населеніемъ. Такъ, напр., въ 1529 г. къ королю явилась депутація отъ крестьянъ расеборгскаго лена съ жалобой на начальника этого лена Эрика Флеминга. „Эти несчастные люди, писалъ король Флемингу, горько жалуются на васъ, что вы несправедливо ихъ притѣсняете, стращаете и раздражаете, незаконно заковываете ихъ въ цѣпи и мучите ихъ такъ жестоко, что нѣкоторымъ изъ нихъ приходится изъ-за васъ и вашихъ слугъ цѣлую зиму прятаться по лѣсамъ; вы хорошо знаете, что законъ запрещаетъ подобные поступки и что мы не можемъ допустить этого, а потому мы убѣждаемъ васъ исправить ваше поведеніе и помнить, что вы будете отвѣчать за нихъ передъ Богомъ и передъ нами". Слѣдствіемъ этой жалобы было, вѣроятно, то, что король, при посѣщеніи въ 1530 г. Расеборга отрѣшилъ Эрика отъ должности и назначилъ для управленія замкомъ своего фохта, Нильса Бойе; однако, годъ спустя мы опять видимъ Эрика Флеминга начальникомъ этого лена. Въ 1537 г. король снова пишетъ Флемингу: „Доводимъ до

[1]) Schybergson, 218, 282—283.

вашего свѣдѣнія, господинъ Эрикъ, что, какъ мы опять узнали, крестьяне въ Финляндіи, совсѣмъ бѣдные, обнищали изъ-за васъ и другихъ дворянъ; они не только не имѣютъ никакой защиты, но напротивъ, всѣ ихъ такъ обираютъ, такъ мучатъ постоями, что уже трое не могутъ прокормить одного; мы не желаемъ, чтобы подобные случаи повторялись и, если вы и другіе ваши соучастники не дадите обѣщанія, что этого больше не будетъ, то намъ придется принять другія мѣры, и тогда кое-кому придется уйти изъ ленсманскихъ дворовъ".

Флеминга кромѣ того обвиняли въ томъ, что онъ нерѣдко выгонялъ крестьянъ изъ ихъ усадебъ и бралъ ихъ землю себѣ. Память о суровомъ правленіи Флеминга до сихъ поръ еще живетъ въ населеніи западной Нюландіи.

Самымъ тяжелымъ бременемъ для населенія являлась ямская и постойная повинность, которая въ Финляндіи была еще въ полной силѣ. Въ виду тѣхъ злоупотребленій, которыя дѣлались при отправленіи этихъ повинностей, король въ 1537 г. подъ страхомъ строгаго наказанія воспретилъ незаконную ямскую ѣзду и постои. Въ 1541 году было издано по этому же предмету новое распоряженіе, обязательное для всего государства.

Иваръ и Іоакимъ Флеминги были такими же деспотами, какъ и братъ ихъ Эрикъ. Въ 1530 году, во время посѣщенія королемъ Оланда, жители этой провинціи обратились къ нему съ жалобой на Ивара Флеминга, который, однако, сумѣлъ оправдаться и торжественно обѣщалъ, что никогда болѣе не подастъ повода къ жалобамъ; король оставилъ его при должности.

Зато братъ его Іоакимъ за годъ передъ тѣмъ лишился своего мѣста. „Увѣдомляемъ тебя, писалъ ему король, что ко мнѣ поступило много жалобъ на тебя, что ты чинишь много несправедливостей и насилій въ томъ ленѣ, который мы дали тебѣ: отнимаешь вопреки закону и справедливости у крестьянъ ихъ поля, луга, жатву, сѣно и все, что только можно взять, вслѣдствіе чего крестьяне Христомъ Богомъ умоляютъ, чтобы ихъ опять перевели въ абоскій ленъ. Поэтому строго повелѣваемъ тебѣ возвратить крестьянамъ все, незаконно отнятое у нихъ и предоставить каждому свободно владѣть своимъ имуществомъ. Мы также слышали, что ты самъ отправляешь въ своемъ ленѣ должность ленсмана, чего ни въ какомъ случаѣ не подобаетъ дѣлать. Въ виду этихъ твоихъ злоупотребленій мы писали Магнусу Свенсону, чтобы онъ отобралъ у тебя упомянутый ленъ и присоединилъ его опять къ абоскому лену. Мы совѣтуемъ

тебѣ оставить въ покоѣ этихъ несчастныхъ людей, если хочешь, чтобы мы прекратили это дѣло".

Черезъ три мѣсяца послѣ этого письма Іоакиму Флемингу дали въ ленъ податной округъ Кивикюля, а лѣтомъ того же года королю пришлось опять дѣлать ему выговоръ за новыя притѣсненія финляндскихъ крестьянъ.

Въ 1530 г. весьма тяжелыя обвиненія были взведены крестьянами погоста Сээксмяки на тавастландскаго фохта Эрика Олуфсона. „Богъ свидѣтель, говорится въ челобитной, что никогда еще въ Тавастгусѣ не было человѣка, который бы сравнялся съ Эрикомъ Олуфсономъ во всевозможныхъ порокахъ и злодѣяніяхъ. Онъ и его писецъ заставляютъ крестьянъ продавать за безцѣнокъ скотъ, масло, пушной товаръ и т. п. и покупать у нихъ пиво и соль, которыми они торгуютъ на всѣхъ дорогахъ и въ ленсманскихъ домахъ. Тѣхъ, кто не соглашается на это, они преслѣдуютъ и разоряютъ.

Если бы всѣ эти товары шли въ пользу короля, который защищаетъ насъ отъ русскихъ, отъ язычниковъ и варваровъ, то мы бы ничего не говорили; но мы сами видѣли, какъ изъ купленныхъ у насъ мѣховъ шьются дорогія одежды и отсылаются къ Эрику Олуфсону въ Кіялу. Тамъ у него есть 160 дойныхъ коровъ, 80 паръ быковъ, 300 овецъ и 200 бѣлыхъ козъ, не говоря уже о безчисленныхъ стадахъ молодого скота".

Крестьяне благодарятъ короля за отмѣну ямской повинности; но приэтомъ указываютъ на то, что въ Тавастландіи это распоряженіе не исполняется, и крестьянамъ приходится даже вдвойнѣ отбывать повинность: давать лошадей и содержать рыцарскихъ слугъ и нюландскихъ купцовъ, которые заѣзживаютъ до смерти одну лошадь за другой. А если кто напомнитъ о королевскомъ указѣ, то штрафуютъ весь погостъ „въ честь Арвида Тролле", какъ выражается Эрикъ Олуфсонъ. Онъ произвольно увеличилъ налоги. Прежде полагалось сѣнного налогу съ каждой четвертой части погоста по 15 возовъ, теперь берутъ 80 возовъ. „Если такъ будетъ продолжаться, то скоро намъ нечѣмъ будетъ кормить зимой скотину и содержать нашихъ женъ и дѣтей, которыя вмѣстѣ съ нами трудятся и платятъ вашей милости налоги; да и на поляхъ ничего не будетъ расти, если у насъ не будетъ скота, и такимъ образомъ крестьянство скоро будетъ совсѣмъ разорено".

Въ виду всего этого, крестьяне просятъ короля смиловаться надъ ними и назначить въ Тавастландію другого

начальника, чтобы имъ не терпѣть больше притѣсненій отъ Эрика Олуфсона.

Весьма вѣроятно, что эта жалоба была причиною послѣдовавшаго вскорѣ затѣмъ отрѣшенія Эрика отъ занимаемой имъ должности [1]).

Густавъ Гэтриксонъ, начальникъ Нишлота, обвинялся въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ два водопада съ находящимися на немъ мельницами и лѣсопильными заводами. Кромѣ того, онъ отнялъ у крестьянъ множество скаттовыхъ земель и обратилъ ихъ въ фрельсовыя. Но больше всего злоупотребленій позволялъ онъ себѣ въ своей судебной дѣятельности. Когда онъ пріѣзжалъ судить, то ни одинъ крестьянинъ не смѣлъ подавать ему жалобу, не побывавъ сначала въ его спальнѣ и не давъ ему хорошей взятки; эти взятки часто достигали гораздо болѣе высокой цифры, чѣмъ налагаемый судомъ штрафъ, шедшій въ пользу короля. Весьма распространено было также употребленіе невѣрныхъ мѣръ и вѣсовъ при сборѣ податей натурой. Фохты и особенно подчиненныя имъ лица: ленсманы, писцы и пр. въ своихъ дѣйствіяхъ старались подражать своему начальнику и часто были истиннымъ бичомъ для населенія.

Вообще, между представителями высшей финляндской администраціи немного было лицъ, которыя были бы вполнѣ свободны отъ подобнаго рода обвиненій. Всюду царствовало взяточничество, насиліе, произволъ; на требованія закона и справедливости обращалось мало вниманія [2]).

Но уже замѣчался поворотъ къ лучшему.

Густаву Вазѣ не было никакого разсчета щадить дворянство, которое грозило опасностью его собственной власти. Мы видѣли, какъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ сдерживалъ произволъ аристократіи. Затѣмъ въ концѣ 30-хъ годовъ онъ рѣшилъ вообще произвести коренныя преобразованія въ высшей администраціи края. Прежде всего отмѣненъ былъ обычай отдавать аристократамъ большіе лены. Въ 1537 г. король отобралъ Оландъ у Ивара Флеминга; три года спустя Эрикъ Флемингъ лишился Расеборга. Далѣе король строго слѣдилъ за отбываніемъ дворянами воинской повинности. Въ 1540 г. Нильсъ Бойе просилъ разрѣшенія получить во владѣніе свой прежній ленъ; король отвѣчалъ ему: „нужно правду сказать, что какъ вы, такъ и нѣ-

---

[1]) Grotenfelt, 69—72.
[2]) Schybergson, 247

которые другіе дворяне хотите получать какъ можно больше льготъ и преимуществъ; но зато вы должны нести для насъ и для государства извѣстную службу, что вы всегда дѣлаете неохотно и лѣниво".

Вотъ какіе отзывы приходилось теперь выслушивать этимъ когда-то гордымъ и могущественнымъ магнатамъ[1]).

Въ концѣ своего царствованія Густавъ Ваза сталъ особенно строго слѣдить за дѣйствіями административныхъ властей. Между прочимъ, онъ учредилъ особую слѣдственную комиссію, которая должна была обнаруживать безпорядки и злоупотребленія при сборѣ податей. Такъ, напр., одному изъ королевскихъ секретарей, Якову Тейту, заклятому врагу дворянъ, было поручено привести въ извѣстность количество дворянскихъ родовъ и число членовъ каждаго рода. Плодомъ этого труда, длившагося два года (1555—57), явился „Списокъ обвиненій, взведенныхъ на финляндское дворянство", который даетъ яркую картину административныхъ злоупотребленій. Затѣмъ отъ времени до времени издавались общія распоряженія, имѣвшія цѣлью ввести больше порядка въ администрацію. Было, напр., постановлено, чтобы фохты и начальники леновъ ежегодно являлись въ Стокгольмъ отдавать отчетъ въ своей дѣятельности, особенно по сбору податей, причемъ они должны были сообщать точныя данныя о числѣ крестьянскихъ дворовъ, качествѣ земли, количествѣ населенія, суммѣ налога, о промышленности и естественныхъ произведеніяхъ края. Если обнаруживались какія-либо злоупотребленія, то виновнаго подвергали суду и присуждали къ повѣшенію. Такъ, напр., въ 1550 г. былъ казненъ въ Стокгольмѣ одинъ изъ финляндскихъ фохтовъ Матвѣй Лаурисонъ. Въ 1556 г. абоскій замковый судъ приговорилъ къ повѣшенію трехъ фохтовъ: Ганса Олуфсона изъ Сээксмяки, Рагвальда Хальдвардсона изъ Сѣверной Финляндіи и Нильса Петерсона изъ Борго, за „присвоеніе королевскаго имущества" [2]).

Ослабляя крупную аристократію, Густавъ въ то же время искалъ себѣ помощниковъ среди мелкаго дворянства, среди горожанъ и иноземцевъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ, большимъ вліяніемъ пользовались два нѣмца, Конрадъ фонъ-Пюхю и Георгій Норманъ. Первый изъ нихъ поступилъ на службу къ королю въ 1538 г. Это былъ простой авантюристъ, которому, однако, нельзя от-

[1]) Grotenfelt, 72—73.
[2]) Schybergson, 248.

казать въ смѣлости и изворотливости. Въ короткое время онъ достигъ высокаго званія „верховнаго канцлера“ и занялъ выдающееся положеніе въ государствѣ. Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ въ Швецію померанскій дворянинъ Георгій Норманъ съ рекомендательными письмами отъ Лютера и Меланхтона. Вначалѣ онъ былъ назначенъ учителемъ къ принцу Эрику, но скоро ему стали поручать разныя важныя дѣла, особенно по церковному вѣдомству. Подъ вліяніемъ этихъ личностей абсолютистскія наклонности короля еще болѣе окрѣпли. Одновременно съ усиленіемъ центральной власти, сдѣлана была попытка преобразовать всѣ высшія правительственныя учрежденія по нѣмецкому образцу; такъ, напримѣръ, предполагалось упразднить государственный совѣтъ и передать его функціи „королевскому совѣту“, который въ своихъ дѣйствіяхъ долженъ былъ подчиняться королю. Въ 1539 г. Норманъ былъ назначенъ главнымъ наблюдателемъ надъ церковными дѣлами и составилъ проектъ коренного преобразованія церковнаго управленія: предполагалось упразднить епископскій санъ, раздѣлить епархіи на болѣе мелкія части подъ управленіемъ ординаріусовъ и суперинтендентовъ и пр. Дѣятельность фонъ-Пюхю, однако, была непродолжительна: въ 1543 г. онъ впалъ въ немилость и былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ вскорѣ и умеръ. Съ его смертью ослабѣло нѣмецкое вліяніе, но стремленіе къ абсолютизму въ Густавѣ Вазѣ не только не ослабѣло, но еще усилилось, и къ концу царствованія онъ пользовался почти неограниченной властью. Приэтомъ онъ не всегда умѣлъ избѣгать увлеченій и крайностей. Бывали случаи, когда его абсолютизмъ давалъ себя чувствовать съ дурной стороны. Примѣромъ могутъ служить тѣ нововведенія, которыя были имъ предприняты въ судебномъ вѣдомствѣ. По древнимъ шведскимъ законамъ, при назначеніи лагмановъ и уѣздныхъ судей народъ имѣлъ право избрать трехъ кандидатовъ изъ мѣстныхъ жителей, и одного изъ нихъ король назначалъ лагманомъ или судьей. Благодаря этому, населеніе имѣло возможность видѣть на этомъ важномъ посту людей, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ и знакомыхъ съ мѣстными условіями. Но Густавъ Ваза пожелалъ ограничить право народа и присвоилъ себѣ исключительное право назначать судей. Въ началѣ царствованія онъ еще соблюдалъ требованіе закона. Такъ, напримѣръ, въ 1525 г. онъ назначилъ на должность судьи въ Хаттула нѣкоего Классона, но черезъ нѣсколько времени онъ былъ переведенъ на дру-

гую должность, а на его мѣсто былъ назначенъ бывшій судья Ласси Олуфсонъ на томъ основаніи, „что онъ знаетъ языкъ и потому можетъ хорошо отправлять свою должность“. Но въ концѣ царствованія Густавъ уже забываетъ о правѣ народа принимать участіе въ избраніи судебныхъ властей. Когда въ 1547 г. жители Смоландіи просили назначить имъ въ судьи одного изъ избранныхъ ими кандидатовъ, то король отвѣчалъ, что онъ крайне удивленъ, какъ это они осмѣливаются обращаться къ нему съ подобными требованіями, когда съ незапамятныхъ временъ королю принадлежало исключительное право назначать и смѣщать уѣздныхъ судей, лагмановъ, фохтовъ и прочихъ должностныхъ лицъ. Еще хуже было то, что король перестал обращать вниманіе на тѣ условія, которымъ по закону долженъ былъ удовлетворять судья, и что среднія должности стали отдаваться на откупъ крупнымъ аристократамъ. Это повело ко многимъ злоупотребленіямъ: часто случалось, что судья назначался не изъ мѣстныхъ жителей; часто онъ даже не самъ отправлялъ правосудіе, а поручалъ это какому-нибудь малосвѣдущему помощнику; нерѣдко одно и то же лицо было судьей заразъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; такъ, напримѣръ, Класъ Кростерсонъ въ 60-хъ годахъ былъ судьею въ одно и то же время въ трехъ финляндскихъ уѣздахъ (kihlakunta); бывали примѣры, что даже женщины занимали судебныя должности; такъ, напримѣръ, вдова Эрика Флеминга Хебла въ 1570 г. была судьею въ kihlakunta Пійкіэ.

Недостатки новаго порядка вещей особенно сильно чувствовались въ Финляндіи, куда часто назначались судьями лица шведскаго происхожденія, не знавшія языка и незнакомыя съ краемъ. Къ этому нужно еще прибавить, что верховный королевскій судъ, которому до нѣкоторой степени принадлежало наблюденіе за прочими судами, къ концу царствованія Густава почти совсѣмъ прекратилъ свою дѣятельность. Все это было причиной того, что правосудіе при Густавѣ Вазѣ было не только не въ блестящемъ состояніи, но даже въ худшемъ, чѣмъ въ предшествующую эпоху [1]).

Торговая политика Густава отличалась той же патріархальностью, какую мы замѣчаемъ вообще во всей его дѣятельности. Надъ дѣйствіями торговыхъ сословій учреждена была самая строгая правительственная опека. Изданъ былъ цѣлый рядъ распоряженій, имѣвшихъ

[1]) Grotenfelt, 74—78.

цѣлью дать торговлѣ такое направленіе, какое угодно было королю, Король самъ безпрестанно во все вмѣшивался и доводилъ свою заботливость до мелочности.

Главной его цѣлью было освободить сѣверную торговлю отъ господства нѣмцевъ и передать ее въ руки собственныхъ купцовъ.

Въ началѣ царствованія Густавъ далъ было новыя привиллегіи Любеку, Данцигу и прочимъ ганзейскимъ городамъ. Но скоро онъ замѣтилъ, что они въ своей политикѣ заботятся только о личномъ интересѣ и не обращаютъ никакого вниманія на выгоды Швеціи; тогда онъ рѣшилъ подорвать вліяніе ганзейскихъ городовъ и открыть свободный доступъ въ Швецію голландскимъ купцамъ, чтобы при ихъ посредствѣ завязать прямыя сношенія съ западными приморскими странами. Въ 1526 г. было отправлено нѣсколько судовъ, которымъ отданъ былъ приказъ не пускать финляндскихъ купцовъ въ Ригу, Ревель и Данцигъ и направлять ихъ вмѣсто того въ Стокгольмъ. Въ слѣдующемъ году торговля съ этими городами была совсѣмъ запрещена. Для того, чтобы остановить оживленную торговлю крестьянъ съ Ревелемъ, по желанію короля былъ основанъ близъ Раселборга городъ Экенэсъ, который долженъ былъ доставлять народу необходимые товары безъ посредства Ревеля. Но вліяніе этого послѣдняго было такъ велико, что торговля новаго города стала въ полную зависимость отъ него.

Въ послѣдующіе годы запрещеніе торговать съ Ревелемъ было неоднократно повторяемо. Въ 1550 г. былъ изданъ уставъ о торговлѣ и мореплаваніи въ Финляндіи, въ которомъ съ особенной ясностью были выражены основныя задачи торговой политики Густава. Король наставительнымъ тономъ перечисляетъ всѣ невыгоды, причиняемыя его подданнымъ торговлею съ Любекомъ и другими ганзейскими городами, и самымъ рѣшительнымъ образомъ совѣтуетъ прекратить эту торговлю. „Не подлежитъ сомнѣнію, говорится тамъ, что товары, ввозимые въ Финляндію изъ Любека, привезены изъ другихъ странъ: Португаліи, Франціи, Голландіи и т. д.; они прошли черезъ много рукъ, причемъ каждый продавецъ бралъ себѣ какую-нибудь прибыль, вслѣдствіе чего цѣны поднялись на неслыханную высоту. Что же касается товаровъ, вывозимыхъ изъ Швеціи въ Любекъ, то за нихъ любекскіе купцы платили, сколько имъ вздумается, такъ какъ получали ихъ изъ первыхъ рукъ и продавали ихъ въ нѣсколько разъ дороже. Всѣ эти не-

городъ... тамъ продолжимъ мы праздникъ... Но здѣсь хочу я предложить еще два тоста. Берите кубки! Встать! Поднимайся же, тупая, равнодушная, испорченная молодежь! Встань тотъ, въ комъ жива еще память о прадѣдахъ! Чаши, кубки полнѣй! Выпьемъ во славу старыхъ, но вѣчно молодыхъ боговъ!

— Вотъ такъ катехизированный!

— Молчать, здѣсь нѣтъ никакихъ оглашенныхъ! воскликнулъ Анней Домицій.—Слава богамъ!

Онъ опорожнилъ чашу. Пьяные гости послѣдовали его примѣру. Кармидъ съ изумленіемъ наблюдалъ Аннея Домиція. Онъ хорошо его зналъ и сразу отгадалъ по его поведенію, манерѣ держать себя, по тону его голоса, что произошло нѣчто необыкновенное.

— Послѣдній мой тостъ желанный для всѣхъ! воскликнулъ Анней Домицій, схвативъ огромную, стоявшую по серединѣ стола чашу.—До дна, опорожнимъ ее до дна за повелителя міра, римскаго императора Юліана Августа!

Воцарилось гробовое молчаніе. Кармидъ схватилъ Аннея Домиція за руку и шепнулъ:

— Понимаешь ли ты, что говоришь? Или случилось что?

— Молчи, молчи! Онъ пьянъ. Онъ предастъ наши головы. Проклятіе! Рабы слышали его возгласъ. Мы пропали.

Гости отрезвѣли сразу. Они шептались и съ ужасомъ смотрѣли другъ на друга.

— Что? прервалъ Анней Домицій.—Что значитъ это молчаніе? Или я нахожусь между бунтовщиками? Клянусь именемъ Юліана, что солнце не успѣетъ взойти, какъ вы сложите къ ногамъ моимъ ваши головы, если откажетесь выпить за здравіе нашего всемилостивѣйшаго цезаря, sanctissima majestas, dominus Augustus Iulianus, imperator, pontifex maximus, pater patriae, restitutor orbis! [1]).

Онъ поднесъ чашу къ губамъ и разбилъ ее затѣмъ объ полъ. Въ это время открылась дверь и раздался голосъ:

— Твой конь готовъ.

Слуга пристегнулъ къ его поясу мечъ и накинулъ ему на плечи плащъ. Анней Домицій вышелъ, вскочилъ на своего Ахиллеса и ускакалъ.

По дорогѣ его встрѣтилъ послѣдній гонецъ, посланный Пиладомъ. Проконсулъ остановилъ коня и пробѣжалъ глазами донесеніе, которое гласило:

«Значительная толпа народа приближается къ улицѣ Триподъ въ то время, когда я пишу эти строки. Раздаются крики, что Хризанфъ хулитъ Христа».

Анней Домицій погналъ вскачь своего коня.

— Будь онъ проклятъ, Пиладъ! Перевѣшать бы эту чернь! Неужели я опоздаю спасти Хризанфа. Ахъ, Ахиллесъ, когда бъ ты имѣлъ крылья! Проклятье, зачѣмъ я такъ толстъ! Вѣдь вопросъ идетъ о томъ, быть ли мнѣ консуломъ или сломить себѣ шею.

. . . .

Когда Анней Домицій скакалъ по улицѣ Триподъ, она была

---

[1]) Титулъ римскаго императора.

переполнена народомъ; тѣмъ не менѣе здѣсь царила тишина, поразившая его. Что бы это значило? неужели онъ опоздалъ?

На самой высокой оконечности Акрополя стояла охваченная ужасомъ толпа зрителей, единовѣрцевъ Хризанфа. Анней Домицій проклиналъ ихъ малодушіе; они, быть можетъ, не шевельнулись съ мѣста даже при видѣ, какъ штурмовали домъ Хризанфа, какъ напали на него и его дочь, обожаемую язычниками Герміону, и какъ растерзали ихъ фанатики христіане. А между тѣмъ, неожиданное нападеніе этой рѣшительной и смѣлой толпы, стремительно бросившейся оттуда съ высоты, могло бы совершенно смять сбившуюся внизу въ кучу уличную чернь.

Проконсулъ откинулъ плащъ и открылъ свою голову, чтобы быть узнаннымъ толпой. Когда онъ, пролагая себѣ путь въ народномъ скопищѣ, приблизился къ дому архонта, гдѣ давка была еще сильнѣе, то увидѣлъ передъ воротами всадника, окруженнаго солдатами, копья и шлемы которыхъ виднѣлись надъ толпой. Всадникъ этотъ былъ Пиладъ.

— Дайте дорогу проконсулу Ахеи! Что тутъ такое происходитъ? Что значитъ это скопленіе народа? Дорогу, именемъ императора!...

Выкрикивая это, Анней Домицій поднималъ надъ своей головой таблицу, по золоченой рамѣ и украшеніямъ которой видно было. что то былъ императорскій декретъ или правительственный указъ.

— Да здравствуетъ Анней Домицій! раздалось въ толпѣ, потому что проконсула считали homoiusian'иномъ, и потому что онъ никогда не заискивалъ расположенія толпы.—Да здравствуетъ проконсулъ Ахеи, да здравствуютъ homoiusian'е!

Этотъ возгласъ, передаваемый изъ устъ въ уста, смѣшивался съ другими, доносившимися изъ отдаленья:

— Долой еретиковъ! Смерть язычникамъ!

Тишина, царившая среди толпы въ моментъ прибытія проконсула, была, однако, случайная. Всѣ слушали обращенную къ народу рѣчь какого-то священника. Священникъ вслѣдъ затѣмъ скрылся черезъ дверь въ домъ Хризанфа.

— Анней Домицій! прошепталъ Пиладъ, замѣтивъ его издали.— Онъ здѣсь? Что это значитъ?

Но лишь только трибунъ различилъ указъ. который проконсулъ держалъ въ своей рукѣ, какъ тотчасъ же смекнулъ въ чемъ дѣло.

Онъ поскакалъ навстрѣчу къ проконсулу черезъ толпу, сразу смолкнувшую при видѣ внушавшей уваженіе таблицы, объявлявшей волю помазанника Божьяго; между тѣмъ, издали все сильнѣе и громче доносилось:—Долой еретиковъ!

— Что случилось, Пиладъ? вполголоса спросилъ проконсулъ, хватая трибуна за руку.—Не опоздалъ ли я? Что сталось съ Хризанфомъ?

— Свѣтлѣйшій и благороднѣйшій господинъ, вы прибыли, напротивъ того, слишкомъ рано...

— Отвѣчай скорѣй, живъ ли онъ?

— Нашъ планъ отложенъ исполненіемъ въ самую послѣднюю минуту...

— Отложенъ? Какой планъ отложенъ?

— Аммiанъ Марцеллинъ, услышавъ крики толпы и понявъ ея умыселъ, поспѣшилъ въ церковь, увѣдомилъ черезъ дiакона Петра...

— Проклятье, что ты тамъ такое плетешь! Я ни слова не могу понять изъ твоей болтовни! Живъ ли онъ еще, спрашиваю я!

— Петръ послалъ меня сюда оберегать его домъ; когда я прибылъ, толпа уже намѣревалась штурмовать его; сопровождавшiй меня священникъ обратился къ народу со словомъ, и ему удалось предложить войти первоначально въ переговоры; народъ требовалъ выдачи сначала находящихся въ домѣ еретиковъ; переговоры продолжаются еще въ настоящую минуту... и мы здѣсь находимся для того, чтобы до послѣдняго человѣка защищать жизнь архонта...

— Слава моей счастливой звѣздѣ! Благородный Хризанфъ!

— А! пробурчалъ, блѣднѣя, Пиладъ,—я начинаю понимать...

— Переговоры окончены, продолжалъ Анней Домицiй громкимъ голосомъ. — Что значитъ это смятенiе, эти крики, народное скопище? Что произошло въ мое отсутствiе? Что это за бунтъ? Какъ осмѣлились нарушить спокойствiе, преступить законы, оскорбить императорское величество?

— Свѣтлѣйшiй и благороднѣйшiй господинъ...

— Я предоставилъ, будучи къ тому обязанъ, распоряженiе надъ войсками аѳинскому епископу. Такъ неужели же онъ употребилъ ихъ на то, чтобы нарушить порядокъ, вмѣсто того, чтобы охранять его? Ну, теперь я, какъ проконсулъ Ахайи, отвѣчаю ближайшимъ образомъ за святость закона и за соблюденiе воли монарха. Я принимаю вновь на себя начальствованiе. Толпа должна сейчасъ же разойтись или будетъ разсѣяна силою. Всѣ служилые люди, войска и добрые граждане должны содѣйствовать возстановленiю порядка. Гдѣ войска?

— Большая часть въ Пиреѣ...

— Что, чортъ возьми, дѣлаютъ они тамъ въ Пиреѣ?... Гдѣ же остальныя?

— Расположены вокругъ собора...

— Какого дьявола торчатъ они тамъ? Чтобъ тамъ не было ни одного человѣка. Сейчасъ же собери сюда всѣ войска отъ собора, прекрати эти крики, напомни толпѣ объ отвѣтственности по закону за возстанiе и накажи ослушниковъ. Пиладъ, продолжалъ, понизивъ голосъ, Анней Домицiй,—отъ сегодняшняго дня зависитъ твоя будущность...

— А... понимаю...

— Молчи!

— Я пошлю сейчасъ центурiона за подкрѣпленiемъ.

— А я тѣмъ временемъ переговорю съ архонтомъ города Аѳинъ...

Проконсулъ слѣзъ съ лошади и передалъ поводъ одному изъ солдатъ. Въ эту минуту показался священникъ. Онъ былъ смущенъ, но, какъ только увидѣлъ проконсула, онъ тотчасъ же произнесъ съ проясненнымъ лицомъ:

— Ты явился, благородный господинъ, словно тебя прислалъ Божiй ангелъ! Какъ ты, вѣроятно, уже слышалъ, правовѣрные тре-

буютъ, чтобы архонтъ выдалъ еретиковъ, нашедшихъ въ его домѣ убѣжище. Отвѣтъ архонта я затрудняюсь передать народу. Онъ согласенъ выдать еретиковъ, но только лишь въ руки законной и установленной власти и лишь послѣ того, какъ удалится народъ...

Проконсулъ рѣзко его перебилъ:

— Такъ ты переговорщикъ между Хризанфомъ и этими людьми?

— Да, высокочтимый отецъ епископъ послалъ...

— Переговорщикъ между аѳинскимъ архонтомъ и этими горлодерами?

-- Между нимъ и правовѣрными, свѣтлѣйшій господинъ.

— Между законной властью и толпой бунтовщиковъ? Клянусь Богомъ и императоромъ, что повѣшу тебя на первомъ же деревѣ какъ народнаго возмутителя и бунтовщика, если ты сію же минуту не уберешься отсюда и не сдѣлаешь такъ, чтобы вся эта сволочь послѣдовала за тобой.

Во время этого разговора продолжались крики:— Долой еретиковъ! да здравствуетъ проконсулъ! смерть язычникамъ!

Священникъ стоялъ, оцѣпенѣвъ отъ изумленія, и недоумѣвающе слѣдилъ глазами за Аннеемъ Домиціемъ, входившимъ черезъ вестибюль во внутренній дворъ. Во дворѣ этомъ вовсе не замѣтно было того смятенія, которое можно было ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ. Подъ портикомъ, укрываясь отъ дождя, собралось вокругъ Герміоны многочисленное общество: философы и риторы, принадлежавшіе къ высшей аѳинской школѣ. нѣсколько учениковъ академіи, военный трибунъ Амміанъ Марцеллинъ и нѣкоторые изъ наиболѣе видныхъ гражданъ вмѣстѣ съ ихъ семействами.

Для преслѣдуемыхъ христіанъ, нашедшихъ убѣжище въ домѣ Хрисанфа, былъ отведенъ верхній этажъ. Всѣ домашніе слуги и прислужницы были собраны на дворѣ женской половины.

Приходъ Аннея Домиція въ такую минуту возбудилъ пріятное изумленіе. Хризанфъ пошелъ къ нему навстрѣчу и сердечно открылъ ему свои объятья. Поздоровавшись со всѣми. Анней Домицій поспѣшилъ къ Герміонѣ и поднесъ къ губамъ ея руку.

— А мы предполагали, что ты въ Коринѳѣ! замѣтилъ Хризанфъ.

— Друзья мои, я былъ бы тамъ дѣйствительно, если бъ не предчувствіе... Я долженъ сказать правду: меня вызвало обратно внушеніе... боговъ. Я возвратился въ несчастную или, вѣрнѣе, счастливую минуту. Наши всегда спокойные, радостные и прекрасные Аѳины оказались, какъ я въ томъ убѣдился, въ рукахъ преступныхъ бунтовщиковъ и дикихъ изувѣровъ. Но будьте спокойны. друзья мои! Черезъ часъ спокойствіе будетъ возстановлено. Приношу тебѣ, Хризанфъ, самую горячую признательность за то, что ты пріютилъ у себя тѣхъ гражданъ и подданныхъ императора, которые иначе погибли бы изъ-за теологической распри. Время теперь бѣдственное, теологическая зараза охватила. какъ эпидемія, весь міръ; но мы не тщетно взывали къ божественнымъ силамъ, прося ихъ помочь намъ въ бѣдѣ. Друзья мои, я принесъ вамъ очень важное извѣстіе. Провидѣнью угодно было призвать къ божественнымъ небесамъ его святѣйшее величество, императора Кон-

станція Августа. Отечество получило новаго отца. Отнынѣ Юліанъ властитель Рима и всего міра.

Общая тишина водворилась при этихъ словахъ. Произнеси ихъ кто бы то ни былъ еще часъ тому назадъ, они признаны были бы величайшей измѣной и повлекли бы за собой смерть. Они и теперь звучали дерзко и страшно въ устахъ даже Аннея Доминція и среди людей, которые въ душѣ своей только того и желали, которые въ этомъ лишь и видѣли спасеніе жизни изъ ужасной опасности, которые, наконецъ, усматривали въ осуществленіи этого болѣе чѣмъ личное счастье: залогъ мира Римской имперіи. благоденствіе человѣчества, побѣду правды и справедливости. Всѣ присутствующіе сердцемъ своимъ чувствовали, что происшедшая перемѣна имѣетъ огромное историческое значеніе. Когда, наконецъ, прошла первая минута изумленія, всѣ поспѣшили, каждый по-своему, проявить то чувство, которое не могло быть выражено словами. Хризанфъ обмѣнялся съ дочерью многозначительнымъ взглядомъ и рукопожатіемъ, другіе обнимали и громко поздравляли другъ друга.

Проконсулъ между тѣмъ обратился къ Хризанфу:

— Я требую теперь твоего дѣятельнаго содѣйствія для возстановленія порядка въ городѣ. Ты, вѣдь, не напрасно аѳинскій архонтъ. Приступимъ же немедля къ дѣлу! Въ значительномъ ли числѣ собрались твои единовѣрцы въ Акрополѣ?

— Да. Не вооружить ли ихъ?

— Ты выражаешь мою мысль.

— Я отвѣчаю за ихъ благоразумное и достойное поведеніе. Они жаждутъ мщенія, но предоставятъ его богамъ и Юліану.

— Они должны слѣдовать за тобой, ихъ предводителемъ... и этого будетъ довольно. Кстати это весьма удобно сдѣлать, потому что въ храмѣ Аѳины Паллады имѣется значительный складъ оружія...

— И потому, что у меня именно ключъ отъ описѳодома, гдѣ хранится это оружіе. Я къ твоимъ услугамъ. Не отправиться ли мнѣ туда сейчасъ же?

— Мы пойдемъ вмѣстѣ. Я сегодня буду твоей тѣнью, сказалъ проконсулъ и, пародируя извѣстную шутку одного изъ придворныхъ Констанція надъ Юліаномъ, прибавилъ съ улыбкой:—потому что ты, вѣдь, научилъ въ садахъ Академіи нашего императора военному искусству. Ты вправѣ гордиться своимъ ученикомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и лѣса Германіи, и короли франковъ и аллемановъ... Не бойся, замѣтилъ онъ Герміонѣ, которая, прислушиваясь къ раздававшимся еще тамъ на улицѣ крикамъ, удерживала Хризанфа за руку: — не бойся, милая Герміона. Мы идемъ заткнуть глотки этимъ крикунамъ. А ты, Амміанъ Марцеллинъ, проведешь насъ къ Акрополю, пока не примешь вновь начальствованіе надъ палатинами.

Анней Домицій вышелъ со двора въ сопровожденіи Хризанфа и Амміана Марцелина. Толпа попрежнему продолжала тѣсниться, толкаться и кричать передъ воротами. Нетерпѣніе ея росло. Ей казалось, что переговоры тянутся слишкомъ долго. Священникъ, который велъ ихъ до сихъ поръ, убѣдилъ толпу, желая выйти невредимымъ изъ бѣды, что проконсулъ принялъ на себя все это дѣло,

и вслѣдъ затѣмъ незамѣтно исчезъ. Пиладъ охранялъ со своими солдатами ворота, и чернь еще не рѣшалась принять угрожающаго положенія противъ вооруженной силы. Тѣмъ временемъ народное скопище усиливалось каждую минуту вновь прибывавшей толпой, двигавшейся послѣ грабежа и кровопролитія изъ сосѣднихъ кварталовъ. Сюда подошла, послѣ тщетныхъ попытокъ пробраться къ собору, и толпа, предводительствуемая отвратительной колиттской фуріей, Киріакой.

При появленіи Хризанфа и Аннея Домиція водворилась на нѣкоторое время тишина. Всѣ удивлялись, не понимая, что бы это могло значить. Тѣмъ временемъ проконсулъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ Пиладомъ. Солдаты вслѣдъ затѣмъ проложили въ толпѣ имъ дорогу черезъ улицу. Крикъ: «да здравствуетъ проконсулъ»! смѣшивался съ возгласами: «смерть архиязычнику»! До ближайшаго склона Акрополя было не такъ далеко; съ этой стороны къ вершинѣ вела крутая тропинка. Они достигли ея безъ опасности, и это стоило проконсулу лишь нѣсколькихъ капель пота.

Немного времени спустя толпившіеся на улицѣ Триподъ homoiusian'е услышали восторженные крики въ Акрополѣ. Возгласъ: «Юліанъ Августъ», подхваченный тысячью голосовъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, какъ громъ на голову, упалъ на стоявшую внизу толпу. Въ эту самую минуту показался въ началѣ улицы первый отрядъ отозванныхъ отъ собора легіонеровъ. Они занимали улицу во всю ея ширину. Пиладъ выстраивалъ войска въ длинную линію. Наконецъ, показалась и спускавшаяся внизъ изъ Акрополя вооруженная толпа. Вотъ опять появился неутомимый проконсулъ; онъ сѣлъ на своего кападокійскаго коня, поскакалъ передъ середину фронта, поднялъ руку съ императорскимъ указомъ и обратился къ солдатамъ:

— Римляне! Нашъ повелитель императоръ Констанцій отошелъ къ праотцамъ. Его единственный оставшійся въ живыхъ родственникъ, великій, побѣдоносный Юліанъ, нашъ боевой товарищъ, котораго галльскіе легіоны провозгласили императоромъ, является нынѣ единственнымъ законнымъ властелиномъ нашего государства, которому единогласно присягнули на подданство римскій сенатъ, народъ и легіоны. Онъ въ настоящее время вступилъ въ Новый Римъ, градъ Константина, и окруженъ тамъ всѣми западными владѣтелями и восторженно-радостнымъ народомъ. Воины, присоединимся къ общему міровому ликованію. Присягните на вѣрность Юліану Августу! Dominus Iulianus Augustus!

Пиладъ соскочилъ съ коня и склонилъ колѣни. Центуріоны и солдаты послѣдовали его примѣру. Мечи обнажились и вмѣстѣ со щитами сверкнули въ воздухѣ. По всей линіи пронесся возгласъ: Dominus Iulianus Augustus! Спустившаяся съ Акрополя толпа присоединилась къ торжеству. Послѣ того послѣдовало распоряженіе, обращенное къ христіанамъ. Они должны были образумиться, должны были получить ясное представленіе о положеніи вещей, отдѣлиться отъ дикихъ изувѣровъ и кровопійцъ, которые сами собой скроются тогда, а затѣмъ соединиться вмѣстѣ для изъявленія присяги на вѣрноподданство. Всякая власть отъ Бога, и власть эта не даромъ носитъ мечъ.

Жажда еретической крови сразу исчезла. Стремленіе къ грабежу и личная вражда спѣшили теперь притаиться и спрятаться, гдѣ только это было возможно. Иные торопились къ своимъ домамъ, гдѣ, запершись, принимались возносить молитвы къ Богу за истинную вѣру, которой нынѣ угрожало ужасное будущее. Другіе, составлявшіе большинство, удивлялись теперь самимъ себѣ и никакъ не могли понять. почему это маленькое «i», отличавшее homoiusion отъ homousion'а, казалось имъ столь важнымъ и значительнымъ. Теперь это различіе умалилось еще болѣе и обратилось въ ничтожную точку, въ особенности по сравненію съ язычествомъ.

Большинство чувствовало невольный трепетъ при мысли о предстоящемъ разсчетѣ. Кровь убитыхъ аѳанасьевцевъ взывала изъ земли, и кто бы ни мстилъ за нихъ, будь то ихъ вѣропреемники или императорскія власти, мщеніе будетъ ужаснымъ. Кровавые трофеи съ Колитты выпали изъ рукъ побѣдителей и валялись теперь на улицахъ. Обагрившіе руки свои въ крови еретиковъ спѣшили теперь тщательно вымыть ихъ. Вѣсть о смерти Констанція и о благополучномъ восшествіи на престолъ Юліана, по мѣрѣ ея распространенія по городу, сметала съ улицъ народную толпу; и патрули легіонеровъ или вооруженныхъ гражданъ, которые вскорѣ показались на всѣхъ городскихъ улицахъ, не встрѣчали болѣе никакого сопротивленія и безпорядка.

Какъ только Анней Домицій распредѣлилъ отряды войскъ по всему городу, онъ направился вмѣстѣ съ Пиладомъ во главѣ центурія солдатъ къ собору.

ГЛАВА XV.

Воскресеніе изъ мертвыхъ.

Собравшіеся въ соборѣ homoiusian'е ничего не подозрѣвали о происходившемъ въ городѣ. События иногда по опредѣленію судьбы мѣняются такъ быстро, что интересы, захватывающіе въ настоящую минуту всю жизнь, черезъ какой-нибудь часъ уже отступаютъ на задній планъ и представляются уже отжившими среди новыхъ обстоятельствъ. Въ соборѣ собралась масса вѣрующихъ, благоговѣйныхъ или любопытныхъ homoiusian'ъ, и тѣ чувства, которыя привели ихъ сюда, нисколько не остыли и подъ сводами храма. Все то, что передъ тѣмъ слышали и видѣли присутствующіе нынѣ въ соборѣ, и все то, что теперь здѣсь происходило, передъ ихъ глазами, все это подняло ихъ настроеніе до головокружительной высоты.

Главный входъ церкви велъ въ средній продольный корабль, образованный прекрасными, взятыми изъ античнаго храма колоннами, соединявшимися полудугами и поднимавшимися къ крышѣ, увѣнчанной тремя куполами. По сторонамъ корабля вверху были расположены женскіе хоры. Въ глубинѣ возвышались другіе хоры съ

алтаремъ. Передъ этимъ послѣднимъ подъ среднимъ куполомъ, гдѣ перекрещивались средній корабль съ поперечнымъ, находился придѣлъ съ двумя каѳедрами, одной для читающаго евангеліе, другой для проповѣдника. Полумракъ царилъ во всемъ этомъ обширномъ храмѣ, за исключеніемъ хоръ, чрезъ высокія окна которыхъ врывалась масса свѣта и падала прямо на катафалкъ, на которомъ покоился столпникъ. Кругомъ катафалка поднимались изъ курильницъ облака благовоннаго дыма и, заволакивая покойника, медленно исчезали въ куполѣ.

Весь мозаичный полъ собора, женскіе хоры, подножія колоннъ, оконныя ниши, выступы стѣнъ—все было занято людьми. Только хоры съ алтаремъ да мѣсто ближе къ придѣлу были свободны отъ давки. Мѣста эти назначались для священниковъ, участвовавшихъ въ церемоніи.

Невдалекѣ отъ придѣла, какъ разъ противъ каѳедры проповѣдника помѣщены были еретики, приговоренные къ смертной казни за тайное богослуженіе. Среди нихъ были мужчины и женщины, старъ и младъ, знатные граждане и бѣдные рабы. Руки ихъ были связаны сзади, а вокругъ нихъ стоялъ караулъ солдатъ.

Еретиковъ нарочно поставили такъ, чтобы они слышали обращенное къ нимъ слово проповѣдника и видѣли непосредственно того, котораго они, согласно молвѣ, отравили. Приговоръ надъ ними долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе по окончаніи богослуженія.

Всѣ взоры собравшихся были сосредоточены на этой группѣ и на лежавшемъ на катафалкѣ покойникѣ. Когда порѣдѣлъ дымъ отъ куреній и блѣдное лицо аскета представилось глазамъ правовѣрныхъ, съ его губъ казалось готовы были сорваться слова обличенья, а черты его исказились, чтобы устрашить убійцъ. Всѣ ждали чуда. Раздавался шопотъ, что Петръ хотѣлъ воззвать къ небесамъ, прося въ этотъ рѣшительный часъ чуда, какъ свидѣтельства правоты homoiusion'а и какъ средства возвращенія еретиковъ къ истинному благочестію.

Пѣніе, которымъ началось богослуженіе, смолкло. Юный причетникъ Клеменсъ прочелъ дрожащимъ голосомъ главу изъ пророка Даніила и отрывокъ изъ евангелія. Затѣмъ на каѳедру взошелъ епископъ. Онъ объяснилъ раньше всего ученіе о прощеніи, какъ оно понималось обоими главнѣйшими христіанскими партіями. Вслѣдствіе грѣхопаденія нашихъ прародителей смерть и злой духъ пріобрѣли власть надъ міромъ. Человѣчество предалось дьяволу и его ангеламъ и поклонялось имъ въ лицѣ языческихъ боговъ. Господь предвидѣлъ это въ премудрости своей при самомъ сотвореніи міра и по благости своей предопредѣлилъ человѣчеству избавителя. Эта воля Господня не была извѣстна дьяволу. Христосъ сошелъ на землю во образѣ слуги, предалъ себя смерти для того, чтобы кровной жертвой умилостивить Бога, подвергся искушенію дьявола для того, чтобы своей праведной и безгрѣшной душой искупить грѣшный родъ человѣческій. Но сошелъ Онъ на землю для того только, чтобы проповѣдывать язычникамъ избавленіе. Дьяволъ счелъ себя обманутымъ и перехитреннымъ. Онъ посягнулъ

на совершенную, праведную душу, на самого сына Божьяго. Благодаря этому Христосъ получилъ надъ нимъ власть и могъ освободить людей изъ-подъ его влiянiя. Такимъ образомъ побѣжденъ былъ дьяволъ и потомки Адама получили избавленiе.

Епископъ перешелъ къ представленiю о Христѣ. Онъ привелъ изъ посланiя апостола Павла доказательство неопровержимой справедливости homoiusion'а.

— Такимъ образомъ, происшедшее примиренiе, продолжалъ Петръ, — доступно для каждаго, но только въ лонѣ правовѣрной церкви, при посредствѣ которой лишь можно прiобщиться къ праведности Сына Божьяго. Дьяволъ теперь уже болѣе не всемогущiй князь мiра, но онъ все-таки еще могущественъ и продолжаетъ бороться противъ воплотившагося въ церкви Трiединства. И онъ берется съ упорствомъ. Священное писанiе ясно указываетъ, что царство его съ теченiемъ времени возстановится и будетъ сильнѣйшимъ, пока второе пришествiе Христово не уничтожитъ его, сотворивъ судъ надъ злыми и добрыми, правовѣрными и еретиками. Въ этой борьбѣ дьяволъ орудiемъ своимъ сдѣлаетъ человѣческiй умъ, вселивъ его въ лжепророка, который станетъ прельщать людей отпасть отъ церкви. И время это настанетъ скоро, ибо ересь съ ужасной быстротой распространяется по землѣ. Антихристъ пришелъ уже. Книга бытiя гласитъ, что падшiе сыны Божiи, злые духи, сближаются съ людскими дщерями. Антихристъ—сынъ дьявола и смертной женщины. Онъ всюду слѣдуетъ по землѣ, появляется на церковныхъ соборахъ, одѣвается въ священническое облаченiе и носитъ христiанское имя Аѳанасiя.

Шумъ одобренiя, первоначально прерывавшiй проповѣдника, смолкъ по мѣрѣ того, какъ Петръ говорилъ; голосъ его становился проникновеннымъ, краснорѣчiе настолько сильнымъ, словно онъ черпалъ блескъ молнiи и гробовой мракъ для изображенiя картины появленiя Антихриста и заблужденiй конца мiра. Слушатели были подавлены. Тысячи искаженныхъ ужасомъ, блѣдныхъ лицъ обращены были къ оратору. Его уста служили какъ бы фокусомъ тысячи взоровъ. Во время перерывовъ въ его рѣчи царило полное безмолвiе, какъ это бываетъ въ природѣ послѣ громового удара, и люди, стоявшiе тамъ внизу храма и тамъ въ полумракѣ на галлереяхъ, казались окаменѣлыми.

Клеменсъ, находившiйся вблизи проповѣдника упалъ на колѣни. Его полные слезъ глаза были обращены на связанныхъ аѳанасьевцевъ и взоры его выражали сожалѣнiе о ихъ паденiи и призывали ихъ вернуться на истинный путь.

Петръ обратился вслѣдъ затѣмъ къ присутствовавшимъ аѳанасьевцамъ. Онъ призывалъ ихъ отречься отъ дьявола и еретическаго заблужденiя, имъ внушеннаго. Онъ просилъ ихъ одуматься, такъ какъ черезъ короткое время свершится ихъ судьба, ихъ ждетъ смерть за стѣнами церкви. Онъ схватилъ песочные часы и, указывая на нихъ, уговаривалъ одуматься, пока песокъ въ нихъ не успѣетъ пересыпаться, такъ какъ послѣ будетъ уже поздно. Онъ указывалъ на существо, лежавшее на черномъ катафалкѣ передъ алтаремъ, указывалъ на него, котораго они умертвили, и его свя-

той душой, воспѣвающей нынѣ вмѣстѣ съ ангелами у престола агнца хвалу Господу и правдѣ homoiusion'а, заклиналъ ихъ обратиться къ единому истинному ученію.

Въ то время, когда онъ произносилъ эти слова, связанные по рукамъ еретики шептали другъ другу: — Мужайтесь, мужайтесь! Будьте крѣпки въ вѣрѣ! Часъ избавленія приближается.

— Не страшись, жена, шепталъ одинъ изъ этихъ мужчинъ стоявшей возлѣ него женщинѣ. — Смотри на него! Вонъ онъ стоитъ въ углу у колонны! Смотри, въ немъ нѣтъ и слѣда страха. Онъ будетъ свидѣтельствовать о нашей побѣдѣ.

Дѣйствительно, около одной изъ угловыхъ колоннъ поперечнаго корабля стоялъ человѣкъ, взоръ котораго былъ устремленъ на связанныхъ. Они тотчасъ же узнали въ немъ чужеземнаго проповѣдника, появившагося въ каменоломнѣ — Аѳанасія. Они не слышали проповѣди Петра, а прислушивались къ тѣмъ беззвучнымъ для всѣхъ прочихъ словамъ, которыя лились теперь изъ устъ Аѳанасія. Ему внимали они. И, когда Петръ уговаривалъ ихъ заявить во всеуслышаніе о своемъ переходѣ въ homoiusion, они громко отвѣчали общимъ «нѣтъ».

Это «нѣтъ» сопровождалось глухимъ ропотомъ стоявшаго въ соборѣ народа, возмущеннаго ихъ упорствомъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія Петръ сказалъ строго и со скорбью въ голосѣ:

— Господь не попуститъ хулы своего ученія. Онъ управляетъ звѣздами, онъ повелѣваетъ небомъ и землей, силы природы подвластны ему, онъ располагаетъ жизнью и смертью. Въ чудесахъ проявлялся онъ нашимъ праотцамъ, и та сила, которая воскресила сына вдовы въ Наинѣ, которая пробудила Лазаря и которая передается рукоположеніемъ апостольскимъ, нетлѣнно пребываетъ силою Духа Святого въ его церкви. Христіане, обратимся къ Господу съ мольбой о чудѣ, чтобы эти заблудшія души обратились съ пути погибели. Помолимся, чтобы я, ничтожный слуга его, сдѣлался орудіемъ проявленія его величія. Молитесь, какъ Илія, когда онъ, трижды склонившись надъ умершимъ отрокомъ, взывалъ: Господи, возврати духъ его въ тѣло! Помолимся, какъ онъ, и молитва наша, какъ и молитва Иліи, будетъ услышана!

Петръ палъ ницъ и все собраніе послѣдовало его примѣру. Въ соборѣ водворилась мертвая тишина. И приговоренные къ смерти молились — молились о томъ, чтобы мертвый возсталъ и возвѣстилъ о ихъ невинности и о невинности ихъ преслѣдуемаго вѣроученія.

Когда Петръ, наконецъ, всталъ, всѣ присутствующіе, какъ бы по знаку, подняли головы. Всѣ съ притаеннымъ дыханіемъ ждали, что произойдетъ. Священники, въ полномъ праздничномъ облаченіи, собрались вокругъ Петра и направились къ алтарю. Они расположились вокругъ катафалка. Старѣйшій пресвитеръ принесъ крестъ и поставилъ его къ ногамъ покойника. Епископъ сталъ вблизи его головы.

Съ хоръ надъ главнымъ входомъ раздалось стройное, тихое пѣніе, но поющихъ не было видно.

Петръ скрестилъ на груди руки и, казалось, молился. Послѣ того

онъ положилъ одну руку на голову покойника, другую ему на сердце, поднялъ глаза вверхъ и произнесъ:

— Всесильный Господь, прояви нынѣ всемогущество Твое во славу имени Твоего и въ подтвержденіе истинности Твоей! Всемогущій Господь, возвеличь вѣру нашу!

— Аминь, аминь! произнесли всѣ присутствующіе.

Послѣ этихъ словъ Петръ склонился надъ умершимъ и громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Во имя святой Троицы заклинаю я душу твою вновь оживить тлѣнное тѣло это, ею оставленное! Во имя святой Троицы заклинаю я духъ твой возгласить чрезъ сомкнутыя уста сіи! Во имя того, который попралъ смерть и воскресъ изъ гроба, заклинаю тебя: пробудись!

Произнеся эти слова, Петръ отступилъ на нѣсколько шаговъ. Прочіе священники разступились на обѣ стороны. Пѣніе съ хоръ прекратилось. Всѣ съ захватывающимъ духъ напряженіемъ выжидали, что произойдетъ. Между клубами дыма изъ курильницъ виднѣлось неподвижное лицо покойника. Взоры зрителей были пригвождены къ нему. Воображеніе заставляло порой видѣть на немъ кажущіеся признаки возвращавшейся жизни: движеніе бровей, шевеленіе губъ или длинной бороды, покоившейся на груди,—но при ближайшемъ взглядѣ обнаруживался обманъ зрѣнія. Онъ попрежнему лежалъ неподвижно съ застывшими чертами лица.

Могущественная смерть, казалось, не уступала горячимъ мольбамъ. Сила тлѣнія, повидимому, не хотѣла выпустить свою добычу; она слѣдовала закону, установленному съ начала вѣковъ.

Но вотъ лицо покойника передернулось, черты его исказились до того, что ужасъ обуялъ бы всѣхъ, если бы только это непроизвольное и несомнѣнное движеніе мускуловъ не служило предвѣстіемъ того, что молитва услышана, что жизнь возвращается въ окоченѣлые члены, что столь жданное чудо несетъ побѣду вѣры и истины. Дряблая кожа на его лицѣ начала то растягиваться, то складываться въ еще болѣе глубокія морщины; глаза открылись и бросали стеклянные, безжизненные и безсознательные взоры, которые, однако, быстро начинали загораться отблескомъ пробуждавшейся жизни. По всей церкви, несмотря на обильный дымъ изъ курильницъ, распространился всѣмъ знакомый запахъ горѣлаго мяса, который всѣ теперь приписывали дыханію отлетавшаго злого духа Смерти. Аскетъ замѣтно шевельнулъ руками, повернулъ головой, приподнялся и началъ оглядываться вокругъ, прикрывая руками глаза, какъ будто онъ просыпался отъ сна, и губы его начали шевелиться. Однако, не было слышно, говорилъ-ли онъ что-нибудь, такъ какъ церковь огласилась радостными криками.

Петръ подошелъ къ воскресшему и приблизилъ къ его рту ухо. Послѣ того священники подняли катафалкъ на плечи и унесли аскета въ отдѣльную для священниковъ комнату.

Петръ пригласилъ присутствующихъ воздать благодарность и хвалу Господу. Онъ опустился на колѣни, руководя молитвой всего собранія. Раздалось торжественная пѣснь о побѣдѣ Христа надъ смертью.

Когда пѣніе кончилось, Петръ возвѣстилъ о томъ, что ему шепнулъ на ухо возставшій изъ мертвыхъ: онъ ему свидѣтельствовалъ объ истинности о homoiusion'а такимъ словомъ, которое можетъ быть единожды услышано, но никогда болѣе не повторено, и которое исходило отъ трона агнца и было передано возвратившейся вновь на землю душой.

Изъ толпы связанныхъ еретиковъ раздался голосъ:—Ты лжешь. Господь накажетъ тебя!

На нихъ чудо произвело такое же глубокое, потрясающее впечатлѣніе, какъ и на homoiusion'скій народъ. Но они приписывали его *своимъ* молитвамъ и были убѣждены, что Симонъ свидѣтельствовалъ объ истинности *ихъ* вѣроученія. Они въ свою очередь перенесли на Петра все то, что онъ говорилъ объ Аѳанасіи, и нисколько не удивились, что еретикъ, исказившій слова Моисея и пророковъ, не задумался ложно передать и то, что сказалъ воскресшій изъ мертвыхъ.

Такимъ образомъ, послѣдователи Аѳанасія и никейскаго собора, связанные и приговоренные къ смерти, тѣ самые, которыхъ называли еретиками, не поддались убѣжденіямъ перейти изъ своей вѣры. Они предпочли умереть за нее. Но подобная смерть давала имъ мученическій вѣнецъ, лучшій изъ всѣхъ, достиженія котораго возможно желать и ради котораго многіе съ увлеченіемъ бросались въ объятія смерти.

Петръ, опиравшійся на справедливость господствующей церкви и на долгъ, безуспѣшно, слѣдовательно, прибѣгъ къ оружію обличенія. Оставалось одно—прибѣгнуть къ насилію. Передъ смертною казнью еретики должны были принять святое причастіе и это, для спасенія ихъ же душъ, надлежало произойти по homoiusian'скому обряду.

Протяжно и торжественно раздалось въ церкви пѣніе объ агнцѣ Божьемъ, который отпускаетъ грѣхи міра. Петръ и старѣйшій пресвитеръ пошли къ алтарю. Солдаты подводили ихъ частями, по нѣскольку человѣкъ, со связанными сзади руками. Они упирались, старались освободить себѣ руки, чтобы защищаться, и, когда это имъ не удавалось, бросались на полъ, заставляя тащить себя къ алтарю.

Приволочивъ къ алтарю, солдаты поднимали ихъ.

Когда Петръ подносилъ имъ причастіе, они сжимали губы и стискивали зубы. Каждый изъ нихъ прибѣгалъ къ этому послѣднему средству. Однако и противъ этого средства принята была мѣра, недавно изобрѣтенная, но имѣвшая уже широкое примѣненіе со времени патріарха Македонія въ Константинополѣ. Принесенъ былъ особый инструментъ, съ помощью котораго открывались рты упрямыхъ, и причастіе вводилось имъ прямо въ горло.

Первый, подвергшійся подобному насилію, какъ только онъ почувствовалъ, что губы его освободились отъ этого ужаснаго инструмента, попробовалъ было выплюнуть причастіе; когда эта попытка не удалась, онъ сталъ биться головой о каменныя плиты пола, разражаясь воплями.

Во время этой сцены не переставало раздаваться пѣніе.

Но вотъ между стоявшими на хорахъ священниками произошло какое-то движеніе. Среди нихъ показался человѣкъ, появленіе котораго поразило ихъ настолько, что они, вмѣсто того, чтобы задержать его, пропустили къ алтарю. Лицо его было овлажено слезами и, когда онъ возвысилъ голосъ, въ немъ зазвучали ноты стыда и боли.

Причастіе пріостановилось. Раньше, чѣмъ Петръ успѣлъ опомниться, Θеодоръ началъ говорить. Онъ умолялъ Петра именемъ Христа и во имя вѣры, очищающей людей, а не убивающей даже самаго послѣдняго изъ нихъ, освободить связанныхъ, и требовалъ, чтобы епископъ и все собраніе пали бы тотчасъ ницъ и взывали бы къ милосердію Бога, котораго они прогнѣвили, или онъ, Θеодоръ, обратится къ силѣ и духу Иліи и призоветъ съ небесъ огонь на ихъ головы.

Въ то время, когда онъ произносилъ эти вдохновенныя слова, въ сторонѣ поперечнаго церковнаго корабля раздался шумъ оружія и, раньше чѣмъ остолбенѣвшій Петръ успѣлъ дать знакъ, чтобы схватили дерзновеннаго проповѣдника, тревожные взоры присутствующихъ приковались къ вооруженному пиками и одѣтому въ шлемы отряду войска, который приближался къ хорамъ и окружалъ алтарь.

Во главѣ солдатъ находился проконсулъ Ахеи.

Петръ былъ въ высшей степени пораженъ тѣмъ, что онъ увидѣлъ. Онъ прервалъ богослуженіе у алтаря и пошелъ навстрѣчу Аннею Домицію.

— Ты здѣсь, сынъ мой? Чѣмъ объяснить твое столь неожиданное возвращеніе? спросилъ епископъ, блѣднѣя, но не теряя самообладанія.

— Меня принудило возвратиться то ужасное возмущеніе, которое началось здѣсь послѣ моего отъѣзда. Я спрашиваю тебя, Петръ, кто былъ зачинщикомъ всего этого?

— Ни о какомъ возмущеніи мнѣ неизвѣстно, я знаю только о наказаніи, которое сами навлекли на свои головы убійцы-еретики. Но здѣсь въ храмѣ не приличествуетъ тебѣ спрашивать, а мнѣ отвѣчать на твои вопросы. Я желалъ бы знать, по какому случаю ты здѣсь со всѣми этими? По всей вѣроятности, произошло что-нибудь необыкновенное. Не получилъ ли ты, сынъ мой, какого-нибудь распоряженія изъ Константинополя или Антіохіи?

— Да, епископъ. Но здѣсь не мѣсто для многословнаго обсужденія подобныхъ дѣлъ.

— Ты правъ. Скажи же вкратцѣ твои новости!

— Онѣ такого рода, что ихъ надо объявить одновременно тебѣ и всѣмъ здѣсь присутствующимъ. Если ты поэтому позволишь мнѣ обратиться къ народу со словами...

— Здѣсь? Нѣтъ, сынъ мой. Какъ могъ ты подумать объ этомъ? Все, что ты хочешь объявить здѣсь собранію, должно исходить изъ моихъ устъ.

— Въ такомъ случаѣ скажи присутствующимъ, что императоръ, удрученный тѣми страстями и распрями изъ-за теологическихъ воззрѣній, которыя терзаютъ нынѣ міръ, рѣшилъ потушить ярость церковной борьбы; что онъ даруетъ міру полную свободу религіи и

повелѣваетъ, дабы всякій, будь то патріархъ, епископъ, пресвитеръ или міряпинъ, если онъ вслѣдствіе теологическихъ или другихъ подобныхъ побужденій посягнетъ на кого-нибудь, подлежалъ отвѣту, какъ гнусный преступникъ. Скажи присутствующимъ, что императоръ подъ страхомъ строгой денежной пени воспрещаетъ употребленіе слова еретикъ и что ты долженъ тотчасъ же освободить этихъ связанныхъ несчастныхъ въ присутствіи проконсула Ахеи, или въ противномъ случаѣ... долженъ сказать съ сожалѣніемъ... въ противномъ случаѣ я прикажу связать тебя самого.

— Остановись, прервалъ Петръ,—то, что ты говоришь, звучитъ такъ чуждо изъ твоихъ устъ. Такъ не разговариваетъ правовѣрный со своимъ пастыремъ. Но что бы ни случилось... я допускаю даже самое худшее... въ этихъ стѣнахъ я все-таки епископъ, а ты лишь оглашенный. Такъ ступай же и стань между слушателями. Тамъ твое мѣсто. За дверьми храма сего ты проконсулъ, но не здѣсь. Твое мѣсто здѣсь позади принявшихъ крещеніе. Если императоръ объявилъ религіозную свободу, то значитъ, тотъ императоръ не Констанцій, а кто-нибудь другой. Но свобода религіи требуетъ, чтобы никакое богослуженіе не прерывалось, не осквернялась бы никакая святыня. Такимъ образомъ то, что ты хочешь объявить, можешь сдѣлать по окончаніи богослуженія. Тогда мы также увидимъ, перемѣнился ли дѣйствительно настолько міръ, что лицо, состоящее на службѣ, можетъ безнаказанно топтать ногами законъ, можетъ присвоить себѣ начальствованіе надъ императорскими войсками, на что не имѣетъ права, и освобождать заключенныхъ, которыхъ онъ самъ судилъ, нашелъ виновными и приговорилъ къ смерти.

— Теперь нѣтъ времени, Петръ, для разговоровъ, какъ ты долженъ былъ бы замѣтить, а надо дѣйствовать,- прервалъ—Анней Домицій и поспѣшилъ на скорую руку распорядиться прекратить хаосъ, который иначе грозилъ принять большіе размѣры.

Прибытіе проконсула и вооруженной силы явилось какъ бы слѣдствіемъ молитвы Өеодора. Онъ самъ былъ въ этомъ глубоко убѣжденъ и, когда руки схватившихъ его священнослужителей, желавшихъ его вывести, невольно опустились при неожиданномъ появленіи на хорахъ вооруженныхъ солдатъ, онъ простеръ къ этимъ послѣднимъ руку, указывая на нихъ, какъ на знаменіе того, что молитва его услышана и что Богъ рѣшилъ положить предѣлъ тѣмъ ужаснымъ дѣяніямъ, которыя совершались во имя его.

Среди собравшихся здѣсь homoiusian'ъ распространилась сильная тревога. Многіе изъ нихъ стояли, словно остолбенѣвъ отъ изумленія, другіе протискивались впередъ, чтобы узнать, что случилось,— что означали приходъ и вмѣшательство проконсула; наконецъ, нѣкоторые опять бросились къ Өеодору, который дерзко началъ развязывать руки еретикамъ. Легіонеры старались сдерживать напоръ толпы. Столкновеніе между ними и народной массой грозило принять кровавый исходъ. Церковь огласилась тревожными криками.

Въ эту самую минуту проконсулъ Ахеи взошелъ на хоры и потребовалъ тишины. Священники и солдаты присоединили къ этому и свои усилія, да и само любопытство толпы способствовало водворенію порядка

Когда въ церкви стало до нѣкоторой степени тихо, Анней Домицій произнесъ обычную формулу присяги, которая одна лишь была въ состояніи хоть на время заставить бурю стихнуть.

Онъ объявилъ, что императоръ Констанцій отошелъ къ праотцамъ и что его ближайшій родственникъ цезарь Юліанъ провозглашенъ сенатомъ, народомъ и легіонами императоромъ и государемъ Римской имперіи. Онъ объявилъ, что первыя слова императора были о свободѣ совѣсти, его первымъ повелѣніемъ, разосланнымъ при помощи тысячи гонцовъ во всѣ части Римской имперіи, было, чтобы каждый подданный, гражданинъ или рабъ, носящій оковы за свою вѣру, былъ бы немедленно освобожденъ, а также, что каждый, осмѣлившійся послѣ этого нарушить во имя вѣры порядокъ и частную безопасность, долженъ быть заключенъ въ кандалы и отданъ въ руки правосудія, какъ гнусный преступникъ.

Эти слова были первоначально приняты съ глубокимъ молчаніемъ, затѣмъ въ болѣе отдаленныхъ частяхъ храма, гдѣ въ общей массѣ трудно было бы отличить государственнаго преступника, раздался ревъ негодованія и неудовольствія.

Ревъ этотъ повторился, когда солдаты, по знаку Аннея Домиція, освободили связанныхъ аѳанасьевцевъ, которые, почувствовавъ себя свободными, бросились обнимать другъ друга и благодарить Бога.

— Заставь молчать твое сборище, приказалъ Анней Домицій Петру,—или я сочту тебя ихъ соучастникомъ. Развѣ такъ приносятъ присягу на вѣрность императору?

Епископъ взошелъ на проповѣдническую каѳедру, призвалъ къ тишинѣ и по случаю столь неожиданныхъ извѣстій, только что полученныхъ, произнесъ проповѣдь на тему: воздайте Божіе Богу, кесарю кесарево.

Его проповѣдь, какъ всегда, была краснорѣчива, а при настоящихъ обстоятельствахъ даже смѣла. Онъ возвысилъ душевныя качества почившаго императора и заслуги правовѣрной церкви. Онъ выразилъ сожалѣніе, что смерть отняла отъ борющагося собранія вѣрныхъ его могучій мечъ, и не поколебался предсказать, что наступающее время будетъ труднымъ, будетъ временемъ испытанія, но онъ тѣмъ не менѣе призывалъ своихъ слушателей быть твердыми въ вѣрѣ, соблюдать истинное ученіе и въ несчастіи уповать на Бога, который столь могущественно проявилъ себя сегодня воочію здѣсь на землѣ передъ присутствующими.

— Что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ проявленіемъ? спросилъ проконсулъ у стоявшихъ вблизи него, и они поспѣшили ему объяснить, что епископъ воскресилъ сегодня изъ мертвыхъ аскета.

Анней Домицій пожелалъ видѣть этого воскресшаго покойника. Евфимій объяснилъ ему, что старца только что отнесли во дворецъ епископа.

На солдатъ, сопровождавшихъ проконсула, это извѣстіе произвело глубокое впечатлѣніе, но Анней Домицій, который сомнѣвался во всемъ и въ то же время ни въ чемъ не сомнѣвался, зависимо отъ вѣяній и обстоятельствъ, совершенно не былъ теперь расположенъ признавать это чудо. Онъ рѣшилъ прямо изъ церкви посѣтить домъ епископа: чтобы посмотрѣть на воскресшаго; подроб-

ности же совершенія чуда онъ, безъ сомнѣнія, успѣетъ узнать отъ своей благочестивой Евсевіи, которая занимала почетное мѣсто тамъ на верху на хорахъ и, вѣроятно, была очень поражена неожиданнымъ появленіемъ своего Аннея въ соборѣ.

— Ба, сказалъ онъ одному изъ своихъ центуріоновъ:—Аполлоній Тіанскій и Симонъ Магъ также воскрешали мертвыхъ. Это особаго рода искусство, которое теперь продѣлывается съ большимъ успѣхомъ. Въ наши дни умереть и не быть затѣмъ воскрешеннымъ, представляется несчастливой случайностью, плохой мѣткой кости, и ничего болѣе.

Тѣмъ временемъ тотъ человѣкъ, котораго аѳанасьевцы видѣли возлѣ угловой колонны и взглядъ котораго поддерживалъ мужество осужденныхъ на смерть, протискался черезъ толпу, отдѣлявшую его отъ хоръ, и приблизился къ проконсулу. Онъ сейчасъ же привлекъ на себя вниманіе Аннея Домиція тѣмъ молчаливымъ, но замѣтнымъ изъявленіемъ почтенія, которое онъ ему оказывалъ.

Человѣкъ этотъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ проконсуломъ Ахеи и, когда вскорѣ послѣ того, окруженный своими единовѣрцами, онъ вышелъ вмѣстѣ съ Аннеемъ Домиціемъ изъ церкви, то имя, которымъ онъ назвалъ себя, пронеслось по рядамъ солдатъ и, подхваченное священниками, передалось и разнеслось въ народной толпѣ; взоры всѣхъ тотчасъ же устремились на него, и громкій гулъ голосовъ слѣдовалъ за нимъ, повторяя имя Аѳанасія.

ГЛАВА XVI.

При новомъ императорѣ.

Вечеромъ, въ день описаннаго событія, Хризанфъ получилъ собственноручное письмо отъ императора Юліана съ приложеніемъ оффиціальнаго указа народу и совѣту въ Аѳинахъ.

Особыми объявленіями, прикрѣпленными къ дверямъ храмовъ и къ пьедесталамъ статуй, аѳиняне призывались на слѣдующій день на общее собраніе для выслушанія императорскаго указа.

Пниксу, тому самому холму, на которомъ аѳинскій народъ въ дни своего величія обсуждалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, вопросы своей внутренней политики, о наградахъ и наказаніяхъ, о зрѣлищахъ и празднествахъ, — опять суждено было увидѣть народное собраніе. Нѣсколько тысячъ народа сошлись сюда въ праздничныхъ одѣяніяхъ; Анней Домицій во главѣ всѣхъ служащихъ прибылъ на мѣсто цѣлымъ торжественно-праздничнымъ шествіемъ; передъ народомъ въ честь небесныхъ силъ совершено было увѣнчаннымъ и одѣтымъ въ пурпуръ главнымъ жрецомъ жертвенное воскуреніе; принесена была присяга новому императору, послѣ чего Хризанфъ взошелъ на ораторское мѣсто Демосѳена и прочелъ посланіе Юліана къ аѳинскому народу и совѣту. Это посланіе, какъ образчикъ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію—*Петербургъ, Милліонная, 34.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію почтамта, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи не позже 1-го числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовыя бланки или марки для отвѣта.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

1) Редакція открыта для объясненій въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ исключительно по средамъ и четвергамъ, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 4 до 5 час. дня.

2) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія рукописи должны быть приложены марки.

3) Заявленія объ отдѣльныхъ оттискахъ должны быть дѣлаемы одновременно со сдачею рукописи въ редакцію.

4) За статьи безъ обозначенія гонорара таковой назначается по усмотрѣнію редакціи.

5) Уплата гонорара производится *исключительно* по напечатаніи статьи.

6) Всѣ переводныя статьи и сочиненія считаются полной собственностью редакціи.

Отъ конторы редакціи:

Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п. производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Милліонная, 34), между часомъ и четырьмя дня.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 час. до 4 час. дня.

